ISSN 2075-1613

Ученые записки

УО "ВГУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 22

ВИТЕБСК 2016

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2016 • Том 22

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 28.12.2016 г.

Редакционная коллегия:
А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, В.С. Елисеев,
А.П. Косов, О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, М.А. Можейко,
С.А. Моторов, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, И.Р. Чикалова, В.А. Космач
Редакционный совет:
София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Ященко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
В54 Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – Т. 22. – 200 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2016

Оглавление

История

Мандрик И.В. Независимая Беларусь: кризис в экономике, упадок в социальной сфере при переходе к рыночным отношениям в 1991–1995 гг. (на примере Витебской области) 5

Румянцева М.Ф. О понятиях всеобщая – всемирная – глобальная история: источниковедческий аспект 15

Корсак О.В. Взаимодействие статистических комитетов белорусских губерний с научными обществами (30-е гг. XIX в. – начало XX в.) 21

Смяховіч М.У. Спецыялізацыя сельскай гаспадаркі Беларусі ў 1953–1991 гг.: этапы, кірункі, вынікі 26

Мартынюк А.В. Между Псковом, Витебском и Нейгаузеном: забытая война на ливонском пограничье в середине XIV века. Часть 2 33

Кулинок С.В. Немецкие разведывательно-диверсионные школы на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны 39

Филимонов А.В. Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.) 45

Косов А.П. «Восточное партнерство» в оценках российского экспертного сообщества 56

Ковалец Т.Р. Узброены канфлікт запарожцаў і віцяблян у пачатку XVII ст. 61

Уваров И.Ю. Социально-экономические отношения магнатов и шляхты ВКЛ с феодально зависимым населением в XVI веке 70

Юрчак Д.В. Виталий Владимирович Курашик – первый посол Республики Беларусь в Украине: страницы биографии и дипломатическая деятельность 76

Философия

Колядко И.Н. Феномен социокультурного кризиса в современных нестабильных обществах ....., 83

Павочка С.Г. Социальный проект евразийства в контексте глобальных тенденций современности 89

Contents

History

Mandrik I.V. Independent Belarus: Crisis in Economy, Decline in Social Sphere during 1991–1995 Transition to Market Relations (Example of Vitebsk Region) 5

Rumyantseva M.F. The Concepts of General History – Universal World History – Global History: Source Studies Aspect 15

Korsak V.V. Interaction between Statistical Committees of Belarusian Provinces and Scientific Societies (the 30-ies of the XIX century – the early XX century) 21

Smiakhovich M.V. Specialization of Agricultural Economy of Belarus in 1953–1991: Stages, Directions, Results 26

Martyniouk A.V. Between Pskov, Vitebsk and Neuhausen: Forgotten War in Lithuanian Borderlands in the Middle of the 14th Century. Part 2 33

Kulinok S.V. German Intelligence and Sabotage Schools in Vitebsk Region during the Great Patriotic War 39

Filimonov A.V. Belarusians in Pskov Region (the 1920's) 45

Kosov A.P. Assessment of Eastern Partnership by Russian Expert Community 56

Kovalets T.R. Armed Conflict between Zaporozhians and Vitebsk Population in the Early XVII Century 61

Uvarov I.Y. Social and Economic Relationships of the Grand Duchy of Lithuania Magnates and Gentry with Feudal Dependent Population in the XVI century 70

Yurchak D.V Vitaly V. Kurashik – the first Ambassador of the Republic of Belarus in Ukraine: Biography Pages and Diplomatic Activities 76

Philosophy

Kolyadko I.N. The Phenomenon of Social and Cultural Crisis in Contemporary Unstable Societies 83

Pavochka S.G. The Social Project of Eurasianism in the Context of Contemporary Global Trends 89

Слемнев М.А. Социокультурная реальность: структура и факторы исторической динамики 99

Рудковский Э.И. Философские и идеологические аспекты интерпретации прошлого 106

Цыбульскі М.Л. Філасофскія ракурсы даследавання мастацтва XX стагоддзя 112

Slemnev M.A. Social and Cultural Reality: Structure and Factors of Historical Dynamics 99

Rudkovski E.I. Philosophic and Ideological Aspects of the Interpretation of the Past 106

Tsybulski M.L. Philosophic Foreshortening of the XX Century Art Study 112

Филология

Дорофеенко М.Л., Мезенко А.М. XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» 125

Виноградов И.А. Языковая репрезентация концепта НАКАЗАНИЕ 130

Чалова О.Н. Метакоммуникативный компонент в структуре институционального дискурса 135

Храбан Т.Е. Реализация стратегии коммуникативно-суггестивного воздействия в дискурсивных практиках интернет-коммуникации 141

Матвеева Т.С. Символика воды в украинском романном дискурсе второй половины XIX века 148

Статкевич Л.П. Традиция как форманта поэтической картины мира Т.С. Элиота и В.Х. Одена 156

Здольников В.В. Техническая лексика в поэтике романов Л. Леонова 162

Бароўка В.Ю. Этычныя каштоўнасці ў творах даўняй беларускай літаратуры 169

Гарнак В.У. Асветніцкая дзейнасць і лінгвістычныя назіранні Максіміліяна Восіпавіча Маркса (1816–1893) 177

Шматкова І.І. Увасабленне сусветнага літаратурнага вопыту ў творчасці Ніны Мацяш 180

Градюшко А.А. Коммуникативные стратегии районных газет в контексте дигитализации медиасистемы 185

Метлушко И.В. Специфика взаимодействия культурно-тематических доминант современного англо- и белорусскоязычного поэтического дискурса 191

Philology

Darafeyenka M.L., Mezenka H.M. XV International Scientific Conference «Onomastics of the Volga Region» 125

Vinogradov I.A. Language Representation of the Concept of PUNISHMENT 130

Chalova O.N. Meta-communicative Component in the Structure of Institutional Discourse 135

Khraban T.E. Implementation of the Communicative and Suggestive Strategy in the Discourse of the Internet Communication 141

Matvieyeva T.S. The Symbolism of Water in Ukrainian Novel Discourse of the Second Half of the XIX Century 148

Statkevych L.P. Tradition as a Formant of T.S. Eliot's and W.H. Auden's Poetic Picture of the World 156

Zdolnikov V.V. Technological Vocabulary in the Poetics of L. Leonov's Novels 162

Barouka V.Yu. Ethical Values in the Works of Ancient Belarusian Literature 169

Gornak V.V. Educational Activity and Linguistic Ideas of Maksimilian Osipovich Marks (1816–1893) 177

Shmatkova I.I. The Incarnation of the World Literary Experience in the Works of Nina Matyas 180

Hradziushka A.A. Communicative Strategies of Local Newspapers in the Context of Digitalization of Media System 185

Metlushko I.V. Combinatorial Characteristics of Cultural and Thematic Dominants of Modern British and Belarusian Poetic Discourse 191

ИСТОРИЯ

УДК 94(476)

Независимая Беларусь: кризис в экономике, упадок в социальной сфере при переходе к рыночным отношениям в 1991–1995 гг. (на примере Витебской области)

Мандрик И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В представленном исследовании рассматривается период проведения рыночных реформ в республике на этапе 1991–1995 гг. Прослежены объективные и субъективные причины нарастающих негативных тенденций в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере Витебской области в частности и республики в целом.

Цель работы – изучение, анализ и оценка происходивших событий в хозяйственном комплексе Витебщины в контексте общереспубликанского хозяйственного комплекса на первоначальном этапе перехода республики к социальной модели, построенной на рыночной экономике.

***Материал и методы.** Анализируются документы, принятые руководством Республики Беларусь, Витебским областным Советом народных депутатов и областным исполнительным комитетом, статистические сборники и материалы научных изданий, публикации в средствах массовой информации в 1990–1996 гг. Методологической базой исследования являются общенаучные и историко-системные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.*

***Результаты и их обсуждение.** Разрыв хозяйственных связей между бывшими союзными республиками, которые основывались на глубоком межрегиональном разделении труда, общей инфраструктуре, а также неподготовленность руководства республики к самостоятельности в хозяйственных вопросах в период перехода к рынку имели негативные последствия. Вместо преодоления кризиса советской эпохи, о чем было заявлено в октябре 1990 г., промышленное и сельскохозяйственное производство в республике и Витебской области до 1995 г. характеризовалось резким и значительным падением. Вследствие этого происходили уменьшение реального валового национального продукта, падение жизненного уровня абсолютного большинства населения, что перечеркнуло все социальные достижения советской власти.*

***Заключение.** Поскольку мировое историческое развитие до начала 1990-х гг. еще не имело практических навыков перехода от социалистического типа хозяйствования к рыночному, реформирование народного хозяйства в это время в республике проводилось недостаточно продуманно, непоследовательно и неэффективно.*

***Ключевые слова:** крупнейшая геополитическая катастрофа века, Содружество Независимых Государств, рыночная модель экономического развития, кризис экономики, паралич социальной сферы, национальный доход, обнищание населения.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 5–14)

Independent Belarus: Crisis in Economy, Decline in Social Sphere during 1991–1995 Transition to Market Relations (Example of Vitebsk Region)

Mandrik I.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Market reform period of 1991–1995 in Belarus is considered in the article. Objective and subjective causes of increasing negative tendencies in industry, agriculture and social sphere of Vitebsk Region and the Republic are traced.

The purpose of the article is study, analysis and assessment of the ongoing events in the economic complex of Vitebsk region in the context of the all Republican economic complex at the initial stage of the transition to the social model built on market economy.

***Material and methods.** Documents adopted by the leadership of the Republic of Belarus, Vitebsk Region Parliament and the Region Administration are analyzed, as well as statistic reports and materials of scientific research, mass media publications from 1990 to 1996. The methodological basis of the research is general scientific and historical system methods of analysis, synthesis, induction and deduction.*

***Findings and their discussion.** Distortion of economic links among former Union republics, which were based on deep interregional division of labor, common infrastructure as well as unpreparedness on the part of the Republic leadership for adequate*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: kajuga@list.ru – ivan_mandrik@mail.ru – **И.В. Мандрик**

independence in economic issues during the transition period to market, had negative consequences. Instead of overcoming the Soviet epoch crisis, which had been declared in October 1990, industrial and agricultural production in the Republic and in Vitebsk Region before 1995 was characterized by steep considerable decline. As a result decrease in real GVP took place as well as lowering of the population living standards, which annihilated all social achievements of the Soviet power.

Conclusion. *The analysis shows the following; since global historic development before 1990 hadn't had practical skills of transition from socialist type of economy to the market one, national economy development in the Republic was not well thought over, it was inefficient and inconsistent.*

Key words: *greatest geopolitical disaster of the century, Commonwealth of Independent States, market model of economic development, economy crisis, social sphere paralysis, national income, population poverty.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 5–14)

Со дня подписания Беловежского соглашения о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) исполнилось двадцать пять лет (8 декабря 2016 г.). С этого времени прекратил свое существование Союз Советских Социалистических Республик. Исчезла с политической карты мира великая держава, раскинувшаяся на огромном евразийском пространстве, с более чем 320-миллионным населением, мощным, еще недавно сравнимым с США военно-стратегическим потенциалом. Пока историки, политики, граждане бывшего единого централизованного государства находятся во власти эмоций и еще не готовы к глубоким, взвешенным, обоснованным выводам. Зарубежная историография придерживается концепции закономерности данного процесса и акцентирует внимание на неизбежности распада империй и слабости сложившейся советской социалистической системы. Отдельные ученые факторы распада СССР видят в сознательной деятельности внешних и примкнувших к ним определенных внутренних сил с целью ликвидации идеологического и геополитического конкурента на международной арене.

Безусловно, причины разрушения Советского Союза (это будет показано ниже) находятся как внутри страны, так и вне ее. Значение столь масштабного события уже частично определилось, позже оно станет более понятным. Однако уже сейчас, если говорить о последствиях распада СССР и об известных исторических фактах, можно отметить очевидное: в международных отношениях с разрушением СССР стала набирать тенденция к созданию однополярного миропорядка при ведущей роли США. Под предлогом установления «нового мирового порядка» США и их союзники, заявляя о своей исключительной роли, стали вмешиваться во внутренние дела других стран и даже вести превентивные войны.

Что касается внутренних событий в республиках, входивших в Советский Союз, то здесь многие политики и историки видят и отмечают явно просматривающийся негативный результат. Внезапное прекращение существования СССР сильно повлияло на уровень жизни населения всех 15 союзных советских республик. В каждой из них резко обострились экономические, социальные и национальные отношения. Разрыв хозяйственных связей явился при этом одной из главных причин глубокого экономического кризиса. Были нарушены многолетние связи, обеспечивающие поставки сырья и топлива, связи по кооперации и специализации, обмен сельскохозяйственной продукцией, готовыми изделиями. Межгосударственный разрыв транспортных, энергетических, трубопроводных, телекоммуникационных и других систем связи привел к исчезновению единого народнохозяйственного комплекса страны и общему упадку, который не преодолен до сих пор. В своих выступлениях Президент страны А.Г. Лукашенко, анализируя новую расстановку политических сил в мире и внутреннее положение в странах, подчеркивает часто повторяемую многими историками фразу о том, что «крушение Советского Союза действительно было крупнейшей геополитической катастрофой XX века, и оно стало настоящей драмой и для белорусского народа».

Слова Президента, разделяемые политиками, учеными России и других государств, несут глубокий смысл. События на белорусской земле в начале 1990-х гг. (и на протяжении рассматриваемого в статье периода) оказались неожиданными и губительными для большинства народа, они вызвали глубокое разочарование у населения республики. Старые идеалы были разрушены, денежные накопления граждан обесценены, массовая бедность стала восприниматься как норма. И все это происходило на фоне тяжелейшего экономического кризиса, паралича социальной сферы. Особенно резким и значительным падением производства характеризовалась функционирующая экономика Беларуси и ее регионов в первые пять лет (1991–1995 гг.). Подтверждением этому являются представленные в статье материалы, с анализом и обобщением о состоянии экономического и социального развития Витебщины как составной части общереспубликанского комплекса.

Цель работы – изучение, анализ и оценка происходивших событий в хозяйственном комплексе Витебщины в контексте общереспубликанского хозяйственного комплекса на первоначальном этапе перехода республики к социальной модели, построенной на рыночной экономике.

Материал и методы. При написании статьи основное внимание уделено анализу документов, принятых в Республике Беларусь на первоначальном этапе перехода к рыночным отношениям, их взаимосвязи с социальными принципами, ранее действующими в советской Беларуси. Изучены документы, принятые Витебским областным Советом народных депутатов и областным исполнительным комитетом в 1990–1996 годах, статистические сборники и материалы научных изданий, публикации в средствах массовых информации, в которых раскрыты результаты, характеризующие критическую ситуацию, созданную распадом СССР. Автор опирался на выступления Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, решения правительства, в которых имеется аргументация представлений о направлениях, критериях, принципах и приоритетах социально-экономического развития страны на предстоящий период с указанием прогнозируемых показателей, целевых ориентиров и мер по обеспечению их достижений.

Исследование проводилось на основе общенаучных и историко-системных методов анализа, синтеза, индукции, которые позволяют рассмотреть проблему комплексно и объективно.

Результаты и их обсуждение. Первые пять лет государственного суверенитета (1991–1995 гг.) развитие хозяйственного комплекса Республики Беларусь происходило на фоне тяжелейшего экономического кризиса на всем постсоветском пространстве. Экономика получивших независимость республик характеризовалась резким и значительным падением производства. Вследствие этого, как правило, происходило уменьшение реального валового национального продукта, росло число безработных, падал жизненный уровень абсолютного большинства населения. Налицо – глубокий системный экономический кризис производственной и социальной сферы.

История приводит немало примеров кризисных явлений, разных подходов и вариантов их разрешения. Этой проблемой занимались многие политики и экономисты. Профессор Оксфордского университета, историк Филип Кей утверждал, что первый в мировой истории кризис разразился еще в Римской империи в 88 году до нашей эры. Мнение Кея основывалось на том, что во время войны с царями Понта произошло ослабление малоазиатских денег, а поскольку Малая Азия тогда практически вся входила в состав Римской империи, это привело к финансовому кризису в целом в огромной империи. О необходимости эволюции государственного устройства, об изменениях концепций экономической и социальной практики, о справедливом распределении произведенного продукта, что может происходить лишь в бескризисном обществе, писали в своих трудах Сократ, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бекон, Ш. Фурье, А. Смит и др.

К. Маркс пришел к убеждению, что до промышленной революции конца XVIII века никаких регулярно повторяющихся бумов и депрессий не наблюдалось. Постоянно повторяющиеся кризисы являются, по мнению Маркса, неотъемлемой частью капиталистической экономики. Их причину он видел в производстве товаров сверх платежеспособного спроса.

Теоретические разработки по данной проблеме представлены в трудах многих ученых и в более позднее время. В современной научной литературе авторы указывают на то, что кризисы возникают в период спада производства, когда старая структура экономики в целом приходит в конфликт с запросами новой инновационной парадигмы, но экономическая система еще не готова для изменений. А это означает, что структурный кризис можно преодолеть только инновациями.

Исходя из изложенных событий всемирной и отечественной истории, скорее всего можно прийти к следующему системному выводу: кризисы сопровождали всю историю человеческого общества, начиная с древности, и продолжаются до сих пор. Вначале они проявлялись как кризисы недопроизводства сельскохозяйственной продукции, с середины XIX века – как нарушение равновесия между промышленным производством и платежеспособным спросом. До XX ст. экономические кризисы ограничивались пределами одной, двух или трех стран, затем стали приобретать международный характер. Первый мировой экономический кризис произошел в 1857 году. Он нанес одновременно серьезный урон хозяйственному комплексу и общественной жизни США, Германии, Англии и Франции. Руководство стран стремилось избежать кризисных явлений при их наступлении, с опорой на науку велся поиск механизмов по их преодолению и предотвращению. Как подсказывает

исторический опыт, в такой ситуации неотлагательно требуются санация в масштабах всей экономики и принятие решений на развитие потенциально прибыльных отраслей. По мнению ученых и политиков, наиболее приемлемый и оптимальный тип организации общественного устройства, который является препятствием кризисам национальных экономик, есть социальное государство. К подобному типу организации общественного устройства стремились многие страны. На рубеже третьего тысячелетия в наибольшей степени такими критериями обладают в основном европейские страны – Германия, Франция, Скандинавские государства, а также Израиль и Канада.

К государству, где постоянно наблюдались кризисные явления, а с недавних пор проводится эффективная политика, позволяющая достигать высоких темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, относится Китайская Народная Республика. В КНР успехи связаны с переходом страны к свободной рыночной экономике, основанной на частнопредпринимательской инициативе. Политическое руководство Поднебесной избрала собственный вариант реформирования с первоначальными глубокими изменениями экономической системы при сохранении коммунистического направления в развитии страны. Сегодня общественным отношениям в КНР свойственны гармонизация интересов и сотрудничество разных социальных общностей (предпринимателей и наемных работников и их объединений), обеспечение при посредничестве государства и общественных институтов их взаимодействия на основе социального партнерства и взаимоприемлемых компромиссов. Как видно, здесь созданы предпосылки для формирования устойчивого развития производства, а с ним и роста благополучия своих граждан. За короткое по историческим меркам время основная часть населения (всего в КНР по прогнозам в конце 2016 года 1 382 494 824 чел.) достигла среднего уровня зажиточности, что указывает на правильность реализуемого в этом государстве курса.

Переход к рынку в Беларуси произошел при верховенстве принятой в 1978 году Конституции и законов советского времени. Стартовый уровень социально-экономического развития для перехода к высокоэффективной экономике в республике был в это время достаточно благоприятным. За годы советской власти здесь создали огромный экономический и научно-технический потенциал, белорусская экономика была самой успешной на советском пространстве. Положительным (что с распадом СССР оказалось отрицательным) являлся профиль отечественной экономики. Это крупные машиностроительные и станкостроительные предприятия, заводы по переработке нефти. Многие из них имели заказы оборонного ведомства. По своему потенциалу Беларусь в конце 1980-х гг. не уступала Португалии, Греции, Болгарии и некоторым другим европейским странам. В годы двенадцатой пятилетки (1986–1990 гг.), несмотря на усложнившееся положение, вызванное аварией на Чернобыльской АЭС и явно обозначившиеся кризисные явления в экономике СССР, народное хозяйство республики развивалось достаточно динамично и эффективно. Среднегодовой прирост национального дохода составил за пять лет 2,9%. В БССР за четыре года этой пятилетки построили 24 новых предприятия, освоили около 700 новых видов промышленной продукции [1, с. 138, 150]. Общепризнанным является вывод, что БССР к этому времени окончательно превратилась в сборочный цех машиностроительной индустрии Советского Союза. Тысячами нитей она была связана со всем союзным народнохозяйственным комплексом, и в первую очередь с Россией. Сырье и комплектующие детали поступали в республику со всех регионов СССР. Беларусь же поставляла в союзные республики готовые к работе мощные автосамосвалы, металлорежущие станки, химические волокна, подшипники, другую продукцию *высокой потребительской стоимости*, что свидетельствовало о значительной степени интегрированности ее экономики с другими территориями. По валовому национальному продукту на душу населения Беларусь до конца 1980-х гг. вышла на среднеевропейский уровень. В 1990 году на душу населения в БССР выработали товаров народного потребления на 2,3 тыс. рублей или на 400 рублей больше, чем в целом по СССР. Производство мяса (115 кг на душу населения) и молока (727 кг) было также выше, чем во многих других республиках, и почти равным производству в США.

После объявления государственного суверенитета, начало которому положила сессия Верховного Совета БССР 27 июля 1990 г., руководство БССР заявило *о преодолении кризиса советской эпохи посредством формирования социального рыночного хозяйства*. Рассчитывали, что политическая и экономическая самостоятельность, введение рыночных механизмов хозяйствования позволят в короткие сроки добиться более высоких, чем в 12-й пятилетке, результатов в промышленном и сельскохозяйственном производстве, при этом не будет

допущено снижения показателей социальной сферы. Но прогнозы компетентных государственных чиновников не оправдались. Эйфория от независимости, свободы от центра быстро прошла. К самостоятельности в хозяйственных вопросах руководство республики оказалось не подготовленным. Экономическая среда в стране после распада СССР характеризовалась бурными дезинтеграционными процессами. Произошли разрыв производственно-экономических связей и разрушение технологической последовательности создания важнейших видов продукции. Сохранить хозяйственные связи между бывшими республиками, которые основывались на глубоком межрегиональном разделении труда, общей инфраструктуре, сложившихся традициях и образе жизни населения, не удалось. Воспользовавшись трудностями и накапливающимися противоречиями экономического и национального характера, сепаратистски настроенные элементы в прибалтийских и среднеазиатских республиках стали подталкивать свои и союзные правительственные структуры к разъединению, обособлению, предвещая народу тем самым повышение жизненного уровня. Последствия распада союзного государства были весьма трагичными. Все страны бывшего единого государства оказались в глубоком экономическом и политическом кризисе. Социально-экономическое развитие Беларуси вместо преодоления кризиса советской эпохи, о чем было заявлено в октябре 1990 г., стало резко ухудшаться. Уже со следующего 1991 года промышленное и сельскохозяйственное производство пошло на спад, что привело к резкому снижению доходов населения. Объем промышленной продукции республики (в сопоставимых ценах) снизился с 91,8 до 89,9 млрд рублей [2, с. 179]. Экономическое положение страны существенно ухудшилось в связи с резким уменьшением объемов производства по тем видам продукции, от экспорта которой можно было получить необходимую валюту. Не удалось удержаться на достигнутом ранее уровне и по выпуску потребительских видов продукции для населения. Подтверждение этому – такие же неутешительные итоги перехода к рынку для народнохозяйственного комплекса Витебской области. В плане социально-экономического развития данного региона на 1991 г., который утвердили на сессии областного Совета народных депутатов, указывалось на необходимость проведения перестройки структур и функций органов управления таким образом, чтобы они предстали в новом качестве и были способны осуществить управление экономикой и социальной сферой области, городов, районов в условиях рыночной экономики. Всем хозяйственным органам независимо от ведомственной принадлежности доводились планы по выпуску продукции с опережающим ростом к предыдущему 1990 г. Для выработки и предварительного рассмотрения проектов документов, связанных с переходом на рыночные отношения, при областном Совете народных депутатов создали координирующую группу. Членам группы поручили совместно с отделами и управлениями облисполкома доработать основные положения концепции перехода области на рыночные отношения [3, с. 1–2]. Однако при подведении итогов оказалось, что производственная сфера, от которой в первую очередь зависят зарплата, быт людей, в 1991 г. стала деградировать. Выпуск промышленной продукции первого «рыночного» 1991 года в сопоставимых ценах относительно 1990 года уменьшился на 3,5%. 49 производственных предприятий (27,4% к общему числу) недодали продукции на 872,8 млн рублей. Значительно меньше выпустили станков с числовым программным управлением; машин и оборудования для животноводства и кормопроизводства; автомобильного бензина, дизельного топлива, нефтебитума, волокон и нитей химических, пиломатериалов, древесноволокнистых плит, известняковой и доломитовой муки, бумаги и других изделий. Производство товаров народного потребления продовольственной группы снизилось в целом на 8,2%, животного масла – на 13%, мяса – на 16%. Уменьшился выпуск продукции и непродовольственных товаров: телевизоров – на 4%, радиоприемников – на 11%, тканей – на 14%, чулочно-носочных изделий – на 11%, ковров и ковровых изделий – на 31%. На 12% сократились перевозки грузов транспортом общего назначения. На Витебском отделении железной дороги заметно снизился грузо- и пассажиропоток [4, с. 2].

Значительно меньше получили в этот год зерна (на 27%), производство мяса сократилось на 14%. Сложная ситуация сложилась с кормовой базой для скота (было заготовлено меньше потребностей), произошло сокращение поголовья крупного скота, а также свиней, овец и коз. Население недополучило разных изделий на 423,4 млн рублей, из-за чего на потребительском рынке возник острый дефицит. Общая нестабильность и ожидаемое повышение цен в связи с объявленной их либерализацией вызвали ажиотажный спрос на все виды продовольствия и товаров для быта. Что касается цен на товары и услуги, они, как отмечалось тогда в народе,

«сходили с ума» [5, с. 3]. В декабре 1991 года по сравнению с этим же месяцем предыдущего года на товары народного потребления цены выросли в 2 с лишним раза, в том числе на продукты питания – в 2,6 раза, а на хлеб, хлебобулочные и кондитерские изделия – почти в 3 раза, на рыбу – в 5 раз. На традиционный белорусский сельскохозяйственный продукт – картофель – более чем в 5 раз! На непродуктовые товары – в 2,2 раза.

Из-за высоких цен на бытовые услуги для населения произошел существенный отток заказчиков. Объем реализации платных услуг сократился в 1991 году почти на 10%. Вызывали тревогу другие отрасли хозяйственного комплекса области. Уменьшился объем подрядных работ в строительстве. Так, в стройтресте № 9 снижение составило 10,8%, в стройтресте № 16 – 6,9%, а в строительном тресте № 18 – более 18%. Правда, и в это тяжелое время строители перекрыли задание по освоению капитальных вложений, направленных на ликвидацию чернобыльской катастрофы. Для переселенцев из загрязненной зоны было введено в эксплуатацию 101,4 тысячи квадратных метров жилья, или на 23% больше годового задания. Введение жилья за счет всех источников финансирования выросло на 22,3 тысячи квадратных метров, в эксплуатацию сдали 9 тысяч квартир. Как бы по инерции, с небольшим снижением от уровня 1990 года, строительные организации справились с возведением объектов социального назначения. Они ввели в эксплуатацию общеобразовательных школ на 3480 ученических мест, дошкольных учреждений – на 1434 места, клубов и домов культуры – на 1400 мест, амбулаторно-поликлинических учреждений – на 998 посещений в смену.

В 1992 г. положение в экономике области не улучшилось. Статистическое управление региона констатировало, что характерной чертой развития народного хозяйства в этом году явилась его неравномерность: короткие периоды определенного улучшения ситуации сменялись нарастанием сложностей. Рыночные отношения, как их оценили аналитики, набирали обороты, развивался негосударственный сектор экономики, однако спад производства в отраслях был слишком высоким. Из-за резкого повышения цен на энергоресурсы (на одну тонну нефти, например, цена возросла почти в 800 раз) область оказалась в катастрофическом состоянии. Запасов топлива на теплоэлектростанциях области хватало не более чем на 3–5 дней. Спад производства в промышленности составил 10,6%, а в химической – 50%. Оптовые цены предприятий по сравнению с предыдущим годом увеличились в 30,6 раза. Цены на товары народного потребления и платные услуги населению возросли в 13 раз. В наибольшей степени это ощущалось на рынке продовольственных товаров. Только за декабрь 1992 года цены на муку возросли на 47,4%, на хлеб и хлебобулочные изделия – на 52,1%, мясо и птицу – на 79,2%, масло животное – на 98,6%, на топленое сало и другие жиры – на 157,2%. Высокое напряжение наблюдалось в связи с нестабильным обеспечением населения продовольствием. Объемы поставок мяса и птицы за счет государственных ресурсов уменьшились в течение года на 23%, молочных продуктов – на 8%. Сокращение производства в сельскохозяйственном и промышленном секторах, галопирующий рост цен привели к уменьшению реализации продовольствия и товаров повседневного спроса. Продажа рыбы за этот год снизилась на 36%, маргариновой продукции – на 37%, картофеля, овощей, цитрусовых – в 2 раза, фруктов – в 3 раза. Реализация населению тканей, чулочно-носочных изделий, одежды, белья сократилась вдвое, трикотажных изделий, кожаной обуви, телевизоров – на одну треть.

Нежелательным фактором стало появление безработных. Из трудовой сферы было исключено значительное число рабочих, инженерно-технических работников, а также большая часть тех, кто только должны были влиться в трудовую деятельность. Для решения вопроса занятости в государственных структурах создали специальные службы (занятости). К ним в этом году в области по поводу трудоустройства обратились 24,5 тысячи человек [6, с. 2–3].

«Штормило» экономику области и в последующих 1993–1995 годах. В 1993 году в хозяйственном комплексе наблюдались нестабильность денежного оборота, несвоевременность в расчетах между товаропроизводителями. Почти в два раза (с 63 в 1992 г. до 116 за 11 месяцев 1993 г.) увеличилось количество убыточных предприятий, потери от работы которых возросли десятикратно. Из-за сложностей в обеспечении производства импортным сырьем и материалами и резким их подорожанием 103 предприятия или 51,5% их общей численности снизили выпуск продукции: ими не произведено продукции на 229,3 миллиарда рублей. На 17% ниже прошлого года освоено капитальных вложений. Оптовые цены предприятий на промышленную продукцию в декабре 1993 г. против декабря 1992 г. выросли в 22 раза, на товары народного потребления в этом году по отношению к 1991 году цены увеличились в 566 раз, на услуги –

в 505 раз. На 11–12% в течение года сократилось производство продовольственных товаров. Упала реализация отдельных видов продовольственных и непродовольственных товаров: рыбной продукции население области приобрело в 1993 году на 40% меньше, чем в прошлом, крупы – на 17, сыров – на 14, колбасных изделий – на 13, мяса птицы – на 7%. В то же время более чем на 20% возросла продажа алкогольных напитков (без учета пива). На уровне 1992 года осталась реализация цельномолочной продукции, на 40% возросла продажа фруктов. Недостаточное предложение и высокие цены сдерживали продажу населению непродовольственных товаров: реализация холодильников сократилась на 40%, телевизоров – на 39, радиоприемных устройств – на 9%. Объем реализации платных услуг населению в сопоставимых ценах за этот год уменьшился на 30%, бытовых услуг – на 35%. Итоговые показатели 1993 года в обобщенном виде можно выразить так: нижней точки социально-экономического развития область еще не достигла [7, с. 2–3].

В дальнейшем экономические показатели области также имели тенденцию к спаду. Объем производства в 1994 году в сопоставимых ценах упал против предыдущего 1993 года на 21%. Число предприятий, которые сократили выпуск продукции, возросло до 117 (57%). Из-за недопоставок сырья производство минеральных удобрений сократилось на 14%, химических волокон и нитей – на 10%. Выпуск технически сложной продукции (станков с цифровым программным управлением, станков высокой и особо высокой сложности) упал в этом году более чем на 60%, швейных промышленных машин – на 31%. Товаров народного потребления по сравнению с предыдущим годом выпущено меньше на 17%, в том числе продовольственных – на 15%, непродовольственных – на 21%. Объем инвестиций в капитальном строительстве сократился на 28%, темпы строительства жилья – на 9% [8, с. 5–6].

Не принесли удовлетворения экономические показатели производственных отраслей и в 1995 году. Народное хозяйство северного региона республики испытывало влияние дефицита финансовых и кредитных ресурсов, роста цен, инфляции, кризиса платежей. Как и ранее, продолжался спад во всех производственных отраслях. Допустили снижение выпуска продукции в течение этого года уже 156 предприятий (66% от общего числа). Производство товаров народного потребления сократилось на 31%. Более чем наполовину уменьшился выпуск хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, трикотажных, чулочно-носочных и ковровых изделий. Производство обуви сократилось на 33%. Значительно уменьшились услуги бытового характера для населения по: изготовлению обуви – на 81%, пошиву одежды и вязке трикотажных изделий – на 48%, производству мебели – на 37%. Потери рабочего времени в промышленности увеличились за год в 1,7 раза и составили 16,2% табельного фонда. Более 50% потерь связано с недостатком средств для приобретения материальных ресурсов, 20% – с трудностями со сбытом продукции, 17% – с отсутствием сырья и материалов. Более 10 тысяч работников предприятий в декабре 1995 года по инициативе нанимателей было отправлено в отпуск без сохранения или с частичным сохранением заработной платы.

Произошло (примерно на 5%) снижение производства валовой продукции сельского хозяйства. Уменьшилось производство основных продуктов питания: колбасных изделий, животного масла, муки, крупы – на 15–21%, цельномолочной продукции, хлеба и хлебобулочных изделий – на 46%. Строительно-монтажные организации сократили по отношению к предыдущему году подрядные работы на 24%, ввод жилья – на 49%. На 22% меньше прошлогоднего перевезено грузов транспортом общего пользования. Железнодорожные перевозки сократились на 5%, автомобильные – на 31%. Основной источник денежных доходов населения – среднемесячная заработная плата рабочих, служащих и колхозников – имел в этом году по сравнению с предыдущим приращение в 7,6 раза. Но потребительские цены на товары и услуги опережали ее рост: потребительские цены увеличились в этом году по сравнению с 1994 годом в 8,1 раза. В декабре 1995 года средняя заработная плата на предприятиях и в организациях области достигла 920,9 рублей. Более обеспеченной профессиональной группой трудящихся оказались в это время банковские работники, низкооплачиваемой – работники здравоохранения, образования, культуры, от которых в наибольшей степени зависело физическое и духовное состояние общества [9, с. 127, 128]. При этом выплачивалась зарплата на предприятиях области с нарушением сроков. Просроченная задолженность по заработной плате на 26 января 1996 года составляла более 149 миллиардов рублей. Свыше 26% от этой суммы пришлось на промышленные предприятия, 39 – на колхозы, 21 – на совхозы, 10% – на строительные организации. За декабрь 1995 года заработная плата не выплачена 161 тысяче работников, за два месяца и более не полу-

чали вознаграждение за труд 123 тысячи трудящихся Витебщины. Задержка с выплатой зарплаты вела к тому, что ее рост почти полностью ликвидировался денежной инфляцией.

Разрыв экономических связей после распада СССР, существенное снижение во всех отраслях производства и инфляция, просчеты предыдущего этапа преобразования привели народное хозяйство области за эти пять лет к глубокому экономическому кризису. Как отмечалось в докладе первого заместителя председателя облисполкома Петра Дроздова на расширенном заседании облисполкома (проходило в середине февраля 1996 г.), некоторые предприятия Витебщины в 1995 году выпускали продукции лишь 7–15% от уровня 1990 года [10, с. 2–7]. Примерно такое же положение наблюдалось в других областях страны (в отдельных оно было еще более сложным).

Разрушение сложившегося ранее экономического единства республик, резкий рост стоимости нефти и природного газа, поставляемых из России, стали главными причинами того, что, в сравнении с советским периодом, белорусские промышленные и сельскохозяйственные предприятия резко снизили эффективность своей работы. Упали основные экономические показатели республики в целом: валовой внутренний продукт сократился на 38%; продукция промышленности за 1991–1995 годы – на 41%, продукция сельского хозяйства – на 27%, объем капитальных вложений – на 60%. Удельный вес убыточных предприятий возрос (за это время) почти на 20% [11, с. 166]. Особенно резко и заметно ускорилось падение производства на предприятиях сборочного и конечного циклов, в наукоемких и трудоемких отраслях. К 1995 году в станкостроении, машиностроении, тракторостроении падение производства составило до двух третей. Интенсивно снижалось производство других видов промышленной продукции и продукции, предназначенной для удовлетворения личных интересов населения. Тяжелое положение сложилось на потребительском рынке. Населению республики выдавались так называемые визитные карточки потребителя для приобретения промышленных товаров и талоны – для продуктов питания. Спад промышленного и сельскохозяйственного производства негативно отразился на работе транспортного конвейера. Объем перевозок грузов всеми видами транспорта в 1995 году по сравнению с 1990 г. уменьшился с 1127,5 млн тонн до 398,3 млн тонн. Ведущий вид транспорта республики – железнодорожный, работающий до этого времени в напряженном и бесперебойном ритме, – снизил перевозки грузов на 74,4 млн тонн, или более чем на 38%.

В сельском хозяйстве также наблюдался спад производства – с 1990 по 1995 год существенно сократилась численность занятых в колхозах и совхозах (с 602 тыс. чел. до 499 тыс. чел. в колхозах; с 313 тыс. до 182 тыс. чел. в совхозах). Состояние дел в колхозах и совхозах усложнялось тем, что наряду с сокращением занятых в них работников происходило ухудшение материально-технической базы. Для пополнения производства техникой отсутствовали финансовые средства. В 1995 году сельскохозяйственные предприятия республики приобрели лишь 401 трактор (для сравнения – в 1990 г. приобретено 9085 тракторов). Еще большие провалы в пополнении колхозов и совхозов основными фондами производства имелись по автомобилям, комбайнам, жаткам и т.д. [12, с. 355]. Производство сельскохозяйственной продукции снизилось более чем в два раза. Производство мяса в 1995 году составило 380,3 тыс. тонн против 889,1 тыс. тонн в 1990 г. Огромные потери наблюдались в производстве масла, сахара, других продуктов [10, с. 318, 319, 330–335].

Спад в производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, свободное ценообразование нарушили систему социальной поддержки и гарантий для населения. Резко снизился прежний (приемлемый) советский жизненный уровень населения. До 1994 года заработная плата в стране выросла не более чем в 2 раза, а розничные цены на товары народного потребления и платные услуги – примерно в 10–15 раз (!) [13, с. 416]. Тяжелой потерей для населения стало обесценивание денежных сбережений. О гиперинфляции свидетельствует и тот факт, что с 15 июля 1993 г. по 7 декабря 1994 г. курс национальной валюты в отношении к доллару США уменьшился в 43 раза. При этом белорусы стали жить в 5–10 раз хуже, чем раньше.

Заключение. С обретением независимости в Республике Беларусь начался трудный поиск оптимального варианта национальной модели экономического развития. Поскольку мировое историческое развитие до начала 1990-х гг. еще не имело практических навыков перехода от социалистического типа хозяйствования к рыночному, формирование рыночных механизмов в экономике страны оказалось новым неизведанным делом. Реформирование народного хозяйства в это время проводилось недостаточно продуманно, непосле-

довательно и неэффективно. Экономика в совершенно новых для себя условиях оказалась в глубоком кризисе: произошли резкое падение производства, рост инфляции, снижение прибыли и, соответственно, налоговых поступлений, что существенно сказалось на всех составляющих уровня жизни населения.

Определяя объективные и субъективные причины глубоких кризисных явлений в Витебской области в контексте хозяйственного комплекса республики в первой половине 1990-х гг., на первое место следует поставить распад СССР и создание «аморфного» СНГ. Разрушение сложившегося на советском этапе целостного экономического пространства нанесло серьезный удар по экономике республики, стало основным фактором кризиса экономики и резкого снижения уровня благосостояния населения страны. Особенно сложно и с огромными потерями процесс перехода к рыночным отношениям осуществлялся на этапе 1991–1995 годов, когда шло создание основных рыночных структур, норм правовых документов, происходило превращение системы планового (на уровне тотального) государственного руководства экономикой в либеральную модель, которая опиралась на рыночные механизмы. Социально-экономическое развитие Витебщины в частности и республики в целом на этом этапе – убедительное доказательство, что рынок как механизм хозяйствования немилосерден. Начальный этап его функционирования, как правило, сопровождается такими негативными явлениями, как банкротство предприятий, безработица, усиление дифференциации населения по уровню доходов, социальному положению. Поэтому прогнозы республиканских управленческих структур поднять материальное состояние населения страны с обретением независимости не могли воплотиться в реальность, поскольку заявители не учли простого правила: социальная политика органично вплетена в систему взаимосвязей экономической политики, поэтому сформировать сильную социальную политику при экономической слабости государства, тем более когда оно находится в кризисе, невозможно.

Белорусское государство с переходом к рыночным отношениям стало менее социальным, чем оно было до 1990 года. Экономика страны на этом этапе была не в состоянии обеспечить конституционные социальные гарантии населения, так как в государстве не создавалось необходимого блага для удовлетворения потребностей человека, отвечающего его желаниям.

Пострадало экономически активное население, занятое в реальном секторе. Большинству уже было недоступно приобретение таких необходимых товаров, как холодильники, телевизоры, мебель и др. Количество людей, чьи доходы составляли 60% и ниже минимального потребительского бюджета, в 1995 г. достигло 63% населения страны. Нарастали другие социальные проблемы. До 20% экономически активного населения Беларуси оказалось безработным. Программа перехода к рынку с целью становления новой модели социально-экономического развития не имела научно выверенных механизмов экономических и социальных преобразований. Обвальное разрушение экономики и социальной сферы, омертвление коллоссальных производительных сил вызывали глубокое разочарование и апатию в обществе. Такое положение являлось не только следствием ошибок, допущенных руководством республики, оно объяснялось сложностью перехода на новую для страны систему экономических и общественных отношений. В этой связи отметим, что 1991–1995 гг. в Беларуси были самым сложными в ее современной истории. Но в сравнении с другими государствами, ранее входившими в СССР (Россией, Киргизией, Грузией, Молдовой и др.), этот период в нашей стране проходил мягче, без серьезных волнений и забастовок.

Официальная статистика называет 1995 г. последним годом спада производства. В 1996 году 1-м Всебелорусским народным собранием были утверждены «Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы», а также разработана Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2010 г. Главным содержанием экономической политики стало создание социально ориентированной рыночной экономики при активном регулировании этого процесса государством. В 1996 году в Витебской области в частности и республике в целом отмечалось небольшое оживление экономики, в 1997 г. – определенный ее подъем, а в последующие годы – стабилизация [14, с. 258]. Страна выходила из кризиса, социальная экономика формировалась с учетом сложившихся новых исторических условий и восприятия белорусским обществом рыночных механизмов. На приоритетное место в государстве выдвигалась забота о человеке. Однако утрата устойчивости процесса динамичного развития экономики, существенный спад показателей, характеризующих социальное положение населения на завершении первого

десятилетия нового века, свидетельствуют, что белорусскую экономическую модель развития не следует абсолютизировать. На протяжении всех изучаемых лет национальная модель оставалась в зоне проблем. Причем наряду с внешними в республике имелись и внутренние факторы, отрицательно влияющие на ее стабильное развитие. На 5-м Всебелорусском народном собрании 22–23 июня 2016 года Президент А.Г. Лукашенко в выступлении отметил, что прошлая пятилетка оказалась не такой успешной, как планировалось, Беларусь пока отстает от передовых стран по экономической эффективности [15, с. 4]. На собрании приняли программу социально-экономического развития на 2016–2020 гг., в которой дали посыл всем органам власти и управления, профсоюзам, другим общественным институтам, бизнесу, науке о том курсе, по которому будет следовать страна. Думается, что белорусское общество вполне способно выполнить основные положения программы. Для этого необходимы мобилизация и консолидация всех его составляющих (специалистов различных отраслей, рабочих, крестьян, ученых, экономистов, менеджеров, социологов (не исключая нестандартно мыслящих людей из оппозиции), овладение в ускоренном темпе передовыми технологиями и эффективной системой производственных отношений.

Литература

1. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г.: стат. ежегодник. – Минск, 1989.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1991 г.: стат. сб. – Минск, 1993.
3. Аб плане эканамічнага і сацыяльнага развіцця Віцебскай вобласці на 1991 год: рашэнне абласнога Савета народных дэпутатаў // Віцебскі рабочы. – 1991. – 21 лют.
4. Вытворчасць, скочванне ўніз: да вынікаў работы народнагаспадарчага комплексу Віцебшчыны за 1991 год // Віцебскі рабочы. – 1992. – 29 лют.
5. Гандаль, паслугі: цэны вар'яцеюць: да вынікаў работы народнагаспадарчага комплексу Віцебшчыны за 1991 год // Віцебскі рабочы. – 1992. – 3 сак.
6. Хістанне ўправа, улева, уверх і ўніз: сацыяльна-эканамічнае становішча вобласці ў 1992 годзе (паведамленне абласнога ўпраўлення статыстыкі) // Віцебскі рабочы. – 1993. – 11 лют.
7. Ніжняя кропка яшчэ наперадзе: сацыяльна-эканамічнае становішча вобласці ў 1993 годзе (паведамленне абласнога ўпраўлення статыстыкі) // Віцебскі рабочы. – 1994. – 9 лют.
8. Пакуль існуем. А як будзем далей? Сацыяльна-эканамічнае становішча вобласці ў 1994 годзе (паведамленне абласнога ўпраўлення статыстыкі) // Віцебскі рабочы. – 1995. – 11 лют.
9. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2001.
10. Народное хозяйство Витебской области в 1995 году: стат. ежегодник / Витебское областное управление статистики. – Витебск, 1996.
11. Труд и занятость в Республике Беларусь. – Минск, 2002.
12. Народное хозяйство Республики Беларусь. – Минск, 1995.
13. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапаможнік: у 2 ч. / Я.К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – Ч. 2: Люты 1917–2000 гг.
14. Абрамаў, І.М. Тэндэнцыі развіцця эканомікі / І.М. Абрамаў // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск, 2000.
15. Лукашенко, А.Г. Сила в движении: стенограмма доклада Президента Респ. Беларусь на 5-м Всебелорусском народном собрании 22 июня 2016 г. / А.Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 23 чэрв.

Поступила в редакцию 16.09.2016 г.

УДК 930.1

О понятиях всеобщая – всемирная – глобальная история: источниковедческий аспект

Румянцева М.Ф.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия)

В XX столетии процесс глобализации выявил недостаточность европоцентричной «всеобщей истории» и стимулировал поиск методов выхода за ее пределы и реализации проектов «всемирной истории»/«глобальной истории».

Цель статьи – эксплицировать теоретические ограничения реализации проекта «всемирной»/«глобальной» истории и предложить методологию компаративного источниковедения как подход к ее конструированию.

***Материал и методы.** В работе дан анализ понятий «всеобщая история», «всемирная история», «глобальная история» в современной исторической науке; в контексте теории исторического процесса проанализированы границы понятия «всеобщая история». Методологическую основу исследования составляет феноменологическая концепция источниковедения.*

***Результаты и их обсуждение.** Обоснованы границы «всеобщей истории», территориально охватывающей «духовную Европу» (термин Э. Гуссерля), хронологически – период от рубежа VII–VI вв. до н.э. до середины XX в. Соответственно поставлен под сомнение проект «экстенсивного» расширения «всеобщей истории» до «всемирной»/«глобальной» истории за счет преодоления европоцентризма. Продемонстрированы возможности построения «глобальной истории» на основе компаративного источниковедения – метода сравнительно-исторического исследования, базирующегося на осмыслении основной классификационной единицы источниковедения – вида исторических источников как репрезентации форм социальной деятельности, совокупность которых составляет историю общества. В основе метода – неоклассическая феноменологическая концепция источниковедения, концептуально восходящая к русской версии неокантианства, акцентировавшего внимание на эмпирическом объекте исторического познания – историческом источнике. Развитие представлений об объекте от исторического источника к системе видов исторических источников и к универсальному понятию «эмпирическая реальность исторического мира» (О.М. Медушевская) позволило предложить метод конструирования «глобальной истории».*

***Заключение.** Построение «всемирной»/«глобальной» истории возможно в неклассической и постнеклассической моделях науки как нарратив, подчиненный воле историка, в неоклассической модели науки – как компаративное исследование, опирающееся на экспликацию структуры глобального эмпирического объекта – эмпирической реальности исторического мира.*

***Ключевые слова:** всеобщая история, всемирная история, глобальная история, исторический нарратив, сравнительно-историческое исследование, неоклассическая модель науки, русская версия неокантианства, компаративное источниковедение.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 15–20)

The Concepts of General History – Universal World History – Global History: Source Studies Aspect

Rumyantseva M.F.

National Research University «Higher School of Economics», Moscow (Russia)

In the XX century the process of globalization has revealed the insufficiency of the Eurocentric General History and stimulated the search for methods going beyond its limits and implementation of the projects Universal World History/Global History.

The aim of the study is to explicitate theoretical limits of the project Universal World History/Global History and to propose a methodology of comparative study as the approach to its design.

***Material and methods.** The study is based on the analysis of the concepts of General History, Universal World History, Global History in the contemporary science of history; within the context of the theory of historical process boundaries of the concept of General History are analyzed. The methodological basis of research is the phenomenological concept of source study.*

***Findings and their discussion.** Boundaries of General History are justified, which geographically covers the «spiritual Europe» (Husserl's term), and chronological period from the turn of VII–VI centuries BC to the mid XX century. Respectively the project of extensive expansion of General History to Universal World/Global History by overcoming Eurocentrism has been questioned. Possibilities are presented of shaping Global History on the basis of comparative source studies, the method of historical research based on a theoretical understanding that the main unit of classification of sources – genus of historical sources – represents the forms of social human activity – the history of society. The method is based on neo-classical phenomenological concept of source*

Адрес для корреспонденции: e-mail: mf-r@yandex.ru – **М.Ф. Румянцева**

studies, which conceptually stretches back to the Russian version of neo-Kantianism, the specificity of which was special attention to the empirical object of historical knowledge – historical source. The development of ideas about the object from a historical source to the system of types of historical sources and then – to the universal concept of «empirical reality of the historical world» (O.M. Medushevskaya) allowed to propose on this basis a method of constructing Global History.

Conclusion. *The construction of Universal World/Global History is possible in nonclassical and postnonclassical models of science as narrative, dependent on to the will of the historian, while in the neoclassical model of science – as a comparative study, based on the explication of the structure of global empirical object, empirical reality of the historical world.*

Key words: *General History, Universal World History, Global History, historical narrative, comparative historical research, neoclassical model of science, Russian version of neo-Kantianism, comparative source study.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 15–20)

В последнее время, с начала XXI в., наряду с давно привычным понятием «всеобщая история» все чаще звучит понятие «всемирная история». Достаточно упомянуть проведенную в сентябре 2016 г. Институтом *всеобщей истории* РАН масштабную международную конференцию «*Всемирная история* и новые вызовы исторической науки: национальные, транснациональные и интернациональные подходы» (http://igh.ru/events/the-world-history-and-new-challenges-of-historical-science-national-transnational-and-international-approaches?locale=ru). Набирает популярность проект «глобальной истории». Не претендуя на анализ этой тенденции с полномасштабным привлечением методологии одного из актуальных направлений современной интеллектуальной истории – *истории понятий*, отметим – на уровне здравого смысла – формирование новых терминов не может не фиксировать новые явления в историческом познании. Другое дело, каковы причины и, что еще более существенно, какова глубина этих трансформаций?

Цель статьи – эксплицировать теоретические ограничения реализации проекта «всемирной»/«глобальной» истории и одновременно предложить методологию компаративного источниковедения как один из возможных подходов к ее конструированию.

Материал и методы. В работе реализуются три подхода с привлечением соответствующего им материала. Во-первых, дан анализ понятий «всеобщая история», «всемирная история», «глобальная история», как они представлены в изданном в 2014 г. и переизданном в 2016 г. Институтом всеобщей истории РАН терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки», в котором, на наш взгляд, зафиксирована актуальная интерпретация этих понятий.

Во-вторых, в контексте теории исторического процесса проанализированы границы понятия «всеобщая история» с привлечением классических научных трудов по теории истории – от Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса–Ф. Энгельса, Э. Гуссерля и К. Ясперса до Ф. Фукуямы, Ю.М. Лотмана, П. Хаттона и П. Нора.

В-третьих, методологическую основу работы составляет феноменологическая концепция источниковедения, восходящая к русской версии неокантианства и в настоящее время развиваемая Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru [1].

Результаты и их обсуждение. В упомянутом выше терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» вместо статьи «Всемирная история» (а это понятие в словаре зафиксировано) содержится лишь отсылка к статье «Всеобщая история» [2, с. 57–65], которая определяется, в первую очередь, как «историописание особого типа, которое качественно отличается от повествований об истории отдельных народов и имеет своим предметом общий ход (исторический процесс) развития человечества, для которого характерны закономерности, проявляющиеся в истории всех народов» [2, с. 57]. Правда, в самой статье предпринята попытка развести использование этих терминов в советской и российской постсоветской историографии: автор отмечает, что в советской историографии и практике преподавания истории «всеобщая история» – это часть всемирной истории «за вычетом истории народов СССР», а в постсоветской – «понятие “всеобщей истории” чаще всего употребляется применительно к истории зарубежных стран, в отличие от понятия “всемирная история”, которое относится к истории всего мира в целом, включая Россию...» Кризис проекта традиционной «всеобщей истории» автор словарной статьи связывает с критикой на протяжении XX в. европоцентризма и возникновением на рубеже XX–XXI вв. «“новой мировой истории” и глобальной истории, опирающихся на принцип целостности с учетом различий и многообразия» [2, с. 63]. В том же терминологическом словаре «глобальная история» определяется как «направление исторической науки, возникшее в конце XX в. как ответ на вызов процесса глобализации, из-за неудовлетворенности традиционной “всеобщей историей” и стремления преодолеть ограниченную практику национально-государственной истории» [2, с. 80–82].

Мы видим, что становление и понятия «всемирная история», и понятия «глобальная история» связывается с выходом за пределы национально-государственной истории и преодолением европоцентризма. Согласимся скорее со вторым, чем с первым: если в условиях глобализации европоцентричная «всеобщая история» явно перестает отвечать потребностям социума, то «национально-государственная история» выступает практически как синоним понятия «отечественная история» [см.: 2, с. 350] и является *социально ориентированным историописанием*, обеспечивающим, в первую очередь, формирование идентичности [подробнее см.: 3, с. 525–559]. Такое разделение «всеобщей» и «отечественной истории» закреплено, главным образом, в практике преподавания истории (что, на наш взгляд, оправдано, особенно в средней школе), но также оно законсервировано и в практике присвоения ученых степеней высшей квалификации – это различение ВАК, причем строгое, специальностей 07.00.02 – «отечественная история» и 07.00.03 – «всеобщая история», что, по нашему мнению, явный анахронизм и создает ненужные проблемы, в частности при изучении истории постсоветского пространства.

Представляется, что подходы, зафиксированные в терминологическом словаре, изданном ИВИ РАН (а мы не можем не признать авторитета этого издания), говорят скорее об ощущении недостаточности традиционной «всеобщей истории», не отвечающей на вызовы глобализации, и о поиске новых подходов, чем о четком понимании содержания понятий «всемирная история» и «глобальная история».

Итак, стремление, преодолевая европоцентризм, раздвинуть пространство «всеобщей истории» до истории «всемирной»/«глобальной» очевидно. Но где границы традиционной «всеобщей истории»? Не определив их, невозможно за них выйти. В настоящей работе мы рассматриваем понятие «всеобщая история» и, соответственно, вопрос о возможности реализации проектов «всемирной истории» и/или «глобальной истории» только с одного ракурса – *источниковедческого*. При этом принципиально важно подчеркнуть, что в основе нашего анализа, как уже было отмечено выше, – *феноменологическая концепция источниковедения*, специфика которой в акцентировании внимания на эмпирической основе исторического познания. И именно этот фактор определяет ее принадлежность к *неоклассической модели науки*.

Но начнем с актуализации теории исторического процесса Э. Гуссерля, компактно изложенной в прочитанном им в Вене в 1935 г. и опубликованном в виде статьи только в 1954 г. докладе «Кризис европейского человечества и философия» [4]. Концепция ученого весьма радикальна по содержанию: знаменитый немецкий феноменолог распространяет понятие «история» («исторический процесс») в пространстве исключительно на так называемую «духовную Европу» (Западная Европа и Соединенные Штаты Америки как ее порождение), а во времени – начинает с рубежа VII–VI вв. до н.э., со времени возникновения философии в Древней Греции, и констатирует ее кризис в 30-е гг. XX в., что и явствует из названия доклада. Можно было бы воспринять некоторые размышления Э. Гуссерля даже как экстремистские (например: «...если человек, и даже папуас, представляет собой новую по сравнению с животными ступень одушевленности, то философский разум [свойственный, по мнению ученого, исключительно европейскому человечеству. – *М.Р.*] является новой ступенью человечества и его разума» [4, с. 119]), но в защиту Э. Гуссерля следует подчеркнуть, что весь пафос его доклада нацелен на критику именно «европейского человечества» и его «философского разума».

Конечно, можно было бы квалифицировать эту концепцию, явно маргинальную по отношению к основному направлению философских усилий Э. Гуссерля, как интеллектуальный казус, расценить ее как некую «шутку гения», если бы эти построения не вписывались совершенно органично в интеллектуальный ряд: с одной стороны, Г.В.Ф. Гегель, разделивший народы на «исторические» и «неисторические» [5, с. 126–127 и след.], и даже К. Маркс–Ф. Энгельс, рассматривавшие «всю историю <...> как историю борьбы классов» (Манифест коммунистической партии), т.е. фактически, как и Гегель, привязавшие ее к периоду существования государства, и далее – концепция «конца истории» (Френсис Фукуяма, 1989); с другой стороны, К. Ясперс с его теорией «осевого времени» [6], и уже в конце XX в. – такие разные, принадлежащие к различным национальным традициям исторического познания авторы, как француз П. Нора, англичанин П. Хаттон и советский культуролог Ю.М. Лотман, которые определяют границы истории через проблему социальной памяти. П. Нора пишет о «деколонизации <...> малых народов, <...> кто обладал сильным капиталом памяти и слабым капиталом истории» [7, с. 18]. П. Хаттон разделяет память-повторение (традиционная) и память-воспоминание (историческая) [8, с. 23 и след.]. Для избранного нами источниковедческого ракурса рассмотрения проблемы в концепции П. Хаттона важен акцент на смене типов/«технологий» коммуникации, обслу-

живавших разные типы социальной памяти. И хотя П. Хаттон осторожно замечает: «было бы преувеличением сказать, что отсчет истории связан с появлением письменности...», – далее он констатирует: «...до возникновения рукописной культуры знание о прошлом передавалось, главным образом, через устные традиции, которые постоянно обновляли прошлое в соответствии с обстоятельствами настоящего <...> Рукописная культура <...> оказала мощное содействие экстериоризации коллективной памяти <...> сообщения о прошлом, представленные в письменном тексте, становились мнемоническими местами, неподвижными симулякрами, бывшими в состоянии, тем не менее, воодушевлять отдельные воспоминания, которые нам и пришлось называть историей» [8, с. 24–25]. Отметим также, что П. Хаттон четко выделяет внутри письменной культуры возникновение книгопечатания как фактор перехода от средневековья к новому времени и, – что принципиально важно, – появление «электронной культуры» как фактор, если и не предопределивший «конец истории», то существенно трансформировавший ее основы: компьютерные технологии, по мнению П. Хаттона, кардинально видоизменяют связь между *памятью* и *историей*, за счет легкости экспликации многочисленных контекстов они разрушают «связь между особыми мнемоническими местами и отдельными воспоминаниями», а это, в свою очередь, ведет к тому, что «историки сегодня говорят не столько о пробуждении прошлого, сколько об использовании его» [8, с. 26].

Но наибольший интерес для рассмотрения проблемы «всеобщей истории» представляет построение Ю.М. Лотмана, которые разделил народы по типу социальной памяти на *письменные* (*исторические*) и *бесписьменные* (*традиционные*) [9]. Ученый характеризует исторический тип социальной памяти как казуальный по содержанию и в силу этого – письменный по механизму фиксации и утверждает: «Для письменного сознания характерно внимание к причинно-следственным связям и результативности действий <...> С этим же связано и обостренное внимание к времени и, как следствие, возникновение представления об истории. Можно сказать, что *история – один из побочных результатов возникновения письменности* [выделено нами. – *М.Р.*]» [9, с. 346].

Если выстроенная выше интеллектуальная традиция от Г.В.Ф. Гегеля до П. Нора, П. Хаттона и Ю.М. Лотмана не убеждает, то добавим еще два, причем трудно оспоримых, аргумента – из педагогической и исследовательской практики. Всем хорошо известно, что рамки дисциплины «всеобщая история» в средней школе, да и во многом в вузе, и хронологически, и территориально совпадают с границами истории, обозначенными наиболее радикальной из упомянутых выше концепций – Э. Гуссерля. Правда, в системе высшего исторического образования к «всеобщей истории» в этом понимании были постепенно добавлены такие дисциплины, как «История стран Азии и Африки» и, что абсолютно соответствует концепции К. Ясперса, – «История стран Центральной и Юго-Восточной Европы», что, на наш взгляд, скорее подтверждает, чем опровергает границы истории/«всеобщей истории». С другой стороны, – источниковедческий аргумент: классическая формула Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «история пишется по документам» хотя и подверглась критике представителями Школы «Анналов», но опровергнута так и не была: история ведь действительно пишется по документам/*письменным историческим источникам*. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в научно-справочный аппарат любого исторического исследования.

Итак, если принять концепцию Э. Гуссерля и ее теоретико-исторический контекст в качестве отправной точки рассуждений о понятии «всеобщая история» и возможности расширения ее рамок до понятий «всемирная история»/«глобальная история», то мы неизбежно логически придем к промежуточному выводу: «всемирная»/«глобальная» история невозможна, поскольку история как наука описывает/интерпретирует/репрезентирует (воспользуемся здесь терминологией предложенной Ф.Р. Анкерсмитом модели смены «словарей» исторической науки [10, с. 213–258]) историю как процесс; соответственно, применительно к тем локусам, где исторический процесс как таковой не разворачивался, неприменимы и описание/интерпретация/репрезентация истории.

Или все-таки применимы? Вероятно, что «всемирная история» если и возможна, то, в первую очередь, как глобальный нарратив. Нарратив может рассматриваться как «соединение дескрипции и объяснения» [11, с. 222], может – как способ «интерпретации значения исторических явлений» [10, с. 217–223]. Но при любом подходе невозможно не согласиться с тем, что нарратив неверифицируем (Х. Уайт, П. Вен, Ф.Р. Анкерсмит и др.). Вполне очевидно, что выстраивание «всемирной истории» в русле нарративной логики историописания консервирует в историческом познании неклассическую модель науки, уже давно, как минимум с 60-х годов XX в., не отвечающую потребностям соци-

ума. Соответственно трудно не солидаризироваться с размышлением А. Мегилла (в связи с проблемой фрагментации научного исторического знания): «Каждые несколько лет выдвигаются предложения того или другого нового синтеза. Давайте, однако, быть начеку, все призывы к синтезу – это *попытка навязать интерпретацию* [выделено нами. – *М.Р.*]» [11, с. 256–257].

Свой вариант решения проблемы «всемирной истории», но уже с позиций *неоклассической науки*, предлагает упомянутая выше *феноменологическая концепция источниковедения*, прошедшая в течение XX в. путь от структурной составляющей методологии истории, через конституирование дисциплинарного статуса (с конца 1930-х – в 1950-е гг.), к оформлению в самостоятельное научное направление (в последние десятилетия XX в.).

Отправная точка расхождения неклассической и неоклассической моделей исторической науки – концептуальные различия баденского и русского неокантианства: если баденцы сосредоточились исключительно на проблеме логики исторического построения (именно различием логики построения понятий, а не объекта изучения объясняли В. Виндельбанд и Г. Риккерт различия наук о природе как номотетических и наук о культуре как идиографических [см.: 12]), то русские неокантианцы, и в первую очередь основоположник русской версии неокантианства А.И. Введенский, автор трактата «О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» [13], сосредоточили внимание на обосновании эмпирического объекта гуманитарного познания. А.С. Лаппо-Данилевский выделил в структуре методологии истории самостоятельную часть – методологию источниковедения, обосновав понятие исторического источника в качестве эмпирического объекта исторического познания [14, с. 19–395]. Но если в точке начала расхождения неклассической и неоклассической моделей источниковедения эмпирический объект исторической науки – исторический источник понимался как «реализованный продукт человеческой психики...» [15, с. 38], а историческое построение вполне подчинялось логике нарратива (несмотря на усилия А.С. Лаппо-Данилевского по созданию оригинальной концепции в этой области [15, с. 395–542]), дальнейшее развитие концепции шло по линии усложнения представлений об объекте: от исторического источника к системе видов исторических источников, целостно репрезентирующей определенную социокультурную общность, и к универсальному понятию «эмпирическая реальность исторического мира», обоснованному О.М. Медушевской в работах, опубликованных в 2008 г. [15; 16].

Именно наличие исторического источника в качестве самостоятельного объекта изучения способствовало конституированию источниковедения как дисциплины (субдисциплины) исторической науки [о понятии дисциплины/субдисциплины см.: 2, с. 93–94], а обоснование в качестве объекта источниковедения системы видов исторических источников позволило рассматривать его как самостоятельное научное направление, т.е. особый ракурс изучения исторической реальности [2, с. 311–312], что и легитимирует претензию источниковедения на оригинальный вариант выстраивания «всемирной»/«глобальной» истории.

Расхождение неклассической и неоклассической привело к тому, что в начале XXI в. О.М. Медушевская сочла возможным противопоставить нарративную логику историописания, рефлексия которой и была осуществлена в Баденской школе неокантианства, концепции истории как строгой науке, имеющей в основе концепцию источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского [16, с. 15–16]. Мы, вслед за О.М. Медушевской (правда, не во всем с ней соглашаясь), противопоставляем нарративной логике выстраивания «всемирной истории» логику сравнительно-исторического исследования, строгий, эмпирически фундированный метод которого предлагает *компаративное источниковедение*, базирующееся на теоретическом осмыслении положения, что основная классификационная единица источниковедения – вид исторических источников – репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной деятельности человека, совокупность которых составляет историю общества [2, с. 226].

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что построение «всемирной»/«глобальной» истории, если вообще возможно, то возможно – в *неклассической и постнеклассической моделях науки* – как нарратив, подчиненный воле историка (оставим за границами рассмотрения степень вольности этой воли, равно как и факторы ее «дисциплинирования <...> и возвышения <...> до субъективной свободы» – Г.В.Ф. Гегель), но и – в *неоклассической модели науки* – как компаративное исследование, опирающееся на экспликацию структуры глобального эмпирического объекта – эмпирической реальности исторического мира. Дополнительные возможности в рамках источниковедческой концепции создают визуальный и «вещный» повороты в историческом познании, позво-

ляющие/заставляющие вовлечь в рассмотрение визуальные и вещественные источники, имеющие более универсальный характер, нежели письменные, имманентно связанные с историческим типом культуры и, соответственно, понятием «всеобщей истории».

Литература

1. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А.А. Бондаренко [и др.]; Науч.-пед. школа источниковедения. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], cop 2010–2016. – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/, свободный. – Дата доступа: 23.11.2016.
2. Теория и методология исторической науки: терминол. словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аквилон, 2016. – 543 с.
3. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский [и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
4. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия // Э. Гуссерль. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. – С. 101–126.
5. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель; пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 479 с.
6. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель // К. Ясперс. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – С. 27–286.
7. Нора, П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти / П. Нора // Франция–память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
8. Хаттон, П. История как искусство памяти: пер. с англ. / П. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 423 с.
9. Лотман, Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера / Ю.М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – С. 344–356.
10. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 492 с.
11. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
12. Риккерт, Г. Философия истории // Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 129–204.
13. Введенский, А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики / А.И. Введенский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. – 119 с.
14. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2 т. / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 2. – 631 с.
15. Медушевская, О.М. Эмпирическая реальность исторического мира / О.М. Медушевская // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX Междунар. науч. конф., Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2008. – С. 24–34.
16. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 357 с.

Поступила в редакцию 28.11.2016 г.

УДК 94(476)«18/19»

Взаимодействие статистических комитетов белорусских губерний с научными обществами (30-е гг. XIX в. – начало XX в.)

Корсак О.В.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье раскрывается взаимодействие статистических комитетов Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний с научными обществами, а также с губернскими статистическими комитетами (ГСК). Рассматриваются направления, причины и результаты сотрудничества.

Цель – показать влияние взаимодействия с научными обществами и губернскими статистическими комитетами на работу статистических комитетов белорусских губерний.

Материал и методы. *При написании статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция). Источники исследования представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами МВД, протоколами заседаний, отчетами о деятельности комитетов, официальной перепиской).*

Результаты и их обсуждение. *Акцентируется внимание на основных направлениях взаимодействия статистического комитета белорусских губерний с научными обществами, среди которых участие в выставках и съездах, обмен изданиями, сбор и предоставление сведений, помощь членам научных обществ в проведении исследований в пределах губернии. Показывается сотрудничество по каждому из отмеченных направлений с такими научными обществами, как Археологическая комиссия, Московское археологическое общество, Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и др. Кроме того, раскрывается взаимодействие статистических комитетов между собой в рамках обмена изданиями, публикации совместных трудов и участия в съездах.*

Заключение. *Результатом взаимодействия статистических комитетов белорусских губерний с научными обществами стало формирование тематики и направленности деятельности комитетов по археологическому, историческому и этнографическому изучению края. Сотрудничество между ГСК позволило использовать опыт других комитетов в своей деятельности.*

Ключевые слова: *статистические комитеты белорусских губерний, научное общество, взаимодействие, сотрудничество, съезд.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 21–25)

Interaction between Statistical Committees of Belarusian Provinces and Scientific Societies (the 30-ies of the XIX century – the early XX century)

Korsak V.V.

Belarusian State University

The article is devoted to the interaction of the statistical committees of Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev provinces with scientific societies, as well as with the Provincial Statistical Committees (PSC). It shows the directions, causes and results of cooperation.

The purpose of this article is to show the effect of the interaction between scientific societies and PSC on the activities of statistical committees of Belarusian provinces.

Material and methods. *The article is based on the principles of scientific research historicism, objectivity and consistency, as well as scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction). The sources of the research are presented by legislation and office materials like circulars, minutes of meetings, reports of the committees, official correspondence.*

Findings and their discussions. *The article focuses on the main areas of cooperation of statistical committees of Belarusian provinces with scientific societies, including the participation in exhibitions and congresses, exchange of publications, collecting and providing information, assistance to members of scientific societies in the research within the province. It shows the partnership for each of the marked areas with scientific societies such as the Archaeological Commission, the Moscow Archaeological Society, the Russian Geographical Society, the Society of Naturalists, Anthropology and Ethnography, and others. Moreover, it discloses interaction between statistical committees within the framework of the exchange of editions, publication of joint papers and participation in congresses.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: nikqa@mail.ru – **О.В. Корсак**

Conclusion. *The result of interaction of statistical committees of Belarusian provinces with scientific societies was shaping subjects and activities of the Committees on the archaeological, historical and ethnographic study of the region. The cooperation between PSC allowed to use the experience of other committees in their activities.*

Key words: *statistical committees of Belarusian provinces, scientific society, interaction, cooperation, congress.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 21–25)

В 1835 г. на территории белорусских губерний Российской империи были созданы губернские статистические комитеты (ГСК), главной обязанностью которых являлся сбор по установленным формам статистических сведений для Министерства внутренних дел. Помимо выполнения этих функций, комитеты принимали участие в выставках и съездах, организуемых различными научными обществами, издавали труды, а также формировали фонды музеев и библиотек. В рамках данной деятельности статистические комитеты (СК) белорусских губерний тесно сотрудничали с научными обществами (Археологической комиссией, Московским археологическим обществом, Русским географическим обществом и др.), которые инициировали проведение краеведческих исследований членами комитетов через привлечение их к выполнению своих научных задач.

Проблема взаимодействия СК белорусских губерний с научными обществами на сегодняшний день для отечественной историографии остается малоизученной. Данная тематика косвенно затрагивалась в работах, посвященных развитию археологических и краеведческих исследований на белорусских землях (Л.В. Алексеев, В.С. Вергей, А.А. Добриан, В.И. Какареко, Г.А. Кохановский). В российской историографии вопрос о сотрудничестве комитетов с научными обществами раскрывался в рамках диссертационных исследований (В.А. Бердинских, С.В. Лебедев), освещающих деятельность различных ГСК.

Цель – показать влияние взаимодействия с научными обществами и ГСК на работу статистических комитетов белорусских губерний.

Материал и методы. При написании статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция). Источники исследования представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами МВД, протоколами заседаний, отчетами о деятельности ГСК, официальной перепиской).

Результаты и их обсуждение. Статистические комитеты белорусских губерний были образованы в 30-е гг. XIX в., однако по ряду причин (отсутствие финансирования, опыта организации статистических работ и т.д.) активную деятельность стали осуществлять только после реорганизации в 60-е гг. XIX в. Отметим, что в XIX столетии к статистическим работам относили и исследования по археологии, истории и этнографии края. В связи с этим подчеркивалось, что комитеты должны носить административно-ученый характер. Это подразумевало не только осуществление работ по сбору официальных сведений для правительства, но и подготовку научных трудов. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что Центральный статистический комитет МВД занимался контролированием и руководством статистических трудов комитетов [1, с. 45, 64]. Выполнение же заданий, связанных с разработкой исторических, этнографических и других сведений, происходило путем привлечения комитетов к помощи в сборе информации для научных обществ. При этом следует учитывать и человеческий фактор: уровень развития данного направления деятельности зависел от инициативы и научных интересов секретаря и членов комитета.

В состав ГСК на правах членов входили местные ученые и краеведы, научные интересы которых способствовали осуществлению различных направлений деятельности комитетов. Следует отметить, что зачастую члены СК белорусских губерний являлись и членами научных обществ. Данное обстоятельство содействовало развитию археологических, исторических и этнографических исследований по изучению края. Так, членами Русского географического общества были А.М. Сементовский (секретарь Витебского СК), А.П. Сапунов (действительный член и секретарь Витебского СК), Н.Я. Дубенский (секретарь Могилевского СК), И.П. Горн (действительный член Виленского СК), Д.И. Довгялло (действительный член Виленского СК), членами Вольного экономического общества – А.М. Сементовский, Н.Я. Дубенский. Членами Московского археологического общества являлись М.Ф. Кусцинский (действительный член Витебского СК), А.М. Сементовский, А.П. Сапунов, Е.Е. Романов (действительный член Витебского и Могилевского СК). Кроме того, действительный член Витебского СК Н.Я. Никифоровский представлял Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском универси-

тете, действительный член Виленского СК П.С. Матулянис являлся секретарем Виленского отдела российского общества рыбоводства и рыболовства, член этого же комитета А.А. Адамович – председателем Виленского медицинского общества и т.д.

Сотрудничество статистических комитетов белорусских губерний с научными обществами и различными организациями осуществлялось по таким направлениям, как участие в выставках и съездах, обмен изданиями, сбор и предоставление сведений, помощь членам научных обществ в проведении исследований в пределах губернии. Кроме того, комитеты обменивались опытом между собой, а также оказывали помощь различным учреждениям и ведомствам в предоставлении данных. Так, СК белорусских губерний сотрудничали с офицерами Генерального штаба, которые занимались составлением военно-статистических описаний края.

Как отмечалось ранее, комитеты, с одной стороны, являлись местом сосредоточения статистических сведений о губернии, с другой – в круг их обязанностей входило изучение края в разных аспектах (историческом, топографическом, этнографическом и т.д.). В связи с тем, что секретарь представлял единственную штатную единицу и выполнял всю работу по комитету, а участие членов в работах носило эпизодический характер, тематика и направленность исследований по изучению края формировались главным образом благодаря научным обществам, которые делали запросы, а также приглашали комитеты к сотрудничеству в рамках выставок и съездов. Кроме того, с помощью взаимодействия комитетами был собран и накоплен материал, который пополнил фонды музеев и библиотек при комитетах. СК белорусских губерний наиболее тесно сотрудничали с обществами гуманитарного профиля, в задачи которых входило изучение истории, этнографии, археологии. Среди таких научных обществ можно выделить Русское географическое общество, Московское археологическое общество, Археологическую комиссию и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Русское географическое общество одним из первых стало распространять вопросные листы в уездах с помощью ГСК и собирать через комитеты этнографические и лингвистические сведения. Например, в 1867 г. СК белорусских губерний помогали РГО в сборе сведений о народных юридических обычаях [2, л. 9 об.]. В 1902 г. Виленским СК были собраны и представлены в песенную комиссию общества сорок восемь ведомостей с информацией о песнях из тех мест, где они сохранились [3, с. 11]. Сотрудничество с РГО продолжалось на протяжении всего периода существования комитетов. Кроме того, взаимодействие выражалось в пересылке изданий комитетов и в оказании помощи при проведении членами общества экспедиций на территории губерний.

Сотрудничество комитетов с Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете проходило в форме принятия участия в выставках, организуемых обществом. Так, СК белорусских губерний активно посылали на выставки собранный в пределах губернии этнографический материал, а также отправляли членов комитетов в командировки на данные мероприятия. Например, по результатам первой этнографической выставки 1867 г. Витебский и Могилевский СК были удостоены благодарности, а члены – медалей [4, с. 12–13; 5, л. 107]. Кроме того, по просьбе ОЛЕАЭ ГСК отправляли по экземпляру своих изданий и «Губернских ведомостей» в библиотеку общества.

Взаимодействие с Археологической комиссией выражалось в сборе сведений о памятниках древности, переписке по поводу найденных кладов монет и других археологических предметов. Кроме того, комиссия передавала в дар музеям при комитетах монеты и предметы древности, обнаруженные на территории губернии.

СК белорусских губерний участвовали в археологических съездах, организуемых Московским археологическим обществом (МАО), собирали сведения об археологических памятниках, размещенных на территории губернии, наносили соответствующую информацию на карты, а также обменивались изданиями. Например, в 1865 г. Витебский СК отправил в МАО журнал заседания, годовой отчет за 1864 г. и неофициальную часть «Губернских ведомостей», редактором которой являлся секретарь комитета и член общества А.М. Сементовский [6, с. 82].

Помимо взаимодействия с вышеотмеченными обществами СК белорусских губерний собирали для Вольного экономического общества необходимые сведения, а также помогали членам данного общества, командированным в край. Сотрудничество с Русским техническим обществом происходило по линии принятия участия в выставках, а также благодаря помощи при сборе сведений. Российское общество рыболовства и рыбоводства рассылало с помощью СК белорусских губерний программы и информацию о предстоящих выставках [7, л. 1–6]. Для Главной физической обсерватории комитеты сообщали метеорологические данные (при

наличии условий для проведения наблюдений) [8, л. 1] и т.д.

Следует отметить, что в СК белорусских губерний поступало много запросов о предоставлении сведений от организационных комитетов различных выставок и съездов. Как отмечалось ранее, связано это было с тем, что комитеты, с одной стороны, являлись единственными органами в губернии, отвечающими за сбор и хранение статистических сведений, с другой – комитеты представляли собой своеобразные научные центры губернии. Например, в 1864 г. комитет Всероссийской выставки сельскохозяйственных произведений просил выслать данные о количестве фабрик и заводов в губернии, сведения о развитии различных отраслей сельской промышленности [9, л. 7]. Комиссия по устройству Всероссийской мануфактурной выставки в 1870 г. обращалась в комитеты с просьбой о распространении объявления и правил выставки [10, л. 1]. Для Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. СК белорусских губерний собирали по вопросным листам через городскую и уездную полицию сведения о развитии фабрично-заводской промышленности, а затем проверяли полученные данные [11, л. 5–9]. В 1912 г. ГСК проводили аналогичную работу для организационного комитета распорядительного бюро по устройству Международной выставки применения электричества к железным дорогам [12, с. 5] и т.д.

Взаимодействие СК белорусских губерний между собой и с комитетами по всей стране выражалось в обмене изданиями и протоколами, а также в принятии участия в съездах и публикации совместных трудов.

Опыт обмена изданиями и протоколами между комитетами возник в 60-е гг. XIX в. после реорганизации деятельности ГСК по «Положению» 1860 г. В частности, инициатива исходила от Курского СК, который в 1861 г. предложил обмениваться протоколами между комитетами. Далее произошло обсуждение этой идеи на заседаниях ГСК по всей империи, на которых была высказана мысль о необходимости пересылки печатной продукции между комитетами для обмена идеями [13, л. 8–8 об.]. Обмен трудами позволил СК белорусских губерний не только использовать опыт других комитетов в своей деятельности, но и сформировать библиотеки [1, с. 186].

В 1870 г. с целью определения правильных способов сбора статистических данных по инициативе Центрального статистического комитета в Санкт-Петербурге с 22 мая по 10 июня был проведен первый (и единственный) съезд секретарей губернских и областных статистических комитетов.

Следует отметить, что идея проведения статистического съезда возникла в начале 60-х гг. XIX в. среди ГСК. Так, в марте 1869 г. был проведен региональный съезд секретарей Виленского, Витебского, Гродненского, Ковенского, Минского и Могилевского СК в Вильно. Итогом съезда стала разработка программы для составления статистического описания края, которая включала составление шести карт (этнографической, административного деления губернии, путей сообщения, богослужебных зданий, торговли и промышленности, учебных заведений) [14, л. 6–8].

Программа Первого Русского статистического съезда содержала вопросы, касающиеся проведения однодневной переписи населения (подготовительные работы, результаты), сбора и разработки данных о движении населения, количестве земель и урожая, фабрик и заводов, ярмарок и базаров, а также организации деятельности губернских и областных статистических комитетов (издание «Памятных книжек», устройство комитетов) [15, с. 44–46].

Официальные заседания съезда проходили в зале консерватории русского музыкального общества, частные вечерние собрания, на которых рассматривались вопросы повестки на следующий день, – в залах ЦСК. На съезде присутствовало 74 человека, среди которых директор и служащие Центрального статистического комитета, 46 секретарей и 4 члена губернских, областных и городских статистических комитетов. От СК белорусских губерний в съезде принимали участие секретари А.М. Сементовский (Витебский), П.В. Занцевич (Минский), П.А. Орлов (Гродненский), А.А. Потехин (Могилевский). Виленский СК представлял П.И. Небольсин – член комиссии по крестьянским делам и губернского комитета общества попечительного о тюрьмах [15, с. 26].

По итогам съезда был издан сборник в двух частях. С инициативой подобной публикации выступил секретарь Витебского СК А.М. Сементовский, который затем подготовил первый выпуск. Сборник включал исторический, статистический и этнографический отделы. Основную часть издания составили работы А.М. Сементовского: в связи с тем, что многие секретари, поддержав идею публикации, после не предоставили материал. Вторым выпуском занимался секретарь Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гациский. Следует отметить, что А.М. Сементовскому принадлежит составление и публикация Адрес-календаря

Виленского генерал-губернаторства на 1868 г., который включал данные по шести губерниям (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской).

Также следует отметить, что СК белорусских губерний сотрудничали с офицерами Генерального штаба, проводившими исследования на территории губерний. Взаимодействие началось с конца 50-х гг. XIX в. с помощи офицеров при составлении списков населенных мест. Согласно циркуляру МВД от 2 июня 1859 г. № 116, ГСК обязаны были оказывать помощь офицерам Генерального штаба при выполнении военно-статистических работ. Подчеркивалось, что все статистические данные по гражданскому и военному ведомствам должны были сосредотачиваться в комитетах. Кроме того, офицеры, проводившие исследования на территории губернии, входили в состав комитетов на правах непременных членов. Они могли участвовать во всех заседаниях, а также имели право голоса. Данное решение должно было позволить комитетам использовать в своих работах материал (в особенности картографический), находящийся в распоряжении офицеров [16, с. 102–105]. В частности, в 60-е гг. XIX в. Генеральным штабом для изучения Витебской губернии был командирован В.А. Ваховский, который стал действительным членом Витебского СК. В 1866 г. в Виленский СК поступило распоряжение МВД об оказании помощи офицерам Генерального штаба, командированным в Виленский военный округ для составления военно-статистического описания губернии и военного обозрения всего округа. В связи с этим в 1869 г. комитет отправил в штаб Виленского военного округа двадцать три таблицы, необходимые для составления военно-статистического описания края [9, л. 10 об.].

Заключение. Таким образом, функционирование статистических комитетов белорусских губерний как учреждений, носивших административно-ученый характер, подразумевало взаимодействие с различными научными обществами, учреждениями и между собой. Статистические комитеты белорусских губерний наиболее тесно сотрудничали с Русским географическим обществом, Московским археологическим обществом, Археологической комиссией, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Взаимодействие осуществлялось по таким направлениям, как участие в выставках и съездах, обмен изданиями, сбор и предоставление сведений, помощь членам научных обществ в проведении исследований в пределах губернии. Результатом сотрудничества стало формирование тематики и направленности деятельности комитетов по археологическому, историческому и этнографическому изучению края. Кроме того, обмен изданиями между ГСК позволил использовать опыт других комитетов и сформировать библиотеки.

Литература

1. Бердинских, В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 528 с.
2. Литовский государственный исторический архив (далее ЛГИА). – Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 9 об.
3. Отчет о состоянии и занятиях Виленского губернского статистического комитета за 1902 год. – Вильна: Губернская типография, 1903. – 18 с.
4. Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1867 год. – Витебск: в Типографии Губернского правления, 1868. – 18 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 2187. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 107.
6. Извлечение из протоколов общества. № 11 / Древности. Труды Московского археологического общества. – Т. 1. – М.: Типография Грачева и К°, 1865–1867. – С. 82.
7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее НИАБ в г. Гродно). – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 365. – Л. 1–6.
8. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 570. – Л. 1.
9. ЛГИА. – Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 468. – Л. 7, 10 об.
10. НИАБ. – Ф. 2502. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 1.
11. НИАБ. – Ф. 2502. – Оп. 1. – Д. 333. – Л. 5–9.
12. Отчет Могилевского губернского статистического комитета за 1912 год. – Могилев на Днепре: Губернская типография, 1913. – 8 с.
13. НИАБ. – Ф. 2502. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 8–8 об.
14. НИАБ. – Ф. 2187. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 6–8.
15. Сборник в память Первого Русского статистического съезда 1870 г.: Вып. 2 / изд. Нижегородским статистическим комитетом, под ред. действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского. – Нижний Новгород: типография Нижегородского губернского правления, 1875. – 734 с.
16. Об участии офицеров Генерального штаба в трудах Губернских статистических комитетов // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1858, 1859, 1860 и 1861 годы / собрал и издал с разрешения министра внутр. дел Д. Чудовский. – СПб., 1873. – 551 с. – С. 102–105.

Поступила в редакцию 28.10.2016 г.

УДК 63(476)(091)“1953/1991”

Спецыялізацыя сельскай гаспадаркі Беларусі ў 1953–1991 гг.: этапы, кірункі, вынікі

Смяховіч М.У.

Дзяржаўная навуковая ўстанова “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”, Мінск

Вывучэнне складаных старонак працэсу спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі, які адбываўся на працягу 1953–1991 гг., дае магчымасць прасачыць заканамернасці сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускага савецкага грамадства, адлюстраваць пэўныя дасягненні і недахопы, асэнсаваць гістарычны вопыт, назапашаны ў гэтай справе.

Мэта артыкула – вызначэнне і характарыстыка этапаў, асаблівасцяў і кірункаў у развіцці вытворча-тэхналагічнай спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі на працягу 1953–1991 гг.

***Матэрыял і метады.** Вывучэнне і аналіз фактаў, падзей і з’яў, уласцівых працэсу спецыялізацыі сельскай гаспадаркі, грунтаваліся на архіўных матэрыялах (фонд 4 п, вопісы 20, 46, 160; фонд 30, вопіс 13; фонд 48, вопісы 9 і 14 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь), выкарыстанні прац даследчыкаў. Метадалагічная база даследавання складаецца з трох частак – агульнанавуковай (аналіз і сінтэз, параўнанне і абагульненне, індукцыя і дэдукцыя), тэарэтычнай (аб’ектыўнасць, гістарызм, сістэмнасць) і канкрэтна-гістарычнай (гісторыка-генетычны метад).*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** У перыяд з 1953 г. па 1991 г. у Беларусі развіваўся працэс спецыялізацыі і канцэнтрацыі аграрнай вытворчасці, які ахапіў тры этапы. Першы прыпаў на 1953–1961 гг., яго асаблівасцю была шырокая тэрытарыяльна-занальная спецыялізацыя сельскай гаспадаркі рэспублікі. Гэта садзейнічала таму, што яна па многіх паказчыках (у межах народнагаспадарчага комплексу СССР) выйшла на лідарскія пазіцыі. Негатыўным наступствам тэрытарыяльнай спецыялізацыі было ўзмацненне экстэнсіўных метадаў гаспадарання. Другі этап ахапіў 1962–1970 гг., характэрнай асаблівасцю гэтага этапу з’яўлялася галіновая вытворча-тэхналагічная спецыялізацыя калгасаў і саўгасаў. На трэцім этапе ў 1971–1991 гг. у рэспубліцы задзейнічалі механізм міжгаспадарчай кааперацыі, карэннай уласцівасцю этапу была канцэнтрацыя сельскагаспадарчай вытворчасці на аснове аграпрамысловай інтэграцыі. Асноўны вынік працэсу спецыялізацыі на другім і трэцім этапах – пэўнае ўзрастанне прадукцыйнасці працы, узмацненне інтэнсіўных метадаў гаспадарання, павелічэнне вытворчасці прадукцыі раслінаводства і жывёлагадоўлі аграрна-прамысловым комплексам Беларусі.*

***Заключэнне.** Такім чынам, у артыкуле разгледжаны асаблівасці развіцця вытворча-тэхналагічнай спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі на працягу 1953–1991 гг.*

***Ключавыя словы:** спецыялізацыя, інтэнсіфікацыя, вытворчасць, калгасы і саўгасы, міжгаспадарчая кааперацыя, канцэнтрацыя, аграпрамысловая інтэграцыя.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 26–32)

Specialization of Agricultural Economy of Belarus in 1953–1991: Stages, Directions, Results

Smiakhovich M.V.

State Scientific Institution “Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

The study of complex pages of specialization of agriculture in Belarus in 1953–1991 makes it possible to trace the patterns of social and economic development of the Belarusian Soviet society, reflect specific achievements and shortcomings, comprehend the historical experience in this business.

The aim of the research is determination and characteristics of stages, features and the directions in development of the production and technological specialization of agricultural economy of Belarus during 1953–1991.

***Material and methods.** The study and analysis of facts, events and phenomena inherent in the specialization of agriculture, are based on archival material: 4p Fund (Indexes 20, 46, 160), Fund 30 (Index 13), Fund 48 (Index 9 and 14) of the National Archives, scientific works of researchers. The methodological research tool consists of three parts – general scientific (analysis and synthesis, comparison and generalization, induction and deduction), theoretical (objectivity, historicism, consistency), and concrete historical (historical genetic method).*

***Findings and their discussion.** The process of specialization and concentration of rural production which covered three periods developed from 1953 to 1991 in Belarus. Territorial and zone specialization of agricultural economy was the feature of the first period (1953–1961). Strengthening of extensive methods of managing was a negative consequence of territorial specialization. The second stage covered 1962–1970, branch production and technological specialization of kolkhozes and sovkhozes was characteristic of this period. At the third stage, 1971–1991, the mechanism of intereconomic cooperation was used in the Republic, concentration*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: smenic18@mail.ru – **М.У. Смяховіч**

of agricultural production and agrarian and industrial integration was the main result and radical feature of the stage. A certain increase of labor productivity, strengthening of intensive methods of managing, increase in crop production and livestock production by the agrarian and industrial complex of Belarus was the main result of the process of specialization at the second and third stages.

Conclusion. *Features of the development of the production and technological specialization of agricultural economy of Belarus in 1953–1991 are considered in the article.*

Key words: *specialization, intensification, production, kolkhozes and sovkhozes, intereconomic cooperation, concentration, agrarian and industrial integration.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 26–32)

Сельская гаспадарка незалежнай Беларусі захавала кірункі спецыялізацыі, умела выкарыстоўвае патэнцыялы аграпрамысловай інтэграцыі і меліярацыі, якія былі створаны ў папярэдні перыяд. Гэта з'яўляецца чыннікам, які абумоўлівае практычную запатрабаванасць навуковай распрацоўкі прадмета даследавання. Разам з тым вывучэнне складаных старонак працэсу спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі, які адбываўся на працягу 1953–1991 гг., дае магчымасць прасачыць заканамернасці сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускага савецкага грамадства, адлюстраваць пэўныя дасягненні і недахопы, асэнсаваць гістарычны вопыт, які сведчыць, што ў БССР сельская гаспадарка не мела дзяржаўнага прыярытэту.

У незалежнай Беларусі сельская гаспадарка – адзін з кірункаў дзяржаўнай палітыкі, які прынёс рэальныя вынікі. Безумоўна, поспехі ў развіцці беларускага АПК відавочныя, але назапашаны гістарычны вопыт патрэбна ўлічваць падчас вырашэння шэрагу праблем, што да 1991 г. тармазілі развіццё АПК. Да іх ліку адносіцца пытанне спецыялізацыі аграрнай вытворчасці.

Мэта артыкула – вызначэнне і характарыстыка этапаў, асаблівасцяў і кірункаў у развіцці вытворча-тэхналагічнай спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі на працягу 1953–1991 гг.

Матэрыял і метады. Падчас даследавання гісторыі развіцця працэсу спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі былі выкарыстаны працы савецкіх, беларускіх, замежных навукоўцаў, у тым ліку А. Бураўскага, Л. Давыдзенкі, М. Жылінскага, М. Кузняцова [1], Ф. Марцінкевіча [2], В. Мядзведзева [3], В. Саковіча, К. Ведэкіна, П. Кнірша і інш. Разам з тым аналітычнае асэнсаванне праблемы спецыялізацыі грунтавалася на архіўных матэрыялах: фонд 4 п, вопісы 20, 46, 160; фонд 30, вопіс 13; фонд 48, вопісы 9 і 14 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Метадалагічная база даследавання складаецца з трох частак – агульнанавуковай (аналіз і сінтэз, параўнанне і абагульненне, індукцыя і дэдукцыя), тэарэтычнай (аб'ектыўнасць, гістарызм, сістэмнасць) і канкрэтна-гістарычнай (гісторыка-генетычны метад).

Вынікі і іх абмеркаванне. Спецыялізацыя – гэта навукова абгрунтаванае размяшчэнне сельскай гаспадаркі па прыродна-кліматычных зонах і раёнах з перавагай у вытворчасці таго віду сельскагаспадарчай прадукцыі, для якога маюцца найлепшыя ўмовы і дасягаецца найбольшая эканомія затрат [4, с. 256]. Адначасова спецыялізацыя – гэта не што іншае, як форма грамадскага падзелу працы, яе рацыянальнай арганізацыі і інтэнсіфікацыі. Яна адлюстроўвае працэс канцэнтрацыі вытворчасці асобных відаў прадукцыі ці яе частак на самастойных спецыялізаваных прадпрыемствах. Спецыялізацыя можа быць шырокай (жывёлагадоўля, раслінаводства, кормавытворчасць) ці вузкай (вытворчасць малака, мяса, збожжа, бульбы, ільну, гародніны і інш.). Спецыялізацыю сельскагаспадарчай вытворчасці вызначаюць па ўдзельнай вазе розных відаў як валавой, так і таварнай прадукцыі [5, с. 13].

У 1943–1952 гг. для сталінскага кіраўніцтва тэма спецыялізацыі калгасаў і саўгасаў не была актуальнай. Яна пачала "гучаць" на вераснёўскім 1953 г. пленуме ЦК КПСС. У 1955 г. савецкая дзяржава стала выкарыстоўваць новы парадак планавання сельскай гаспадаркі, калі трэба было, сыходзячы з прыродна-кліматычных умоў, прыярытэтаў прамысловага будаўніцтва, іншых паказчыкаў навукова абгрунтаваць памеры вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі кожнай гаспадаркай, раёнам, вобласцю і рэспублікай у цэлым. Інакш кажучы, правесці *тэрытарыяльна-занальную спецыялізацыю сельскай гаспадаркі* рэспублікі. Гэта быў яе першы этап.

Рашэннем бюро ЦК КПБ, якое адбылося 22 жніўня 1956 г. пад старшынствам сакратара ЦК КПБ М. Малініна, стварылі "Камісію па распрацоўцы мерапрыемстваў па павелічэнні вытворчасці прадукцыі сельскай гаспадаркі на 100 га зямлі па зонах Беларускай ССР". Выніковае пасяджэнне камісіі адбылося 28 снежня 1956 г. На гэтым пасяджэнні было канстатавана, што тэрыторыя БССР падзелена спецыялістамі на тры прыродна-кліматычныя і гаспадарча-эканамічныя зоны – Паўночную, Цэнтральную і Паўднёвую. Паўночная атрымала ільняна-малочна-мяс-

ную спецыялізацыю, Цэнтральная – бульба-малочна-свінаводчую, Паўднёвая – канопле-мяса-малочную. Асноўным крытэрыем пры вызначэннні кірункаў спецыялізацыі гаспадарак, аднесеных, для прыкладу, да Цэнтральнай зоны, былі эканамічныя паказчыкі. Агульная плошча Цэнтральнай зоны склала 8 млн 177 тыс га, у тым ліку калгасам належала 5 млн 134 тыс. га зямлі. У гаспадарках Цэнтральнай зоны на 100 га ворыва прыпадала 17 галоў свіней, у гэтую зону ўвайшло 89,7% усіх раёнаў БССР, якія мелі на 100 га сельскагаспадарчых угоддзяў звыш 10 галоў буйной рагатай жывёлы. Гаспадаркі Цэнтральнай зоны выраблялі 60% бульбы, 45% малака і 53% мяса свініны да агульнай вытворчасці гэтай прадукцыі па рэспубліцы. Таму спецыялізацыя Цэнтральнай зоны была вызначана як бульба-малочна-мясная (свінагадоўчая) [6, арк. 195–198]. У сваю чаргу на абласным узроўні вызначылі больш дробныя групы раёнаў, якія стварылі спецыялізаваныя гаспадарчыя падзоны. У Брэсцкай вобласці іх было вызначана пяць [3, с. 24–27]. Такая ж спецыялізацыя была праведзена ва ўсіх абласцях.

У 1959 г. асаблівую актуальнасць набыло пытанне вызначэння ўдзельнай вагі вытворчасці збожжа ў межах спецыялізацыі кожнай гаспадаркі, калі большасць гаспадарак атрымала рэкамендацыю адводзіць пад каласавы клін 50–60% усёй пасяўной плошчы. Калгасныя гаспадаркі Цэнтральнай і Паўднёвай зон арыентаваліся ў першую чаргу на вытворчасць збажыны. Гэта былі гаспадаркі Гродзенскай, Мінскай, Брэсцкай, Гомельскай абласцей, у меншай ступені гэта тычылася гаспадарак Віцебскай і Магілёўскай абласцей.

Зусім іншае становішча адбывалася з вытворчасцю ільну. Гэтая культура была для рэспублікі прыярытэтнай. Асабліва пасля верасняўскага 1953 г. пленума ЦК КПСС, калі павялічыліся закупачныя цэны на ільнопрадукцыю. У выніку калі ў 1953 г. удзельная вага БССР у вытворчасці ільну ў СССР складала 12,3%, то ў 1958 г. яна вырасла да 20,1%. У 1958 г. у БССР было сабрана 107 тыс. тон ільновалакна, у той час як ва ўсіх капіталістычных краінах разам 270 тыс. тон [2, с. 115, 116].

Некалькі інакш выглядала становішча з цукровымі буракамі. Дадзеная культура паступова моцна ўкаранілася на калгасных палетках. Адным з фактараў, які спрыяў гэтаму, было будаўніцтва цукровых заводаў, але закупачныя цэны на цукровыя буракі да 1958 г. не матывавалі калгасы да іх вытворчасці. У студзені 1962 г. становішча змянілася. У гады сямігодкі плошчы пасеваў цукровых буракоў выраслі ў Цэнтральнай і Паўднёвай зонах, у Гродзенскай, Мінскай, Гомельскай, Брэсцкай абласцях [3, с. 23].

Акрамя ільну і цукровых буракоў, пануючае становішча ў галіне земляробства займала бульба. У 1955–1957 гг. падчас занальнага раяніравання пасевы бульбы былі пашыраны ў Паўднёвай зоне, дзе яны занялі да 20% усёй пасяўной плошчы калгасаў і саўгасаў. У Цэнтральнай зоне пасевы бульбы занялі да 12–16% усіх пасеваў калгасаў і саўгасаў [2, с. 140].

Акрамя раслінаводства не меншая ўвага надавалася жывёлагадоўчай спецыялізацыі. БССР была аднесена да рэгіёна, які ў межах СССР спецыялізаваўся на вытворчасці малака і мяса. Гэта спрыяла павелічэнню пагалоўя жывёлы ў калгасах. Калі ў 1953 г. ва ўсіх гаспадарках БССР налічвалася 2,7 млн галоў буйной рагатай жывёлы, то ў 1959 г. ужо 3,5 млн галоў [2, с. 196], павелічэнне склала 800 тыс. галоў альбо 35%.

Вынікі спецыялізацыі, праведзенай у 1956–1957 гг., спрыялі паляпшэнню вытворчых паказчыкаў калгасаў і саўгасаў. У Гродзенскай вобласці вытворчасць збожжа ў 1957 г. у параўнанні з 1953 г. павялічылася на 76,3%, бульбы – на 49,3%, ільновалакна – на 301,3%, цукровых буракоў – на 151,2%. Пагалоўе буйной рагатай жывёлы за гэты перыяд узрасло на 70 тыс. (на 89,5%) у калгасах) і на 8 тыс. галоў (291,8%) у саўгасах, свіней у калгасах – у 2,5 раза, у саўгасах – у 7,2 раза, гадавая вытворчасць малака ад каровы павялічылася за гэты час з 945 кг да 1800 кг, амаль на 100% [7, арк. 35]. Істотныя змены адбыліся і ў іншых абласцях.

Неабходна адзначыць, што ў працэсе занальнай спецыялізацыі вытворчыя паказчыкі калгасаў і саўгасаў БССР палепшыліся (табл.).

Аналіз статыстычных даных табл. паказвае, што ў вытворчасці бульбы, ільновалакна, мяса і малака на душу насельніцтва БССР, у параўнанні з вытворчасцю гэтай прадукцыі на душу насельніцтва ў СССР, займала лідарскія пазіцыі. У вытворчасці гародніны, пладоў і ягад, курыных яек на душу насельніцтва БССР практычна наблізілася або параўнялася з СССР, адставанне назіралася толькі ў вытворчасці збожжа і сталовых буракоў. Гэта таксама было вынікам першага этапу спецыялізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ў рэспубліцы.

Разам з тым негатыўным наступствам занальнай спецыялізацыі з'яўлялася ўзмацненне экстэнсіўных метадаў гаспадарання, калі асноўная ўвага надавалася пашырэнню пасяўнога кліна і павелічэнню колькасці ўтрымліваемай у гаспадарках жывёлы.

Табліца

Вытворчасць сельскагаспадарчай прадукцыі ў БССР на душу насельніцтва (1958–1962 гг.)

Прадукцыя	1), у кг	2), у %
Збожжа	246	39
Бульба	1126	296
Гародніна	71	99
Буракі (сталовыя)	42	18
Ільновалакно	9,8	516
Мяса і сала (у забойнай вазе)	51	128
Малако	384	134
Яйкі курыныя	111	89
Плады і ягады	17	96

Заўвага: 1) у сярэднім за год; 2) да сярэдняга паказчыка на душу насельніцтва па СССР [5, с. 395].

У 1960 г. у Міністэрстве сельскай гаспадаркі СССР разглядалася пытанне пераходу да новага этапу спецыялізацыі. Кіраўнік гэтага міністэрства В. Мацкевіч падкрэсліваў: "Цяпер на чарзе пераход да больш паглыбленай спецыялізацыі вытворчасці ў кожным раёне, да спецыялізацыі асобных гаспадарак па вытворчасці тых ці іншых відаў прадукцыі" [3, с. 9].

Пасля 1962 г. адзін з кірункаў далейшага развіцця сельскай гаспадаркі – спецыялізацыя на аснове канцэнтрацыі вытворчасці. Пачатак гэтаму быў пакладзены рашэннямі XXII з'езда КПСС.

У сакавіку 1963 г. пленум ЦК КПБ прыняў пастанову "Аб спецыялізацыі сельскай гаспадаркі Беларусі і мерах па паляпшэнні кіраўніцтва калгасамі і саўгасамі" [8, арк. 402–403]. У гэтым дакуменце падкрэслівалася, што БССР павінна быць раёнам інтэнсіўнай мяса-малочнай жывёлагадоўлі, свінаводства і птушкагадоўлі. На пленуме было вырашана правесці галіновую спецыялізацыю калгасаў і саўгасаў, якія дагэтуль мелі ўсе віды жывёлы і птушак і вялі кожную галіну ў нерацыянальна дробных памерах.

17 ліпеня 1963 г. прынята адпаведная пастанова беларускага ўрада. Пасля гэтага на ўзроўні вытворчых упраўленняў распрацаваны планы і мерапрыемствы, якія, для прыкладу, у студзені 1964 г. былі зацверджаны ў Віцебскім вытворчым калгасна-саўгасным упраўленні [9, арк. 125–126].

Праца па галіновай спецыялізацыі праводзілася на працягу 3-х гадоў. У 1965 г. былі абмеркаваны некаторыя вынікі гэтага працэсу. Па інфармацыі міністра вытворчасці і нарыхтовак сельскагаспадарчай прадукцыі БССР В. Лабанка, у 1961 г. птушкагадоўляй займаліся 185 саўгасаў, а ў 1965 г. толькі 68 саўгасаў, у 1961 г. птушку вырошчвалі 1843 калгасы, а ў 1965 г. іх засталося 312 [10, арк. 190–192]. Істотныя змены адбыліся і ў іншых галінах.

У 1966 г. на XXVI з'ездзе КПБ, які адбыўся ў сакавіку, П. Машэраў канстатаваў, што ў рэспубліцы назапашаны некаторы вопыт спецыялізацыі жывёлагадоўлі, свінагадоўлі і птушкагадоўлі. Затым ён паставіў задачу больш актыўна займацца ўнутрыгаспадарчай спецыялізацыяй і асабліва канцэнтрацыяй жывёлагадоўлі. Пасля 1966 г. у БССР палітыка ў галіне спецыялізацыі і канцэнтрацыі сельгасвытворчасці ажыццяўлялася на планавай аснове – па пяцігодках, кожная з якіх мела асаблівасці ў гэтай справе.

У IX пяцігодцы пачаўся трэці этап у развіцці вытворча-тэхналагічнай спецыялізацыі, разгорнуты яе новы кірунак. Яго адметнасцю было тое, што ўвага надавалася спецыялізацыі ў вытворчасці тэхнічных культур, збожжавых, іншай прадукцыі раслінаводства. Былі і іншыя асаблівасці. У 1971 г. на XXIV з'ездзе КПСС узяты курс на інтэнсіфікацыю сельгасвытворчасці шляхам хімізацыі, паглыблення спецыялізацыі і ўзмацнення яе канцэнтрацыі.

У выніку ўжо ў 1980 г. у БССР налічвалася 502 гаспадаркі, якія спецыялізаваліся на вытворчасці насення каласавых, 202 займаліся вытворчасцю насення шматгадовых траў, 133 – вытворчасцю насення ільну, 35 – насення бульбы [1, с. 111]. Гэта станоўча адбівалася на павелічэнні ўраджайнасці, асабліва каласавых культур.

У БССР асаблівасці трэцяга этапу спецыялізацыі былі таксама звязаны з развіццём жывёлагадоўлі, у якой пачаўся працэс пераводу вытворчасці мяса ў калгасах і саўгасах на прамысловую аснову. У 1972 г. першы сакратар ЦК КПБ П. Машэраў на нарадзе, якая адбылася ў Гомельскай вобласці, сказаў: "Нам трэба задзейнічаць новыя комплексы прымяняльна да спецыялізацыі па групах кал-

гасаў, саўгасаў, аб'яднаных паміж сабою на вытворчых пачатках. Гэта будзе далейшае паглыбленне спецыялізацыі і канцэнтрацыі ў жывёлагадоўлі" [11, арк. 194, 198]. Пасля гэтага на аснове кааперацыі пачалося стварэнне міжгаспадарчых аб'яднанняў у галіне жывёлагадоўлі, кормавытворчасці. Узводзіліся магутныя жывёлагадоўчыя комплексы – свінагадоўчыя на 108 тыс. свіней, буйной рагатай жывёлы – на 3 тыс. галоў кароў, па даглядзе і адкорму маладняка буйной рагатай жывёлы – на 6 тыс. галоў [1, с. 126]. У 1971–1975 гг., па прыкладзе калгаса імя Урыцкага Гомельскага раёна, які спецыялізаваўся на адкорме 11 тысяч галоў буйной рагатай жывёлы, у кожным раёне пачалі стварацца прадпрыемствы па вырошчванні буйной рагатай жывёлы і свіней.

Важным кірункам спецыялізацыі і канцэнтрацыі вытворчасці была аграпрамысловая інтэграцыя. Як ужо адзначалася, яшчэ на першым этапе спецыялізацыі вызначаліся гаспадаркі і раёны, якія з'яўляліся сыравіннай базай для цукровых заводаў, прадпрыемстваў па перапрацоўцы ільну, бульбы, садавіны і гародніны, мяса і малака. У далейшым у мэтах скарачэння выдаткаў вытворчасці, больш хуткага забеспячэння гарадоў і пасёлкаў харчаваннем было прынята рашэнне ЦК КПСС і СМ СССР, якое нацэльвала калгасы і саўгасы на развіццё так званых дапаможных гаспадарак. Гэта паклала пачатак працэсу аграпрамысловай інтэграцыі, калі калгасы авалодвалі прамысловымі тэхналогіямі і атрымлівалі магчымасць перапрацоўкі сваёй прадукцыі.

У БССР значную ролю ў развіцці дапаможных гаспадарак і аграпрамысловай інтэграцыі адыграла перадача шэрагу спіртавых, крухмальных, кансервавых заводаў на баланс калгасаў і саўгасаў, якія спецыялізаваліся ў вытворчасці пладова-ягаднай прадукцыі. У 1968 г. толькі ў Мінскай вобласці ў калгасах і саўгасах налічвалася 32 прадпрыемствы такога тыпу, якія пастаўлялі ў гандлёвую сетку каля 3,7 млн умоўных банак кансерваў, 2,6 млн літраў пладовых сокаў. У 1970 г. колькасць такіх прадпрыемстваў у гаспадарках Мінскай вобласці павялічылася да 1500. У тым жа годзе ў Магілёўскай вобласці налічвалася 1529 дапаможных гаспадарак, усяго ў рэспубліцы на гэты час налічвалася звыш 7500 дапаможных гаспадарак у калгасах і саўгасах [1, с. 136, 137].

Улічваючы гэта, на XXVII з'ездзе КПБ, які адбыўся ў лютым 1971 г., кіраўніцтвам ЦК КПБ было падкрэслена, што спецыялізацыя і рост аб'ёмаў вытворчасці ставяць задачу будаўніцтва буйных калгасных, міжкалгасных і калгасна-саўгасных комплексаў, але ўсё гэта трэба разглядаць толькі як подступ да важнай праблемы. Такім чынам, у 1971 г. працэс аграпрамысловай інтэграцыі знаходзіўся ў стадыі пачатковага станаўлення.

Рашэнні па спецыялізацыі прымаліся і ў 1975 г., калі П. Машэраў правёў пленум, які абмеркаваў меры па далейшым развіцці спецыялізацыі і канцэнтрацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ў рэспубліцы. Была прынята пастанова, што патрабавала паскорыць канцэнтрацыю вытворчасці тэхнічных культур, наладжванне больш цесных інтэграцыйных сувязей паміж сельскагаспадарчымі і перапрацоўчымі прадпрыемствамі [1, с. 107].

У выніку ў БССР у 1976 г. ужо працавала 85 міжгаспадарчых прадпрыемстваў, было створана (на 1 чэрвеня 1976 г.) 155 спецыялізаваных гаспадарак па адкорме свіней, 276 – па вырошчванні глыбокасцельных цялушак, 240 – па адкорме буйной рагатай жывёлы, 43 – па рэпрадукцыі парасят, 45 – па вырошчванні авечак [12, арк. 104].

Такім чынам, *вывучаны і даследаваны фактычны матэрыял дазваляе зрабіць выснову аб тым, што ў БССР у справе спецыялізацыі і канцэнтрацыі на першым і другім этапах адсутнічаў механізм пастаянна дзеючых эканамічных сувязей, не праводзілася вытворчая кааперацыя калгасаў, не назіралася аграпрамысловай інтэграцыі. На трэцім этапе ў рэспубліцы быў задзейнічаны механізм міжгаспадарчай кааперацыі, на яе аснове калгасы, саўгасы і прадпрыемствы пачалі аб'ядноўвацца ў спецыялізаваныя аграпрамысловыя комплексы. Гэта таксама з'яўлялася асаблівасцю працэсу спецыялізацыі.*

У 1976 г. у справаздачным дакладзе на XXVIII з'ездзе КПБ, які адбыўся ў пачатку лютага, П. Машэраў адзначыў, што за IX пяцігодку міжгаспадарчыя аб'яднанні паспяхова прайшлі стадыю станаўлення, у іх склад уваходзяць практычна ўсе калгасы і саўгасы, таму далейшае паляпшэнне структуры кіравання ў сельскай гаспадарцы непарыўна звязана з больш планамерным ажыццяўленнем міжгаспадарчай кааперацыі і аграпрамысловай інтэграцыі. Гэта азначала, што аграпрамысловая інтэграцыя ўступіла ў стадыю далейшага развіцця.

У маі 1976 г. адбыўся пленум ЦК КПСС, на якім была прынята пастанова аб далейшым развіцці спецыялізацыі і канцэнтрацыі сельскагаспадарчай вытворчасці на базе міжгаспадарчай кааперацыі і аграпрамысловай інтэграцыі. Пасля мая 1976 г. у БССР асаблівасцю і новым кірункам працэсу спецыялізацыі і канцэнтрацыі сельгасвытворчасці было яе далейшае паглыбленне і пашырэнне. Сетка спецыялізаваных гаспадарак

пашырылася як за кошт дзяржаўнага будаўніцтва новых саўгас-комплексаў, так і шляхам аб'яднання рэсурсаў калгасаў. Шырокае распаўсюджванне атрымалі міжгаспадарчыя аб'яднанні па розных відах дзейнасці. У цэлым у 1980 г. у БССР налічвалася 277 калгасаў і саўгасаў, якія выконвалі функцыі міжгаспадарчых прадпрыемстваў, на долевых пачатках яны аб'ядноўвалі 1420 калгасаў і 527 саўгасаў [1, с. 129].

Больш глыбокай формай (другім тыпам) канцэнтрацыі вытворчасці былі галіновыя вытворчыя аб'яднанні, што ўключалі ў свой склад калгасы і саўгасы, іншыя прадпрыемствы і арганізацыі, дзейнасць якіх была напраўлена на паглыбленне міжгаспадарчай спецыялізацыі.

Паводле ўрадавых рашэнняў калгасы, іншыя кааператыўныя прадпрыемствы, а таксама міжгаспадарчыя арганізацыі мелі права ўваходзіць у склад рэспубліканскіх аб'яднанняў у сельскай гаспадарцы толькі ў складзе вытворчых, навукова-вытворчых і аграрна-прамысловых аб'яднанняў.

Калі ў міжкалгасных аб'яднаннях прыбытак належаў удзельнікам кааперацыі на паёвых пачатках, то ў вытворчых аб'яднаннях калгасы і саўгасы захоўвалі сваю самастойнасць і правы юрыдычнай асобы. Галіновыя аб'яднанні ствараліся ў птушкагадоўлі (10 аб'яднанняў), па насенневодству шматгадовых траў (6 аб'яднанняў), збожжавых культур (6 аб'яднанняў) і інш.

Трэцяй формай (тыпам) канцэнтрацыі вытворчасці з'яўляліся аграпрамысловыя прадпрыемствы, у склад якіх уваходзілі калгасы і саўгасы. Калі ў першым тыпе гаспадарак было самастойнае кіраванне вытворчасцю, то ў 2-м і 3-м тыпах гаспадарак – агульнае кіраўніцтва і агульная вытворчая дзейнасць. Кіраўніцтва аб'яднаннем ажыццяўлялася саветам аб'яднання ў складзе генеральнага дырэктара, яго намеснікаў, старшынь калгасаў, дырэктараў саўгасаў, прадстаўнікоў дапаможных гаспадарак. Савет быў распарадчым органам, штодзённае аператыўнае ўпраўленне ажыццяўлялася генеральным дырэктарам прадпрыемства [1, с. 129]. На аснове спецыялізацыі і канцэнтрацыі ствараліся трэсты, вытворчыя аб'яднанні, камбінаты і іншыя арганізацыі.

Мінсельгас БССР пастаянна кантраляваў справу шляхам разгляду пытання на калегіі. У 1980 г. (11 лютага) быў выдадзены загад "Аб становішчы і развіцці міжгаспадарчай кааперацыі сельскагаспадарчай вытворчасці і аграпрамысловай інтэграцыі ў рэспубліцы", у якім адзначалася, што на той час створана 47 галіновых аб'яднанняў, функцыі міжгаспадарчых прадпрыемстваў ажыццяўляюць 277 калгасаў і саўгасаў, створаны 23 міжгаспадарчыя прадпрыемствы па вытворчасці прадукцыі сельскай гаспадаркі, 186 – па абслугоўванні калгасаў і саўгасаў. Было падкрэслена, што практычна ўсе калгасы і саўгасы – удзельнікі розных формаў кааперацыі. У 1978 г. на міжгаспадарчай аснове выраблена 9,2% мяса да агульнага аб'ёму вытворчасці. Разам з тым калегія канстатавала, што работа па спецыялізацыі і канцэнтрацыі на базе міжгаспадарчай кааперацыі і прамысловай інтэграцыі ўсё яшчэ праводзіцца дрэнна, што большасць раёнаў усё яшчэ "не выйшлі на намечаныя параметры па спецыялізацыі і канцэнтрацыі вытворчасці" [13, арк. 93–94].

На пачатак 1986 г. (20 студзеня) у БССР працавала 28 комплексаў па вырошчванні буйной рагатай жывёлы магутнасцю звыш 5 тыс. галоў адкорму ў год, 60 буйных фермаў магутнасцю ад 3–5 тыс. галоў буйной рагатай жывёлы. У сярэднім за кожны год XI пяцігодкі будавалася 211 жывёлагадоўчых памяшканняў, уключаючы механізаваныя фермы і комплексы, 182 памяшканні для свіней агульнай магутнасцю на 1965 тыс. жывёльных месцаў [14, арк. 112].

Працэс спецыялізацыі працягваўся і ў XII пяцігодцы, калі пэўная частка інвестыцый накіроўвалася на стварэнне прадпрыемстваў новага тыпу: агракамбінатаў, аграфірмаў, аграаб'яднанняў. У 1990 г. у Магілёўскай вобласці фунцыянавала 37 міжгаспадарчых жывёлагадоўчых комплексаў, якія штогод выраблялі 15,7 тыс. тон ялавічыны, 10,6 тыс. тон свініны, 3,0 тыс. тон бараніны. На той час у вобласці налічвалася 300 дапаможных гаспадарак прамысловых прадпрыемстваў, што займаліся вытворчасцю сельгаспрадукцыі. Разам з тым ішло паступовае павелічэнне колькасці новых аграпрамысловых прадпрыемстваў. Так, калі на заканчэнне 1988 г. у рэспубліцы налічвалася 27 аграпрамысловых прадпрыемстваў, у тым ліку – 3 агракамбінаты, 3 аграаб'яднанні, 1 вытворчая аграфірма, 2 будаўнічыя, 2 гандлёвыя аграфірмы, то ў 1990 г. такіх прадпрыемстваў налічвалася ўжо 36. Сярод гэтых 36 прадпрыемстваў было 3 аграфірмы, у склад якіх уваходзіла 26 гандлёвых арганізацый. Усяго ў склад 36 адзначаных аграпрадпрыемстваў новага тыпу ўваходзіла 249 сельскагаспадарчых, прамысловых, будаўнічых, гандлёвых прадпрыемстваў і арганізацый [15, с. 65, 66].

Інвестыцыі накіроўваліся на будаўніцтва новых комплексаў, прадугледжаных харчовай праграмай. Усяго на пачатку 1991 г. у рэспубліцы налічвалася 113 комплексаў па ўтрыманні буйной рагатай жывёлы і 110 комплексаў па ўтрыманні свіней. У Брэсцкай вобласці

было 23 комплексы ўтрымання буйной рагатай жывёлы і 12 свінакомплексаў, у Віцебскай вобласці – адпаведна 17 і 21 комплекс, у Гродзенскай – 18 і 25, Гомельскай – 21 і 13, Мінскай – 22 і 25, Магілёўскай – 12 комплексаў буйной рагатай жывёлы і 14 комплексаў свінагадоўлі [16, арк. 10–12].

Заключэнне. Такім чынам, аналіз вывучанага матэрыялу дазваляе зрабіць выснову аб тым, што ў перыяд з 1953 г. па 1991 г. у Беларусі развіваўся працэс спецыялізацыі і канцэнтрацыі аграрнай вытворчасці, які ахапіў тры этапы.

Першы прыпаў на 1953–1961 гг., яго асаблівасцю была шырокая тэрытарыяльна-занальная спецыялізацыя сельскай гаспадаркі рэспублікі. Гэта садзейнічала таму, што яна па многіх паказчыках (у межах народнагаспадарчага комплексу СССР) выйшла на лідарскія пазіцыі. Негатыўным наступствам тэрытарыяльнай спецыялізацыі было ўзмацненне экстэнсіўных метадаў гаспадарання. Другі этап ахапіў 1962–1970 гг., характэрнай асаблівасцю гэтага этапу з'яўлялася галіновая вытворча-тэхналагічная спецыялізацыя калгасаў і саўгасаў. На трэцім этапе ў 1971–1991 гг. у рэспубліцы задзейнічалі механізм міжгаспадарчай кааперацыі, карэннай уласцівасцю этапу была канцэнтрацыя сельскагаспадарчай вытворчасці на аснове аграпрамысловай інтэграцыі. Асноўны вынік працэсу спецыялізацыі на другім і трэцім этапах – пэўнае ўзрастанне прадукцыйнасці працы, узмацненне інтэнсіўных метадаў гаспадарання, павелічэнне вытворчасці прадукцыі раслінаводства і жывёлагадоўлі аграрна-прамысловым комплексам Беларусі.

Літаратура

1. Кузнецов, Н.В. Курсом специализации и концентрации сельского хозяйства: на материалах КПБ (1965–1983 гг.) / Н.В. Кузнецов. – М.: Беларусь, 1984. – 200 с.
2. Мартинкевич, Ф.С. Размещение и специализация сельского хозяйства в Белорусской ССР / Ф.С. Мартинкевич. – Минск: АН БССР, 1961. – 336 с.
3. Медведев, В.Ф. Специализация в сельскохозяйственном производстве (на примере Брестской области / В.Ф. Медведев. – Минск: Госиздат БССР, 1961. – 192 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). – Изд. 8-е. – М.: Политиздат, 1972. – Т. 8: 1959–1965. – 567 с.
5. Васильев, Н.В. Специализация и размещение сельскохозяйственного производства в СССР / Н.В. Васильев. – М.: Мысль, 1965. – 453 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 31. – Воп. 6. – Спр. 760.
7. НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 46. – Спр. 774.
8. НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 20. – Спр. 408.
9. НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 46. – Спр. 812.
10. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 9. – Спр. 6489.
11. НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 160. – Спр. 878.
12. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 14. – Спр. 1269.
13. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 14. – Спр. 2357.
14. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 13. – Спр. 984.
15. Сельское хозяйство Беларуси в цифрах 1980–2007 гг.: тенденции развития / сост. В.С. Сакович; под науч. ред. В.Г. Гусакова. – Минск: Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2008. – 334 с.
16. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 13. – Спр. 1813.

Паступіў у рэдакцыю 14.10.2016

УДК 94(470+571)«13»+94(476.5)«13»+94(474.2):355

Между Псковом, Витебском и Нейгаузеном: забытая война на ливонском пограничье в середине XIV века. Часть 2

Мартынюк А.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Во второй части статьи продолжается исследование военного конфликта на ливонском пограничье в общем контексте истории русско-немецко-литовских взаимоотношений в Балтийском регионе в середине XIV века.

Цель работы – анализ эскалации военного противостояния и систематизация на этой основе разных типов военных конфликтов в период Средневековья.

Материал и методы. *Используются нарративные и документальные источники. Особое внимание уделяется памятникам средневековой рыцарской поэзии (похвальные песни австрийского поэта и герольда Петера Зухенвирта), которые впервые вводятся в научный оборот отечественной историографии как источник по истории крестовых походов на Балтике.*

Результаты и их обсуждение. *В статье анализируется второй этап псковско-ливонской войны (1345–1349 гг.), вышедший в отличие от первого этапа (1341–1344 гг.) за рамки регионального конфликта. В центре внимания находятся события 1349 г. под городом Изборском, которые реконструируются на основе привлечения русских и немецких источников. Рассмотрение данной проблематики позволяет сделать некоторые общие выводы о характере пограничных конфликтов в период Средневековья.*

Заключение. *В результате проведенного анализа удалось реконструировать эскалацию конфликта от пограничного инцидента до большой войны, охватившей весь Балтийский регион. Кроме того, на данном конкретном примере была предложена систематизация разных типов военных конфликтов в период Средневековья.*

Ключевые слова: *Псковская республика, Витебское княжество, Ливонский орден, крестовые походы, рыцарская поэзия.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 33–38)

Between Pskov, Vitebsk and Neuhausen: Forgotten War in Lithuanian Borderlands in the Middle of the 14th Century. Part 2

Martyniouk A.V.

Belarusian State University, Minsk

The second part of the article is dedicated to military conflict on the Livonian frontier in historical context of Russian-German-Lithuanian relations in the Baltic region in the middle of the 14th century.

The purpose of the article is analysis of the escalation of military confrontation and systematization on its basis of different types of military medieval conflicts.

Material and methods. *The article is based on combination of narrative and documentary sources. Special attention is paid to masterpieces of medieval chivalric poetry (commendable songs of the Austrian poet and herald Peter Suchenwirt), which has not yet been used in national historiography as a source on the Crusades in the Baltic region.*

Findings and their discussion. *The article covers the second stage of the Pskov-Livonian War (1345–1349). In contrast to the first phase (1341–1344), the latter developed further than solely regional conflict. The study focuses on the events of 1349, which took place near the town of Izborsk. They are reconstructed on the basis of Russian and German sources. Further analysis leads to some general conclusions about the nature of border conflicts in the Middle Ages.*

Conclusion. *Through the analysis the escalation of the conflict from the border incidents to a major war that had engulfed the whole Baltic region was reconstructed. In addition, the systematic approach to the different types of military conflicts in the Middle Ages was proposed in a particular example.*

Key words: *Pskov Republic, Principality of Vitebsk, the Livonian Order, the Crusades, chivalric poetry.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 33–38)

Адрес для корреспонденции: e-mail: a.martyniouk@mail.ru – **А.В. Мартынюк**

Во второй части статьи продолжается исследование военного конфликта на ливонском пограничье в общем контексте истории русско-немецко-литовских взаимоотношений в Балтийском регионе в середине XIV века.

Цель работы – анализ эскалации военного противостояния и систематизация на этой основе разных типов военных конфликтов в период Средневековья.

Материал и методы. Используются нарративные и документальные источники. Особое внимание уделяется памятникам средневековой рыцарской поэзии (похвальные песни австрийского поэта и герольда Петера Зухенвирта), которые впервые вводятся в научный оборот отечественной историографии как источник по истории крестовых походов на Балтике.

Результаты и их обсуждение. ***Литовская интервенция.*** В феврале 1345 г. великий магистр Тевтонского ордена направился с большим войском в Литву. Войско крестоносцев было усилено большим количеством «гостей» (по мнению В. Паравичини, это было самое большое войско, прибывшее на помощь Ордену в XIV веке [1, S. 186]). Среди них – король Иоанн Богемский со своим сыном Карлом (будущим императором Карлом IV), король Людовик Венгерский, граф Вильгельм Голландский и многие другие представители европейской знати. Поход нашел отражение и в рыцарской поэзии. В похвальных песнях австрийского поэта Петера Зухенвирта этот поход упоминается при прославлении воинских подвигов четырех рыцарей – короля Людовика Венгерского, бургграфа Альбрехта Нюрнбергского, графа Ульриха фон Цилли и Леотольда фон Штадека. В песне о последнем говорится (здесь и далее все переводы фрагментов из стихотворений Петера Зухенвирта принадлежат автору данной статьи [2, S. 49]. – *А.М.*):

Da man sach zwene chünig her,
vil Pehem und vil Unger
mit in vil helde junger,
fürsten, graven, freien;
der namen hört man chreien
von den eralden, persewant,
der wappenvolger tribliant…

Там было войско двух королей,
много богемцев и венгров
было с ним, много храбрых юношей,
князей, графов, баронов;
можно было слышать,
как герольды и вестники
провозглашали их имена...

Этот поход вызвал цепную реакцию в виде обмена взаимными военными ударами. Чувствуя себя защищенным от угрозы со стороны Великого княжества Литовского, ливонский магистр в феврале 1345 г. вновь отправился против восставших эстов на остров Эзель. Однако дальнейшие события развивались для ливонцев неблагоприятно. Получив весть о литовском набеге на Пруссию, тевтонское войско вернулось обратно. Тогда другое литовское войско под началом Ольгерда вторглось в южную Ливонию, захватило Тервете в Земгалии, сожгло Митаву (совр. Елгава), разорило земли вплоть до Риги и Зегевольда (совр. Сигулда) и с большим количество добычи и пленников вернулось в Литву [3, S. 72–73, S. 504–506]. Практически вся южная Ливония подверглась разорению во время этого похода, что, наряду с восстанием эстов на севере, должно было серьезно ослабить Орден и ливонские епископства.

А что происходило на «русском фронте»? События на ливонско-русской границе оказались в тени драматических событий 1344–1345 гг. и не отразились в орденских хрониках. К сожалению, фрагментарны в этот период и сведения русских летописей. По отдельным свидетельствам можно судить, что военные действия продолжались. Так, 2 февраля 1345 г. датский наместник Эстонии Стигот Андерссон выдал от имени короля Вальдемара привилегию приходской церкви в Нарве, пострадавшей от «*грабежей и поджогов русских*» [4, S. 378–379]. 25 июля он же предоставил жителям Нарвы привилегии, которыми пользовались и жители Ревеля, при этом оговаривались их права в случае, «*если их город будет уничтожен русскими*» [4, S. 383–386]. Такая формулировка подразумевает продолжение пограничной войны между Ливонией и Псковом.

1345 г. оказался важной вехой и в истории Великого княжества Литовского. В этом году Кейстут и Ольгерд напали на Вильно и свергли с великокняжеского престола своего младшего брата Явнутия, который бежал в Смоленск, а затем в Москву. Его ближайший сторонник князь Наримонт бежал в Золотую Орду к хану Джанибеку. В результате этих событий Наримонт потерял Полоцк, княжить в котором Ольгерд посадил своего сына Андрея. Сам Ольгерд стал великим князем. Между Ольгердом и Кейстутом сложился своеобразный дуумвират, основанный на разделе сфер влияния: Ольгерд развернул экспансию на восточнославянских землях, Кейстут организовывал сопротивление Ордену, при этом братья оказывали друг другу всемерную поддержку и часто выступали в военные походы вместе. В руках Ольгерда осталась и консоли-

дированная система владений на северо-востоке Великого княжества, включавшая в себя такие важные центры, как Витебск и Полоцк. Наличие подобной базы позволяло великому князю Ольгерду возобновить политику расширения своего влияния на Новгород и Псков.

Летом 1346 г. Ольгерд начал войну против Новгородской республики. Поводом для нее стало то, что посадник Остафий Дворянинец назвал его «*собакой*». Ольгерд «*взял на щит*» новгородские пограничные волости Шелону и Лугу, а с городов Порхова и Опоки – выкуп. Новгородцы не были готовы к полномасштабной войне с Литвой, свидетельством чему стало убийство на вече посадника Остафия как виновника конфликта [5, с. 358–359]. В событиях 1346 г. не ясна позиция Пскова: вероятно, как раз к этому времени относится переход города в зону влияния Ольгерда и новое утверждение там Юрия Витовтовича, которого мы снова видим при описании событий 1349 г. (см. ниже). Таким образом, Ольгерд продолжил политику расширения собственного влияния на земли Новгорода и Пскова уже не в качестве удельного витебского князя, а правителя Великого княжества Литовского.

Большие войны 1348 года. В начале 1348 г. в традиционную зимнюю рейзу отправилось большое войско крестоносцев, усиленное «гостями» не только из немецких земель, но и из Англии, Франции и других стран. Войско в течение недели опустошало окрестности Ковно (Каунаса), но на обратном пути было настигнуто большим литовским войском. Виганд Марбургский сообщает о наличии в его составе контингентов из Владимира (Волынского), Бреста, Витебска, Смоленска и Полоцка, т.е. практически со всего Великого княжества Литовского. Однако 2 февраля 1348 г. в битве на реке Стреве войско крестоносцев нанесло тяжелое поражение полкам ВКЛ, в бою погиб и брат Ольгерда и Кейстута – князь Наримонт ([3, S. 75–76, 510–512]; см. также специально посвященную этой битве статью А.В. Кузьмина [6]). С целью закрепления своего успеха тевтонские и ливонские рыцари предприняли в 1348 г. еще целую серию походов на земли Литвы [7, S. 25, Tab. 49; 8, S. 2]. В каком-то из этих походов отличился и австрийский рыцарь Ханс фон Траун, которого мы еще встретим в нашем повествовании: «*много язычников пало от его руки*» [2, S. 58–59]. В результате правители Великого княжества Литовского были вынуждены осенью 1348 г. заключить перемирие с Орденом и вступить в переговоры о крещении [8, S. 11–13]. Это был несомненный успех крестоносцев в их многолетней борьбе против «литовских язычников».

Тяжелое поражение войск ВКЛ на реке Стреве на некоторое время изменило расстановку сил в Восточной Европе в целом. Следует согласиться с мнением А.В. Кузьмина, что одно из непосредственных последствий битвы – военное ослабление ВКЛ, спровоцировавшее вмешательство в его дела соседних государств, в частности Польши [6, с. 108–110]. В 1349 г. польский король Казимир приступил к завоеванию земель Галицко-Волынской Руси, входивших в сферу влияния Великого княжества Литовского. Борьба за Галицию и Волынь между Польским королевством и Великим княжеством Литовским приняла затяжной характер и продолжалась до 1370-х годов.

Может быть и не в прямой связи с битвой на Стреве, но несомненно под общим знаменем крестоносного движения против «язычников и схизматиков» в Восточной Европе следует рассматривать и поход шведского короля Магнуса на земли Новгородской республики, состоявшийся в том же 1348 г. Подробный рассказ о «войне короля Магнуса» сохранился в новгородском летописании [5, с. 359–362]. Война вызвала большой резонанс на русских землях и оставила свой след в культуре средневековой Руси в виде знаменитого «рукописания Магнуша».

В начале лета 1348 г. шведское войско вошло в Неву и осадило новгородский город Орешек. Новгородцы обратились за помощью к Пскову и великому князю владимирскому Симеону Гордому, который отправил в Новгород своего брата Ивана (будущего великого князя Ивана Красного, отца Дмитрия Донского). Однако действенной помощи новгородцы не получили: князь Иван медлил, псковское войско прибыло, но быстро ушло домой, получив весть о нападении немцев на окрестности Пскова (см. ниже). Между тем шведы 6 августа 1348 г. взяли Орешек штурмом. Перед отправкой домой король Магнус оставил там сильный гарнизон: судя по тому, что шведы пытались крестить ижору, они намеревались прочно закрепиться в этом регионе.

Для новгородцев возвращение Орешка стало делом принципа. Уже осенью они осадили город и снова взяли его 24 февраля 1349 г. Война продолжалась до 1351 г. и затронула Ижору, Карелию, Выборг и даже северные районы Норвегии [подробный анализ событий дан в книге И.П. Шаскольского: 9, с. 142–164]. Применительно к рассматриваемому нами сюжету это означает, что война с Магнусом связала руки новгородцам в момент нового обострения ситуации под Изборском.

Второй бой под Изборском. Победа на реке Стреве 2 февраля 1348 г. и последовавшее за

ним перемирие на некоторое время ликвидировали литовскую угрозу Пруссии и Ливонии. В этой ситуации у приехавших в Пруссию «гостей», которые желали продолжить военные подвиги, оставалась возможность проехать в Ливонию и принять участие в походе на русских «схизматиков» (подобная практика существовала в XIV веке и была зафиксирована источниками [1, S. 202–208]). У Ливонского ордена появилась чрезвычайно удобная возможность отомстить Пскову за его вмешательство в восстание эстов в 1343 г.

Уже летом 1348 г. немцы «*розкинуша мирнии грамоты съ псковичами*» (по-видимому, в предыдущие годы было заключено перемирие) и совершили серию нападений: на севере – в районе реки Наровы, затем уже в самом центре псковских владений – под Островом, Изборском, «*пожгоша дворы*» и под самим Псковом [10, с. 12; см. также: 11, с. 26, с. 98]. Именно эти нападения заставили псковское войско отказаться от помощи новгородцам против короля Магнуса и вернуться домой.

Основные военные действия развернулись весной 1349 г. и вновь оказались связанными с Изборском и князем Юрием Витовтовичем. На Святой неделе после Пасхи князь Юрий приехал в Изборск, чтобы освятить новопостроенную церковь. Дальнейшие драматические события изложим словами псковского летописца:

«В среду в 15 день, на память святого мученика Савы Стина, внезапу пригнаша Немци ко Изборьскоу ратью о полоудни, а князь Юрьии еще бяше во Изборске, и выеха князь Юрьии противъ их, такоже псковичи и изборяне выидоша пеши противъ Немець. И на первом стоупе оубиша князя Юрья, и другаго Юрья Омачина брата, и иных многых людеи изборянъ; бысть же тогда во Пскове скорбь и печаль велика; и проводиша князя все поповьство, положиша и во святеи Троици» [10, с. 20].

Этот бой получил отражение и в немецких источниках, что дает нам возможность взглянуть на события «с той стороны фронта». Речь идет о похвальных песнях Петера Зухенвирта, посвященных австрийским рыцарям Хансу фон Трауну и Фридриху фон Кройцпеху. Оба рыцаря неоднократно принимали участие в походах на Литву и Русь. В 1348–1349 гг. (датировка обоснована нами в отдельной публикации, см. ниже) они проехали из Пруссии в Ливонию («*von Preuzzen hin gen Eiflant*»), где приняли участие в бое с «*белыми русскими*» у города Изборска. В песне, посвященной Хансу фон Трауну, об этом событии рассказано более подробно [2, S. 59]:

Di Weizzen Reuzzen heten mut
tze raisen auf di christen…

Белые русские имели мужество
выехать против христиан…

…

ein hertzog ward erslagen
in Reuzzen von sein selbes hant…

один герцог был убит там в Руссии
его [Ханса] собственной рукой…

…

da ritterleich gestürmet wart
Eisenwurch di guten stat
in Weizzen Reuzzen, do er trat
gen schüzzen und gen würffen…

там они мужественно штурмовали
славный город Изборск
в Белой Руссии, там он выступал
против стрел и града камней…

…

Dar nach gen Weizzen Reuzzen
fur Eisenburk für der gehewer,
da ein grozze schumphfentewer
geschach, da wol ist von ze reden.

Оттуда в Белую Руссию
к Изборску, в битву,
большая схватка там
была, о ней еще будут говорить.

Свидетельство о подвигах Фридриха фон Кройцпеха более кратко [2, S. 46]:

Событийная канва сообщения псковских летописей и похвальных песен Зухенвирта совпадает: здесь и там бой под городом, в котором погибает русский князь/герцог; подчеркивается, что город так и не был взят. Не вызывает сомнения и отождествление города *Eysenburch* с Изборском, название которого явным образом было поэтически переосмыслено Зухенвиртом как *Eisenburg* – «Железный замок», благодаря чему и попало в похвальные песни. Обстоятельства боя под Изборском 15 апреля 1349 г. и проблема «*белых русских*» были рассмотрены нами недавно в двух специальных публикациях, к которым мы отсылаем читателя [12; 13]. Отметим лишь, что применительно к этим событиям впервые на немецком языке прозвучало обозначение «*белые русские*», что представляет несомненный интерес для белорусской историографии.

Стремясь закрепить успех, немцы в том же 1349 г. построили городок на реке Нарове напротив псковских владений. В ответ на это псковичи «*подъимше область свою, поехаша в лодьях со Иваном посадником, а иные на конех*»,

захватили и сожгли городок и посекли его защитников – «*Немцы и Чюдь*». Можно сказать, что псковичи отомстили немцам за поражение под Изборском и смерть князя Юрия Витовтовича, а разрушением нового городка на Нарове взяли своеобразный реванш за неудачи под Нейгаузеном. Данный эпизод еще раз показывает, насколько важно было псковичам не допустить создания постоянных немецких укрепленных пунктов у своих рубежей [10, с. 20].

В том же году «*отрекоша псковичи Андрею князю*», поставив ему в вину, что он княжил у них не сам, а через наместников. В ответ на это Ольгерд начал враждебные действия против Пскова. Впрочем, замечает летописец, Ольгерд и прежде держал «*нелюбие*» на Псков – отношения республики и великого князя так и не сложились. По приказу Ольгерда в Полоцке и других городах Литвы были задержаны и ограблены псковские купцы, Андрей же с полочанами разорил несколько сел в Вороначской волости. Летописец обещал рассказать об этих событиях подробнее, но не сдержал обещания, лишь кратко упомянув поход псковского войска с князем Евстафием «*к Полотску*». Все псковские летописи датируют этот поход по-разному: 1-я летопись – 1352 и 1357 гг. (вероятно, дважды рассказывая об одном событии), 2-я летопись – 1358 г., 3-я летопись – 1355 г. [10, с. 22; 11, с. 27, 102]. Для целей нашей работы подобные разночтения не принципиальны: ответный поход псковичей на владения Андрея Ольгердовича состоялся, но оказался заслоненным главным событием 1350-х годов – страшной эпидемией чумы, подробному и горестному рассказу о которой и посвящают свои страницы летописцы.

Напряжение вокруг Ливонии не спадало. 25 мая 1350 г. великий магистр Тевтонского ордена издал в Мариенбурге распоряжение, согласно которому новым пленникам Ордена в Эстонии следовало раз в год быть готовыми к походу за Нарву и Двину, т.е. против русских и литовцев [4, S. 458–459]. Весной 1351 г. римский папа Климент VI направил послание Ордену, епископам Дерпта и Эзеля и ливонским городам с призывом не допускать продажи оружия и иных товаров русским (на что жаловался король Магнус) и продолжить против них войну. Казалось, что предстоят новые ожесточенные битвы.

Мир без договора. Но неожиданно война завершилась... У нас нет прямых свидетельств о заключении мира, однако и русские, и немецкие источники не сообщают ни об одном военном конфликте на протяжении всех 1350-х годов. Вероятно, свою роль в деэскалации конфликта сыграла эпидемия чумы, охватившая этот регион Восточной Европы. «Черная смерть» поразила Ливонию в 1351 г. [3, S. 77], свирепствовала в Пскове на протяжении всего 1352 г. [10, с. 21–22], а оттуда перекинулась на Новгород в августе 1352 г. и продолжалась до марта 1353 г. [5, с. 362–363]. Ситуация «без заключения мира, но и без войны» сохранилась и после отступления «черной смерти». Внимание Латинской Европы было в 1350-е годы приковано к борьбе за земли Галицко-Волынской Руси, новому витку военной конфронтации с Литвой, бесплодным переговорам императора Карла IV с Ольгердом и Кейстутом о крещении и т.д.

На ливонско-русской границе долгое время было мирно. Только начиная с 1362 г. летопись фиксирует нарастание инцидентов на границе. В последующие годы летопись говорит о поездках послов, спорах с немцами из-за рыбных угодий, накоплении взаимных обид и т.д. Наконец, в 1368 г. нараставшее напряжение разрядилось: немцы напали на Псков и сожгли посад, в ответ псковичи и новгородцы «*поидоша к Новомоу городкоу*» – уже хорошо знакомому нам Нейгаузену. Начался новый цикл конфликта, а за ним и новая приграничная война, на этот раз растянувшаяся на «*много время, по 5 лет*» [10, с. 23; см. также: 11, с. 27–28, 103–105].

Заключение: *облики войны*. Чем выделяется рассмотренная «забытая война» на ливонском пограничье в 1340-х гг.? На наш взгляд, основной интерес представляют действия (и скрытая за ними мотивация) субъектов военного конфликта. Национальные историографии XIX–XX вв. предпочитали рассматривать такого рода конфликты в широком «национально-государственном» контексте: «русско-ливонская» (а то и «русско-немецкая») война, «борьба Великого княжества Литовского с Ливонским орденом» и т.п. Нельзя сказать, что подобная постановка вопроса является неверной. Но это только *один из уровней* интерпретации. Рассмотренный нами сюжет позволяет выделить разные уровни и типы конфликтов:

- «большая война» крупных государственных образований – Великого княжества Литовского, Тевтонского ордена, Шведского королевства, проводивших глобальную политику расширения своего влияния;
- «локальные войны» региональных центров, защищавших собственные интересы – в нашем случае Витебское княжество, Новгородская и Псковская республики, ливонское отделение Ордена, Дерптское епископство и др.;
- «войны этносов и конфессий», столь близкие духу национальных историографий

XIX–XX вв., – в рамках нашего повествования это восстание эстов в 1343–1345 гг.;

• «частные войны», встраивающиеся в контекст «больших» и «локальных войн» – таковы набеги псковских ватажек (особенно выразительные в описании Псковской 3-й летописи), сезонные рейзы крестоносных «гостей» и т.д.;

• наконец, «индивидуальные войны», куда можно отнести «поход на край известного мира» австрийских рыцарей Ханса фон Трауна и Фридриха фон Кройцпеха, особенно последнего, которому во время его путешествия (Италия, Испания, Иерусалим, Синай, Каир, Армения, Иерусалим (во второй раз), Кипр, Константинополь, Кафа, «Татария», «Руссия», Польша, Пруссия, Ливония, Изборск и дальше – Швеция, Норвегия, Англия и т.д.) почти наверняка было все равно, с кем скрестить копье в рыцарском бою.

Различные уровни конфликта предполагают и их разную мотивацию, а также переплетение этих мотиваций. Представляется, что далеко не всегда мы можем рационализировать действия субъектов конфликта 1340-х годов в категориях политики государств Нового и Новейшего времени. Осознавали ли псковские посадники, ответившие на убийство послов (обусловленное вполне случайными и бытовыми мотивами) серией военных набегов, что они вызовут локальную войну, имеющую тенденцию перерасти в большой региональный конфликт? Наверное, должны были осознавать, но это осознание конкурировало в их расчетах с привлекательной возможностью здесь и сейчас пограбить немецкие села. Что было причиной, а что поводом войны великого князя Ольгерда против Новгорода в 1346 г. – государственные интересы ВКЛ (или Витебского княжества) [14] или реакция на оскорбительное наименование «*собакой*», которое следовало немедленно смыть кровью? И можно ли в этом случае четко отделить причину от повода? На наш взгляд, политика государственных образований разного уровня (а таковая, несомненно, присутствовала – в Вильно, Витебске, Мариенбурге, Дерпте, Новгороде, Пскове и т.д.) соседствовала в качестве причин с чисто импульсивной реакцией – той самой «пылкой верностью сторонников», о которой как о вполне реальной причине военных конфликтов говорил такой знаток средневековой культуры, как Й. Хёйзинга. Все эти причины и импульсы соседствовали и переплетались в различных сочетаниях. В выбранной нами перспективе наблюдается и цикличность, если можно так сказать «поколенность» войн. Очевиден энтузиазм, с которым все заинтересованные стороны (в треугольнике русский Псков – литовский Витебск – немецкий Нейгаузен) устремились в военный конфликт 1341–1342 гг. Когда десятилетием спустя этот потенциал был исчерпан, война естественным прекратилась, даже без внятного оформления мирного договора. К началу 1360-х годов подросло новое поколение, которое было готово попробовать себя в войнах с язычниками/схизматиками/немцами, – и колесо войны вновь завертелось. Очевидно, если мы рационализируем всю эту проблематику и сведем ее к прагматизму политики государств образца Нового и Новейшего времени, мы что-то потеряем и в понимании событий, и в самом духе Средневековья.

Литература

1. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 1. – Sigmaringen, 1989.
2. Peter Suchenwirt's Werke aus dem vierzehnten Jahrhunderte: Ein Beytrag zur Zeit- und Sittengeschichte / Hrsg. von A. Primisser. – Wien, 1827.
3. Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 2. – Leipzig, 1863.
4. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F.G. von Bunge. – Bd. 2: 1301–1367. – Reval, 1855.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / под ред. и с пред. А.Н. Насонова. – М.–Л., 1950.
6. Кузьмин, А.В. Восточная Европа и поражение войск Великого княжества Литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г.: военные и внешнеполитические итоги / А.В. Кузьмин // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 5. – Минск, 2012. – С. 84–115.
7. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 2. – Sigmaringen, 1995.
8. Nikžentaitis, A. Die friedliche Periode in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und dem Grossfürstentum Litauen (1345–1360) und das Problem der Christianisierung Litauens / A. Nikžentaitis // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – Bd. 41. – Stuttgart, 1993. – S. 1–22.
9. Шаскольский, И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке / И.П. Шаскольский. – Л., 1987.
10. Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 1. – М.–Л., 1941.
11. Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 2. – М., 1955.
12. Мартынюк, А.В. Кто и когда впервые произнес на латыни и по-немецки «Белая Русь»? / А.В. Мартынюк // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.). – М., 2015. – С. 27–38.
13. Мартынюк, А.В. Кто убил Юрия Витовтовича? Опыт историко-криминалистического расследования / А.В. Мартынюк // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 2(64). – С. 55–61.
14. Варонін, В.А. Княжанне Альгерда ў Віцебску / В.А. Варонін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 7. – С. 4–14.

Поступила в редакцию 22.06.2016 г.

УДК 355.486:356.168(430)«19»

Немецкие разведывательно-диверсионные школы на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны

Кулинок С.В.

Учреждение «Белорусский государственный архив научно-технической документации», Минск

В годы оккупации Беларуси немецкие спецслужбы создавали специальные разведывательно-диверсионные школы (курсы), в которых готовились разведчики, диверсанты и террористы для действий в советском тылу и партизанских формированиях.

Цель статьи – рассмотрение деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Витебской области.

Материал и методы. *Исследование проводилось на основе документов фонда № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь. Теоретико-методологическую основу статьи составляет комплексное использование принципов и методов, выработанных исторической наукой.*

Результаты и их обсуждение. *Из 9 разведывательно-диверсионных школ и курсов, действовавших на территории Витебской области, три – в Шумилино, Городке и Сенно – готовили агентов-детей. В Полоцке, Сенно, Лепеле и Орше обучалось большое количество молодых девушек и женщин. В Орше с весны 1943 г. действовала одна из самых крупных школ не только на территории Витебской области, но и СССР, где проходило обучение более пятисот агентов. Школы создавались как под патронажем немецкой военной разведки (абвера), так и службы безопасности СД и тайной полевой полиции (ГФП).*

Масштабная деятельность немецких спецслужб по организации разведывательно-диверсионных школ и подготовке агентуры, в том числе и из числа женщин и детей, для шпионской и террористической работы оказалась провалена. Органы партизанской контрразведки своевременно выявляли и разоблачали засылаемую в отряды агентуру и получали необходимые сведения о различных аспектах деятельности немецких секретных органов. Добытые установочные данные об агентах, обучавшихся в спецшколах на территории Витебской области, передавались в партизанские соединения других областей и органы государственной безопасности, что позволяло своевременно их разоблачать.

Заключение. *В целом результаты деятельности засылаемой агентуры оказались незначительными, хотя имели место отдельные успешные операции. Это стало возможным благодаря большой работе по выявлению разведывательных учебных заведений и разоблачению агентуры, которая проводилась контрразведывательными органами партизанских формирований и спецгруппами НКВД-НКГБ.*

Ключевые слова: *абвер, агент, Белорусский штаб партизанского движения, разведывательно-диверсионная школа, шпион.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 39–44)

German Intelligence and Sabotage Schools in Vitebsk Region during the Great Patriotic War

Kulinok S.V.

Establishment «Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation», Minsk

During the occupation in Belarus German intelligence agencies created special intelligence and sabotage schools (courses), which trained scouts, saboteurs and terrorists for operations in the Soviet rear and partisan formations.

The purpose of the article is to consider activities of German intelligence and sabotage schools and courses in Vitebsk Region

Material and methods. *The study was conducted on the basis of the documents of Fund No 1450 (Belarus Headquarters of Partisan movement) of the National Archives. Theoretical and methodological basis of the article is the integrated use of the principles and methods of research, developed by historical studies.*

Findings and their discussion. *Of the 9 intelligence and sabotage schools and courses operating in Vitebsk Region, three – in Shumilino, Gorodok and Senno – trained agents-children. A large number of young girls and women were trained in Polotsk, Senno, Orsha and Lepel. In Orsha in spring of 1943 another school was opened, which was the largest schools not only in Vitebsk Region, but also in the USSR, where more than five hundred agents were trained. Schools were established under the patronage of not only the German Military Intelligence (the Abwehr) but also SD Security Service and the Secret Field Police.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: svkulinok@tut.by – **С.В. Кулинок**

The large scale activities of German intelligence services about the organization of reconnaissance and sabotage schools and training of agents, including those of women and children, turned out to be a failure for espionage and terrorist work. Partisan counter intelligence timely detected and exposed agents and obtained the necessary information about different aspects of German secret police. Obtained data about agents, trained in special schools on the territory of Vitebsk Region, were transferred to partisan units in other Regions and to state security agencies, allowing them to promptly disclose.

Conclusion. *In general, the results these activities were minor, although there were some successful operations. This became possible due to huge work carried out by counterintelligence agencies in partisan units and special groups of the NKVD-NKGB, which identified schools and exposed intelligence agents.*

Key words: *Abwehr, agent, Belarusian Headquarters of Partisan Movement, intelligence and sabotage school, spy.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 39–44)

Практически сразу после оккупации территории Беларуси немецкие спецслужбы приступили к организации целой сети специальных разведывательно-диверсионных школ и курсов, где готовились агенты для выполнения шпионских и террористических заданий как в тылу Советского Союза и Красной Армии, так и в партизанских формированиях. Эту работу проводили не только органы немецкой военной разведки – абвера, но и другие специальные службы: служба безопасности СД, тайная полевая полиция (ГФП), жандармерия. С целью противодействия массовой партизанской и подпольной борьбе на территории Витебщины было открыто 9 специальных школ и курсов, готовивших разведывательно-диверсионную агентуру. Социальная база вербуемых была достаточно широкой: военнопленные и дезертиры, женщины и девушки, несовершеннолетние дети. Для подготовки детей-диверсантов были открыты спецшколы в Городке и Шумилино. В результате только за 1942 – первую половину 1943 г. на территории Витебской области партизанами было разоблачено и расстреляно 298 немецких агентов. Это больше, чем на территории любой другой области БССР.

Цель статьи – рассмотрение деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Витебской области, определение основных направлений и результатов этой работы.

Материал и методы. Основу исследования составляют новые и неопубликованные разведывательные документы фонда № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь. Теоретико-методологическая основа статьи – комплексное использование принципов и методов, выработанных исторической наукой.

При исследовании проблемы автор исходил из принципов историзма, объективности, системности и ценностного подхода. Принцип объективности предполагает всесторонность изучения исторических явлений и процессов во всей их сложности, разносторонности и противоречивости. Этим принципом руководствовался автор в ходе изучения каждого из учебных заведений, динамики их деятельности в условиях немецкой оккупации, определения степени достоверности, объективности и информативности документальных источников по теме. Важное значение имеет реализация принципа объективности при формировании источниковой базы исследования, то есть при выявлении и отборе источников. Исследование осуществлялось с использованием таких специально-исторических методов, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный. Кроме того, применялись следующие методологические приемы: анализ, синтез, обобщение и сравнение.

Результаты и их обсуждение. Первая разведывательно-диверсионная школа на территории Беларуси была создана в августе 1941 г. абвером в Борисове. В конце этого же года открывается аналогичное заведение в Минске. К концу 1942 г. действуют минимум четыре спецшколы на территории Витебской области в следующих населенных пунктах: Витебске, Полоцке, Городке и Шумилино.

Говоря о степени изученности темы в отечественной и зарубежной историографии, необходимо отметить, что объектом исследования становилась лишь школа в Витебске. В работах российского историка С. Чуева приводятся некоторые данные о деятельности спецшколы в городе на Западной Двине, которые впоследствии использовались и другими учеными: В. Надтачаевым, Э. Иоффе др. В частности, указывается, что школа «действовала при абвергруппе-210. Полевая почта № 16863. Дислоцировалась под Вязьмой, затем в д. Добрино Витебской области и вела подготовку агентуры для проведения подрывной и разведывательной работы в тылу советских войск. Агентура вербовалась сотрудниками абвергруппы из советских военнопленных в лагерях в Вязьме и Дорогобуже. Количество обучающихся – до 50 человек, срок обучения – 3–4 месяца. Переброска агентов в советский тыл производилась самолетами со Смоленского аэродрома и пешим порядком группами по 5–8 человек. Агентура получала задания – производить диверсии на коммуникациях Западного и Калининского

фронтов. С момента переезда абвергруппы-210 в деревню Москаленки Витебской области в декабре 1943 г. она прекратила подготовку и заброску агентов в советский тыл и главным образом занималась борьбой с партизанами. Официальный состав Витебской школы состоял только из сотрудников абвергруппы» [1].

Вместе с этим отметим, что история разведывательного заведения в Витебске более разнообразна. Главной особенностью деятельности немецких спецшкол на территории Беларуси (в том числе и Витебской области) была подготовка агентуры не для засылки в советский тыл, а для отправки в партизанские формирования. Безусловно имелся ряд школ, которые готовили зафронтовую агентуру (в Борисове, Витебске, Гомеле, Минске, Орше и др.), однако основная работа велась именно против «народных мстителей».

Школа в Витебске была первой, открытой на территории области. Партизанам из отряда «Крепость» в ноябре 1942 г. удалось получить ценные сведения от своего агента Зинаиды Саханенко, которая вошла в контакт с курсантом школы Борисом. В частности, она сообщила, что в Витебске обучается 17 человек военнопленных, взятых из разных лагерей. К занятиям приступили в начале октября 1942 г. Некоторое время школа располагалась по ул. Свердлова, 1. К концу ноября 1942 г. обучение было закончено (то есть продолжительность – 2 месяца). В январе 1943 г. Борис получил задание перейти линию фронта через территорию партизанских отрядов и бригады и направиться в район Брянского фронта, связаться с резидентом и шифром передать разведданные по части расположения военных гарнизонов, складов с боеприпасами, аэродромов и мест формирования частей. В беседе с Саханенко Борис заявил, что в советском тылу работать ему будет очень тяжело и он не знает, как ему поступить – заявить ли органам НКВД при переходе линии фронта или работать на немцев. В результате он сообщил связной свой шифр и ушел на задание [2, л. 155–156]. Деятельность школы тщательно легендировалась и скрывалась. Так, за три месяца школа поменяла 8 мест дислокации. Эти данные были переданы в Белорусский штаб партизанского движения (БШПД), а затем – в вышестоящие органы НКВД-НКГБ.

Летом 1943 г. 1-я партизанская бригада Захарова отчитывалась о том, что «шпионская школа с небольшим объемом подготовки находится в Витебске. В школе занимаются небольшими группами и группы находятся в строгой изоляции одна от одной» [3, л. 64 об.–66 об.]. С большой долей вероятности можно говорить о том, что в начале июля 1943 г. состоялся выпуск 17 человек казахов, которых готовил преподаватель школы капитан абвера Макс Бухгольц. Этот выпуск 8 июля 1943 г. в районе деревни Дубровно Городокского района соединился с крупным лжепартизанским отрядом «Свободные», подготовленным в Смоленске и направленным в Беларусь для антипартизанских действий против бригады Захарова [4, л. 105–106 об.].

Как минимум с осени 1942 г. действовала спецшкола в г. Полоцке. Отчитываясь о проделанной работе за первый квартал 1943 г., Витебская оперативно-чекистская группа сообщала, что 24 января 1943 г. на территории Дриссенского района был задержан Константин Кабак (Кабанов), который до сентября 1942 г. состоял в одном из партизанских отрядов, а затем перебежал к немцам. 25 октября он был завербован и «направлен в Полоцкую школу гестапо, по окончании которой был переброшен в партизанский район с задачей: осесть в Дриссенском районе, создать резидентуру, через которую распространять провокационные слухи об окружении партизан, сеять вражду между партизанами и населением, сжигать или отравлять партизанские склады, заражать бактериями скот». Школа размещалась по ул. Замковой в бывшей больнице им. Ленина. Руководителем учебного заведения был Карл Кризер, преподавателями – Фриц Альберт и Карл Гофман. В школе обучалось 50–60 человек, продолжительность курса – 1,5–2 месяца. Слушателей вербовали «за счет лиц, репрессированных советской властью, исключенных из рядов ВКП(б) и ВЛКСМ, дезертиров» [5, л. 166–167]. В январе 1943 г. в партизанские формирования Россонского района была разослана ориентировка, в которой передавались данные о 18 агентах, выпущенных полоцкой шпионской школой [6, л. 1].

Деятельность этой школы продолжалась и в последующие годы. Так, в июле 1943 г. в районе д. Липники была задержана женщина, которая ходила по лагерям и агитировала за то, чтобы все выходили из леса, спрашивала про партизан. После задержания и допроса этой женщины было установлено, что она являлась немецкой шпионкой и направлялась с задачей установить количество партизан. При себе имела немецкий пароль, написанный на клочке бумаги «Дневной пост Шариково». Кроме этого 8 узелков ниток, 4 разные фотографии, 12 штук крышек от немецких сигаретных коробок, одинаковых по своей форме, на которых она по краям делала надрезы ножом, если ей удавалось установить партизан. При опросе агент заявила, что «окончила 3-месячные курсы в г. Полоцке, где было выпущено 100 женщин и мужчин. Все они заброшены

в партизанские районы. После допроса она была расстреляна» [3, л. 80 об.–81]. В данном случае необходимо отметить два важных момента. Первое: в отношении учебного заведения в Полоцке используются понятия «школа» и «курсы». Принципиальной разницы и критериев отличия между ними нет. Поэтому корректным представляется применение обоих терминов. Второе: использование в качестве агентуры женщин и молодых девушек. В этом отношении полоцкая школа (курсы) стоит в одном ряду с аналогичными разведывательными учебными заведениями в Белом Переезде (Петриковский район), Бобруйске, Борисове, Волковыске, Ганцевичах, Гомеле, Минске, Слуцке и др., где готовились кадры «агентов в юбках». Необходимо отметить, что практика привлечения женщин и девушек к разведывательно-диверсионной работе на территории Беларуси была достаточно широкой.

В «Отчете о работе особого отдела при штабе соединения партизанских отрядов Минской области» за май 1943 г. отмечалось, что «вербовку в шпионаж гестаповцы проводят среди жен военнослужащих, беженцев и переселенцев, военнопленных евреев, молодых красивых девушек, детей-подростков, обещая им за это хорошую жизнь, некоторым выдают материальную помощь, а лица, не соглашающиеся на все эти обещания, запугиваются высылкой в Германию в трудовые лагеря или отнятием от них детей и прочее» [7, л. 137–137 об.]. 25 августа 1943 г. в разведывательном отделе БШПД составили аналитическую справку, в которой отмечалось, что «22 августа 1943 г. были разоблачены четыре агента гестапо, девушки в возрасте 18–25 лет из числа вывезенных немцами местных жителей в период блокировки района. Агенты были снабжены специальными пропусками на немецком языке светло-коричневого цвета. По этому пропуску беспрепятственен переход территории, занятой противником, бесплатный проезд по железной дороге и на автомашинах. Как видно из их показаний, гестапо поставило перед ними задачу: шпионаж в отряде, массовое отравление партизан и минирование партизанских дорог» [8, л. 65].

Специалисты из немецкой разведки и контрразведки давно заметили, что сотрудницы в решении многих задач бывают намного эффективней сотрудников. Некоторые задания, связанные со сбором данных, с внедрением, передачей шифровок, наблюдением за подозрительными лицами и работой под прикрытием будто специально созданы для женщин. Кроме того, женщинам-агентам гораздо легче было составить легенду для их внедрения в партизанские отряды, к примеру, под видом спасающихся от отправки в Германию, бежавших с принудительных работ, прячущихся от карателей. Для большей достоверности им давались малыши из детских домов. Возможности для подбора агентов из числа женщин на оккупированной территории также были значительно большими, чем агентов-мужчин, так как основная масса здоровых представителей сильного пола была мобилизована в армию, часть ушла в партизаны, а часть – в коллаборационисты. Каждый новый мужчина в партизанском соединении невольно вызывал подозрение и серьезную проверку.

К этому следует добавить тяжелые условия жизни в условиях оккупации, которая превращалась практически в ежедневное выживание. На протяжении всего периода войны женщины были объектами агрессии и притеснения. Прежде всего, молодые и привлекательные девушки и женщины становились жертвами насилия со стороны солдат и немецких пособников. Кроме того, им приходилось сталкиваться с массовыми формами шантажа, расстрелов, изнасилования, осквернения материнских чувств. Все эти факторы использовались немецкими спецслужбами при вербовке женщин. Им обещали деньги, товары широкого потребления и продукты, земельные участки и спокойную жизнь для родных и близких.

Другой социально незащищенной группой гражданского населения, которая активно привлекалась немецкими спецслужбами для разведывательно-диверсионной работы, были несовершеннолетние и подростки. В одном из партизанских отчетов указывалось, что «засылается также молодежь 1926–1929 г.р. для шпионажа и диверсий в партизанские отряды, предварительно проходя краткосрочные шпионские курсы. Одновременно засылая молодежь насильственным путем в партизанские отряды и зоны для шпионажа, гестапо в качестве заложников оставляет их семьи – матерей, отцов, братьев и сестер и в случае невыполнения приказания расстреливать их» [7, л. 30 об.–31]. В оперативно-разведывательной сводке БШПД на Калининском фронте от 15 апреля 1943 г. сообщалось: «В последнее время отмечены факты засылки противником в районы действий партизан детей местного населения в возрасте 8–15 лет, подготовленных к производству террористических актов против партизан. 7 апреля 1943 года партизанской бригадой Бирюлина в д. Михалково, что западнее деревни Курино, пойман 8-летний мальчик с пистолетом и отравляющими веществами в порошке, имевший задачу: убийство и от-

равление комсостава. Из немецкого гарнизона Заполье Суражского района направлено в Суражскую зону 4 группы малолетних диверсантов по 2–3 человека в каждой группе» [9, л. 201].

Для подготовки детей-диверсантов открывались специальные школы и курсы (постоянно действующие и разовые). На территории Беларуси они функционировали в Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Минске, Могилеве, Слуцке. Некоторые такие школы (курсы) также были созданы и на территории Витебской области. В разведывательной сводке БШПД от 25 декабря 1942 г. указывалось, что «на станции Шумилино (железная дорога Витебск–Полоцк) работает гестаповская школа по подготовке шпионов и террористов для засылки в партизанские отряды. В начале декабря 1942 г. было выпущено 40 человек подростков, прошедших подготовку в школе, которым было дано задание направиться в район Витебска, Полоцка, Орши: собрать разведданные о расположении партизанских отрядов, производить теракты против командного состава отрядов» [2, л. 59]. Было разоблачено двое мальчишек, которые бродили недалеко от лагеря партизан в оборванных одеждах. Они выслеживали стоянки партизан и через шпионку, прятавшую рацию в подвале сожженного дома, передавали сведения немцам.

Вторая такая школа в этот период действовала в Городке. Ее руководителем был некто Стрелецкий, подготовивший 25 детей-агентов для заброски в партизанские соединения [2, л. 110 об.]. К сожалению, других данных о работе подобных школ нет. С большой долей уверенности можно говорить о том, что это были «разовые школы», то есть готовившие единственный выпуск агентов и прекращавшие свою деятельность.

Единовременные курсы разведчиков в конце 1942 – начале 1943 г. действовали в лесах недалеко от г. Сенно. На них готовилось «до 140 человек, в основном жены полицейских, их дети до 14 лет, беспризорные и детдомовцы» [10, л. 13].

К весне 1943 г. активно действовала школа по подготовке разведчиков и диверсантов в г. Глубокое. Оперативно-чекистская группа «Бабушкин» выявила специальную группу из 12 человек, предназначенную для заброски в советский тыл для проведения индивидуального террора в отношении военных и государственных деятелей. Группе военных контрразведчиков под командованием капитана С. Чегринца удалось внедрить в школу своего человека. Из архивных документов известно, что школу в Глубоком «возглавлял князь Галицкий, граф Кочубей и эмигрант Садовский» [9, л. 123].

Наиболее крупной на территории Витебской области была разведывательно-диверсионная школа в Орше. Она действовала при 723-й группе тайной полевой полиции ГФП (часть № 09358) и располагалась на территории льнокомбината. В августе 1943 г. начальник оперативной группы ЦК КПБ(б)Б и БШПД на Западном фронте сообщал начальнику в штаб партизанского движения о том, что «при Оршанской школе гестапо обучаются три группы в составе 260, 150 и 135 человек со сроком обучения 6 месяцев. Занятия начались с первого мая 1943 г. В состав обучающихся входят только одиночные и групповые перебежчики на сторону немцев, кадровой службы в РККА... 31 июля 1943 года из Оршанской школы произведен досрочный выпуск 25 слушателей группы, состоящей из 150 человек, которые направлены со шпионско-диверсионными заданиями» [11, л. 1–3]. Преподавателями в школе работали бывшие офицеры Красной Армии: Поляшкин – бывший лейтенант, Руденко – бывший лейтенант, Мельников – бывший старший лейтенант, помощник начальника школы, Мутасин – бывший старший лейтенант, Васильев – бывший младший лейтенант, Ряполов – бывший лейтенант РККА [8, л. 21].

Подбор в спецшколу производился из лиц обоего пола и различного возраста. От разоблаченных шпионов были получены установочные данные на более чем 60 агентов, засланных как в советский тыл, так и в партизанские соединения. Так, из 35 отличников, досрочно окончивших школу, 15 агентов «направлены в восточные районы Могилевской области; 20 человек – в район Бобруйска и Березино с целью организации террористических актов в отрядах. Для этой цели последние снабжены отравляющими веществами в жидком и порошкообразном виде, а также имеют отравленный табак, папиросы марки “Киев”, сигареты, конфеты. Вооружены венгерскими пистолетами системы маузер-наган. Одеты в форму военнопленных без белья» [10, л. 250].

Основную часть вербуемых агентов составляли дезертиры, военнопленные или лица, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с немцами. Из 15 выявленных агентов, подготовленных при школе ГФП для деятельности на территории Шкловского, Толочинского, Оршанского, Круглянского и Крупского районов, четыре имели награды для «восточников», а несколько человек являлись перебежчиками из различных партизанских отрядов [12, л. 7 об.–8]. Также известно, что в марте 1944 г. школой в Орше был подготовлен вы-

пуск агентов-радистов для «оседания» на освобожденных территориях.

В начале 1944 г. партизанам удалось получить сведения о деятельности школы по подготовке разведчиков-радистов в м. Осинторф. На сегодняшний день достоверно установить статус данной школы не представляется возможным. Вероятно, это была одна из спецшкол, которые передислоцировались в Беларусь при освобождении территорий РСФСР Красной Армией, однако исключать возможность того, что это учебное заведение «автономно», также нельзя. Осинторф был одним из центров «народничества» (здесь формировались подразделения Русской национальной народной армии – РННА), поэтому профильной деятельностью школы была подготовка агентов-радистов из числа «восточников». В протоколе допроса немецкого агента Ивана Шемякова сообщаются установочные данные на 23 агентов, которые проходили обучение в Осинторфе. Некоторые из них окончили курс еще в марте 1943 г. Многие из них служили в различных военных коллаборационистских формированиях [11, л. 197–199].

Практически перед самым началом операции «Багратион» на имя Народного комиссара государственной безопасности БССР Л. Цанавы было направлено сообщение от заместителя начальника БШПД И. Ганенко, в котором указывалось, что партизаны Ушачской зоны задержали и разоблачили немецкого агента Шаптун Наталью, которая на следствии показала, что «она 1 мая 1944 года вместе с 14 девушками окончила немецкую разведывательную школу в г. Лепель, после чего была направлена с целью разведки в партизанские отряды. В школу была завербована агентурой немецкого органа “Корюк ГФП”, где обучалась 2 месяца» [11, л. 177–177 об.]. Других данных о деятельности школы на сегодняшний день не выявлено. Возможно, имел место единовременный курс подготовки.

Заключение. Подводя итог, необходимо отметить, что в период оккупации на территории Витебской области немецкие спецслужбы создали 9 разведывательно-диверсионных школ (курсов). Среди них были учебные заведения, организованные абвером, а также другими секретными органами – службой безопасности СД и тайной полевой полицией. По данным архивных документов первые подобные заведения открылись осенью 1942 г. в Витебске и Полоцке. В конце 1942 г. были осуществлены выпуски несовершеннолетних разведчиков и диверсантов из детских спецшкол в Городке и Шумилино. Социальную базу вербуемой агентуры составляли советские военнопленные и коллаборационисты, активно привлекались молодые девушки и женщины, беспризорники, детдомовцы и сироты. За годы оккупации в спецшколах на территории Витебской области по неполным данным было подготовлено более тысячи агентов различной специализации для засылки как на территорию Советского Союза, так и для отправки в партизанские формирования (приоритетное направление). Результаты этой деятельности не принесли желаемого результата немецким спецслужбам, хотя случаи успешной разведывательной работы отдельных агентов имели место.

Литература

1. Чуев, С.Г. Разведывательные и диверсионные школы абвера / С.Г. Чуев // Военно-исторический архив. – 2002. – № 11. – С. 135; Чуев, С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1 / С.Г. Чуев. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. – С. 236–237; Иоффе, Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. / Э.Г. Иоффе. – Минск: Харвест, 2007. – С. 126–127; Надтачаев, В.Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В.Н. Надтачаев. – Минск: Кавалер, 2008. – С. 159.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 887.
3. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1311.
4. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 850.
5. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 411.
6. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 450.
7. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
8. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 57.
9. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 5.
10. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
11. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 56.
12. НАРБ. – Ф. 1350. – Оп. 1. – Д. 35.

Поступила в редакцию 12.07.2016 г.

УДК 94(47).084.3«1920/1929»

Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.)

Филимонов А.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет», Псков (Россия)

Россия исторически сложилась и на протяжении всей своей многовековой истории функционировала в качестве многонационального государства. Многонациональный характер ее прослеживается и в судьбе отдельных регионов, особенно приграничных, где состав населения был смешанным. Это постоянно требовало от местных органов власти учета национальных особенностей и проведения соответствующих мероприятий в отношении «национальных меньшинств».

Цель статьи – проследить динамику численности белорусского населения в одной из приграничных российских губерний – Псковской в первое послереволюционное десятилетие, проанализировать основные мероприятия партийных и советских органов в «белорусском» вопросе, особенно в сфере языка и культуры.

***Материал и методы.** Исследование подготовлено на основе документов псковских архивов – Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), материалов всеобщих переписей населения и сообщений местной периодической печати. Основные методы – сравнительный анализ, описательный, историко-системный, историко-типологический.*

***Результаты и их обсуждение.** В дореволюционный период и в первые годы после 1917 г. доля белорусского населения в общей массе жителей Псковской губернии была невелика, что обусловило отсутствие какой-либо целенаправленной политики властей в «белорусском» вопросе. Положение изменилось с присоединением к ней трех уездов упраздненной Витебской губернии (1924 г.), в значительной мере населенных белорусами. Партийным и советским органам губернии пришлось преодолевать недооценку важности работы с белорусским населением, и в русле директив и указаний «центра» принимать меры по распространению в местах компактного проживания белорусов родного языка, открытию национальных школ и организации культпросветучреждений.*

***Заключение.** Партийные и советские органы Псковской губернии, а с 1927 г. – образованных вместо нее Псковского и Великолукского округов провели определенные мероприятия по изучению положения белорусского населения, расширению использования им родного языка в школах, клубах, избах-читальнях и др. Однако усилия эти оказались малоэффективными как по причине почти полного «обрусения» белорусов, так и слабого экономического тяготения районов Псковщины к Беларуси.*

***Ключевые слова:** белорусское население, национальные меньшинства, национальная политика, губернский комитет, родной язык, изба-читальня, национальная школа.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 45–55)

Belarusians in Pskov Region (the 1920's)

Filimonov A.V.

Federal State Educational Institution of Higher Education «Pskov State University», Pskov (Russia)

Russia has historically been, and throughout its long history functioned as a multinational state. Its multinational nature is traced in the fate of some regions, especially the border ones, where the composition of the population was mixed. Local authorities were constantly required to take into account national peculiarities and act accordingly in respect of national minorities.

The purpose of the article is to trace the population dynamics of the Belarusian population in one of the Russian border provinces – Pskov in the first post-revolutionary decade, to analyze the main events of Party and government bodies in the «Belarusian» issue, especially in the field of language and culture.

***Material and methods.** The study was prepared on the basis of the Pskov document archives – the State Archive of Pskov Region (GAPO) and the State Archive of the Recent History of Pskov Region (GANIPO), materials of general census of the population and local periodicals. Basic methods are comparative analysis, descriptive, historical, systematic, historical and typological.*

***Findings and their discussion.** In pre-revolutionary period and the first years after 1917, the share of the Belarusian population in the total mass of the inhabitants of Pskov Province was low, which resulted in the absence of any deliberate policy of the authorities in «Belarusian» issue. The situation changed with the accession to it of three districts of the abolished Vitebsk Province abolished (1924), largely populated by Belarusians. Party and Soviet bodies of the Province had to overcome the underestimation of the importance of working with the Belarusian population, and in line with the guidelines and instructions of the «center» to take steps to spread in the areas the native language of Belarusians, to open national schools and cultural and educational institutions.*

***Conclusion.** Party and government bodies of Pskov Province, and from 1927 the established instead of it Pskov and Velikiye Luki Districts, carried out some events to study the situation with the Belarusian population, to increase the use of their mother tongue in schools, clubs, reading rooms, etc. These efforts, however, proved ineffective, both because of the almost complete «Russianization» of the Belarusians and the weak economic inclination of Pskov areas to Belarus.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kafotist@pskgu.ru – **А.В. Филимонов**

Key words: *Belarusian population, national minorities, national policy, Provincial Committee, the native language, reading-room, national school.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 45–55)

Россия исторически сложилась как многонациональное государство, что проявлялось в смешанном составе населения отдельных регионов страны, хотя и в неодинаковой степени. Так, многонациональный характер населения России был мало типичен для традиционно «русской» Псковской губернии, где с давних пор, несмотря на близость ее к Беларуси и прибалтийским губерниям, преобладали славянские народы, и прежде всего русские. В дореволюционное время названием «русские» нередко объединялись три славянских народа: великороссы (русские), малороссы (украинцы) и белороссы (белорусы), хотя эти национальности учитывались и по отдельности. Так, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на основании позиции о родном языке (в Переписном листе отсутствовала графа «национальность» и присутствовал пункт «родной язык») в Псковской губернии числился помимо значительно преобладавших «великороссов» 2321 белорус, из которых подавляющая часть проживала в сельской местности (среди горожан их было всего 74 чел.). Больше всего белорусов находилось в Холмском, Порховском и Псковском уездах (всего уездов в губернии было 8), но в общей массе населения губернии доля их была очень небольшой – всего лишь 0,21% [1, с. 2, 48].

Это положение почти не изменилось и в первые послереволюционные годы. Хотя Всероссийская перепись населения 1920 г. выявила в Псковской губернии наличие 40 национальностей, на долю русского населения приходилось 96,8%. Численность же белорусов после предыдущей переписи даже уменьшилась, составив всего 1590 чел. Почти половина этого количества приходилась на Великолукский уезд, еще более 40% – на Холмский, Псковский и Торопецкий, в остальных же уездах число их было ничтожно малым (например, в Новоржевском уезде – всего 3 чел.); 2/3 всех белорусов проживали в сельской местности [2, с. III, 42].

Значительно увеличило долю «национальных меньшинств» в среде населения губернии присоединение к ней в 1924 г. трех уездов упраздненной Витебской губернии (Себежского, Невельского и Велижского), где проживало значительное число поляков, евреев и белорусов. Хотя 60% жителей указанных уездов были русскими, на втором месте после них стояли белорусы, на долю которых приходилось 35%. В Невельском уезде 45% всех белорусов были сельскими жителями, в то время как среди горожан они занимали всего 4,5% [3, д. 1500, л. 11, 13]. Поскольку Витебская губерния относилась к территории Беларуси, то при упразднении ее и передаче нескольких уездов Псковской губернии закономерно возникли вопросы, связанные с проведением линии границы, передачей имущества, учреждений и др. Поэтому во исполнение постановления Президиума ВЦИК от 24 марта 1924 г. была создана белорусско-псковская согласительная комиссия, приступившая к работе 31 марта в Витебске. Она действовала в течение нескольких недель, решив в числе прочих и множество возникавших спорных вопросов. Так, например, Витебский губернский съезд Советов постановил, что все уезды упраздняемой губернии, в которых преобладает белорусское население, должны отойти к Беларуси, и в связи с этим выразил неудовольствие тем, что Себежский уезд, в составе населения которого 31,8% составляли белорусы, отходит к РСФСР, т.е. к Псковской губернии. Велижский уезд вообще пришлось поделить: две его волости отошли к Беларуси, а оставшиеся шесть – Псковской губернии. Возникало и множество других спорных моментов, в разрешение которых вынуждена была вмешаться Москва, а сроки работы согласительной комиссии пришлось продлить [3, д. 1502, л. 116; д. 1560, л. 208–209, 318; д. 1327, л. 112, 117, 123–124; 4]. В конечном итоге все было разрешено, хотя по ряду вопросов стороны остались при своем мнении, но вынуждены были подчиниться воле Москвы.

Проблема, связанная с положением в Псковской губернии «национальных меньшинств», в том числе белорусского населения, освещения в научной и краеведческой литературе до настоящего времени не получила. Она не являлась предметом специального исследования, почти не затрагивалась в коллективных и обобщающих работах по истории Псковского края. Исключение составляют лишь выпущенные в 1971 г. «Очерки истории Псковской организации КПСС», но в них вопросы национальной политики только затрагиваются в виде небольших фрагментов. Отдельные аспекты деятельности партийных и советских органов среди белорусского населения нашли отражение в периодических изданиях губернии изучаемого периода, которые для современного исследователя выполняют роль источника. Поэтому настоящая статья представляет собой первую

попытку изучения «белорусского вопроса» в Псковской губернии и имеет целью проследить динамику численности здесь белорусского населения в 1920-е гг., проанализировать основные мероприятия партийных и советских органов, особенно в сфере родного языка и культуры, дать объективную оценку их эффективности.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основе документов псковских архивов – Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), – впервые вводимых в научный оборот, материалов всеобщих переписей населения и сообщений местной периодической печати. Для достижения поставленной цели использовались такие специальные исторические методы, как сравнительный анализ, описательный, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Увеличение доли белорусского населения в Псковской губернии, сосредоточенного главным образом в трех новых уездах, воочию показала Всесоюзная перепись населения 1926 г., и это впервые заставило партийные и советские органы обратить на него внимание. В отношении других «национальных меньшинств» работа в губернии уже велась: в губкоме РКП(б) были созданы эстонская, латышская, еврейская и польская секции, реализующие многие мероприятия организационного, просветительского и экономического характера, но не помышлялось о создании аналогичной белорусской секции, как и ведении какой-либо работы среди белорусов, например открытии специальных белорусских школ или культпросветучреждений. Пока губерния существовала в прежних границах, где белорусское население являлось немногочисленным, такая позиция была еще объяснимой, но она по инерции сохранялась и после 1924 г. Не замечали, например, даже употребления частью жителей белорусского языка, слышались утверждения типа: «Белорусов в этих уездах нет, а живет везде русское население со своим характерным деревенским оттенком в разговорной речи» [5].

Справедливости ради следует отметить, что робкие и отдельные попытки работы с белорусским населением все же намечались, главным образом, под давлением свыше – со стороны ЦК РКП(б) и Наркомпроса, требовавшим учета особенностей и специфики работы среди всех национальных групп. 27 июня 1925 г., например, Псковский губисполком впервые обсудил вопрос «Об открытии школ для обучения белорусского населения», поручив ГубОНО и уисполкомам «выяснить необходимость и целесообразность открытия школ с обучением на белорусском языке», для подготовки школьных работников признал необходимым направить на курсы в Минск 40 чел. – «при условии оплаты расходов по проезду частично за счет губисполкома и частью – Наркомпроса», губполитпросвету было поручено «произвести подготовку ликвидаторов неграмотности в районах, наиболее населенных белорусским населением» [3, д. 1506, л. 139]. В перечне мероприятий Псковского губисполкома «по углублению работы среди нацмен» на 1925 г. также значилось: «Опрос белорусского населения Себежского, Невельского и Велижского уездов на предмет выявления необходимости ведения среди них политпросветработы на родном языке» [3, д. 1683, л. 337]. Такой опрос был отчасти проведен во время перевыборов Советов, и 23 января 1926 г. Псковский губисполком специально рассмотрел вопрос «О ведении работы среди белорусского населения Псковской губернии». «Имея в виду сообщения мест из Себежского, Невельского и Велижского уездов, – записал он в постановлении, – что произведенный частичный опрос населения во время перевыборной кампании Советов доказал, что у белорусского населения этих уездов нет желания перейти на белорусский язык и что перевод школ и учреждений на белорусский язык будет против воли населения, но, учитывая неоднократные предложения Наркомпроса о переводе школ в этих уездах на белорусский язык, признать необходимым более глубокое изучение вопроса посредством опроса всего белорусского населения в указанных уездах. Просить Наркомпрос выслать специальную комиссию для опроса всего белорусского населения и окончательного разрешения данного вопроса на месте» [3, д. 1506, л. 397; 3, д. 424, л. 20]. Таким образом, основные мероприятия 1925 – начала 1926 г. сводились преимущественно к изучению «белорусского вопроса» в губернии на предмет целесообразности специального выделения его среди других направлений национальной политики. До практических мероприятий дело пока что не дошло, как не были преодолены и настроения значительной части руководящих работников о ненужности работы с белорусским населением по причине отсутствия такового.

Подобные настроения убедительно опровергли результаты переписи населения 1926 г. Она выявила, что в Псковской губернии проживало почти 140 тыс. белорусов, что составляло 7,68% всего населения. Оказалось, что после русских это была самая большая национальная группа в губернии: за белору-

сами следовали евреи, но их насчитывалось немногим свыше 28 тыс. – 1,47% всего населения (доля всех «национальных меньшинств» составила в общей массе населения 11,38%) [6]. Теперь уже никаких сомнений, даже у скептиков, не оставалось: белорусы в губернии есть! Основная их масса была сосредоточена в трех новых уездах, отошедших в 1924 г. от Витебской губернии, и отчасти в Великолукском уезде, главным образом, в сельской местности. В отдельных уездах и волостях процент белорусского населения был гораздо выше [7, д. 442, л. 17].

Но «наиболее многочисленное меньшинство губернии – белорусы, является в то же время наиболее забытым в смысле культурного обслуживания, – вынужден был признать печатный орган Псковского губкома ВКП(б), прояснив одновременно и причины подобного положения. – До сих пор мы не имеем ни одной школы, ни одного политпросветучреждения, где бы занятия проходили на белорусском языке; и некоторые товарищи до последнего времени отрицали самое существование белорусского языка у той части белорусов, которая проживает в пределах Псковской губернии. И в самом деле, несмотря не 9-летнее существование Советской власти, не было никакого требования со стороны самого белорусского населения, которое свидетельствовало бы о необходимости для белорусов иметь свои школы на своем родном языке. Выходило так, что сами белорусы как будто бы совершенно забыли свой родной язык.

Вопрос о просвещении белорусов на их родном языке был поднят со стороны Центра – НКПросом и отделом национальностей при ВЦИК – в 1924 г., после того как три уезда, наиболее населенные белорусами, отошли к Псковской губернии. В настоящее время, после долгих переговоров и даже частичных опросов самого населения, вопрос как будто бы сдвинулся с мертвой точки. Летом нынешнего года (1926 г. – *А.Ф.*) ГубОНО направило в эти уезды специального инструктора-белоруса для выявления положения на местах. Первые результаты его деятельности говорят о том, что белорусский язык в этих уездах нельзя считать погибшим... Выяснение вопроса о существовании белорусского языка производилось и со стороны Центра путем направления отдельных научных работников в эти уезды. Но губернские и местные организации не имеют никаких данных о результатах этих обследований. Губком считает возможным разрешить перевести работу в школах и избах-читальнях на белорусский язык при желании самого населения. Главная задача – пробудить в самом белорусском населении интерес к своему родному языку, вызвать потребность его изучения» [8, с. 29–30].

«Наступило время для усиления культурно-просветительской работы среди белорусов, – писала вскоре после этого губернская газета “Псковский набат”. – До сих пор были большие трудности в организации этой работы, потому что белорусами считали многих, ничего общего по языку, быту, культуре, обычаям и др. не имеющих с белорусами. Поэтому когда делались попытки вести работу на непонятном для них языке, то они не только не получали поддержки, но в большинстве случаев наталкивались на противодействие со стороны населения, т.к. мероприятия им были непонятны. Планомерной работы среди белорусов не велось... В этом учебном году еще нет ни одной школы, где занятия ведутся на белорусском языке. В виде опыта практикуется в нескольких школах чтение литературы на белорусском языке – в районах наибольшего местожительства. Это введено с согласия населения... Политпросветработы на белорусском языке нет...» В качестве первоочередной практической меры печатный орган губернии считал необходимым «для Невельского, Себежского и Велижского уезда иметь одного (второго) инструктора УОНО, знающего белорусский язык и могущего проводить работу одинаково на русском и белорусском языке», а также рекомендовал «начинать с развития культпросветучреждений на родном языке, которых не было вообще» [9]. Предстояло, прежде всего, тщательно выявить местности, где население говорило на родном языке и где в изучении и использовании его действительно была потребность, и уже после этого переходить к практическим мерам в работе среди белорусского населения.

В том же 1926 г. для руководства работой среди белорусов при Невельском УОНО был специально выделен инструктор – белорус Стефан Иванович Хайков, в задачу которому вменялось также обследование положения и в прилегающих уездах – Себежском и Невельском (существовавший при ГубОНО с 1922 г. Совет национальных меньшинств в начале мая 1927 г. по распоряжению Наркомпроса был ликвидирован и руководство работой возложено на губинспектора по работе среди национальных меньшинств). С помощью других специалистов С. Хайков провел изучение вопроса на предмет желания населения ввести обучение детей в школах на белорусском языке, представив результаты в ГубОНО. И последнее в отчете за 1926/27 учебный год отметило ряд факторов, тормозивших работу среди белорусского населения. Как это ни странно, но сами белорусы особого желания перейти к употреблению

родного языка и его изучению не проявили: «Основная масса белорусов в большой степени русифицировалась. Произведенными обследованиями, материалы которых в свое время были посланы в ЦК Совета нацмен НКПроса, установлено, что лишь весьма небольшой процент родителей-белорусов согласился на открытие для их детей чисто белорусских школ. Такое же отношение части взрослого белорусского населения и к белорусским культпросветучреждениям. Если со стороны других национальностей в деле поднятия своей национальной культуры было проявлено много энергии, со стороны же белорусских масс, благодаря, может быть, их более низкому культурному уровню, энергии в этом направлении проявлено было мало или вовсе не было...» Но все это «отнюдь не означает, что работу среди белорусов не нужно вести, – заметил при всем этом губисполком. – Наоборот. Но указанные моменты естественно были причиной тому, что за три года, как наиболее населенные белорусами уезды – Невельский, Себежский и Велижский – были присоединены к Псковской губернии, сделано немного по специально белорусской работе» [3, д. 1669, л. 302, 303].

Невельский уисполком, решив более тщательно изучить настроения населения, 19 ноября 1926 г. образовал специальную комиссию по проведению в районах расположения школ общих сходов, на которых предстояло выявить пожелания относительно перевода обучения детей на белорусский язык. Проводились эти сходы в местах наиболее компактного проживания белорусского населения. «Население тех деревень, где проводились собрания, – отмечал инструктор С. Хайков, – более чем на 80% говорит на белорусском языке, если и есть русские слова, то они полностью находятся под белорусским выговором и трудно их отличить от белорусского языка. Это особенно замечается в отдаленных деревнях и среди беднейшего населения». Но даже в этих местах отношение населения оказалось неоднозначным. «Сходы разделились на три группы, – продолжает С. Хайков. – Первая стоит исключительно за белорусский язык и за введение такового в школу. Вторая говорит: мы белорусы, по-белорусски говорим, но учиться как-то не интересно, ибо все смеются над нами в городах, особенно русских, когда туда едем на заработки. Но против введения белорусского языка не говорят. Третья, самая культурная часть, идет против, заявляя, что учиться белорусскому языку нет никакого желания...» [10].

Еще одним мероприятием инструктора С.И. Хайкова («штаб-квартира» его находилась в Невеле, как «центре белорусских уездов») стала организация курсов для подготовки работников, могущих вести работу среди белорусского населения на родном языке. Первоначально были проведены курсы ликвидаторов неграмотности, рассчитанные на обучение 30 человек. Невельский уполитпросвет направил для обучения 22 чел. из трех волостей, где имелись белорусы, остальные слушатели прибыли из Себежского уезда, Велижский же уезд не прислал «ни одного из-за отсутствия средств, а за свой счет они не поехали». Занятия на курсах начались 28 июля 1926 г. и продолжались ровно месяц – до 28 августа. Среди слушателей 60% были белорусами, 15% – русские и 25% – евреи. «Успехи были великолепны, – отмечал С.И. Хайков, – ибо курсанты писали безошибочно и переходили на разговорную речь. В своих анкетах они внесли пожелание продолжить работу по белорусоведению, и что белорусский язык есть их родной язык, разговорный язык деревенского уезда, на котором нужно обучать в ликпунктах».

Еще не завершили работу курсы ликвидаторов неграмотности, а уже с 15 августа начались занятия на курсах учителей (они продолжались также в течение месяца – до 15 сентября). На них предстояло обучить 30 чел., которых должны были по соответствующей разверстке направить из трех уездов. Но из-за отсутствия средств из Себежского и Велижского уездов ни одного курсанта не прибыло, и обучение проходили учителя только Невельского уезда. Перед началом работы была сформирована отборочная комиссия, которая зачисляла на курсы только тех учителей, которые проживали в волостях и деревнях с белорусским населением. Ими оказались учителя из нескольких волостей уезда – Новохованской, Володарской, Усть-Долысской, Изочинской, Чернецовской и Урицкой; 30 чел. были зачислены на полное содержание и еще 10 пожелали обучаться за собственные средства. В процессе обучения 5 чел. «за неимением средств» отсеялось, и в результате курсы окончило 35 чел. «Успех учительские курсы дали сверх ожидания, – подчеркнул С.И. Хайков, – слушатели даже выступали с ответными словами перед аудиторией в 400 чел. на белорусском языке. Успешно усвоили правописание, читали по-белорусски. Цель достигнута полностью – учителя вполне могут заниматься в школе на белорусском языке...» Учителя, как ранее ликвидаторы неграмотности, тоже признали необходимым «продолжить работу по белорусоведению».

Вскоре после завершения курсов Невельский УОНО разработал план введения родного языка в школах волостей с бело-

русским населением, переведя первоначально на него несколько групп. Для этого стали приобретаться учебники на белорусском языке [7, д. 428, л. 15]. Помимо обучения на курсах в Невеле летом 1926 г. еще 5 учителей-белорусов были направлены на курсы в Минск. В целом же первый опыт проведения курсов показал, что «что часть учителей-белорусов обнаружила определенную тягу к своему языку – 5 учителей помимо направленных приняло участие в курсах по своему желанию и на собственные средства, – отметил зав. ГубОНО Э.М. Экштейн. – В Невельском уезде выявлено 10 районов, в которых предполагается перевести школьные занятия на белорусский язык» [8, с. 30].

27 октября 1926 г. доклад о работе среди белорусов заслушивался секретариатом Псковского губкома ВКП(б), предложившего ряд направлений по ее активизации. «Учитывая, что работа среди белорусов до сих пор находилась только в стадии изучения, а также не была достаточно согласована с местными органами, что вызывало недоразумения на местах», секретариат предложил «фракции губисполкома поднять вопрос перед отделом национальностей ВЦИК о необходимости скорейшего выявления белорусского населения через НКПрос, чтобы иметь возможность точно установить – в каких районах школы должны быть переведены на белорусский язык». Не дожидаясь полного завершения этого мероприятия, секретариат считал возможным «частичный перевод школ и политпросветучреждений на белорусский язык, – там, где на это имеется полное согласие родителей, учащихся и самого населения», для чего предложил фракции губисполкома и укомам партии «дать указания на места о выявлении мнения населения об организации школ и изб-читален на белорусском языке», а ГубОНО – принять меры к обеспечению этих учреждений учебниками и литературой на белорусском языке, учителей и ликвидаторов неграмотности, окончивших курсы по белорусскому языку, в первую очередь использовать на работе в указанных учреждениях. Агитпропотдел губкома должен был связаться с белорусскими издательствами на предмет приобретения учебников и литературы на родном языке [11, д. 425, л. 180, 184; 7, д. 428, л. 14].

Менее чем через полгода, в начале марта 1927 г., секретариат губкома партии вновь вернулся к вопросу «о работе среди белорусского населения губернии», что свидетельствовало, с одной стороны, о повышении внимания к проблеме, а с другой – о недостаточной эффективности ранее намеченных мер. Секретариат поручил органам народного образования в очередной раз «выявить потребность населения в открытии школ и политпросветучреждений на белорусском языке, с тем, чтобы открытие учреждений можно было приурочить к началу 1927/28 учебного года», при проведении курсов учителей и политпросветработников на белорусском языке принимать на обучение исключительно тех работников, которые «с осени 1927 г. могут быть использованы на работе в белорусских учреждениях». Он же посчитал необходимым иметь в трех «белорусских» уездах губернии второго штатного инструктора ГубОНО, «знающего белорусский язык и могущего проводить работу одновременно на белорусском и русском языках», перед ЦК ВКП(б) поставить вопрос о введении в штате губкома партии должности ответственного секретаря белорусской секции. Поскольку в Невельском уезде «небольшие элементы по изучению белорусского языка (чтение книг и газет)» стали вводиться раньше, чем в других уездах (уже в 1926/27 учебном году), то предстояло провести тщательное его обследование [11, д. 451, л. 82, 87].

Комиссия, выделенная губкомом РКП(б), прибыла в Невель 23 мая 1927 г. и приступила к изучению вопроса, имея цель выяснить, «какие конкретно достижения имеются в работе среди белорусов, как выполняются директивы губкома в этом вопросе и что следует предпринять в будущем». По итогам работы комиссия подготовила обстоятельный доклад. Как оказалось, недооценка «белорусского вопроса» в уезде полностью еще не была преодолена. «Из бесед с местными работниками выяснилось, – отметили члены комиссии, – что комплексных масс белорусского населения в уезде якобы нет, а если и есть причисляющие себя к белорусам, то по своему языку и обычаям они мало чем отличаются от русского населения, почему и широкой работы среди белорусов на белорусском языке, мол, развивать нет необходимости... Не выезжая еще на место, комиссии удалось выяснить, что не исключены случаи неправильной оценки результатов переписи (переписи населения 1926 г. – *А.Ф.*). Например, инструктор переписи по городу Никольский (преподаватель педтехникума) сообщил, что он лично подсчитывал результаты переписи по городу и выяснил, что белорусов по городу имеется 491 чел., но белорусский язык своим родным языком записали только 4 чел. (остальные указали русский). Отсюда, естественно, напрашивается вывод, что у 99% всех городских «белорусов» национальные белорусские корни и связи проявляются лишь формально (по отдельному происхождению), о белорусском языке никто из них почти не имеет пред-

ставления. Этот факт натолкнул на мысль, что голого учета – сколько человек записано белорусами – еще далеко недостаточно для выявления необходимости ведения работы на белорусском языке. Необходимо выяснить, какое количество говорит на белорусском языке (или близко стоящие к нему)...» Поэтому члены комиссии считали, что даже к такому цифровому источнику, как результаты переписи населения, следует подходить с большой осторожностью, ибо «все зависит от переписчика».

Но не только неточность и запутанность учета сказывались на «белорусской» работе, но и сохранявшаяся ее недооценка, как и формализм. «Осенью 1926 г. уисполком и уком поставили задачу выяснения перспектив работы в уезде на белорусском языке, – отмечалось в докладе комиссии. – Это стало следствием нажима сверху, главным образом, со стороны органов, руководивших работой среди национальных меньшинств, помимо воли и желания уездных организаций... Была дана директива, чтобы на крестьянских сходах в конце ставить вопрос о желании населения вводить белорусский язык в школах и учреждениях». Момент постановки вопроса был выбран удачно (приурочен к перевыборной кампании), но работа проводилась формально. Формально этот вопрос рассматривали и волисполкомы, которые ограничились лаконичным сообщением, что «случаев выявления желания населения развернуть работу на белорусском языке не было». В данном случае недоучтен психологический момент, который играет большое значение. В дополнение к этому УОНО разработал и разослал по уезду анкету с вопросом о необходимости введения белорусского языка, но из большинства мест никаких ответов не получил. Уисполком же решил подойти к вопросу более серьезно, создав специальную комиссию, члены которой выезжали в школы в местах компактного проживания белорусов – Новохованской, Володарской и других волостей. В некоторых местах они созывали собрания с постановкой вопроса о целесообразности введения в школах белорусского языка. «К сожалению, материалы этих собраний очень скудны, резолюции очень кратки, – заметила губернская комиссия. – По этим материалам трудно судить о настроении...»

В подтверждение того, о чем ранее свидетельствовал С.И. Хайков, «почти на каждом собрании происходило разделение на группы: 1) резко отрицательное отношение к введению белорусского языка; 2) безразличное; 3) соглашались с введением отдельных элементов, но оговаривали – частично и постепенно...» Всего в уезде выявилось 6 школ, где население высказалось за постепенное введение белорусского языка. На них и было обращено внимание со стороны УОНО, хотя губернскую комиссию ряд моментов насторожил. В Урицкой волости, например, процент белорусского населения оказался наиболее высоким – 30,5% (6792 чел.), в то время как в среднем по уезду – 11,3%. Комиссии показалось это странным: Урицкая волость граничила с Великолукским уездом и была наиболее удалена от границы с Беларусью, а значит должна была менее всего подвергаться «белорусскому влиянию». В то же время граничившая с Беларусью Новохованская волость имела всего 4,2% белорусов (1109 чел.), хотя на самом деле их здесь должно было находиться гораздо больше, а желание изучать родной язык наиболее широким.

И вот, усомнившись в этом и полагая, что в подсчетах снова допущены ошибки, члены комиссии выехали в Новохованскую волость и в Белохвостовской школе созвали собрание крестьян с участием жителей многих окружающих деревень, решив самостоятельно изучить их настроения. «Они являлись охотно, услышав, что приехали представители губернии, – гласит запись доклада. – После постановки вопроса о введении белорусского языка мы убедились, что собрание действительно делится на три группы. Самая активная группа отнеслась резко отрицательно». Отношение к белорусскому языку будет ясно, если привести реплику одного из жителей на собрании: «Если бы знали, что по такому ерундовому вопросу собираете, не пришли бы, не стоило и от работы отрываться». Доводы против введения белорусского языка сводились к следующему: «Белорусский язык давно сгнил, никто на нем не говорит, нам полезнее было бы изучать еврейский или другой иностранный язык». Противники белорусского языка выступали так горячо, что один из них по адресу Хайкова сказал: «Когда говоришь ты по-русски – на человека похож, приятно послушать, а заговоришь по-белорусски, настоящий крокодил». Были и такие: «Что ж, ведь введение белорусского языка (частичное) в школу нам не повредит, а изучать его нам не мешает, т.к. живем рядом с Белоруссией, и мало ли какие-нибудь дела с ней, а то придет в сельсовет бумага на белорусском языке – и не прочитаешь». Встречалось, правда и благожелательное отношение к изучению белорусского языка, но весьма пассивное. Лишь одна крестьянка заявила: «Конечно, мы говорим по-белорусски, и изучать белорусский язык в школе нашим детям необходимо». Но итоги голосования по этому вопросу на собрании в Новохованской волости оказались для членов комиссии неутешительными: за введение

белорусского языка в школах проголосовало всего 12 чел. (из 80 присутствующих). Но даже эти результаты, по мнению комиссии, давали определенную надежду: хотя и проголосовало «за» только 12 чел., «но все же это показывает, что есть часть населения, желающая развертывания работы на белорусском языке».

Весьма неожиданными оказались для комиссии настроения и результаты в Урицкой волости. Когда ее члены поинтересовались у инструктора по переписи учителя Раздорова «Почему такое большое количество белорусов в волости?», то в ответ услышали: «А знаете, эта территория когда-то была под Белоруссией, и потому я инструктировал переписчиков так, чтобы записывали белорусами, а то ведь крестьяне и сами не знают, кто они такие». На вопрос «Какой язык эти “белорусы” записывали родным?» прозвучал следующий ответ: «Большинство записывали русский, я сам записался белорусом, а родным языком написал русский». После этого комиссия выехала в район коммуны «Маяк» той же Урицкой волости, где было проведено еще одно крестьянское собрание. Собрались крестьяне из 7 деревень, и большинство «были страшно удивлены, что их считают белорусами». «Это нас Мария Ефимовна перекрестила, – заявил один из пришедших на собрание, – никогда мы белорусами не были, и белорусский язык не понимаем». Присутствующая здесь же Мария Ефимовна (местная учительница) заявила, что она здесь ни при чем, а ее, мол, так инструктировали. «К выступившему на белорусском языке Хайкову, – записала комиссия, – прислушивались с интересом, но тут же заявляли, что этот язык для них совершенно чужой». При голосовании не нашлось ни одного человека, кто «поддержал бы необходимость введения хотя бы частично культработы на белорусском языке, даже от присылки газет и литературы решительно отказались: “На что нам, все равно будут лежать зря, никто не прочтет”. В результате сам белорус Хайков вынужден был признать, что здесь белорусов нет».

Комиссия, изучив то немногое, что все-таки в «белорусском вопросе» делалось, весьма критично оценила результаты проведенных летом 1926 г. курсов учителей и ликвидаторов неграмотности, подчеркнув, что подавляющая часть курсантов «не причисляла себя по национальности к белорусам, а по окончании лишь незначительное меньшинство принимало (и то случайно, не регулярно) участие в работе на белорусском языке. По сведениям УОНО в течение учебного года лишь 12 учителей из прошедших курсы принимали частичное участие в работе на белорусском языке. В Усть-Долысской школе имеется два учителя, принимающих участие в белорусской работе, по данным переписи в Усть-Долысской волости числится всего 199 белорусов. Спрашивается, среди кого здесь можно вести белорусскую работу?» «Белорусская» работа всех 12 учителей заключалась в следующем: ученикам по их желанию выдавались для чтения на дом книги и учебники, иногда чтение белорусской литературы устраивалось в школе, в отдельных случаях разучивались белорусские стихи и песни, изредка практиковались постановки. «Вся эта работа проводилась нерегулярно, в порядке проявления инициативы со стороны того или иного учителя, – записала комиссия. – Систематической белорусской работы (например, планомерного вкрапливания в учебный план преподавания белорусского языка и других видов работы на языке) в школах не проводилось, точные результаты выявить довольно трудно».

Через Наркомпрос БССР в уезд было направлено большое количество литературы на белорусском языке: учебников для школ I ступени – 5500 экз., политической литературы и беллетристики – 5100 экз., научных книг – 300 экз., но ко времени обследования большая часть ее оставалась не обработанной и даже не была разослана по школам: отправленными оказались всего 10% учебников, 60% беллетристики и 30% научной литературы. У местных органов (уисполкома и УОНО) не было даже достаточной ясности, какие волости и школы нуждаются в белорусской литературе и в каком количестве. В некоторые избы-читальни и школы через уполитпросвет были выписаны белорусские газеты и журналы, но использовались они в небольшой мере.

«Таким образом, предположение, что к переписи не было достаточно серьезного и вдумчивого отношения, подтвердилось, – подчеркивалось в докладе комиссии, – и это тем более непростительно, что белорусский вопрос для Невельского уезда в течение последних двух-трех лет является вопросом довольно больным, а также и весьма спорным». А посему, посчитала комиссия, «все районы Урицкой волости, где живут по данным переписи 6792 белоруса, должны подвергнуться со стороны уездных организаций детальному изучению...»

И, конечно же, комиссия сделала свое заключение, попытавшись объяснить причины пассивного и даже безразличного отношения белорусского населения к изучению и использованию родного языка. И здесь она коснулась экономического положения Невельского уезда, «и прежде всего экономи-

ческого тяготения и тенденций дальнейшего хозяйственного развития, что позволяет выявить направления развития языка и культуры». Границы уезда и численность населения несколько раз менялись, главным занятием жителей являлось земледелие, промышленность в уезде не получила значительного развития. Экономика уезда носила ярко выраженный «потребляющий» характер: хлеба собственного производства никогда не хватало, большое количество продуктов было привозным. Так, в 1925/26 г. в уезд было ввезено 150 тыс. пудов хлеба. Вследствие этого широкое распространение получили отхожие промыслы, и они были направлены отнюдь не в сторону Беларуси, а прежде всего Ленинграда, чему во многом способствовало удобное железнодорожное сообщение. Так, еще в дореволюционное время из уезда в Петербург ежегодно уходило до 16 тыс. чел., эта тенденция сохранилась и после революции. Экономические связи с Беларусью были слабыми: оттуда уезд получал спички, а в Витебск отправлял некоторое количество рыбы, с Ленинградом же, наоборот, эта связь крепла. Все это не могло не сказаться на «русификации» белорусского населения и выходе из обращения белорусского языка. «Белорусский язык, – отметила комиссия, – имевший в прошлом в Невельском уезде несомненно большие нормы, в течение последних 50 лет систематически и очень быстро вытесняется, т.к. все экономические связи населения Невельского уезда идут к северу (к Ленинграду)... Это определяет и направление эволюции языка, а значит население на белорусском языке в Невельском уезде будет уменьшаться, и потребность в нем тоже» [11, д. 451, л. 238–243].

Несмотря на такой вывод, члены комиссии в то же время не считали необходимым свернуть все попытки внедрения и изучения белорусского языка в уезде, как и в соседних Себежском и Велижском, тем более что об этом продолжали напоминать директивы вышестоящих органов. Такой же линии придерживался и Псковский губком ВКП(б), секретариат которого 11 июня 1927 г. заслушал доклад комиссии о результатах обследования работы среди белорусов в Невельском уезде. Он отметил, что уездные организации недостаточно изучали «белорусский» вопрос, особенно в местах компактного проживания белорусского населения, рекомендовал при составлении плана работы советских органов на 1927/28 г. обязательно предусмотреть вопросы работы среди белорусов, продолжить работу курсов учителей и политпросветработников на белорусском языке, но при этом «исходить из принципа, чтобы все прошедшие курсы работники могли быть посланы в районы проживания компактных масс белорусского населения и использованы на этой работе». Секретариат также посчитал целесообразным не ослаблять работы по введению белорусского языка в школах, «если будет налицо желание населения», и к этой работе «подходить осторожно и постепенно, начиная с простейших форм работы (чтение газет и книг, постановка спектаклей, разучивание отдельных песен) и вовлекая в нее не только детей-школьников, но и взрослое население», «эти простейшие формы работы прививать во всех школах, где в разговорном языке населения есть большее влияние белорусского языка и речи». При рассмотрении секретариатом указанного доклада было уже известно, что Псковская губерния вскоре перестанет существовать, поэтому он предлагал «при комплектовании штатов будущего Великолукского ОкрОНО включить в последний одного инспектора-белоруса для обслуживания белорусского населения округа» [11, д. 451, л. 230, 232].

С октября 1927 г. вследствие административной реформы территория упраздненной Псковской губернии была включена в состав обширной Ленинградской области, и вместо губернии были образованы два округа – Псковский и Великолукский. Бывшие Невельский, Себежский и Велижский уезды, разделенные на ряд более мелких районов, оказались в составе Великолукского округа. Поскольку именно эти уезды, а теперь районы, были местом сосредоточения в бывшей губернии основной массы белорусского населения, то процент его в составе теперь уже Великолукского округа значительно повысился, составив 33,6% [12, д. 172, л. 101]. Поэтому «белорусский» вопрос в округе становился еще более актуальным и оказался в поле зрения окружных организаций.

Уже в январе 1928 г. Великолукский ОкрОНО подготовил «Материалы по введению белорусского языка в культпросветучреждениях округа». Отметив, что «подготовительная работа к введению белорусского языка началась в 1925/26 учебном году (и тогда же были проведены курсы с преподавателями белорусского языка), в 1926/27 г. организовали такие же курсы для 36 учителей и 18 избачей, в 20 школах стали получать газеты на белорусском языке, ОкрОНО все же вынужден был констатировать, что «все эти мероприятия не имели достаточного успеха, т.к. со стороны населения встречалось противодействие данному вопросу». Но от избранного курса ОкрОНО все же не отказывался: хотя «вопрос о белорусизации уездов если и не стоит так остро в связи с тем, что экономическая тяга

населения направлена в сторону Ленинграда, то все же есть компактные массы белорусского населения, где вкрапливание белорусского языка необходимо». В то же время принципиально ничего нового в «белорусском» вопросе ОкрОНО не предлагал, решив продолжать то, что уже делалось ранее: «определить районы с компактным проживанием белорусского населения и провести работу по введению белорусского языка в школах», «распространить работу на белорусском языке на взрослое население в избах-читальнях, ликпунктах и др.», «учесть все силы, которые можно использовать в этом деле» и т.п. ОкрОНО, правда, наметил сеть школ и изб-читален, в которых введение белорусского языка предусматривалось осуществить уже в 1928/29 учебном году: в 11 школах (9 в Невельском районе и по одной в Пустошкинском и Поречьевском) и двух избах-читальнях, а в начале февраля 1928 г. решил созвать совещание руководителей учреждений, с которыми обсудить практические вопросы изучения белорусского языка: обучения чтению, письму, пересказу, разучиванию стихотворений, декламации, ведению беседы, выпуску стенгазеты и др. [12, д. 25, л. 98–99].

Намеченное совещание состоялось в конце марта 1928 г. в Невеле под названием «съезд просвещенцев-белорусов». На нем присутствовало 25 чел. – школьные работники, избачи и красноугольцы, заслушавшие доклад на белорусском языке. Вновь отмечалось, что «местные организации очень мало интересовались работой среди белорусов», в результате в Невельском, Пустошкинском и Поречьевском районах белорусский язык введен только в шести школах I ступени, окончившие их дети не имеют возможности продолжать изучение родного языка из-за неразвитой сети школ II ступени, развернули работу по культурному обслуживанию белорусов четыре избы-читальни, устраиваются спектакли на белорусском языке, выпускаются стенгазеты, но всего этого явно недостаточно [13].

К концу 1927/28 учебного года сеть белорусских школ в округе была доведена до 10 (с 15 комплектами и 600 учащимися), а к концу следующего, 1928/29 г., она расширилась до 25 школ. Но «белорусскими» эти школы можно было назвать с большой долей условности, ибо, как подчеркивал окружком ВКП(б), «все национальные школы работают на родном языке за исключением белорусских, где родной язык введен как отдельный предмет преподавания». Поэтому в следующем году намечались полный перевод на белорусский язык трех школ, введение предмета «Белорусский язык» еще в 10 школах Невельского района, выделение 1100 руб. для оказания помощи на питание детям бедняков-белорусов, организация двух белорусских ликпунктов и 4-х белорусских школ для малограмотного взрослого населения, 9 кружков при школах сельской молодежи [12, д. 143, л. 5, 17]. Секретариат Великолукского окружкома ВКП(б), заслушав 6 апреля 1929 г. доклад «о состоянии нацменработы среди белорусского населения округа», отметил «относительный сдвиг в сторону лучшего обслуживания населения школьной сетью..., политико-просветительского обслуживания, подготовки школьных работников», и для закрепления имеющихся достижений наметил ряд мер. Он предложил «провести широкую разъяснительную работу с белорусским населением о национальной политике партии и Советской власти; приступить к организации как в Великих Луках (при клубах), так и в районах (при избах-читальнях), имеющих белорусское население, групп белорусского актива, в которых начать изучение белорусского языка, истории Белоруссии, культуры и искусства; проработать вопрос об открытии одной белорусской школы повышенного типа (школы-семилетки, белорусского отделения при Невельском педтехникуме)» [12, д. 86, л. 55].

Но через год, в апреле 1930 г., бюро Великолукского окружкома ВКП(б), в очередной раз заслушав доклад «о работе среди нацмен», признало ее «совершенно неудовлетворительной» и рекомендовало ОкрОНО разработать новый план мероприятий по организации «соответствующей сети школ и изб-читален на белорусском языке». Речь также шла о вовлечении белорусского населения в колхозы [12, д. 172, л. 101–102].

Но в том же 1930 г. округа в качестве промежуточного звена между областью и районом были повсеместно ликвидированы, и теперь работу среди «национальных меньшинств», в том числе белорусов, предстояло продолжать районным организациям.

Следует сказать еще об одной странице, касающейся белорусского населения Псковского края и отношений его с Беларусью. С 1924 г., т.е. еще в «губернский» период, в Невеле начало действовать общество краеведения (в Себеже и Велиже они организовались только в 1926 г.), в его работе помимо других вопросов немалое место занимали этнографические проблемы, в частности состав населения. Один из членов общества Н. Зорин опубликовал по этой теме большую статью в сборнике псковских краеведов, рассмотрев в историческом аспекте вопрос о распространении белорусского языка и говоров и одновременно заметив, что «Институт культуры Белоруссии в последние два года посы-

лал в наши места несколько экспедиций – и просто обследовательских, и экспедиций научно-исследовательских (этнографическая экспедиция тт. Сербова и Гриневича и демографическая проф. Бузука)» [14, с. 33].

Комиссия губкома ВКП(б), изучавшая в мае 1926 г. состояние работы среди белорусского населения Невельского уезда, тоже определила: «общество краеведения в течение нескольких лет занималось изучением бытовых и разговорных особенностей Невельского уезда, в результате скопился ценный материал», но он «не используется в нужной мере при изучении белорусского вопроса, чувствуется оторванность общества от уездных органов». Секретариат же губкома при заслушивании доклада комиссии заметил, что в деле изучения белорусского вопроса «громадную помощь может оказать общество краеведения» [11, д. 451, л. 232, 243].

Факт пребывания белорусской этнографической экспедиции в Псковской губернии подтверждается и документально. В мае 1926 г. в Псковский губисполком от руководства Института Белорусской культуры поступило следующее письмо: «Для изучения народного быта, культуры материальной и духовной, народного искусства и живого языка бывшей части Витебской губернии, теперь находящейся в границах Псковской губернии, Институт Белорусской культуры снаряжает текущим летом в названные области этнографическую экспедицию под руководством ученого-этнографа Сербова Исаакия Аврамовича с прикомандированием к нему соответствующих специалистов. Отправным пунктом научной работы экспедиции намечены Невель и весь его озерный район до Рубежника на западе и Велижа на востоке. Просьба оказать вышеозначенному т. Сербову возможное содействие при выполнении возложенного на него поручения» [3, д. 1683, л. 912].

В 1926 г. в губернской газете появилось сообщение о первых в послереволюционное время археологических раскопках в Себежском уезде, начавшихся при проведении земляных работ: «Пограничный отдел под наблюдением уездного общества краеведения в местности, где в древности был “Себежский замок”, произвел выемку земли. Извлечены старые кирпичи, бронзовый браслет и гвозди», а затем в научное исследование включился Белорусский институт истории материальной культуры, сотрудники которого «под руководством проф. И.А. Сербова сделали раскопки при д. Чернея и Горбуны, причем обнаружены остатки кривичских погребений и найдены арабские и англо-сакские монеты. “Погребения” сфотографированы, а монеты отправлены в Белорусский институт материальной культуры» [15]. В июле 1927 г. в Себеже открылся музей истории местного края, и среди его экспонатов в числе прочих были «предметы, добытые из курганов, раскопки которых производились недалеко от Себежа. Есть коллекция орудий каменного века, найденных в Себежском уезде» [16].

Однако успешная деятельность краеведческих обществ на рубеже 1920–1930-х гг. прервалась.

Заключение. Партийные и советские органы Псковской губернии, а с 1927 г. – образованных на ее территории Псковского и Великолукского округов, постепенно преодолевая укоренившуюся недооценку «белорусского вопроса» вплоть до полного его игнорирования в начале 1920-х гг., вынуждены были им заняться. Они неоднократно предпринимали попытки изучения положения и нужд белорусского населения в местах компактного его проживания, анализировали результаты проводимых обследований, занялись вопросами использования белорусского языка в школах и культпросветучреждениях, распространения национальной литературы и др. Однако усилия эти, по собственному их признанию, оказались малоэффективными как по причине упорного нежелания самого белорусского населения, в значительной степени на территории Псковской губернии «обрусевшего», так и слабого экономического тяготения районов его проживания к собственно Беларуси.

Литература

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. XXXIV. – Псковская губерния. – Тетрадь 2. – Псков, 1904.
2. Данные Всероссийской демографической переписи населения 28 августа 1920 г. – Псковская губерния. – Вып. 1: пол, возраст, грамотность. – Псков, 1921.
3. Государственный архив Псковской области (далее ГАПО). – Ф. Р-590. – Оп. 1.
4. Псковский набат: орган Псковского губкома РКП(б) и губисполкома. – 1924. – 16 апр.
5. Псковский набат. – 1926. – 28 сент.
6. Псковский набат. – 1927. – 1 февр.
7. Государственный архив новейшей истории Псковской области (далее ГАНИПО). – Ф. 1. – Оп. 4.
8. Спутник большевика: орган Псковского губкома ВКП(б). – 1926. – № 10–11(62–63).
9. Псковский набат. – 1927. – 2 апр.
10. Псковский набат. – 1927. – 4 марта.
11. ГАНИПО. – Ф. 1. – Оп. 1.
12. ГАНИПО. – Ф. 5712. – Оп. 1.
13. Наш путь: орган Великолукского окружкома ВКП(б) и окрисполкома. – 1928. – 3 апр.
14. Зорин, Н. Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектическими особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения / Н. Зорин // Познай свой край: сборник Псковского общества краеведения. – Вып. 3. – Псков, 1927.
15. Псковский набат. – 1926. – 29 авг.
16. Псковский набат. – 1927. – 21 авг.

Поступила в редакцию 15.11.2016 г.

УДК 061.1ЕС(082):930

«Восточное партнерство» в оценках российского экспертного сообщества

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются позиции представителей российского экспертного сообщества на реализацию программы «Восточное партнерство» (ВП). После ее запуска в российской историографии стали появляться публикации, в которых анализируются основные успехи и провалы ЕС в рамках осуществления данного проекта на постсоветском пространстве.

Цель статьи – рассмотрение взглядов российских экспертов на эффективность реализации «Восточного партнерства».

Материал и методы. *Предлагаемое исследование осуществлялось на основе изучения публикаций российских авторов по внешней политике ЕС в отношении постсоветского пространства с использованием общенаучных и специально-исторических методов.*

Результаты и их обсуждение. *Особое внимание обращается на интерпретации представителями российского экспертного сообщества внешнеполитического поведения ЕС в рамках реализации «Восточного партнерства». В первую очередь анализируются взгляды российских экспертов на причины появления данной программы, а также проблемы и перспективы ее реализации. Показывается преобладание в экспертной среде критических точек зрения относительно ВП.*

Заключение. *В статье делается вывод о неоднозначности оценок российскими экспертами реализации европейской программы «Восточное партнерство». При этом автором подчеркивается факт преобладания в экспертном сообществе РФ скептических и негативных взглядов на ВП, что обусловлено их опасениями по поводу возникновения новых разделительных линий в Европе и возможного подрыва российского геополитического влияния на постсоветском пространстве. Эксперты, которые призывают не драматизировать ситуацию и считают действие «Восточного партнерства» не опасным для России, составляют меньшинство.*

Ключевые слова: *«Восточное партнерство», ЕС, постсоветское пространство, российские эксперты.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 56–60)

Assessment of Eastern Partnership by Russian Expert Community

Kosov A.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Ideas by Russian expert community on the implementation of Eastern Partnership (EP) program are considered in the article. After it was launched publications appeared in Russian historiography which analyzed EP program achievements and shortcomings in post-Soviet space.

The purpose of the article is to consider assessments by Russian experts of the efficiency of Eastern Partnership implementation.

Material and methods. *The presented research was conducted on the basis of studying publications by Russian authors on EU foreign policy in relation to post Soviet space using general scientific as well as special historical methods.*

Findings and their discussion. *Special attention is paid to the interpretation by Russian expert community of EU foreign policy behavior within EP implementation. First of all ideas by Russian experts on the causes of the appearance of the Program are analyzed as well as shortcomings and prospects of its implementation. Prevalence in expert community of critical points of view on EP is pointed out.*

Conclusion. *Conclusion is made on the differences among Russian experts' assessments of the implementation of EP European Program. At the same time the author stresses the fact of prevalence in Russian expert assessments of skeptical and negative points of view on EP which is conditioned by their worries of emergence of new boundaries in Europe and the possible undermining of Russian geopolitical influence in the post Soviet space. Experts, who appeal not to dramatize the situation and don't consider EP dangerous, are in minority.*

Key words: *Eastern Partnership, EU, post Soviet space, Russian experts.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 56–60)

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – **А.П. Косов**

Проект ЕС «Восточное партнерство» направлен на развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью постсоветскими государствами: Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Впервые совместная польско-шведская инициатива была обнародована 26 мая 2008 г. на заседании Совета по европейским связям [1]. Предложение Польши и Швеции вызвало неоднозначную реакцию в Евросоюзе. Так, 19–20 июня 2008 г. во время дискуссии о «Восточном партнерстве» сомнения в целесообразности данного проекта высказали не только ведущие страны Европы – Франция и Германия, но и такие государства, как Болгария и Румыния, выразившие опасения, что ВП может затормозить интеграционные процессы в Причерноморье. Однако «пятидневная» война в августе 2008 г. не только развеяла сомнения и ускорила процесс выработки данной программы, но и придала ей более жесткие формулировки. В итоге в мае 2009 г. в Праге прошел первый саммит «Восточного партнерства» [2].

Запуск европейской программы «Восточное партнерство» привел к повышению внимания российских исследователей к внешнеполитической стратегии Евросоюза на постсоветском пространстве. В действиях европейцев многие аналитики увидели угрозу российской сфере влияния на постсоветском пространстве. Поэтому неудивительно, что ВП вызвало определенный интерес экспертного сообщества России. Однако работ историографического плана, в которых бы рассматривались оценки российскими экспертами «Восточного партнерства», на данный момент явно не хватает. В белорусской историографии есть только одна статья А.П. Бетени, в которой проанализированы оценки российскими исследователями ВП [3]. В ней автор обратил внимание на критическое восприятие российской интеллектуальной элитой внешней политики ЕС на постсоветском пространстве. Исходя из этого, представляется оправданным еще раз рассмотреть позиции представителей экспертного сообщества России на появление, функционирование и перспективы «Восточного партнерства». Обращение к данной проблеме актуально еще и по той причине, что Республика Беларусь также является одним из участников данного проекта.

Цель статьи – рассмотрение взглядов российских экспертов на проблемы и перспективы реализации европейской программы «Восточное партнерство» на постсоветском пространстве.

Материал и методы. Предлагаемое исследование основывается на публикациях российских авторов, посвященных «Восточному партнерству», которые были подвержены полномасштабному историографическому анализу в целях выявления сущности российской историографии внешней политики ЕС на современном этапе. В частности, были рассмотрены взгляды ряда российских экспертов – Е.С. Арляповой, С.С. Жильцова, Е.Г. Пономаревой, А.А. Сергунина, А.А. Стрелкова, А.И. Суздальцева и др.

Методологическая основа статьи – совокупность научных принципов объективности, историзма и достоверности. Для ее написания использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность российской историографии внешней политики ЕС на постсоветском пространстве в XXI в.

Результаты и их обсуждение. Запуск европейской программы «Восточное партнерство» вызвал неоднозначную реакцию у представителей политико-академического сообщества России. У одних она проявилась в крайне негативной реакции: ВП было охарактеризовано ими как новый инструмент Запада по отрыву от Российской Федерации ряда постсоветских государств. Другие отнеслись к европейской программе более спокойно, посчитав, что особой угрозы для Москвы она не несет.

Вначале обратим внимание на восприятие и осмысление российскими исследователями причин и целей появления ВП, а также реакцию России. В качестве причин многие эксперты (С.С. Жильцов, Д.В. Офицеров-Бельский, А.А. Стрелков и др.) указали на стремление ЕС посредством данной программы усилить свое влияние на постсоветском пространстве, ведь долгое время европейский фактор находился на второстепенных ролях [4–6; 7, с. 256; 8, с. 13]. Относительно целей «Восточного партнерства» целый ряд представителей российского экспертного сообщества уверен в том, что оно является неотъемлемым элементом внешнеполитической стратегии Запада по выдавливанию Москвы из региона. С точки зрения заместителя директора ИНИОН РАН Д.В. Ефременко, запуск ВП «вывел Европейский союз на ранее неизвестную ему стезю геополитического соперничества». Оно было замыслено как вытеснение влияния России с постсоветского пространства. При этом ученый обратил внимание на то, что не имея общеевропейской стратегии в отношении данного регио-

на, Брюссель передоверил выработку политического курса Польше и прибалтийским государствам, которые заявили о своем особом знании постсоветского региона [9, с. 17]. По словам А.И. Суздальцева из НИУ ВШЭ, Брюссель подчеркивал, что задача ВП заключается в укреплении «стабильности, эффективного управления и экономического развития стран к востоку от Союза, которые имеют стратегическую важность для ЕС». Поэтому участникам программы были обещаны режимы свободной торговли, экономическая помощь, регулярные консультации в области обороны и безопасности [10]. Однако ученый убежден, что реальной целью «Восточного партнерства» стало «оттеснение России в северо-восточный "угол" Евразии, превращение ее в сырьевой придаток, создание вокруг России пресловутого "санитарного кордона", вытеснение России с Кавказа, получение доступа к ресурсам Центральной Азии, что включает разрушение ЕврАзЭС, ОДКБ, полную деградацию СНГ. В тактическом плане – появление "Восточного партнерства" – ответ Запада на разгром Грузии в августе 2008 г. Это контрудар или новая агрессия против России» [10; 11]. В целом, в намерении ЕС с помощью ВП окончательно дезинтегрировать постсоветское пространство и вывести страны СНГ из-под влияния России и укрепить здесь позиции Евросоюза уверены многие из российских экспертов – С.С. Жильцов, П.И. Искандеров, В.А. Никонов, Е.Г. Пономарева, А.А. Сергунин и др. [4; 12; 13, с. 126; 14; 15, с. 96, 105; 16, с. 80–81; 17, с. 207; 18, с. 18]. По мере обострения отношений между Россией и Западом негативные оценки «Восточного партнерства» лишь усилились. Так, Е.Г. Пономарева и Г.А. Рудов подчеркнули, что ВП стало одной из важных составляющих в информационной войне против России [15, с. 101]. Подобное мнение сложилось и у М.Л. Энтина и Е.Г. Энтиной [8, с. 13]. Кроме того, по мнению отдельных экспертов, сами участники программы из числа постсоветских государств обречены на превращение в колонии ЕС – источник ресурсов, рынки сбыта европейской продукции, транзитная зона российских энергоносителей под контролем Евросоюза, буфер между Россией и Европой [16, с. 95; 20].

Очевидно, что своими действиями европейцы вызвали озабоченность России. Это находит подтверждение на страницах российских публикаций. Оценивая реакцию Москвы, эксперты отмечают, что Кремль, опасаясь возможной утраты российской сферы влияния и создания альтернативных путей поставки в Европу энергоносителей из Азербайджана и Средней Азии, вынужден был адекватно реагировать, в том числе и путем создания новых интеграционных проектов под своей эгидой [4]. На факт «Восточного партнерства» как одного из основных раздражителей между ЕС и Россией указали многие исследователи [19, с. 27; 20; 21]. Однако далеко не все из них уверены, что ВП представляет действительно серьезную угрозу для России. Так, после его запуска А. А. Стрелков из Института Европы РАН указал на то, что оно, хотя и не привнесло что-то новое в ЕПС, оказалось полезным для поддержания внутренней стабильности в ЕС [22, с. 121]. Эксперт отмечал, что «бонусы, предлагаемые в рамках "Восточного партнерства", практически полностью повторяют положения инициативы "ЕПС+", что заставляет усомниться в способности нового проекта Евросоюза укрепить влияние на постсоветском пространстве» [22, с. 124]. Тем не менее, по мнению ученых, Москве не нужно полностью отвергать данную программу, а следует постараться минимизировать для себя возможные побочные эффекты партнерства и направить его в русло взаимовыгодного сотрудничества [6; 22, с. 126; 23, с. 96]. Так, саратовские исследователи М.В. Лапенко и Ю.Е. Аршинов, рассматривая «Восточное партнерство» как проект, направленный на усиление влияния ЕС на постсоветском пространстве и обеспечение своей энергетической безопасности путем диверсификации поставок энергоресурсов, убеждены, что степень угрозы, исходящей от «Восточного партнерства», для России чрезмерно преувеличена [24]. На это указал и Д.В. Офицеров-Бельский из НИУ ВШЭ, подчеркивая, что восприятие ВП как исключительно европейского проекта однозначно понижает градус опасений у российского политического сообщества [25].

Следующий предмет обсуждения российскими экспертами – это эффективность реализации программы. Стоит отметить, что до Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» 28–29 ноября 2013 г., который в итоге привел к украинскому кризису, в российском экспертном сообществе скорее наблюдалась тенденция падения интереса исследователей к ВП. В появлявшихся время от времени публикациях отмечался кризис программы. Многие (П.А. Искендеров, Д.В. Офицеров-Бельский, А.А. Сергунин, А.А. Стрелков, О.В. Шишкина и др.) указали на ряд проблем, не позволяющих говорить об успешности «Восточного партнерства». В частности, они обратили внимание на отсутствие согласованной позиции внутри Евросоюза относительно ВП, должного финансового фундамента ВП, способного креп-

ко привязать к ЕС постсоветские республики, а также на политические и социально-экономические различия между членами ЕС и шестью странами-участницами программы, среди которых, к тому же, наблюдается различная геополитическая ориентация [5; 6; 12; 17, с. 209; 25]. Другими словами, с одной стороны, в «Восточном партнерстве» проявилось множество противоречий, нестыковок и потенциально конфликтных моментов, а с другой стороны, постсоветские страны попытались сыграть на балансе интересов между Россией и Западом [19, с. 45; 23, с. 96].

События в Украине вновь повысили внимание российских исследователей к ВП. Отказ украинского руководства от подписания соглашения об ассоциации с Европейским союзом привел к смене власти в Киеве, началу украинского кризиса и дестабилизации всей системы международной безопасности в Европе. Некоторые российские ученые даже посчитали «Восточное партнерство» детонатором украинского кризиса [9, с. 18; 26, с. 20]. При этом, по мнению многих экспертов (Е.С. Арляповой, В.Б. Белова, И.В. Болговой, Л.Ю. Гусева, К.Е. Коктыша, Е.Г. Пономаревой и др.), оно отнюдь не вышло из кризисного состояния [15, с. 93; 26, с. 20, 30; 27, с. 79, 91–92; 28, с. 133; 29–32; 33, с. 67]. Правда, другие исследователи все же признали его относительно успешным проектом ЕС. Так, К.В. Энтин из НИУ ВШЭ указал, что с момента запуска программы в 2009 г. было понятно, что неоднородный состав участников, ограниченность доступных финансовых ресурсов и отсутствие действенной институциональной структуры не позволят европейцам решать с помощью ВП каких-либо сверхзадач. Тем не менее, по мнению эксперта, данный проект выполнил свое главное предназначение – подготовил Грузию, Молдову и Украину к подписанию соглашений об ассоциации, чтобы затем ЕС мог переключить свое внимание на Армению и Азербайджан. Поэтому К.В. Энтин уверен, что сворачивать в целом успешный проект для ЕС не имеет смысла – он необходим хотя бы как инструмент давления на Россию [29]. По словам российских международников М.Л. Энтина и Е.Г. Энтиной, «Восточное партнерство» увенчалось успехом: Украина, Молдавия и Грузия подписали с ЕС соглашения об ассоциации и создании углубленной зоны свободной торговли [8, с. 13]. Разумеется подобное развитие событий не устраивает политико-академическое сообщество России. Поэтому отдельные российские эксперты говорят о необходимости перезагрузки «Восточного партнерства» и сближения России и Евросоюза в рамках Большой Европы [26, с. 38].

Заключение. Таким образом, российские авторы по-разному оценивают европейскую программу «Восточное партнерство». При этом позитивные оценки ВП значительно уступают негативным интерпретациям. В качестве причин и целей «Восточного партнерства» большинство исследователей указывает на стремление ЕС усилить свои позиции на постсоветском пространстве, в том числе и за счет ослабления здесь влияния России. Что касается оценок результатов и перспектив европейского проекта на постсоветском пространстве, то в основном они скептические. ВП характеризуется исключительно как очередной продукт бюрократии Брюсселя, необходимый для замены перспективы полноправного членства стремящихся в ЕС постсоветских государств. Российские исследователи считают, что его инициаторам не удалось достичь поставленных целей в регионе. «Восточное партнерство» лишь поспособствовало дестабилизации постсоветского пространства, создав все же определенные неудобства для России. Значительно меньшая часть экспертов отмечает успех программы, указывая на отрыв отдельных государств региона от Москвы. При этом взгляды экспертов расходятся относительно степени угрозы ВП для Российской Федерации.

В целом же, программе «Восточное партнерство» в российской историографии международных отношений уделяется достаточно скромное место. ВП не является приоритетным направлением исследований российских экспертов. Однако время от времени отдельные публикации в России по данной проблеме появляются, а значит, необходимость их изучения есть, в том числе и в Беларуси, поскольку наша республика является одним из участников «Восточного партнерства».

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) по заданию 1.1.04 «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов).

Литература

1. Goldirova, R. «Eastern Partnership» could lead to enlargement, Poland says [Electronic resource] / R. Goldirova // Euobserver. – 2008. – 27 May. – Mode of access: https://euobserver.com/foreign/26211. – Date of access: 17.11.2016.
2. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009 [Electronic resource]. – Mode of access:

http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf. – Date of access: 17.11.2016.
3. Бетеня, А.П. Характеристика инициативы ЕС «Восточное партнерство» в российской историографии / А.П. Бетеня // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2014. – № 1(166). – С. 78–83.
4. Жильцов, С.С. СНГ под натиском «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] / С.С. Жильцов // Независимая газета. – 2009. – 30 апр. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2009-04-30/3_kartblansh.html. – Дата доступа: 31.10.2016.
5. Офицеров-Бельский, Д. Стратегия и идеология в проекте ЕС «Восточное партнерство» [Электронный ресурс] / Д. Офицеров-Бельский // Аналитическое агентство «Внешняя политика». – 2014. – Февраль. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.ru/uploads/banners/3/Ofitserov-Belskiy%20D.%20Eastern%20Partnership.%20February%202014.pdf. – Дата доступа: 03.11.2016.
6. Стрелков, А.А. Политика Европейского союза на постсоветском пространстве: вызовы и шансы для России? [Электронный ресурс] / А.А. Стрелков // Перспективы. – 2009. – 9 апр. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/politika_jevropejskogo_sojuza_na_postsovetskom_prostranstve_vyzovy_i_shansy_dla_rossii_2009-04-09.htm. – Дата доступа: 03.10.2016.
7. Туманов, С. Российско-европейские отношения: вызовы пространства и времени / С. Туманов, А. Гаспаришвили, Е. Романова // Восточное партнерство: проблемы и перспективы / под науч. ред. Е. Коростелевой. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – С. 239–277.
8. Энтин, М.Л. Россия и Европейский союз в 2011–2014 годах: в поисках партнерских отношений – V: в 2 т. / М.Л. Энтин, Е.Г. Энтина, Н.И. Тнэлм. – М.: Изд-во «Э», 2015. – Т. 1. – 864 с.
9. Ефременко, Д.В. Смена вех: Россия и украинский кризис / Д.В. Ефременко // Россия и современный мир. – 2014. – № 4. – С. 6–28.
10. Суздальцев, А. Россия теряет постсоветское пространство [Электронный ресурс] / А. Суздальцев // Евразия. Информационно-аналитический портал. – 2009. – 23 мая. – Режим доступа: http://evrazia.org/article/963. – Дата доступа: 10.11.2016.
11. Суздальцев, А. «Восточное партнерство» ЕС и риски для России. Доклад [Электронный ресурс] / А. Суздальцев // Политическое обозрение с Андреем Суздальцевым. – 24.05.2009. – Режим доступа: http://politoboz.com/content/vostochnoe-partnerstvo-es-i-riski-dlya-rossii-doklad. – Дата доступа: 02.09.2016.
12. Искендеров, П. Свет и тени Восточного партнерства ЕС [Электронный ресурс] / П. Искендеров // Перспективы. – 2011. – 3 нояб. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/svet_i_teni_vostochnogo_partnerstva_jes_2011-11-03.htm. – Дата доступа: 09.09.2016.
13. Никонов, В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В.А. Никонов. – М.: Изд-во «Э», 2015. – 672 с.
14. Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Перспективы. – 2015. – 8 июля. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm. – Дата доступа: 09.10.2016.
15. Пономарева, Е.Г. Конфронтационное партнерство / Е.Г. Пономарева, Г.А. Рудов // Свободная мысль. – 2015. – № 3. – С. 93–106.
16. Пономарева, Е.Г. Партнерство как деструкция: реалии и перспективы программы «Восточное партнерство» / Е.Г. Пономарева // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: сб. ст. / под ред. Л.Н. Шишелиной. – М.: Ин-т Европы, 2015. – С. 80–95.
17. Сергунин, А.А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе / А.А. Сергунин // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер., Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 205–210.
18. Хотькова, Е.С. Российский фактор во внешней политике стран Центральной и Восточной Европы / Е.С. Хотькова // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 3. – С. 7–22.
19. Федорцев, В.А. Восточное направление европейской политики соседства: особенности становления и развития / В.А. Федорцев // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 2. – С. 27–48.
20. Политика «Восточного партнерства» Евросоюза и национальные интересы России [Электронный ресурс] // Научно-образовательный центр сотрудничества со странами СНГ и Балтии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. – Режим доступа: http://tag242217.taghosting.ru/index.php/2009-12-03-00-50-36/2009-12-03-00-40-55/353--------. – Дата доступа: 02.11.2016.
21. Троицкий, М.А. Дилемма интеграции на постсоветском пространстве. Как не зайти в тупик после Вильнюса [Электронный ресурс] / М.А. Троицкий, С. Чарап // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 5. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Dilemma-integratcii-na-postsovetskom-prostranstve-16177. – Дата доступа: 03.11.2016.
22. Стрелков, А. Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели / А. Стрелков // Современная Европа. – 2009. – № 3. – С. 119–126.
23. Арутюнян, О. Восточное партнерство ЕС: второе дыхание / О. Арутюнян, А. Сергунин // Обозреватель. – 2012. – № 1. – С. 90–97.
24. Лапенко, М.В. ЕС на постсоветском пространстве: стратегические цели или обозначение контуров присутствия? [Электронный ресурс] / М.В. Лапенко, Ю.Е. Аршинов // Научно-образовательный центр сотрудничества со странами СНГ и Балтии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. – Режим доступа: http://tag242217.taghosting.ru/index.php/2010-05-17-09-13-25/29-31-2011-/827-2011-03-31-19-39-08. – Дата доступа: 02.11.2016.
25. Шишкина, О.В. Четыре года «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] / О.В. Шишкина // Независимая газета. – 2013. – 20 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/dipkurer/2013-05-20/9_4years.html. – Дата доступа: 01.11.2016.
26. Гаман-Голутвина, О.В. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития / О.В. Гаман-Голутвина, Е.Г. Пономарева, Л.Н. Шишелина // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 20–40.
27. Арляпова, Е. Национализм – друг и враг «Восточного партнерства» / Е. Арляпова // Международная жизнь. – 2014. – № 9. – С. 79–95.
28. Болгова, И.В. Кризис восточной политики ЕС / И.В. Болгова // Вестн. МГИМО-Университета. – 2014. – № 4. – С. 133–138.
29. Будущее «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – 2014. – 17 марта. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3307#top-content. – Дата доступа: 03.11.2016.
30. Гусев, Л. Восточное партнерство 2.0: Латвия переформатирует европейское соседство? / Л. Гусев // МГИМО. – 2014. – 10 февр. – Режим доступа: http://old.mgimo.ru/news/experts/document247570.phtml. – Дата доступа: 03.11.2016.
31. Гусев, Л. Сейчас ситуация вокруг «Восточного партнерства» осложнилась [Электронный ресурс] / Л. Гусев // МГИМО. – 2014. – 16 мая. – Режим доступа: http://old.mgimo.ru/news/experts/document251493.phtml. – Дата доступа: 03.11.2016.
32. Коктыш, К. Восточное партнерство развалило Украину [Электронный ресурс] / К. Коктыш // МГИМО. – 2015. – 21 мая. – Режим доступа: http://old.mgimo.ru/news/experts/document271792.phtml. – Дата доступа: 09.09.2016.
33. Пономарева, Е.Г. Интеграция versus конфронтация: реалии программы «Восточное партнерство» / Е.Г. Пономарева, Г.А. Рудов // Вестн. Дипломатической акад. МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 1. – С. 66–86.

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.

УДК 94(4)«1492/1914»(045)

Узброены канфлікт запарожцаў і віцяблян у пачатку XVII ст.

Ковалец Т.Р.

Чарнавіцкі нацыянальны ўніверсітэт імя Юрыя Фядковіча, Чарнаўцы (Украіна); Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава (Польшча)

Да балючых грамадскіх з'яў Рэчы Паспалітай XVII ст. належалі «свавольныя жаўнеры» і канфедэрацыі, да якіх звярталіся тады, калі спынялася выплачванне войску «жолда». Пры гэтым вайскоўцы шукалі задавальнення сваіх патрэб у адкрытым рабаванні насельніцтва. Не выключэннем у такой практыцы было і Войска Запарожскае, якое мела ўстойлівую методыку эксплуатацыі гарадоў.

Мэта – даследаванне ўзброенага канфлікту Войску Запарожскага і горада Віцебска, які меў месца ў снежні 1602 г. Задача артыкула: аналіз малавядомай крыніцы па гісторыі гэтага канфлікту – справаздачы пра яго ананімнага беларускага карэспандэнта вялікага кароннага гетмана Яна Замойскага.

Матэрыял і метады. *Аўтарам выкарыстаны працы ўкраінскіх гісторыкаў М. Грушэўскага і Д. Яварніцкага, а таксама польскага даследчыка А.-Ю. Рале. Разгледжаны як вядомыя, так і новаўведзеныя крыніцы. Апроч гэтага даследаваліся лісты казацкіх камандуючых І. Куцковіча, І. Касога, каралеўскага падскарбніка Я. Фірлея. Метады: параўнальна-гістарычны, праблемна-храналагічны, статыстычны, гістарычнай рэканструкцыі і гісторыка-крытычны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У артыкуле апісана гісторыя нарастання супярэчнасцяў паміж запарожцамі і жыхарамі Віцебска ў снежні 1602 г., погляды на канфлікт і матывы казакоў і віцяблян, на падставе выяўленых крыніц рэканструявана развязка – збройнае сутыкненне бакоў.*

Казакі і мяшчане Віцебска апынуліся закладнікамі сітуацыі, якая склалася, – у запарожцаў не было іншага выйсця, як займацца эксплуатацыяй беларускіх гарадоў, а віцябляне, спадзеючыся на ўласнае апалчэнне, мелі намер ім супрацьстаяць. Захоп Віцебска адбыўся з досыць вялікімі ахвярамі як сярод вайскоўцаў, так і сярод мірнага насельніцтва.

Заключэнне. *Такім чынам, прааналізаваны канфлікт паміж запарожцамі і беларусамі ў 1602 г. і апублікавана справаздача гетмана Яна Замойскага.*

Ключавыя словы: *Войска Запарожскае, Віцебск, Рэч Паспалітая, 1602 год, Іван Куцковіч, сацыяльныя канфлікты, публікацыя крыніц.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 61–69)

Armed Conflict between Zaporozhians and Vitebsk Population in the Early XVII Century

Kovalets T.R.

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Chernivtsi (Ukraine); University of Warsaw, Warsaw (Poland)

«Headstrong soldiers» and military confederation that appeared, when fee issuance stopped belong to the painful social phenomena in the Polish-Lithuanian Commonwealth in XVII c. Then the soldiers looked for solace of their needs in an open robbery of the populace. Zaporozhian Host wasn't except in this practice; it has its established methods of the exploitation of towns.

The purpose of the article is to investigate the armed conflict between Zaporozhian Host and the town of Vitebsk, which took place in December 1602. The objective of the article is also to publish the little known source for the history of this conflict, the report by anonymous Belarusian correspondent of Big Crown Hetman Jan Zamoyski.

Material and methods. *We used the works by Ukrainian historians M. Hrushevsky and D. Yavornytsky as well as, Polish researcher A.J. Ralle. The sources of the article were both already known and new found ones. Besides the mentioned report, the letters by the Cossack commanders I. Kutskovych, I. Kosoi and the royal «podskarbi» (minister responsible for the treasury) J. Firlei were used. The applied methods are historical comparative, chronological, statistical, and critical and the method of historical reconstruction.*

Findings and their discussion. *In the article the history of the growth of contradictions between Cossacks and the residents of Vitebsk in December 1602, is described as well as the views on the conflict and the motive of the sides, Ukrainian Cossacks and Belarusian town of Vitebsk. Reconstruction of its denouement, the armed clash, on the base of new-found sources is presented.*

The Cossacks and the residents of Vitebsk were trapped in the existent situation, Zaporozhians didn't have any other choice but exploration of Belarusian towns, and the residents of Vitebsk, on the other hand, relying on their militia, intended to resist them. The capture of the town took place with considerable number of victims among soldiers and civilians.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: t.kovalets@gmail.com – **Т.Р. Ковалец**

Conclusion. *Conflict between Zaporozhians and Belarusians in 1602 is analyzed in the article and report by Hetman Yan Zamoyski is published.*

Key words: *Zaporozhian Host, Vitebsk, the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1602, Ivan Kutskovych, social conflicts, sources publishing.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 61–69)

Гістарычныя рэаліі Рэчы Паспалітай раннемадэрнага часу абумовілі з'яўленне грамадскіх з'яў, якія рэгулярна паўтараліся, існавалі працяглы час і мелі істотны ўплыў на развіццё гэтага дзяржаўнага ўтварэння. Да такіх з'яў адносіліся «свавольныя жаўнеры» і вайсковыя канфедэрацыі, да іх звярталіся тады, калі спынялася выплата «жолда» войску і жаўнеры шукалі задавальнення сваіх патрэб у адкрытым рабаванні насельніцтва.

У такіх умовах насельніцтва адносна войска вельмі часта мела толькі адно пажаданне: каб яно адправілася на ворага і больш не вярнулася. Свавольны жаўнер, па словах сучаснікаў, «ад татарына быў лепш хіба толькі тым, што вёскі не паліў і вязняў не браў» [1, s. 125]. Гэта, аднак, з'яўлялася агульнаеўрапейскай тэндэнцыяй: на пачатку XVII ст. колькасць войскаў вельмі выросла, а сістэма забеспячэння заставалася нязменнай, таму вайсковыя атрады часта нагадвалі «ўзброеныя банды марадзёраў, якія цалкам спусташалі мясцовасці, праз якія праходзілі» [2, p. 7]. Не было выключэннем і Войска Запарожскае – квазідзяржаўная вайсковая арганізацыя, якая ў гэты час імкліва павялічвала сваю колькасць і грамадска-палітычны ўплыў у Рэчы Паспалітай, і выпрацавала ўстойлівую методыку адносін з насельніцтвам для яго эксплуатацыі.

Мэтай артыкула – даследаванне на базе прац гісторыкаў, вядомых гістарыяграфіі, а таксама шэрага выяўленых намі крыніц узброенага канфлікту Войску Запарожскага і горада Віцебска, які адбыўся ў снежні 1602 г.; аналіз асобных складнікаў гэтага канфлікту – яго перадгісторыі, вобразу падзей з пункту гледжання запарожцаў і віцяблян, удакладненне даты і інш. Задача артыкула – аналіз малавядомай крыніцы па гісторыі гэтага канфлікту – справаздачы пра яго ананімнага карэспандэнта вялікага кароннага гетмана Яна Замойскага.

Матэрыял і метады. Для дасягнення мэты намі выкарыстаны працы ўкраінскіх гісторыкаў Міхаіла Грушэўскага [3] і Дзмітрыя Яварніцкага [4], а таксама польскага даследчыка Антонія-Юзафа Рале [5]. Згаданым гісторыкам, аднак, удалося прааналізаваць канфлікт 1602 г. у Віцебску толькі вельмі павярхоўна. Гэта было выклікана абмежаванай крыніцазнаўчай базай, даступнай ім у канцы XIX – пачатку XX ст., якая складалася толькі з дзвюх адзінак – паведамленняў Баркулабаўскага летапісу [6, с. 174–192] і ліста казацкага камандуючага Івана Куцковіча да польнага кароннага гетмана Станіслава Жулкеўскага ад 20 снежня 1602 г. [7, s. 118–121].

На сённяшні дзень гэту крыніцазнаўчую базу ўдалося значна пашырыць і дадаць сюды, апроч ужо згаданай справаздачы гетманскага карэспандэнта, лісты да Льва Сапегі, канцлера ВКЛ, І. Куцковіча (ад 14 снежня 1602 г.) [8, k. 138–138v] і яго паслядоўніка, запарожскага гетмана Івана Касога (ад 1 лютага ў 1603 г.) [8, k. 140–141v], якія дапамагаюць высветліць акалічнасці і наступствы канфлікту, а таксама два лісты з карэспандэнцыі кароннага падскарбніка Яна Фірлея (ад 9 лістапада 1602 г. [9, s. 85–87] і 13 студзеня 1603 г. [10, s. 41]), у якіх асвятляецца пытанне аплаты Войску Запарожскага.

У артыкуле выкарыстаны метады, прынятыя ў гістарычнай практыцы і крыніцазнаўчым аналізе: параўнальна-гістарычны (параўнанне вобразу падзей з пункту гледжання казакоў і жыхароў Віцебска), праблемна-храналагічны (узброены канфлікт разгледжаны ў храналагічным зрэзе), статыстычны (вызначэнне колькасці атрадаў запарожцаў і мяшчан), гістарычнай рэканструкцыі (узнаўленне ходу ўзброенага сутыкнення пад Віцебскам), гісторыка-крытычны (аналіз выяўленых гістарычных крыніц у сацыяльна-палітычным кантэксце вывучаемай эпохі) і іншыя.

Вынікі і іх абмеркаванне. ***Перадгісторыя.*** Пасля задушэння ў 1596 г. каронным войскам казацкага паўстання для запарожцаў пачаўся перыяд расколу і глыбокага крызісу, які завяршыўся праз чатыры гады дзякуючы іх прыцягненню ўвосень 1600 г. да валашскай кампаніі Рэчы Паспалітай супраць Міхая Храбрага. Задаволены казацкай дапамогай у Валахіі польскі ўрад у наступным годзе пасля традыцыйна працяглых перамоў здолеў ізноў прыцягнуць кантынгент запарожцаў пад камандаваннем С. Кошкі да ўдзелу ў кампаніі супраць шведаў у Ліфляндыі.

З лістапада 1601 г. да сакавіка 1602 г. 2-тысячнае казацкае войска брала ўдзел у аблозе крэпасцей Эргеме, Вольмар, Анстла і ахоўвала камунікацыі кароннага войска. З-за кепскага забеспячэння пачаўся голад; запарожцы неслі цяжкія страты падчас штурмаў умацаванняў ворага. Напрыканцы лютага, падчас

аднаго з такіх штурмаў, а магчыма, ноччу з 28 лютага на 1 сакавіка 1602 г., у баі са шведскай конніцай каля горада Пілтсамаа (сучасны раён Ігевамаа Эстоніі) пры падазроных акалічнасцях загінуў і сам казацкі гетман [3, с. 316; 11].

Пасля гібелі С. Кошкі значная частка казакоў не бачыла перспектывы ў далейшай службе, таму вярнулася на Украіну. Тыя, хто застаўся, «невялікая жменя», абраўшы сваім «старэйшым» (ужо нават не гетманам) Гаўрылу Крутневіча, пайшлі на службу да Я. Замойскага (ён тады меў вялікую патрэбу ў пяхоце) і ў цяжкім баі пабілі шведаў пад Тарту, а пазней бралі актыўны ўдзел у аблозе і захопе Вільяндзі [5, s. 12; 11].

30 верасня[1] кароннае войска захапіла горад Васенштайн (сучасны горад Пайдэ ў раёне Яаарва Эстоніі). На гэтым кампанія 1602 г. фактычна завяршылася. Галодныя і абадраныя казакі, рэшткі войску С. Кошкі, чакалі аплаты, аднак з прыходам халадоў, у лістападзе, яны былі змушаны, як трапна адзначыў М. Грушэўскі, пайсці «на Белую Русь – латаць злыдні», г.зн. стаць на пастой па беларускіх гарадах [3, с. 317; 4, с. 114; 5, s. 12].

Запарожскае войска сваё забеспячэнне праводзіла адпрацавана і метадычна. Да гарадоў і сёлаў высылаліся адмысловыя людзі, якія апісвалі маёнткі і вызначалі з іх паборы, памер якіх залежаў ад патрэб войску. Гэта, хоць і было супрацьпраўным, аднак па метадах цалкам адпавядала алгарытму дзеянняў кароннага войску, згодна з тагачасным вайсковым статутам.

Спачатку штаб-кватэрай запарожцаў стаў Полацк, але неўзабаве яны пачалі прыглядацца да іншых гарадоў як на крыніцу фуражу, правізіі і месца для магчымай зімоўкі. Адным з такіх стаў Віцебск. У снежні тут дайшло да канфлікту, які завяршыўся ўзброеным сутыкненнем мяшчан з запарожцамі. Каб лепш зразумець акалічнасці гэтага канфлікту, паспрабуем прасачыць яго ход з пунктаў гледжання казакоў і саміх віцяблян.

Здабыванне Віцебска вачыма казакоў. Матывы прыходу запарожцаў на Беларусь лёгка зразумець: пасля цяжкіх баявых дзеянняў іх атрады, галодныя і знясіленыя, дагэтуль не атрымалі належнай аплаты за сваю службу, а менавіта «сукнаў і жолда за тры чвэрці» [7, s. 121]. Я. Фірлей у лісце ад 9 лістапада да Я. Замойскага, ведучы гаворку пра грошы для войску, запэўніваў вялікага кароннага гетмана, што кароль Жыгімонт III прызначыў для выплаты казакам частку «паборaў прускіх» і тыя грошы «проста да Войска Караля Яго Міласці загадаў адвезці» [9, s. 85], аднак ніякіх сродкаў казакі так і не ўбачылі.

Некаторы час, аднак, пастой казакаў трываў без значных эксцэсаў і нават «іх літасці паны шляхта хлеба і жыўнасці ў маёнтках сваіх даваць» жаўнерам не адмаўлялася. І. Куцковіч, «маючы жаданне з часткай войску ўступіць у Віцебск» на зімоўку, паслаў у горад «свайго пісара і есавула з некалькімі дзясяткамі вершнікаў для належнага распісання сядзібаў». Мяшчане, «запэўніўшы ім спачатку вольны прыезд», не дазволілі аднак казакам распісаць жыллё, кінуліся, як на ворага, адных забілі, іншых у Дзвіну загналі і патапілі, астатніх сілай выгналі з горада. Па прыкладзе віцяблян зрабіў нейкі ўраднік Л. Сапегі з маёнтка Астроўна – сабраўшы сялян, ён здзейсніў напад на групу казакоў, некалькі з іх «забілі, іншых, звязаўшы, патапілі».

Старшына, імкнучыся, каб «да большага разлівання крыві» не дайшло, нібыта праз нейкіх шляхцічаў вяла перамовы з Віцебскам: «клянучыся ім, што пад прысягай за смерць нявінных тых таварышаў нашых ніхто з нас не будзе помсціць, і так з імі паводзіць сябе, як мы з іншымі іх суседзямі паводзілі сябе, каб толькі нас на вызначаны час у сваім жыллі адпачыць пусцілі». Мяшчане ж не толькі не хацелі весці любыя перамовы з казакамі, але і зусім задумалі з імі «пачаць вайну».

Крыху наіўна ў лісце казацкага старэйшага выглядае абгрунтаванне паходу на Віцебск: «асцерагаючыся, каб нам ужо і на сяле не давялося біцца за кавалак хлеба, мусілі мы ад гвалту адбівацца гвалтам». Сабраўшы свае, напэўна, ужо часткова распушчаныя на зімоўку атрады, казакі адправіліся ў паход. На падыходзе да горада іх атакавалі з харугвамі «непрыяцельскім звычаем» узброеныя мяшчане, аднак «іх Пан Бог за іх упартасць і ганарлівасць, як і за вялікую непавагу да маестата Яго Каралеўскай Міласці [...] значна пакараў», бо атрымалі паразу, не забіўшы нават і тузіна казакоў.

Апроч гэтага, запарожцы былі цалкам упэўнены ў праваце сваіх дзеянняў, бо яны нібыта мелі нейкія афіцыйныя дазволы на пастой («на загад Яго Каралеўскай Міласці маем у вас адпачынак») [7, s. 119–121][2].

[1] М. Грушэўскі памылкова датуе ўзяцце Пайдэ «канцом жніўня» [гл.: 3, с. 317].

[2] Варта заўважыць, што ўзяцце Віцебска – гэта не адзіны прыклад адкрытага крывавага канфлікту гарадоў Рэчы Паспалітай і Войску Запарожскага. Падобная сітуацыя мела месца ў кастрычніку 1593 г., калі з двух казацкіх паслоў да ўрада Кіева адзін быў забіты, а другі ледзь застаўся жывы. Тады па горадзе прайшла хваля казацкіх пагромаў, падчас якіх мяшчане зрабавалі маёнткі паслоў і іншых казакоў.

Запарожцы цэлым войскам з артылерыяй прыбылі да горада «чыніць справядлівасць». Толькі заўчаснае ўмяшальніцтва паказачанага князя Кірыка Ружынскага і біскупа Юзафа Верашчынскага, якія выступілі ў якасці пасярэднікаў у перамовах, дазволіла ўнікнуць большага

Узяцце Віцебска: версія мяшчан. У Беларусі запарожцаў сустрэла ціхая варожасць, выкліканая паводзінамі іншых атрадаў кароннага войска, якія разышліся на зімоўку, і натоўпаў казакоў, якія раней пакінулі войска і эксплуатавалі мясцовае насельніцтва. Прысутнасць значных вайсковых кантынгентаў з падарванай мараллю, якія з-за канфлікту з уладай спаганялі сваю злосць на простых жыхарах гарадоў і сёл, рэзка актывізавала сацыяльны бандытызм. Як пісалі пасля самі казакі, «некаторая шляхта, як і падданыя шляхецкія, завучыся казакамі, па сёлах ездзячы, немалыя гвалты і наезды, збіццё кабетам чынячы, маёмасць забіраюць». Запарожцы, па іх словах, такіх разбойнікаў час ад часу каралі, а сялян назад выдавалі шляхце [8, k. 140–140v]. Мірных жыхароў, аднак, гэта трывожыла мала.

Вельмі яскрава настроі беларусаў адлюстроўвае тон Баркулабаўскага летапісу, аўтар якога ставіўся «вельмі неахвотна да казакоў» («bardzo niechętny Kozakom») [5, s. 12]. Запарожцы паводзілі сябе на Беларусі, як у сябе дома, бралі «прыстаўствы» ў Мсціславе, Крычаве, Галоўчыне, Чачэрску, Гомелі, Любечы, Рэчыцы, Быхаве, Рагачове і па ўсіх гарадах; нават «жонки, девки и хлопята з собою много брали», г.зн. захоплівалі людзей у закладнікі і патрабавалі за іх выкуп. Перасоўванне казацкага лагера з нарабаванай маёмасцю і набранымі ў мірным краі палоннымі жыхарамі падавалася запужанаму летапісцу нейкай апакаліптычнай карцінай: «один козак будет мети коней 8, 10, 12, а хлопят трое, четверо, жонки албо девки две албо три» [6, с. 189]. Вядома, падобныя карціны былі далёкія ад рэчаіснасці, бо кожныя эксцэсы пры ўдзеле казакоў альбо асоб, якія назваліся казакамі, імгненна абрасталі чуткамі, якія пашыраліся па ўсёй Літве, а сам вобраз запарожскага рыцара дэманізаваўся, набываў рысы гвалтаўніка і рабаўніка.

Каб лепш уявіць матывы віцебскага мяшчанства, варта заўважыць, што яно ніякім чынам не збіралася мець ролю мірных, безабаронных авечак перад драпежным казацтвам, якое мела намер прыбыць у Віцебск. Незадоўга перад гэтым віцябляне ўжо перажылі напад нейкай «казакуючай» банды на чале з Дубінай, якая спрабавала ўзяць горад і замак. Тады мяшчане казакоў, «да зброі кінуўшыся, ад замка і горада віцебскага мужна адбілі, і правадыра іх з дванаццацю старэйшымі, злавіўшы і закаваўшы, каралю аддалі». Горад рэгулярна выстаўляў атрады, якія бралі ўдзел ва ўзброеных канфліктах Рэчы Паспалітай са Швецыяй і Маскоўшчынаю. У 1605 годзе, напрыклад, віцяблянін Марка Літка на чале атрада з 500 мяшчан браў удзел у бітве пад Фелінам, дзе за заслугі атрымаў шляхецтва і прозвішча Фелінскі [6, с. 195].

Пабіўшы казацкіх пасланцоў, віцябляне, нямала з якіх мелі баявы досвед, усур'ёз мелі намер супрацьстаяць запарожцам сілай зброі. Яны, магчыма, разлічвалі на тое, што разбалансаванае, парадзелае казацкае войска, натыкнуўшыся на масавы ўзброены супраціў, адмовіцца ад баявых дзеянняў і не будзе займаць горад.

«Апісанне авалодання горадам Віцебскам запарожскімі казакамі…» і рэканструкцыя бою пад Віцебскам. Падчас пошукаў у архівах Варшавы нам удалося знайсці ўнікальны дакумент, які дае магчымасць па-новаму даследаваць ход канфлікту Войску Запарожскага і Віцебска. Ім з'яўляецца справаздача ананімнага карэспандэнта Я. Замойскага пад назвай: «Апісанне авалодання горадам Віцебскам запарожскімі казакамі без загаду караля і гетманаў, якія ў тым горадзе пастояў патрабавалі, у якім многія людзі з абодвух бакоў палеглі. 1602 год».

Мяркуючы па змесце дакумента (гл. дадатак), аўтарам яго быў нейкі беларускі ўраднік: нягледзячы на нядрэнную польскую мову часам сустракаецца нетыповая для тагачаснай польскай лексіка («zaporo ski», «dzwonek», «zabit», «wydan», «dziewka» і інш.). Выкладанне характарызуецца вялікай эмацыянальнасцю і амаль поўнай адсутнасцю дакладных лічбаў і дат. Гэта можа ўказваць на тое, што справаздача была напісаная на аснове пераказаў і чутак.

Паводле гэтага дакумента прыезд казацкіх пасланцоў у снежні 1602 г. адбываўся, прынамсі, двойчы. Спачатку прыбыў «гетманскі» пісар Кірык, паведамляючы віцяблянам пра прыход казакоў, аднак мяшчане вырашылі адкупіцца і адправілі пісара назад да І. Куцковіча, пытаючы пра суму. Хоць запарожскі старэйшы схіляўся да таго, каб узяць грошы, казакі не хацелі яго слухаць і адправілі ў Віцебск «вайсковага пісара Грыцка з сотняй вершнікаў», якія павінны былі б заняцца распісваннем жылля для пастояў. У справаздачы выразна паказаная нагода бунту мяшчан, якая выявілася ў двух палях, – праўным (адсутнасць дазволу на пастой) і чалавечым (непрыстойныя выказванні і паводзіны Грыцка, які кінуўся з кулакамі на гарадскога пісара). Падчас сутыкнення загінула «шасцярачы» ці «некалькі» казакоў, частка ахоўні-

кровапраліцця. Мяшчане «яднальным звычаем» былі змушаны выплаціць казакам 1200 злотых, добра забяспечылі іх правізіяй і абмяняліся з імі афіцыйнымі замірэнчымі лістамі.

Цікава, што каталіцкі біскуп Ю. Верашчынскі, які пакінуў разгорнутае апісанне гэтых падзей, у выбуху канфлікту вінаваціў не запарожцаў, а менавіта кіеўскі ўрад [7, s. 28–30].

каў пісара была паранена. Даведаўшыся пра гэта, казацкі «гетман і ўсё войска абурылася і пайшло ў Віцебск, пакляўшыся сабе ні на якое замірэнне не згаджацца», і хоць міралюбівыя мяшчане прапанавалі казакам па 10 коп з дому, ці то як кампенсацыю за пастой, ці то за забітых казакоў, крыважэрныя запарожцы быццам бы не пагадзіліся на грошы, «пакуль тая рыцарская кроў не будзе пакрыта выданнем важакоў мяшчан на пакаранне смерцю». Калі віцябляне ўбачылі зацятасць казакоў, то «скіравалі тыя грошы на найманне людзей» для адбівання наступу запарожцаў.

Дадзеныя справаздачы дазваляюць таксама рэканструяваць ход бою. Калі казацкае войска падышло да Віцебска, мяшчане выйшлі пастроеныя ў баявыя парадкі «ладам, як маглі», і сталі пад горадам. Кіраваў імі «адзін Воўк, мешчанін значны», ветэран войнаў са шведамі ў Лівоніі. Верагодна, ён здолеў сабраць нашмат больш, чым 500 чалавек апалчэння; колькасць гэтага атрада, магла дасягаць тысячы альбо і больш чалавек – на гэта ўказвае вялікая колькасць забітых у баі.

Колькасць казацкага войску вызначыць таксама цяжка. Хоць аўтар Баркулабаўскага летапісу сцвярджаў, што запарожцаў было 4 тысячы [6, с. 189], С. Кошка насамрэч прывёў у Лівонію 4 палкі прыблізна па 500 чалавек. Прымаючы да ўвагі значныя страты і адыход вялікай, калі не большай, часткі казакоў на Украіну пасля забойства С. Кошкі, з пачатковага «шкілета» войску наўрад засталася траціна; шэрагі запарожцы, аднак, увесь час папаўнялі паказачанымі мяшчанамі і сялянамі, хоць іх баявая вартасць была вельмі сумнеўнай.

Пазбаўленае шматлікай конніцы (а, магчыма, яе выкарыстанне на пачатку бою было недарэчным, прымаючы да ўвагі тое, што стаяла зіма) казацкае войска наблізілася да горада і пачало перастрэлку з яго абаронцамі («стралялі адны ў іншых»). Пасля агнявога бою запарожцы пайшлі ў наступ, аднак агульная атака іх была досыць слабой і сустрэла зацяты супраціў. Мяшчанам за кароткі час удалося не толькі стрымаць нападнікаў, але і, пацясніўшы іх, пагнаць у поле. Кінуўшыся праследаваць ненавісных казакоў, віцябляне на хвалі эйфарыі купіліся на адну з улюбёных стратагем, то бок вайсковых хітрасцей запарожцаў, – уяўнае адступленне і навядзенне суперніка на гарматны абстрэл.

Калі 12 казацкіх гармат [11] пачалі рабіць значныя спусташэнні сярод мяшчан, запарожцы кінуліся ў сапраўдную атаку, «урукапашную секчы пачалі, і так на іх спінах увайшлі ў горад», а потым учынілі разню – «лягло перад горадам, на вуліцах, у горадзе і патанула людзей больш за чатырыста, праўда, простых людзей, чэрні, якія плату ўзялі супраць казакоў, але мяшчан значных, можа, некалькі загінула». Частка справаздачы з'яўляецца апісаннем асобных эпізодаў гэтай разні – забойства мешчаніна Улоха і нейкай «дзяўчыны дарослай»; як адзначае аўтар, «секлі мяшчан і кабет, але кабет мала было, таму што адны ў замак пайшлі, іншыя разбегліся ўсюды і паўсюль».

Кіраўнік мяшчан Воўк паспеў уцячы ў замак, адкуль казакі пагрозамі штурму дамагліся яго выдачы. Бляск манет прымусіў запарожцаў змяніць іх крывавыя намеры: Воўк застаўся жывы, бо «даў за сябе выкупу дзвесце літоўскіх коп і сядзеў у іх у ланцугу тыдзень». Пасля захопу казакамі горад быў цалкам зрабаваны: «крамы, каморы і іншыя сховы, адбіваючы замкі, рабавалі», абіралі купцоў, «бралі, што хацелі і хто хацеў, таму што з імі сялян, гультайства шмат прывалаклося».

Пасля заканчэння бойкі казакі спыніліся на пэўны час у горадзе, распіваючы мёд і гарэлку ў ваяводы Яна Завішы, які зачыніўся ў замку, і спяшаліся патлумачыць свае дзеянні перад каралём, выслаўшы да яго цэлае пасольства на чале з Г. Крутневічам.

Крыніцы таксама даюць магчымасць вызначыць (праўда, толькі набліжана), дату захопу Віцебска. З ліста І. Куцковіча да Л. Сапегі, высланага з Астроўна 14 снежня, становіцца зразумела, што казакі толькі падыходзілі да горада (заставалася яшчэ каля 20 км) і аддавалі вырашэнне канфлікту з мяшчанамі ў рукі «Пану Богу ў святой справядлівасці» Яго [8, k. 138]. Затое наступны, ужо згаданы ліст І. Куцковіча да С. Жалкеўскага напісаны пасля ўзяцця Віцебска, датаваны 20 снежня [7, s. 118]. Верагодна, запарожцы, спрабуючы апраўдацца за свой учынак, пачалі рассылаць лісты да прадстаўнікоў улады Рэчы Паспалітай адразу ж пасля напісання пратэстацый і збору прыдатных пісьмовых сведчанняў шляхцічаў. Гэтыя лісты павінны былі стаць довадам правамернасці дзеянняў казакоў, таму захоп горада мог адбыцца паміж 15 і 19 снежня.

Пасьлягісторыя. Запарожцы сталі ў Віцебску на нашмат карацейшы час, чым планавалі спачатку. М. Грушэўскі адзначаў, што адтуль пад канец года яны перасунуліся на ўкраінскае Падняпроўе [3, с. 318], аднак гэта не адпавядае рэчаіснасці. Пачуўшы пра віцебскія падзеі, кароль выслаў пасланца да казакоў, які іх заспеў ужо ў Магілёве [6, с. 189]. Пасол, аднак, прыехаў з пустымі рукамі; ён прывёз запарожцам толькі дакоры і пагрозы за іх учынкі, якія мала ўзрушылі казацкія сэрцы (на гэта, у прыватнасці, указвае змест ліста новага казацкага старшага Івана

Касога ад 1 лютага 1603 г. – І. Куцковіч, небеспадстаўна асцерагаючыся за сваё жыццё, тады ўжо вярнуўся на Украіну) [8, k. 140].

Як сведчыць змест ліста Я. Фірлея да каралеўскага падканцлера Пятра Тыліцкага ад 13 студзеня, у каронным скарбе «гуляў вецер», а падскарбнік апраўдваўся за тое, што зноў бракуе сродкаў да поўнай сумы, якая павінна была быць аддадзена казакам, – сабрана было толькі 16 тысяч злотых, – і ён лічыў патрэбным, каб нястача дадалася «са скарбу літоўскага» [10, s. 41]. Запарожцы сядзелі на беларускім хлебе яшчэ да сярэдзіны 1603 г., а потым, не дачакаўшыся, відаць, ні сукны, ні грошай, вярнуліся на ўкраінскае Падняпроўе [4, с. 115].

Прымаючы да ўвагі недахоп крыніц, складана рэканструяваць, як Віцебск аднаўляўся пасля казацкага пагрому. Ужо згаданы фрагмент летапісу пра ўдзел значнага кантынгенту віцяблян у бітве пад Фелінам дае падставы дапускаць, што гэты працэс ішоў досыць хутка.

Заключэнне. Такім чынам, напружанне паміж Войскам Запарожскім і жыхарамі Віцебска нарастала працяглы час. Абодва бакі мелі нямала падстаў для ўзаемнай нянавісці: галодныя, парадзелыя і знясіленыя ў ліфляндскай кампаніі казацкія атрады ва ўмовах зімы 1602–1603 гг. з усё большым расчараваннем чакалі выдачы аплаты ад Рэчы Паспалітай і бачылі ў беларускіх гарадах толькі крыніцу для выжывання. Віцябляне, у сваю чаргу, стаўшы закладнікамі чутак і пагалосак, якія раздзімалі казацкае сваволле да апакаліптычных памераў, хваравіта адрэагавалі на вымогі патрабавання даць месцы для зімоўкі для запарожцаў: пабілі казацкага пісара і яго ахову. Такая імклівая эскалацыя канфлікту знайшла завяршэнне ў паўнавартасным баявым сутыкненні са шматлікімі ахвярамі пад Віцебскам, дэталёвы ход якога дапамагае даследаваць апублікаваны намі дакумент.

Арыгінальны польскі тэкст справаздачы ананімнага карэспандэнта Я. Замойскага пра захоп Віцебска казакамі ў 1602 г. падаём з перакладам на беларускую мову. Дакумент добра захаваўся. Ён знаходзіцца ў архіўнай справе паміж іншымі справаздачамі карэспандэнтаў вялікага кароннага гетмана [12]. Арыгінальны тэкст дакумента перададзены паводле інструкцыі для выдання гістарычных крыніц такога кшталту (Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI do połowy XIX w. / red. K. Lepszy. – Warszawa, 1953). Фрагменты, прачытанне якіх выклікае сумненне, акцэнтаваны знакам (?), а расшыфроўка скарочаных частак слоў і прапушчаных слоў, ключавых для разумення думкі, пададзена ў квадратных дужках.

ДАДАТАК

***/1/* Opisanie zdarzonego opanowania miasta Witebska przez Kozaków Zaporożskich bez ordynansu króla i hetmanów, w tymże mieście stanowiska żądającego, w którym wielu ludzi z obydwóch stron legło. [Rok] 1602**

Przed Bożym Narodzeniem (mogło być w kilka niedziel) Kozacy niżowi, sam hetman ich z inszymi niektórymi [starszyznami] posyłał do Witebska, do miasta, pisarza swego Kiryka, oznajmując, że ma tam z wojskiem być dla odpoczynku wojskowi. Witebszczanie, zabiegając temu, traktowali z tym posłańcem hetmańskim, prosząc, aby [Kozacy] nie przyjeżdżali i zastanowili [się], co mieli dać. Gdy tedy z tym posłaniec hetmanów zwrócił się do hetmana, hetman do tej zgody się skłaniał, ale wojsko insze nie zezwalało, i zaraz wyprawili pisarza wojskowego Hrycka ze stem koni tam, do Witebska, dla rozpisywania gospod.

Gdy przyjechał pisarz tam, stanął gospodą u pisarza miejskiego, który pytał u niego, co by za potrzebę mieli. Powiedział, że tu ma przyjść Wojsko Zaporożskie na odpoczynek. On rzekł: «Za czym by tu mieli przyjeżdżać? Mają li listy KJM albo IMP hetmanów koronnego albo WXL?». Pisarz wojskowy rzekł, [że] nie mają, ale to i bez tego będzie. Pisarz witebski na to, że, ponieważ tego, co by miało być, nie masz, tedy też będziem[y] się starać o to, aby się nam tu gwałt nie działo. A wojskowy pisarz rzekł: «Będziecie patrzeć na to, że z żonami waszymi mołojcy obcować będą, a wy będziecie im służyć», i dalej sprośnie mówił. Witebski pisarz na to, że «nie doczekacie [się] tego». Wojskowy pisarz witebskiemu pięścią w gębę dał i do broni nań, drudzy także Kozacy do broni uganiać się poczęli. W mieście we dzwonek uderzono, zaczym Kozaków poparli i z miasta ich wygnali, gdzie zabitych Kozaków sześć zostało, a rannych jechało kilkanaście.

Gdy z tego opału przyjechał pisarz wojskowy z inszymi rannymi (drudzy też pokołatani, a zabitych tam kilka zostało) do wojska, hetman i wojsko wszystko wzruszyło się i poszło do Witebska, przyrzekłszy sobie żadnego jednania nie przypuszczać do siebie, ale aż by się ta krew rycerska nagrodziła wydaniem hersztów na stracenie. Gdy Witebszczanie dowiedzieli się o tym, że Kozacy ciągną, posyłali do nich, jednając ich, postępując z domu po 10 kop. Oni odpowiedzieli, żeby i po 20 kop dawali, nie chcemy, jedno idziemy do miasta dochodzić sprawiedliwości o */2/* zabite mołojce. Mieszczanie, widząc upór kozacki, gotowali się też w mieście, i co Kozakom dać mieli z jednania, obrócili te pieniądze na najem ludzi do obrony przeciwko Kozakom, chcąc się im bronić.

Gdy już następowało wojsko ku miastu, mieszczanie wyszli też sprawą, jaką mogli mieć. Nie

puszczali ich w ulice[1]; strzelali do siebie i wypierali Kozaków z ulic w pole. Kozacy rzekomo (?) tył podali, a wtem nawiedli lud miejski[2] na strzelbę działną, którą bardzo razić poczęli, aż musieli cofnąć się i do miasta gwałtem ustępować. Kozacy po nich i ręczną bronią siec poczęli, i tak na grzbietach ich weszli do miasta. Tamże w mieście bili, sekli mieszczanie i niewiasty, ale białych głów mało było, bo jedne do zamku weszły[3], drugie rozbiegły się[4] lada gdzie. Mieszczanie chcieli do zamku uciekać, jedno most przerzucon[y] był, więc wiele ich w Dzwinię rzekę powpadało z mostu i potonęło. Jużeż tam w mieście nikomu nie przepuszczano. Legło przed miastem, w ulicach, w mieście i co potonęło, człowieka przez czterysta, wprawdzie prostych ludzi, czerni, co pieniądze brali przeciwko Kozakom, ale mieszczan znacznych, może być, zginęło kilkanaście.

Pisarz miejski zabit[y], dwie chorągwie wzięto, jedną miejską, drugą Wołka niejakiego, mieszczanina, który Wołk miał tę chorągiew z Inflant doma sobie od pana hetmana, gdyż tam nieco ludzi pod sprawą swą miał. Mieszczanin, stary człowiek, godny, bywały, spokojny, którego przezywano Włochem, stał we wrociech w domu swym, gdy już morderstwo czynili, i gdy do niego z bronią Kozak przyskoczył, prosił nieborak, aby go nie zabijał, bo, powiada, nie zezwalałem ja na to przeciwieństwo. Nie dbał na to [Kozak], uciął mu ramię i kilka ran wielkich zadał, że go tamże zabił.

A iż Wołk jeden, mieszczanin znaczny, ten, którego była chorągiew, uciekł był do zamku, tedy nie przestali inszych bić i zamku dobywać chcieli, ażby ten wydan[y] był, o którego traktaty czyniono. Musiano go im stawić, który się okupu dał dwieście kop litewskich i siedział u nich w łańcuchu tydzień. W jednym domie w mieście dziewka dorosła, ukrywając się, wlazła */3/* pod piec wcześniej. Kozacy, szukając i tam ludzi, naleźli oną; wyciągali ją, nie mogąc wyciągnąć, kilka ich, a jeden, przysiadłszy z półhakiem, strzelił w nią i zabił ją tam.

Kramy, kleci i insze schowania, odbijając zamki, łupiono. Brali, co chcieli i kto chciał, bo z nimi chłopstwa, hultajstwa wiele nawlekło się. Płoskieńscy kupcy tam byli z niektórymi łupieni, i tych tam rozgromiono, sami nie wiedzieć gdzie są, a towary rozszarpane. Wójt miejski witebski snadź z mieszczany nie przestawał i nie był na ten czas w Witebsku. Lejntwójt niejaki Konwirski (?) z mieszczany był, który uciekł z miasta przed potrzebą tą.

Po tym pogromie w mieście tamecznych mieszczan, jak mężczyzny, tak białogłów i dzieci nie było nic, tylko sami Kozacy, a chłopstwa, co w podwoziech, i niewieściek przychożych, ubóstwa też moc wielka.

Snadź o to się Kozacy nie lękają, że pobili tak wiele ludzi, jedno o to, że połupili kramy, komory, schowania. Zgoła puste miasto uczynili. Protestację Kozacy czynili u pana wojewody, i do ksiąg dali zapisać się na mieszczany, że przeciwko nich się wzburzyli, i w głowach napisali siedmi[u] mieczczan, której protestacji wypis wzięli.

W zamku u pana wojewody bywają, częstował ich, póki miał czym, a kiedy miodu i gorzałki nie stało, tedy łają. Z Witebstka mieli się ruszyć zarazem do Mohilewa, stamtąd ku Kijewu, mówiąc to: «jeśli król nie zapłaci nam, co winno, nagrodzim[y] sobie Mohilewem i Kijewem».

/4/ Posły swoje odprawują do KJM z Witebska osób 6:

1. Hawryła Kretowicza atamana, co był po Koszce obran[y] hetmanem
2. Kudrę atamana
3. Andrzeja atamana
4. Wasilieja atamana
5. Łaszka atamana
6. Wasilia setnika

Na strawę dali im Kozacy lit[ewskich] kop 200.

Пераклад

Апісанне авалодання горадам Віцебскам запарожскімі казакамі без загаду караля і гетманаў, якія ў тым горадзе пастояў патрабавалі, дзе многія людзі з абодвух бакоў палеглі. 1602 [год]

Перад Калядамі (магло быць за некалькі тыдняў да іх), нізавыя казакі, сам іх гетман з некаторымі іншымі [старшынамі] пасылаў у Віцебск, у горад, свайго пісара Кірыка, паведамляючы, што ён павінен там з войскам быць для адпачынку войска. Віцябляне, каб гэтага пазбегнуць, вялі перамовы з тым гетманскім пасланцам, просячы, каб [казакі] не прыязджалі, і абдумвалі, што павінны былі б даць. Калі тады з тым гетманскі пасланец вярнуўся да гетмана, гетман да той згоды схіляўся, але іншае войска не дазваляла, і адразу выслалі вайсковага пісара Грыцка з сотняй вершнікаў туды, у Віцебск, для роспісу пастояў.

Калі прыехаў туды пісар, ён стаў на пастой у гарадскога пісара, які пытаў у яго, што яны маюць за патрэбу. Сказаў, што сюды павінна прыйсці Войска Запарожскае на адпачынак. Ён сказаў: «Нашто сюды мелі прыязджаць? Ці маюць лісты Караля Яго Міласці ці Іх Міласцяў Паноў гетманаў кароннага ці ВКЛ»? Вайсковы пісар сказаў, [што] не маюць, але тое і без таго будзе. Віцебскі пісар на тое, што, паколькі таго, што мусіла быць, не маеш, тады мы будзем прыкладаць высілкі, каб нам тут гвалту не рабілася. А вайсковы пісар адказаў: «Будзеце глядзець на тое,

[1] У арыгінале: ulicy.
[2] У арыгінале: mieśczki.
[3] У арыгінале: weszli.
[4] У арыгінале: rozbiegli się.

што малайцы з вашымі жонкамі бавіцца будуць, а вы будзеце ім служыць», і далей ганебна казаў. Віцебскі пісар на тое, што «не дачакаецеся таго». Вайсковы пісар віцебскаму кулаком у вусны даў і са зброяй на яго, іншыя казакі таксама за зброю пачалі хапацца. У горадзе ў звон ударылі, пасля чаго казакоў адціснулі і з горада іх выгналі, дзе забітых казакоў шасцёра засталося, а параненых ехаў тузін[1].

Калі з таго пекла прыехаў вайсковы пісар з іншымі параненымі (іншыя таксама збітыя, а забітых там некалькі засталося) у войска, гетман і ўсё войска абурылася і пайшло ў Віцебск, пакляўшыся сабе ні на якое замірэнне не згаджацца, пакуль тая рыцарская кроў бы не будзе пакрыта выданнем важакоў мяшчан на пакаранне смерцю. Калі віцябляне даведаліся пра тое, што казакі ідуць, пасылалі да іх, каб памірыцца з імі, даючы з дому па 10 коп. Тыя адказалі, што, калі б і па 20 коп давалі, не хочам, толькі ідзём у горад дамагацца справядлівасці за забітых малайцоў. Мяшчане, бачачы казацкую ўпартасць, таксама рыхтаваліся ў горадзе, і тое, што казакам мусілі даць на замірэнне, скіравалі тыя грошы на найманне людзей для абароны супраць казакоў, маючы намер адбівацца.

Калі ўжо падступіла войска да горада, мяшчане выйшлі таксама ладам, як маглі. Не пускалі іх у вуліцы; стралялі адны ў іншых і выцяснялі казакоў з вуліц у поле. Казакі ўдавана (?) адступілі, а потым навялі мяшчан на гарматы, якія вельмі іх біць пачалі, аж мусілі адступаць і ў горад бязладна адыходзіць. Казакі іх урукапашную секчы пачалі, і так на іх спінах увайшлі ў горад. Тамсама ў горадзе білі, секлі мяшчан і кабет, але кабет мала было, таму што адны ў замак пайшлі, іншыя разбегліся ўсюды і паўсюль. Мяшчане хацелі ў замак ўцякаць, толькі мост перакінуты быў, таму частка іх у раку Дзвіну пападала з моста і патанула. А ўжо там у горадзе нікому памілавання не давалі. Лягло перад горадам, на вуліцах, у горадзе і патанула людзей больш за чатырыста, праўда, простых людзей, чэрні, якія плату ўзялі супраць казакоў, але мяшчан значных, можа, некалькі загінула.

Гарадскі пісар забіты, узяты дзве харугвы, адна гарадская, а другая нейкага Ваўка, мешчаніна, а той Воўк меў тую харугву з Лівоніі ў доме ў сябе ад пана гетмана, таму што там трохі людзей пад сваім камандаваннем меў. Мешчанін, стары чалавек, годны, бывалы, спакойны, якога называлі Ўлохам[2], стаў у варотах свайго дому, калі ўжо забойствы чынілі, і калі да яго са зброяй казак падскочыў, прасіў небарака, каб яго не забіваў, таму што, кажа, я не дазваляў на той супраціў. Не зважаў на тое [казак], адсек яму руку і некалькі цяжкіх ран нанёс, што яго там жа забіў.

А што адзін Воўк, мешчанін значны, той, якога была харугва, уцёк быў у замак, тады не перасталі іншых біць і здабываць хацелі замак, каб той быў выдадзены, пра якога вялі перамовы. Мусілі яго ім выдаць, які даў за сябе выкупу дзвесце літоўскіх коп і сядзеў у іх у ланцугу тыдзень. У адной хаце ў горадзе дзяўчына дарослая, хаваючыся, залезла раней пад печ. Казакі, і там шукаючы людзей, знайшлі яе; выцягвалі яе, у некалькіх не маглі выцягнуць, а адзін, прысеў з пулгакам[3], стрэліў па ёй і яе там забіў.

Крамы, каморы і іншыя сховы, адбіваючы замкі, рабавалі. Бралі, што хацелі і хто хацеў, таму што з імі сялян, гультайства шмат прывалаклося. Купцоў з Полацка, якія там былі, з некаторымі іншымі рабавалі, і тых паграмілі, самі невядома, дзе ёсць, а тавары раскіданы. Гарадскі віцебскі войт, здаецца, да мяшчан не далучыўся і не было яго ў той час у Віцебску. Лентвойт нейкі Канвірскі (?) быў з мяшчанамі, ён уцёк з горада перад тым боем.

Пасля таго пагрому ў горадзе тамтэйшых мяшчан, як мужчын, так і кабет, не было нікога, толькі самі казакі, а сялян, якія падводы вялі, і кабет прышлых, убогіх таксама вялікая колькасць.

Падобна, казакі за тое не баяцца, што пабілі так багата людзей, толькі за тое, што зрабавалі тавар, каморы, сховы. Цалкам пустым горад зрабілі. Казакі напісалі пратэстацыю на мяшчан, што супраць іх паўсталі, у пана ваяводы і ў кнігі далі, а як кіраўнікоў напісалі сем мяшчан, а з той пратэстацыі выпіс узялі.

У замку ў пана ваяводы бываюць, частаваў іх, пакуль меў чым, а калі мёду і гарэлкі не стала, тады лаюць. З Віцебска меліся рушыць адразу ў Магілёў, адтуль да Кіева, прыгаворваючы тое: «калі кароль не заплаціць нам, што павінен, то пакрыем сабе Магілёвам і Кіевам».

Паслоў сваіх адпраўляюць да Караля Яго Міласці з Віцебска асоб 6:

1. Гаўрылу Крутневіча[4], атамана, які быў пасля Кошкі абраны гетманам
2. Кудру, атамана
3. Андрэя, атамана
4. Васілея, атамана
5. Лашка, атамана
6. Васіля, сотніка

На страву далі ім казакі літоўскіх коп 200.

[1] Панятак «kilkanaście» ў польскай мове значыць лік ад 11 да 19.

[2] Гэта значыць італьянцам. Магчыма, тут памылка і павінна быць «Wołochem», г.зн. валахам ці выхадцам з Валахіі.

[3] Стрэльба вялікага калібру з укарочаным ствалом.

[4] У тэксце відавочная памылка.

Літаратура

1. Łoziński, W. Prawem i lewem: obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku / W. Łoziński. – Lwów: Nakł. W. Webera, 1903. – 672 s.
2. Creveld, M. van. Supplying war. Logistics from Wallenstein to Patton / M. van Creveld. – Cambridge: University Press, 2004. – 313 p.
3. Грушевський, М.С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / М.С. Грушевський. – К.: Наук. думка, 1995. – Т. 7: Козацькі часи до року 1625. – 624 с.
4. Яворницький, Д. Історія запорозьких козаків: в 3 т. / Д. Яворницький. –Rolle, A. Na posterunku / A. Rolle // Rolle A. Szkice i opowiadania. – Seria piąta. – Kraków–Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1887. – S. 1–33.
5. Полное собрание русских летописей / сост. Н. Улащук. – М.: Наука, 1975. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 235 с.
6. Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584–1620 / oprac. J.T. Lubomirski. – Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1868. – 152 s.
7. Miejska Biblioteka Publiczna im. E. Raczyńskiego w Poznaniu. – Sygn. 88: Listy do Sapiehów od województw, powiatów, miast oraz od hetmanów wojsk zaporoskich z lat 1601–1659. – 137 k.
8. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Zespół 358. Archiwum Zamoyskich. – Sygn. 179: Listy do Jana Zamoyskiego od Firlejów. 1589–1604. – 111 s.
9. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Sygn. 320: Zbiór akt, listów, instrukcji i in. dokumentów do dziejów Polski (gł. dotycz. spraw skarbowych) z lat 1603–1617. – 550 s.
10. Черкас, Б. Пригоди козаків у Прибалтиці [Електронний ресурс] / Б. Черкас // Тиждень.ua. – Режим доступу: http://tyzhden.ua/Publication/3669. – Дата доступу: 11.07.2016.
11. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Zespół 358. Archiwum Zamoyskich. – Sygn. 39: Relacje korespondentów politycznych, prawdopodobnie Jana Zamoyskiego, głównie z Włoch. 1602–1604, b.d. – 98 s.

Паступіў у рэдакцыю 29.08.2016 г.

УДК 300.81+94(476)

Социально-экономические отношения магнатов и шляхты ВКЛ с феодально зависимым населением в XVI веке

Уваров И.Ю.

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Гомель

Исследование посвящено изучению социально-экономических отношений в среде магнатов и шляхты Великого княжества Литовского с представителями различных категорий населения, находящихся в той или иной степени феодальной зависимости.

Цель статьи – интерпретация источников, которые свидетельствуют о начале аграрных преобразований в экономике ВКЛ первой половины XVI в.

Материал и методы. *Для написания работы использовались архивные и опубликованные материалы источников. Изучение этих документов оказалось возможным благодаря воплощению методологических принципов, основанных на общенаучных методах исторического исследования.*

Результаты и их обсуждение. *Содержится информация о наделении военнослужилого человека участком земли не королем, как это было традиционно принято в XVI в., а представителем господарской администрации в лице поветового старосты, такое пожалование было заверено нотариально. В данном исследовании рассмотрен вопрос о наличии у отдельных представителей шляхетства личных печатей, которыми они скрепляли документы на право владения феодальной собственностью. Приведены факты о покупке феодалами домов в престижных кварталах крупных городов ВКЛ с указанием суммы купчей сделки.*

Заключение. *В результате борьбы шляхты ВКЛ за свои социально-экономические свободы в XVI столетии существенно менялась структура всего привилегированного сословия великокняжеского нобилитета. Постепенно произошло дробление этой социальной группы, появилась малообеспеченная шляхта, представители которой продолжали оставаться владельцами небольших имений и отправлять военную службу. Уровень материального благосостояния их становился ниже, что привело к имущественному расслоению всего шляхетского сословия.*

Ключевые слова: *Великое княжество Литовское, шляхта, магнаты, феодальное имущество, поместие, грамота, господарская администрация.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 70–75)

Social and Economic Relationships of the Grand Duchy of Lithuania Magnates and Gentry with Feudal Dependent Population in the XVI century

Uvarov I.Y.

Educational Establishment «Gomel State P.O. Sukhoi Technical University», Gomel

The article centers round the study of social and economic relations among the magnates and gentry of the Grand Duchy of Lithuania with various categories of the population that were in one or other degree of feudal dependence.

The purpose of this article is interpretation of the sources that demonstrate the beginning of the agrarian reforms in the economy of the Grand Duchy of Lithuania in the early XVI century.

Material and methods. *Archive and published sources and materials were used. The study of these documents was possible due to the application of methodological principles based on scientific methods of historical research.*

Findings and their discussion. *The paper provides information about providing a soldier with a piece of land not by the King, as it was traditionally done in the XVI century, but by a representative of the administration who was a local head, later that was notarized. This study addressed the issue of ownership by the nobility individual personal stamps, with which they sealed documents on ownership of feudal property. Facts are presented about buying houses by gentry in prestigious neighborhoods of large GDL cities with the indication of the transaction amount.*

Conclusion. *As a result of the fight of gentry for their social and economic freedoms in the XVI century, the entire structure of the privileged class of princely nobility considerably changed. Gradually, there was fragmentation of this large social group and emergence of needy gentry, which continued to be the owners of small estates continuing their military service. The level of their material well-being lowered that inevitably led to property stratification of the whole gentry class.*

Key words: *Grand Duchy of Lithuania, nobility, magnates, feudal property, estate, diploma, administration.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 70–75)

Адрес для корреспонденции: e-mail: artemcrips@yandex.ru – **И.Ю. Уваров**

Развитие социально-экономических отношений в среде первенствующего сословия магнатов и шляхты ВКЛ было вызвано целым рядом обстоятельств, которые складывались в недрах феодального общества под воздействием различных причин. Это не могло не отразиться на интересах представителей военно-служилого сословия, которые к началу XVI в. начинали осознавать свою значимость в обществе и востребованность со стороны представителей господарской власти.

Цель статьи – интерпретация источников, которые свидетельствуют о начале аграрных преобразований в экономике ВКЛ первой половины XVI в.

Материал и методы. При написании настоящей работы были использованы архивные материалы и опубликованные источники, которые отражают весь спектр социально-экономических отношений великокняжеской знати с вассально зависимыми категориями людей. При этом применялись общенаучные, историко-сравнительные методы, которые основаны на объективизме и историзме объекта и предмета исследования.

С их помощью можно объяснить единство исторического и логического анализа, который позволяет рассматривать любую проблему в комплексе, раскрывая многообразие ее связей. Эти методы охватывают определенные аспекты научно-познавательной деятельности, являясь главными из средств решения исследовательских задач.

Результаты и их обсуждение. Качественно новым этапом в системе шляхетского землевладения стали аграрные преобразования в экономике феодального хозяйства ВКЛ. Как свидетельствуют документы, аграрные мероприятия проводились значительно раньше до официального провозглашения волочной померы 1557 г. [1, л. 106, 107]. Фрагментарные источники позволяют строить предположения, что барщинно-фольварочное хозяйство стало развиваться в восточных регионах белорусских земель еще в конце XV – начале XVI в. В великокняжеской грамоте от 19 августа 1528 г. указаны фольварки в мстиславских имениях местной шляхты [1, л. 111]. Таким образом, увеличение панского фольварочного хозяйства происходило через выдачу великокняжеских грамот на право владения землей еще в 20-е гг. XVI в. Во владениях королевы Боны вводилась единая мера налогообложения и измерения земель на волоки, морги и локти. О преобразовательных процессах в сфере хозяйственных и экономических отношений, начатых подданными молодой королевы в Кобринском повете в 1534 г., свидетельствуют факты исследования польским историком середины XX в. [2, s. 122]. В Пинском староствe подобные мероприятия также начались раньше 1557 г. и были частично изложены в писцовых книгах представителем местной господарской администрации С. Хвальчевским в 1552–1555 гг. [3, с. 713–715]. О возобновлении ранее начатых аграрных мероприятий во владениях Лида и Белица свидетельствует документ за подписью Сигизмунда-Августа от 7 апреля 1554 г., в котором было составлено предписание магнату Н.Ю. Радзивиллу начинать сельскохозяйственные преобразования с целью увеличения доходов и улучшения жизни поданных. Для этого необходимо все земли в указанных поместьях промерять на волоки и произвести подсчет количества домов, хозяйственных строений, пашенных угодий и поголовья скота [4, л. 7]. Об увеличении личных доходов магната Н. Радзивилла свидетельствует жалованная грамота от 6 октября 1557 г., выданная его вассалу М. Палецкому на владение огромной латифундией в имении Мацкишки сроком на вечные времена. В документе сказано, что М. Палецкий получает это имение за службу как дарственную от своего сюзерена. Он может – сам и его жена и дети и все его кровные потомки распоряжаться этой землей по собственному усмотрению. Новый владелец данного имения может по желанию его продать или продолжать служить с этого имения кому пожелает и даже на костел его записать, если на это будет его воля [5, с. 84]. В документе достаточно подробно перечислено все феодальное имущество и угодья, включая ловы звериные, млыны, криницы и прочее, а также «корчму вольную». Кроме этого в грамоте перечислены поименно 27 путных бояр и жен боярских с их братьями и сыновьями, которые владели тягловыми людьми, лесами и прочими угодьями «...и з их пожитками, и з повиноватствы боярскими и мужицкими и зо всим, якося тое именье з давных часов и тепер в границах и в пожитках своих мает» [5, с. 85]. В данной имущественной сделке выступили свидетелями вельможные паны в лице пана Е.А. Ходкевича, князя М. Паща и пана Щ. Герцыка, которые привесили свои печати к этому договору. Как было сказано в тексте документа, эта грамота написана на пергаменте и скреплена подписью и печатью воеводы троцкого, старосты мозырского державца лидского и слонимского пана Н. Радзивилла. Кроме должностных лиц, пользующихся личными печатями, именные печати могли иметь некоторые феодалы. Из жалобной грамоты пани Елены Жолт от 11 августа 1586 г. видно, что у нее похитили золотую печать, которой она скрепляла документы личного пользования о феодальном

имуществе и отчетности, таким образом подтверждалась их подлинность. Виновным по делу пропавшей печати хозяйка считала своего пасынка Юрия Жолта, который «...прибравши ключ от скрынки отомкнул скрыню и взял сычнет золотой самой пани и листов потребных купных и заставных не мало побрал и побравши проч з двора уехал». Панна Елена была очень обеспокоена, чтобы пасынок ее «...не печатовал тым сычнетом...» документы на продажу ее феодального имущества [6, с. 375].

Как свидетельствуют опубликованные документы в панско-шляхетском хозяйстве ВКЛ, были отмечены необычные для той эпохи случаи, когда происходил денежный расчет между феодалами и людьми, которые были у них в зависимости. Находящиеся в услужении на шляхетском подворье люди получали за свой труд деньги. В 1552 г. во владении панны Катерины Матеевой Войтехович служила на протяжении шести лет шляхтянка панна Ходаковская, за что она получила деньги суммой десять коп грошей, что составило 8,3 гроша в месяц. Еще один случай свидетельствует о том, как земянка Ганна Михайлова за три года службы своим господам получила пятнадцать коп грошей. Одна пленная христианка (откуда в документе не сказано) служила пятнадцать лет своим хозяевам, за что получила четыре копы грошей [7, с. 891]. Все это свидетельствует о том, что феодально-экономические отношения стали выходить на новый уровень развития и способствовали проведению новой аграрной политики Сигизмунда-Августа в 1557 г. Постепенно на территории всех феодальных владений устанавливается новый порядок землевладений, положивший конец старым пережиткам удельного периода и открывший возможности новым формам хозяйственной деятельности [8, с. 34]. Реформа 1557 г. способствовала расширению возможностей служилых феодалов получать небольшие участки земли. Крестьяне-слуги, подчиняющиеся своему военно-служилому сюзерену, обязаны были составлять вооруженный отряд своего пана, выступая в поход на коне. За это они могли получать в пользование от одной до двух волок земли [9, с. 81]. За претворением в жизнь аграрной политики были обязаны следить королевские ревизоры, как было предусмотрено волочной померой [10, с. 491]. Уже через несколько лет к концу 60-х гг. XVI в. развитие фольварочно-барщинной системы в ВКЛ затронуло все земельные владения бояр. Начинает осуществляться инвентаризация всего феодального имущества с целью его более эффективного налогообложения [11, л. 129]. О сборе налогов в пользу г. Вильно есть подтверждение от 18 сентября 1561 г., в котором господарь повелевает слонимскому старосте лично следить за тем, как идет отправка в столицу сена и всякой живности для потребностей населения.

После проведения в жизнь реформы 1557 г. продолжала укрепляться феодальная система с расширением прав господствующего сюзеренитета и подчинением ему большего количества вассально зависимых служилых людей. В 1562 г. 10 ноября Н.Я. Радзивилл-Черный предоставил своему вассалу К.Г. Заливако право владеть феодальным поместьем в имении Ольховка Новогрудского повета. Как свидетельствуют документы, предыдущее свое владение в Островчичах К.Г. Заливако получил от А.Н. Радзивилла 30 июля 1539 г. Данные случаи наделения землей являются свидетельством того, что в ВКЛ, как и в европейских странах, существовала строгая система феодальной иерархии, при которой феодал оставался вассалом своего сюзерена [12, л. 187–187 об.]. О количестве зависимого населения во владениях мелких феодалов свидетельствуют инвентарные записи. Так, например, в деревне Каменецкая Слобода Минского повета в 1594 г. насчитывалось 14 дымов, один дым – 7 человек в сельской местности и 6 человек для города [13, л. 277–281 об.].

Наделять служилых людей землей могли и лица господарской администрации. Мстиславский староста князь В.А. Полубенский дал боярам этого повета Левону и Степану Зеньковичам два участка пустующей земли в селищах Кузнецовское и Кононовское, с которых те были должны отправлять земскую службу. Как передает язык документа, к тому «дворное пашни селищо церковное с прудищем и з мутвицею они им придали». На это феодальное имущество указанные бояре имели письменные грамоты от Сигизмунда-Августа, который 18 июля 1560 г. приказывает мстиславскому старосте, чтобы вышеупомянутые бояре Левон и Степан Зеньковичи в той местности в своих домах жили и использовались селищем Кузнецовское «службу нашу земскую военную нам господарю служили». Приказано имущество их не трогать и никаких преград ни в чем не чинить. В данном документе есть фраза, которая указывает на то, что господарь выступает как представитель высшей инстанции в государстве, но он же указывает на то, что данные бояре служат военную службу, находясь в подчинении старосты мстиславского: «...военную службу отправлять подле листов старост наших мстиславских, князей Полубенских, на то им данных» [5, с. 104–105]. Настоящая грамота составлена в Вильно, а копия ее была занесена в книги

королевской канцелярии. В числе опубликованных источников XVI в. был выявлен еще один документ, указывающий на то, что эти грамоты в великокняжеской канцелярии заверялись нотариально по требованию просителя [14, s. 37]. Если на бояр оказывались давление и притеснение со стороны старост, то они могли обратиться в господарскую администрацию в поисках защиты своих сословных прав. Как это случилось с мстиславскими боярами Левоном и Степаном Зеньковичами, которые после обращения в поисках защиты к господарю получили «защитный лист», по которому они могли продолжать пользоваться своим имуществом [5, с. 104].

На протяжении всего указанного периода феодалы стремились создать в своих домах уютную обстановку. Жилые строения наиболее зажиточных людей строились или покупались в престижных городских кварталах. Как свидетельствуют многие источники, паны, шляхта и земяне, если селились в городах, то предпочитали иметь место жительства в новой части города. Так, например, в Гродно в 1560 г. за р. Неман велось строительство жилья для привилегированных особ в пределах четырех улиц. К ним примыкал особый рынок и рядом жили ремесленники, которые находились в зависимости от замковой администрации и обслуживали потребности привилегированной знати [15, с. VII]. Среди многообразия разноплановых источников на эту тему был выявлен один документ, свидетельствующий о том, что представители военно-служилого сословия покупали в городах дома. В 1577 г. 21 декабря в документах могилевского магистрата сделана запись о продаже участка с домом и надворными постройками мещанином Никипором Савиничем оршанскому земянину Ермолаю Громаклиевскому за десять коп грошей литовских в нижней части города за р. Днепр [16, с. 233]. Более состоятельные феодалы владели большими домами и замками. Так, например, дочка князя Ю.И. Гольшанского (в замужестве С.Ю. Полубинская) в 1580 г. согласно наследственному праву начала владеть частью Глуского замка и некоторыми селами в пределах этой волости [17, л. 185–189].

Однако мирному проживанию феодалов и простых людей даже в спокойные от военного лихолетья годы мешали разбой и преступное поведение отдельно взятых панов, рассчитывавших увеличить доходность собственных имений за счет грабежа своих соседей. Из записей книг Слонимского городского суда от 16 августа 1560 г. видно, что пан Я. Сакович с большим количеством слуг разграбил имущество пана Е. Сидоровича. Были отняты тягловый скот, рабочий инвентарь, похищены две сермяги, сукно, пояс, в котором была спрятана копа грошей, грабители забрали три ведра меда [18, л. 131 об.–132]. Все это свидетельствует о вседозволе, преступном разгуле, анархии и бездействии феодальной власти. Но если впоследствии грабежа доводилось поймать злодея, укравшего шляхетское добро, то расправа над ним была самая жестокая. В селе Новоселки в ночь с 18 на 19 сентября 1577 г. у шляхтича Барановича неизвестные украли следующие вещи: бараний кожух, женскую обувь, пять сыров из сырницы, два куска сукна, три отреза полотна, мужское и женское белье, два куска сала и некоторые документы. В ходе преследования вор с частью награбленного был пойман. По итогам судебного разбирательства был вынесен виновному приговор к смертной казни за воровство [16, с. VIII–IX]. Таким образом, мы видим, что феодальная власть в отдельных случаях опиралась исключительно на закон по защите шляхетских прав. Однако опасность потери шляхтой своего имущества продолжала существовать. С началом появления польской идеологии и наступлением католической пропаганды менялась система социальных отношений в рядах сословия шляхты. Под угрозой конфискации феодальных владений в приказном порядке паны и вся шляхта Волынской земли за присоединение к Короне были обязаны дать согласие на унию с Польшей, подтвердив это письменно, что им было предписано королевским универсалом Сигизмунда-Августа от 25 мая 1569 г. [19, с. 3–8].

События Ливонской войны существенно повлияли на всю жизнь служилого сословия ВКЛ. Значительно возрастает значение земской службы. Чтобы пополнить ряды посполитого рушения, господарская власть призывает витебских мещан служить военную службу в конном строю. Это означает переход мещан в сословие военно-служилых людей, которыми считались бояре [20, л. 93 об.]. В 60-е гг. XVI в. правительство всерьез задумалось об изыскании мобилизационного ресурса служилых людей. Ярким подтверждением тому может послужить перепись войска ВКЛ 1565 г. При изучении документа о состоянии дел по сбору ратников в Киевском повете и сопредельных с ним землях видно, как выглядела на самом деле ситуация, описанная королевским служебником Михаилом Коледою 15 октября 1565 г. Отсюда видно, что каждый из крупных землевладельцев обязан был выставлять не просто вооруженных воинов от своих имений, но и всадников нового образца, как указано в источнике, «по-гусарски», очевидно в гусарском облачении, а также драбов и просто людей, вооруженных «по-ка-

зацки», в качестве легких пехотинцев. После проведения военного смотра ко дню роспуска этих формирований их численный состав насчитывал 8 178 конных всадников без учета пеших воинов драбов [21, с. 213–221].

О сборе и численности военно-служилых людей ВКЛ в 1567 г. свидетельствуют некоторые источники и исследования по этой теме. Из Трокского повета в войско записалось семь путных слуг [22, s. 132–150]. Такое малое число воинов говорит о том, что вся служилая шляхта находилась на театре военных действий, либо с учетом понесенных потерь ее количественный состав резко сократился. От Гродненского повета в этот год было представлено двадцать девять воинов от простого сословия [23, с. 17]. Все эти люди вместе с боярами-шляхтой выступали в поход, как «с ыменей своих» [24, с. 1]. Впоследствии эти путные слуги переходили в сословие шляхты.

Исследуя документы этого периода, можно считать малоизученным вопрос о социально-экономическом положении такой категории служилых людей, как пушкари и замковые стрельцы. В документе 1568 г. упомянуты стрельцы из замков ВКЛ. Очевидно, это могли быть московские ратники, перешедшие на военную службу в ВКЛ за особое вознаграждение [25, s. 33].

О том, что отправление военной службы в то время было очень дорогостоящим делом, свидетельствует один документ. В 1586 г. 5 мая вследствие разбора жалобы была установлена стоимость пропавшего имущества, необходимого для военной службы. Стоимость коня оценивалась в шесть коп грошей, седло – пол копы, сермяга – тридцать пять грошей, уздечка для коня – четыре гроша, войлок – двадцать грошей, шапка – шесть грошей. Надо полагать, что именно такие средства должен был тратить шляхтич, снаряжая на войну конного воина [6, с. 353].

В системе социальных противоречий в среде сословия шляхты следует выделить информацию об имущественных завещаниях шляхты. Из обширного корпуса опубликованных источников было выявлено два документа под названием «тастаменты шляхты». На основании этого можно делать некоторые выводы о том, какую заботу проявляли феодалы о своих владениях и кому завещали ту или иную часть имущества. Из документа от 27 июня 1574 г. видно, что представители феодальной администрации Слонимского повета посетили на дому земянку пани Г.М. Катовны, которая будучи больна, но находясь еще при здравом рассудке, на все свое имущество, доставшееся ей по наследству от ее отца пана М. Котовича и мужа пана Д. Юцковича, решила составить завещание – «тастамент» [26, с. 304]. В документе отмечено, что все движимое и недвижимое имущество хозяйка хочет поделить между своими детьми. В составе имения Узловсы пани Катовна владела всеми строениями, скотом и рабочим инвентарем, все сенокосы, пущи, ловы звериные, озера, места рыбной ловли, «з боярами, з слугами путными и з людми тяглыми, з огородники из их землями и повинностями, за даню медовою и грошовою и даклом, и зо всими подачками яко я сама держала, ...тое имене мое Узловсы зовсем на всём» пани Катовна завещала своему сыну Василию и дочке Томиле. По волеизъявлению хозяйки новые владельцы этого имения, разделив его между собой, могут самостоятельно держать его каждый как он пожелает и получать прибыль от эксплуатации феодального хозяйства [26, с. 305].

Доказательством о сокращении пределов территории имения и финансовых возможностей феодалов свидетельствует еще один документ о завещании имущества и денег. Из тастамента К.А. Барсовича от 25 августа 1578 г., составленного в г. Бресте, видно, что судебный земский врядник Брестского повета в лице судьи А. Потея, подсудника Б. Туминского и писаря Ф. Потея вынесли судебное постановление об отношении имущественного завещания «земянки» того же повета Х. Кудиловны, которая после исповеди составила завещание для своего родственника «малжонка» К. Барсовича, скрепленное личной печатью владелицы имения. Из содержания этого документа видно, что происходили развивающийся процесс дробления феодального поместья, раздел имущества и денег: «...А ведже с тых двох частеи сынове мои мают вывеновати дочки мои а сёстры свои, и дати им по девяти коп грошей, окрамя вправы рухомыми речми» [26, с. 51–52].

Заключение. Таким образом, мы видим, что в ходе борьбы шляхты за свои сословные вольности и привилегии происходит процесс в виде дробления феодальных владений и формирования малообеспеченной группы лиц, сохранивших свой сословный интерес. Появляются небольшие участки, с которых их владельцы продолжали отправлять земскую службу. Однако уровень финансовых возможностей таких феодалов становился ниже, чем у их предшественников, что отражалось в организованности и боеспособности сил феодального ополчения на случай войны.

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 694. – Оп. 4. – Д. 5704.
2. Wawrzynczyk, A. Rozwoj wilkiej wlasnosci na Podlasiu w XV–XVI wieeku / A. Wawrzynczyk. – Wroctaw: Zakt. Nar. im. Ossolinskich, 1951. – 358 s. – (Prace Wroctawskiego Towarzystwa Naukowego. ser. A.; № 48).

3. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Издание виленской Археографической комиссии. – Вильна: Типография Сыркина, 1884. – 714 с.
4. НИАБ. – Ф. 694. – Оп. 4. – Д. 1336.
5. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560 гг.): Кніга запісаў 43 (копія канца XVI ст.). – Мінск, 2003. – 167.
6. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 26: Акты Упинского гродского суда. – 1899. – LII, 595 с. Акты, издаваемые Виленской комиссией. – Т. XXVI. – Вильно, 1897.
7. Литовская Метрика. Кн. 224 (1522–1530). 4-я книга судных дел: (Копия конца XVI в.) / Подготовили С. Лазутка, И. Валиконите, Г. Киркене [и др.]. – Вильнюс, 1997. – CXLVIII, 512, (1) с., (1) л. факс. Литовская метрика. Книга 224 (1522–1530). – Vilnius, 1997.
8. Леонтович, Ф.И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства / Ф.И. Леонтович. – СПб.: Типосреда В.С. Балашева и Ко, 1894. – 393 с. – Извлеч. из ЖМНП. за 1893 и 1894 гг.
9. Доўнар, А.Б. Сяляне-слугі Беларусі другой паловы XVI – сярэдзіны XVIII ст. / А.Б. Доўнар. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 193 с.
10. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. I: Введ. М. Довнар-Запольского. – М.: Тип. Т-ва А.И. Мамонтова, 1897. – 570 с.
11. НИАБ. – Ф. 694. – Оп. 4. – Д. 5724.
12. НИАБ. – Ф. 694. – Оп. 4. – Д. 1475.
13. НИАБ. – Ф. 1769. – Оп. 1. – Д. 7.
14. Lucha, G.M. Kanzleischriftgur, Kanzlei, Rat und Regierungssystem untr Herzog Albrecht III von Bayern-M nchen / G.M. Lucha. – Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien: Peter Lang, 1993. – 545 s.
15. Писцовая книга Гродненской экономии с прибавлениями, издания Виленской комиссией для разбора древних актов / [предисл. С. Шолковича]. 4.1. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1881. – XXIII. – 592 с.
16. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 32: Акты первой книги Могилевского магистрата за 1577–1578 гг. – Витебск: Типо-литография бр. Подземских, 1906. – 585 с.
17. НИАБ. – Ф. КМФ-18 (Коллекция микрофильмов – далее КМФ). – Оп. 1. – Д. 274.
18. НИАБ. – Ф. 1737. – Оп. 1. – Д. 1. Часть 1: «Слонимский городской суд». Книга записей за 1569 г.
19. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности: Из Ист. материалов, помещенных в «Вестнике Зап. России». Вып. [1]–2. Вып. 2. – 1866 (обл. 1867). – 282. VII с. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. (Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России» и из других печатных источников). Вып. 2: В типографии Виленского губ. правления. – Вильна, 1866.
20. Ф. КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 266.
21. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденного при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1, т. 7: [Памятники литературной полемики православных южно-руссцев с латино-униатами]. – 1887. – XVI, 800, II с. Архив Юго-Западной России. – Киев, 1887. – Т. VII. Ч. 1.
22. R mer, K. Rycerstwo wijskie w okolicach Trok. Bojarzy Somiliscy, 1475–1575 / K. R mer. – In: Z ziemi pagorkow lesnych, z ziemi tak zielonych. Ksiazka zbiorowa poswiecona pamieci Ad. Mickiewicza w stuletnia rocznice jego urodzin. 1798–1898. – Warszawa, 1899. – S. 132–165.
23. Янушкевіч, А. Харугва Гарадзенскаго павету ў паспалітым рушэнні ВКЛ 1567 г. // Гарадзенскі палімпсест. XII–XX стст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Горадня, 7 ліст. 2008 г. / пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Горадня–Беласток: ІГДБ (ЕГУ), 2008. – 228 с.: іл.
24. Литовская Метрика. Русская историческая библиотека. Отд. 1. Ч. 3. Книги публичных дел. Т. I: Переписи войска литовского / ред. С.Л. Пташицкий. – Т. 33. – СПб., 1915. – 1378 с. и стб. разд.
25. Lietuvos Metrika. kn. nr 567 (1567–1571 m.). Surasymu knyga 10 / Lietuvos istorijos instituas; parenge Algirdas Baliulis. – Vilnius: Versus aureus, 2006. – 72. Santr. anglu. lenku k.
26. Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 736 с.: іл. – (Беларусь у актавых кнігах XVI–XVIII стст.).

Поступила в редакцию 29.04.2016 г.

УДК 341.1/.8

Виталий Владимирович Курашик – первый посол Республики Беларусь в Украине: страницы биографии и дипломатическая деятельность

Юрчак Д.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В дипломатической практике примеры назначения на должности послов граждан зарубежных стран редки, но в первые годы независимости в Республике Беларусь подобный подход имел место. Пример назначения на должность посла в Украине тогдашнего председателя правительства Крыма Виталия Курашика подтвердил эффективность такой политики.

Цель статьи – проследить судьбу Виталия Курашика, ставшего первым послом Республики Беларусь в Украине, обратив внимание на его дипломатическую деятельность и ее итоги для развития взаимовыгодного двустороннего белорусско-украинского сотрудничества.

Материал и методы. *Для написания исследования использованы книги воспоминаний самого В.В. Курашика, его интервью, материалы Архива Министерства иностранных дел Республики Беларусь и публикации в периодической печати. Широко применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования.*

Результаты и их обсуждение. *В данной работе рассматривается вопрос назначения уроженца Брестчины Виталия Курашика, большую часть жизни прожившего за пределами республики, послом Беларуси в Украине (включая особенности получения предложения, мотивацию Виталия Курашика и позицию Украины). Особое внимание уделено биографии посла, вопросам его деятельности в стране пребывания, урегулированию вопросов размещения белорусского посольства в Киеве.*

Заключение. *Делается вывод о том, что решение о назначении послом Республики Беларусь в Украине тогдашнего председателя Совета Министров Крыма оказалось полностью обоснованным, так как найти лучшую кандидатуру, знакомую с местными реалиями, было сложно.*

Ключевые слова: *Беларусь, Украина, Крым, белорусско-украинские отношения, дипломатия, посольство Республики Беларусь, Виталий Курашик.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 76–81)

Vitaly V. Kurashik – the first Ambassador of the Republic of Belarus in Ukraine: Biography Pages and Diplomatic Activities

Yurchak D.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

In diplomatic practice examples of the appointment of Ambassadors of foreign nationals are rare, but in the first years of independence of the Republic of Belarus, this practice existed. An example of the appointment of Ambassador to Ukraine of the then Crimea Prime Minister Vitaly Kurashik confirmed the effectiveness of such a policy.

The purpose of the work is to trace the life of Vitaly Kurashik, who became the first Ambassador of the Republic of Belarus in Ukraine, drawing attention to his diplomatic activity and its outcome for the development of mutually beneficial bilateral Belarusian-Ukrainian cooperation.

Material and methods. *To do the research we used the books of memories by V. Kurashik, his interviews, materials of the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus and publications in periodicals. General scientific as well as special historical research methods were widely used.*

Findings and their discussion. *The article deals with the appointment of a native of Brest Vitaly Kurashik, who lived most of his life outside the country, the Ambassador of the Republic of Belarus in Ukraine (including the features of the offer, motivation of Vitaly Kurashik and the position of Ukraine). Particular attention is paid to the biography of the Ambassador, to his activities in the host country, the settlement of the issues of accommodation of the Belarusian Embassy in Kiev.*

Conclusion. *Conclusion is made that the decision to appoint the Ambassador of the Republic of Belarus in Ukraine, of the then Chairman of the Council of Ministers of Crimea was completely justified, because to find a better candidate, familiar with local realities, was difficult.*

Key words: *Belarus, Ukraine, Crimea, Belarusian-Ukrainian relations, diplomacy, the Embassy of the Republic of Belarus, Vitaly Kurashik.*

Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 76–81)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kajuga@list.ru – **Д.В. Юрчак**

В недавнем интервью программе белорусского телевидения «Крупным планом» посол Республики Беларусь во Франции П.П. Латушко заявил: «Если посол или дипломат начинает говорить языком страны, в которой он аккредитован, – пора паковать чемоданы» [1]. Тем самым он пытался подчеркнуть, что, отстаивая интересы своей страны, посол должен быть тесно связан с Родиной, а не страной пребывания. Однако опыт развития белорусской дипломатии на заре независимости свидетельствует об ином, так как в ряде случаев имело место назначение послами людей, которые оказались оторванными от своей родины и даже не являлись гражданами Республики Беларусь. Причем это касалось в первую очередь именно тех государств, с которыми еще недавно мы находились в составе Советского Союза и которые были основными внешнеполитическими и внешнеэкономическими партнерами.

Первым послом Республики Беларусь в Российской Федерации стал Виктор Дмитриевич Даниленко, являвшийся в период начала процесса распада СССР заместителем председателя Госагропрома СССР, депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР 11-го созыва (1984–1989 гг.) от РСФСР, а также постоянным представителем Совета Министров БССР при Совете Министров СССР (с 1989 г.). В данном случае назначение его послом выглядит во многом закономерно, так как до этого он выполнял примерно те же функции при правительстве Советского Союза. Немного иная ситуация была во взаимоотношениях с официальным Киевом. Первым послом Республики Беларусь в Украине стал Виталий Владимирович Курашик, депутат Верховной Рады Украины и председатель Совета Министров Крыма, которого с Беларусью связывало только происхождение. К судьбе последнего мы попробуем подробно обратиться в рамках данной статьи.

Актуальность работы обусловлена тем, что после обретения независимости Республика Беларусь стала активно развивать сотрудничество с другими странами и международными организациями, благодаря чему во многих государствах открылись белорусские диппредставительства. При этом первые белорусские послы выступали своеобразными пионерами, открывавшими нашу республику для других стран. Пример В.В. Курашика в этом плане весьма показателен и уникален. Ради служения Родине, с которой судьба его разлучила еще в молодости, он отказался от высокой должности и хорошей политической перспективы в Украине. А ставка, сделанная руководством Беларуси на человека, хорошо знакомого с украинскими реалиями и имеющего связи с политической и экономической элитой республики, себя во многом оправдала.

Цель статьи – проследить судьбу Виталия Владимировича Курашика, ставшего первым послом Республики Беларусь в Украине, обратив внимание на его дипломатическую деятельность и ее итоги для развития взаимовыгодного двустороннего белорусско-украинского сотрудничества.

Данная тематика до сегодняшнего дня практически не исследовалась ни в Республике Беларусь, ни в Украине. Исключением можно считать раздел монографии Д.В. Юрчака «Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений», посвященный работе диппредставительств двух стран в 1991–2011 гг. [2], а также отдельные публикации отечественных и украинских СМИ.

Материал и методы. При подготовке статьи использовались биографические книги самого В.В. Курашика («Я не хочу судьбу иную...», выдержавшая несколько переизданий, и «Я люблю тебя, жизнь...») [3; 4], его интервью [5], материалы Архива Министерства иностранных дел Республики Беларусь и публикации в периодической печати, свидетельствующие о дипломатической деятельности первого посла Республики Беларусь в Украине. Автор руководствовался принципами историзма, объективности и системности, применяя как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, исторический, логический и др.), так и специально-исторические методы исследования. Широко использовался историко-генетический метод, который давал возможность проследить основные страницы биографии и дипломатической деятельности В.В. Курашика. Для сопоставления деятельности посольства Республики Беларусь в Украине с деятельностью иных диппредставительств применялся историко-сравнительный метод, а при рассмотрении биографии нашего героя – ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. Когда автор данной статьи работал над диссертацией по белорусско-украинским отношениям в Архиве МИД, сотрудница архива однажды с сожалением сказала: «Вам бы очень полезно было пообщаться с самим первым послом, но он, к сожалению, остался в Украине». Тогда я не придал этому особого значения, не зная, что судьба меня все-таки сведет с этим уникальным и ярким человеком, который сам непосредственно стоял у истоков развития двусторонних отношений двух стран. Более того, благодаря нашему общению именно Виталий Владимирович стал одним из первых, кто

прочел мою монографию и даже выступил автором вступительного слова к работе.

Чем же уникальна судьба Виталия Владимировича? Что его выделяет на фоне остальных? Дело в том, что белорусским послом в Украине стал не кадровый дипломат, и даже не гражданин Беларуси, что само по себе уникально. Таких примеров в мировой истории мало. На момент своего назначения В.В. Курашик имел украинское гражданство и блестящую политическую карьеру в Украине. Уроженец Беларуси, он прошел долгий путь от простого шахтера до депутата Верховной Рады Украины и председателя Совета Министров Крыма. Именно от последней очень высокой (и крайне заманчивой для многих украинских политиков) должности Виталию Владимировичу пришлось отказаться для того, чтобы стать белорусским послом в Украине. Этот явно не равноценный с прагматической позиции обмен делает фигуру первого белорусского посла в Украине уникальной, а его жизненный путь ярким примером патриотизма и служения Родине.

Родился Виталий Владимирович 8 мая 1939 г. в Дивине Кобринского района Брестской области в крестьянской семье. Однако большую часть жизни будущий дипломат провел в Украинской ССР. После окончания технического училища в г. Красный Луч Луганской области и горного техникума в г. Торез с 1960 по 1963 г. работал машинистом электровоза, мастером шахты «Кочегарка» (Горловка). С 1963 г. был технологом, главным технологом Константиновского завода высоковольтной аппаратуры. В 1967 г. Виталий Владимирович окончил Украинский заочный политехнический институт. В 1974–1982 гг. – на партийной работе в Донбассе.

В 1982 году В.В. Курашик был назначен председателем Евпаторийского исполкома городского Совета народных депутатов. Причем причины таких изменений в судьбе Виталий Владимирович объясняет сам: «В 1982 году меня по состоянию здоровья жены направили в Крым для партийной или советской работы. Приехали мы из промышленного и загазованного города Константиновки. Сначала меня избрали депутатом городского совета, а 2 июля 1982 года – председателем горисполкома» [4, с. 151]. Этот пост он занимал до 1985 года и оставил значительный след в городе, благодаря чему стал почетным гражданином Евпатории. С 1985 по 1987 г. находился на руководящих должностях в Крымском обкоме Компартии Украины. В феврале 1987 года был назначен заместителем председателя Крымского облисполкома и занимал эту должность до декабря 1989 года.

Распад Советского Союза Виталий Владимирович встретил будучи уже председателем исполкома Крымского областного Совета народных депутатов, то есть руководителем исполнительной власти Крыма. 12 февраля 1991 года Верховный Совет Украинской ССР принял Закон «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики», согласно статье 1 которого Крымская АССР провозглашалась в пределах территории Крымской области в составе Украинской ССР. Благодаря этим преобразованиям Виталий Владимирович с марта 1991 года стал Председателем Совета Министров Крыма и членом Правительства Украины. Кроме того, с 1989 по 1993 г. В.В. Курашик был депутатом Верховной Рады Украины 1-го (12-го) созыва и Верховного Совета Республики Крым, в которые был избран от Евпатории.

Следовательно, в период образования независимой Украины Виталий Владимирович Курашик принадлежал к части политической элиты страны, занимая ответственные посты в руководстве Украины и, по сути, являясь руководителем Крыма, имевшим в то время особый статус. Поэтому последовавшие за этим изменения в его судьбе для многих выглядят нелогичными, но всему есть свои объяснения.

У каждого, кто знакомится с биографией В.В. Курашика, возникает логичный вопрос: как же первый премьер-министр Крыма в независимой Украине стал послом Беларуси? Объяснить это сложно, если не познакомиться с воспоминаниями самого Виталия Владимировича. В 1993 г. В.В. Курашик в составе делегации от украинского парламента принял участие в юбилейном заседании меджлиса Турции, на котором присутствовала и белорусская делегация, возглавляемая председателем Верховного Совета С.С. Шушкевичем. В дружеской беседе с земляками, как вспоминает сам Виталий Владимирович, он спросил: «Почему до сих пор нет посла Беларуси в Украине?» На это белорусский спикер ответил: «Ищем человека, который хорошо бы знал Украину». И тут же добавил: «Вы, конечно, не согласитесь, занимая такую высокую должность, но, может, кого-нибудь посоветуете?» [3, с. 102].

В ответ С.С. Шушкевичу Виталий Владимирович обещал подумать. А предложение было действительно заманчивое, ведь, по утверждениям самого В.В. Курашика, дипломатия его интересовала с юности. На протяжении многих лет он с увлечением читал различные книги по данной тематике. В сложившейся ситуации довольно последовательно повел себя официальный Минск, решивший

во что бы то ни стало привлечь к дипломатической работе человека, не просто знающего Украину изнутри, но и прекрасно знакомого со всем закулисьем украинской политики.

Сам Виталий Владимирович пишет по этому поводу следующее: «Здесь и решилась моя судьба – стать дипломатом и представлять Республику Беларусь в Украине. С. Шушкевич предложил мне, как белорусу, эту новую для меня деятельность. И я не жалею об этом. Хотя многие мои знакомые удивлялись, как я мог так легко уйти с должности Председателя Совета Министров Республики Крым. С. Шушкевич хорошо понимал, что я для своей Родины сделаю больше, чем новый человек из Республики Беларусь. И в моей жизни начался новый этап – дипломатическая работа» [4, с. 89].

Через несколько дней после возвращения из Турции Виталия Владимировича официально пригласили посетить Минск. В Украине о предложении белорусской стороны еще не знали. В Минске состоялась встреча В.В. Курашика с министром иностранных дел П.К. Кравченко, аргументы которого оказались убедительными, тем более, что и сам Виталий Владимирович был готов к тому, чтобы принять предложение руководства Беларуси.

Сразу после получения принципиального согласия Верховный Совет Республики Беларусь принял решение о присвоении В.В. Курашику высшего дипломатического ранга – Чрезвычайного и Полномочного посла. Вторым постановлением, принятым тут же, новый белорусский дипломат был назначен в Киев. Произошло это событие 20 мая 1993 г. [3, с. 103]. Тем самым, выбирая между успешной политической карьерой в Украине и дипломатической службой в интересах своей Родины, В.В. Курашик предпочел последнее, став уникальным дипломатом, как никто другой знающий реалии страны пребывания.

Для многих в Украине подобное решение было неожиданным. 20 мая 1993 года Виталий Владимирович сложил полномочия председателя Совета Министров Крыма. Вместе с тем нового белорусского посла пытались переманить на такую же должность в украинский МИД, предлагая самому выбрать страну пребывания на свой вкус (в том числе ведущие страны Европы), чтобы стать официально послом Украины [3, с. 105]. Но решение было уже принято, Виталий Владимирович выбрал служение Родине.

Официально Посольство Республики Беларусь в Украине было открыто 12 октября 1993 г. Первой резиденцией белорусского посла в Украине стал номер в гостинице «Киев», предоставленный В.В. Курашику как депутату Верховной Рады Украины. Изначально в составе посольства было два дипломата – посол и первый секретарь. Последний по совместительству занимался и консульскими вопросами.

Уже в ходе процедуры вручения верительных грамот состоялась обстоятельная беседа В.В. Курашика с Президентом Украины Л.М. Кравчуком, во время которой были обсуждены основные направления двустороннего сотрудничества [6, л. 5]. Сама процедура вручения также отличалась тем, что новому официальному представителю Беларуси из уважения к стране и самому послу разрешили это сделать одному, а не, как обычно принято, одновременно с дипломатами из других стран. Примечателен и тот факт, что В.В. Курашик произнес свою речь в зале Мариинского дворца на украинском языке, что исключительно позитивно было воспринято в Украине [3, с. 106].

Сотрудники посольств активно занялись углублением контактов между двумя государствами. В частности, в ноябре 1993 г. В.В. Курашик встретился с заместителем министра иностранных дел Украины Н. Макаревичем. В ходе встречи обсуждались вопросы активизации межгосударственного сотрудничества и выполнения подписанных соглашений [7, л. 59]. В апреле того же года В.В. Курашик встретился с Президентом Крыма Ю.А. Мешковым и обсудил вопрос функционирования белорусских санаториев и оздоровления детей [8, л. 211].

Показательным является то, как В.В. Курашик отстаивал интересы Республики Беларусь. Часто он в этих целях использовал личные связи и даже дружбу с представителями украинской политической элиты. В результате сотрудники Министерства иностранных дел Украины неоднократно высказывали недовольство и даже возмущение тем, что белорусское посольство и его глава решают многие вопросы напрямую, минуя внешнеполитическое ведомство. Обращает на себя внимание и тот факт, что только у белорусского посла в Украине была прямая линия с Президентом страны. Подобная исключительность также объяснялась личными связями В.В. Курашика, что лишний раз свидетельствовало о правильности выбора, сделанного руководством Беларуси в 1992 году.

Большое внимание в это время в деятельности посольства уделялось вопросам развития двусторонних связей, регулярно организовывались встречи на различных уровнях, посол сам лично регулярно посещал кабинеты высших должностных лиц Украины, совершал поездки по регионам. Безусловным приоритетом в работе являлось экономиче-

ское сотрудничество двух стран. Поэтому положительная динамика товарооборота, появление новых совместных производств, разрешение возникающих противоречий постоянно были в поле зрения Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Беларусь в Украине.

Описывая свою деятельность, В.В. Курашик вспоминает: «Перед каждой встречей с руководителями высокого уровня Украины и Белоруссии я тщательно готовился. Если необходимо было что-то просить для государства или для посольства, я придерживался такого правила: никогда не следует просить то, в чем тебе откажут. Просьбу не надо выкладывать сразу, целесообразнее подводить к ней постепенно, учитывая обстановку и настроение руководителя. Например, А. Лукашенко при встрече спросил у меня: "Какая пенсия у вашей жены, Аллы Николаевны?" Когда я назвал, он спросил: "Как же она живет?" "Перед вами – кормилец семьи – повышайте зарплату", – ответил я и вышел от президента с повышенной зарплатой» [4, с. 135].

Благодаря работе посольства расширялись экономические связи на различных уровнях, оказывалась поддержка представителям диаспор, организовывались научные форумы и торжественные мероприятия в честь государственных праздников и различного рода юбилейных дат, что способствовало развитию гуманитарных контактов.

Одним из наиболее проблемных вопросов, с которым столкнулись обе стороны сразу после открытия своих диппредставительств, стал вопрос о размещении посольств двух стран. Долгое время белорусские дипломаты вынуждены были располагаться в арендованных помещениях. В начале 1994 г. В.В. Курашик информировал МИД о размещении диппредставительства в Киеве по адресу: ул. Кутузова, д. 8 [9, л. 379]. В итоге белорусский посол также ставил перед официальным Минском вопрос о начале строительства собственного здания под посольство [3, с. 121].

Однако уже во второй половине 1994 г. Украина информировала белорусскую сторону о выделении помещений под посольство Республики Беларусь в Киеве на первом этаже здания по адресу: ул. Январского восстания, д. 6 (общая площадь 200 кв.м) [9, л. 228]. Там ранее размещалось представительство ООН в Украине. Однако и после этого посольство продолжало рассматривать иные варианты. В частности, в письме в МИД в марте 1995 г. говорилось: «Здание по ул. Шелковичной (К. Либкнехта), д. 14 до сих пор свободно. Это самый лучший вариант для размещения посольства» [6, л. 82].

В дальнейшем вопрос о размещении диппредставительств выносился на высший уровень. Но если с украинским строящимся в Минске посольством все было предельно ясно, то вопрос о размещении белорусских дипломатов в Киеве оставался открытым. И вскоре он нашел неожиданное решение. Как вспоминает В.В. Курашик, находясь у посла Монголии, он узнал, что эта страна намерена закрыть свое диппредставительство в Киеве из-за огромных затрат на его содержание. Соответственно, занимаемый посольством Монголии особняк на ул. Коцюбинского должен был освободиться. Поняв перспективы, белорусский посол стал писать во все инстанции, но тщетно. Кто-то явно уже претендовал на данное строение, в итоге со стороны отдельных чиновников, как отмечает сам Виталий Владимирович, слышались угрозы. Только после вмешательства мэра Киева А.А. Омельченко и Президента Украины Л.Д. Кучмы удалось решить этот вопрос [3, с. 159–160].

Причем вмешательство последних также было связано с одним интересным случаем. Сам Виталий Владимирович описывает это так: «Прогуливаясь в Конче-Заспе с Аллой Николаевной, мы встретили Президента Украины Л. Кучму. Поздоровавшись с ним, на его вопрос: "Как дела?" Алла Николаевна отвечает: "Леонид Данилович, мой Виталий уже много месяцев плохо спит". Ясно, что собеседника заинтересовало, почему. "Здание для посольства до сих пор не продали Республике Беларусь", – отвечает она. Уверен, что этот момент о моей бессоннице больше запомнился Президенту, чем мои жалобы. И это, несомненно, ускорило решение вопроса» [4, с. 135–136].

28–29 сентября 1998 г. в Киеве стороны достигли договоренности о продаже белорусской стороне здания по ул. Коцюбинского, д. 3 для размещения посольства, а также об обмене земельного участка в Минске площадью 0,46 га, где велось строительство украинского посольства, на равнозначные земельные участки в Киеве по ул. Коцюбинского и на территории строящегося дипломатического городка.

Безусловным успехом первого посла Беларуси в Украине стоит признать приобретение в 1990-х годах нескольких квартир в Киеве для сотрудников посольства. Учитывая, что в последующем цены на квартиры в украинской столице стремительно выросли, настойчивость В.В. Курашика в этом вопросе оправдала себя. В настоящее время посольства других стран на аренду квартир для сотрудников тратят больше, чем Республика Беларусь потратила на их покупку в начале

1990-х гг. А это существенная экономия на содержание посольства.

В 2001 г. В.В. Курашик сам принял решение об отставке, написав соответствующее заявление [3, с. 222]. В сложившихся условиях отставка была принята, и 16 июня 2001 г. новый посол Республики Беларусь В.В. Величко, занимавший ранее пост первого заместителя министра иностранных дел и имеющий огромный опыт дипломатической работы, вручил верительные грамоты Президенту Украины Л.Д. Кучме [10].

Так завершилась продолжительная дипломатическая карьера В.В. Курашика. Как показывает история развития белорусско-украинских отношений, белорусские дипломаты в Киеве установили своеобразный рекорд по «дипломатическому долгожительству». Вначале Виталий Владимирович в 1999 году стал послом-дуайеном – руководителем всего дипломатического корпуса в Украине, так как раньше всех среди дипломатов различных стран, аккредитованных в Киеве, вручил верительные грамоты Президенту страны. А затем его путь повторил и В.В. Величко. Стоит отметить, что почетная роль предоставляла послам-дуайенам и широкие возможности в расширении межгосударственных контактов, что, безусловно, использовалось в интересах белорусского государства.

Заключение. Таким образом, Виталий Владимирович Курашик, выбрав дипломатическую карьеру в 1992 году, оставил значительный след в истории белорусской дипломатии, став уникальным примером верного служения Родине. На период его руководства посольством приходится ряд знаковых событий в развитии белорусско-украинского сотрудничества, активизация политических связей, разрешение вопроса с размещением посольства в Киеве и делимитация государственной границы. При этом он сохранил гражданство Украины и после завершения дипломатической службы остался в стране пребывания.

За свою деятельность в Украине и Беларуси В.В. Курашик награжден орденами «Трудового Красного Знамени» и «За заслуги» III степени (Украина), а также почетными грамотами правительств Республики Беларусь и Украины. В 2008 г. на очередном съезде В.В. Курашик был избран почетным председателем Всеукраинского союза белорусов. В настоящее время после похорон жены и сына он проживает в Крыму, которому также посвятил значительную часть своей жизни.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя), подпрограммы 13.1 «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) по заданию 1.1.04 «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов).

Литература

1. Крупным планом: Павел Латушко [телепрограмма] // Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tvr.by/events/proekty-atn/krupnym-planom/. – Дата доступа: 01.12.2016 г.
2. Юрчак, Д.В. Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений / Д.В. Юрчак. – Витебск: УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2012. – 280 с.
3. Курашик, В.В. Я не хочу судьбу иную... (Записки дипломата) / В.В. Курашик. – К.: Освита Украины, 2010. – 366 с.
4. Курашик, В.В. Я люблю тебя, жизнь... / В.В. Курашик. – Симферополь: Антиква, 2014. – 160 с.
5. Курашик, В. Я – посол. Что я могу?: [интервью с В. Курашиком] / В. Курашик // Рэспубліка. – 1994. – 16 чэрв. – С. 5.
6. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. – Оп. 2. – Д. 630.
7. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. – Оп. 2. – Д. 356.
8. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. – Оп. 2. – Д. 1242.
9. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. – Оп. 2. – Д. 373.
10. Величко, В. В Беларуси никто не митингует / В. Величко // Weekly.ua. – 2011. – 11–17 нояб. – С. 15.

Поступила в редакцию 12.12.2016 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101:316.7

Феномен социокультурного кризиса в современных нестабильных обществах

Колядко И.Н.
Белорусский государственный университет, Минск

Динамика социокультурного развития современных нестабильных обществ приобретает сложный и непредсказуемый характер. Глубинные процессы трансформаций, перехода, смены доминантной линии историко-культурного и цивилизационного развития часто характеризуются в качестве «критических», «кризисных», «кризисогенных», сопровождающихся радикальными, коренными преобразованиями структуры социальной системы.

Цель статьи – выявление специфики, параметров и закономерностей эволюции социокультурного кризиса в динамике развития модернизирующихся обществ.

Материал и методы. *Материал исследования – феномен социокультурного кризиса. Достижение поставленной цели осуществлялось с опорой на философские, научные и общелогические методы исследования. Системный подход позволил рассмотреть дивергенцию культуры и социальной системы в контексте глобальных проблем цивилизационного развития в начале третьего тысячелетия.*

Результаты и их обсуждение. *Формирование новой модернизационной культуры сопровождается коренными преобразованиями различных сфер социума. Противоречия, нарастающие в обществе в связи с трансплантацией («прививкой» в терминологии Н.Я. Данилевского) в живую ткань общественного организма инородных элементов, «лишенных родной почвы», созревших в иных культурных и социальных контекстах, приводят к нарушению воспроизводства сложившихся ментальных структур и образованию очагов нестабильности. Своевременно нескорректированная дивергенция культуры и социальной системы является предпосылкой кризисной социодинамики, что, в конечном итоге, может привести к существенной автономизации (разрыву) социального и культурного.*

Заключение. *Дивергенция культуры и социальной системы выражается в противостоянии культурной традиции инновационным практикам (как в большинстве случаев догоняющей модернизации обществ постсоветского пространства) и является одним из параметров социокультурного кризиса. Вместе с тем социокультурный кризис не только нарушает стабильную динамику общества, вследствие чего функционирование его сфер приобретает проблемный характер, но также ставит перед интеллектуальной элитой общества задачу выработки долговременных стратегий устойчивого развития в целях минимизации деструктивных последствий нестабильности.*

Ключевые слова: *развитие, кризисный социум, социокультурное взаимодействие, духовный кризис, переходный период.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 83–88)

The Phenomenon of Social and Cultural Crisis in Contemporary Unstable Societies

Kolyadko I.N.
Belarusian State University, Minsk

The dynamics of social and cultural development of contemporary unstable societies becomes complex and unpredictable. The deep processes of transformation, transition, change of the dominant line of historical, cultural and civilization development is often characterized as «critical», «crisis», «crisis-prone», accompanied by radical, fundamental changes of the social system structure.

The aim of the article is to reveal the specifics, parameters and patterns of the evolution of socio-cultural dynamics of the crisis in modernizing societies.

Material and methods. *The object of the research is the phenomenon of social and cultural crisis. Achieving this goal was carried out relying on philosophical, scientific and general logical methods. The system approach allowed considering the divergence of cultures and social systems in the context of the global problems of civilization development in the beginning of the third millennium.*

Findings and their discussion. *Formation of a new culture of modernization is accompanied by fundamental changes of various spheres of society. Contradictions, growing in the society due to the transplant («graft» in the terminology of N.Y. Danilevsky) into the living tissue of the social organism of foreign elements, «deprived of their native soil», matured in different cultural and social contexts, leads to disruption of the reproduction of the existing mental structures and the formation of hotbeds of instability. Timely uncorrected divergence of cultures and social systems is a prerequisite of social dynamics crisis that can ultimately result in a substantial autonomy (break) of the social and the cultural.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: expireauto@yandex.ru – **И.Н. Колядко**

Conclusion. *Divergence of culture and the social system is expressed in opposition of the cultural tradition to innovative practices (as in most cases catch-post-Soviet societies) and is one of the parameters of the social and cultural crisis. However, the social and cultural crisis not only violates the stable dynamics of the society, as a result of which functioning of its spheres becomes problematic, but also poses an intellectual elite of the society with the task of developing long-term strategies for sustainable development in order to minimize the destructive effects of instability.*

Key words: *development, crisis society, social and cultural interaction, spiritual crisis, transition period.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 83–88)

Динамика социокультурного развития современных нестабильных обществ приобретает сложный и непредсказуемый характер. Глубинные процессы трансформаций, перехода, смены доминантной линии историко-культурного и цивилизационного развития часто характеризуются в качестве «критических», «кризисных», «кризисогенных», сопровождающихся радикальными, коренными преобразованиями структуры социальной системы.

Цель статьи – выявление специфики, параметров и закономерностей эволюции социокультурного кризиса в динамике развития модернизирующихся обществ.

Материал и методы. Материал исследования – феномен социокультурного кризиса. Достижение поставленной цели осуществлялось с опорой на философские, научные и общелогические методы исследования. Системный подход позволил рассмотреть дивергенцию культуры и социальной системы в контексте глобальных проблем цивилизационного развития в начале третьего тысячелетия.

Результаты и их обсуждение. Феномен кризиса не получил еще должного концептуального осмысления и обоснования в проблемном поле социальной философии. Необходимость разработки альтернативных подходов к изучению процессов социокультурной динамики, учитывающих комплексность, сложность, нелинейность развития современных нестабильных обществ, представляется одной из существенных задач социально-гуманитарной и философской мысли. Для полномасштабного исследования феномена кризиса требуется разработка категориально-понятийного аппарата, отвечающего специфике тех социальных и культурных преобразований, цивилизационных сдвигов, очевидцами которых мы являемся.

Социально-философский анализ феномена кризиса в современных нестабильных обществах предполагает выявление законов социальных изменений и трансформаций в динамике развития. Российский социальный философ К.Х. Момджян выделяет два типа социальных изменений. К первому типу относятся «изменения, осуществляемые людьми в ходе реформистской или революционной *деятельности*», второй тип социальных изменений «представляет собой спонтанный, информационно ненаправленный *процесс*, осуществляемый "за спинами" людей, преследующих иные цели» [1, с. 167]. Основной вопрос, решение которого позволит выявить смысл социальных изменений, сводится к установлению источников подобных *трансформаций* в обществе, их предпосылок, механизмов, специфики. Представляется важным ответить на вопрос о *критериях* и сущности *кризисных явлений*, их статусе в процессах социальной, культурной и цивилизационной динамики.

«Кризисы, – отмечает в этой связи Ю. Хабермас, – возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для сохранения самой жизни» [2, с. 10]. На вопрос о том, является ли кризис объективным, имманентным состоянием социальной системы или кризис представляет собой субъективную интерпретацию динамики состояний развития, Хабермас отвечает следующим образом: «Лишь тогда, когда члены общества *переживают* структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе» [2, с. 12]. Таким образом, кризис как объективный феномен социодинамики признается значимым посредством его легитимации в веберовском смысле (как процессе признания социальными субъектами значимости общественно-политической реальности как в целом, так и в ее отдельных проявлениях и составляющих) со стороны общественного сознания.

Согласно Ю. Хабермасу, речь о *кризисе* можно вести в том случае, если развитие общества идет в направлении к *социальной дезинтеграции*, *аномии*, так как одной из форм кризиса является дезинтеграция общественных институтов и структур. Один из факторов и критериев нарастания критической рефлексии в социальной системе – разрыв в трансляции форм групповой и индивидуальной идентичностей, закрепленных и санкционированных традицией. Так происходит формирование предпосылок для возникновения нестабильности и кризиса. «Прерывание

традиции, – резюмирует Ю. Хабермас, – при котором удостоверяющие идентичность системы толкований теряют свою социально-интегративную силу, в историографии является показателем краха социальной системы» [2, с. 12].

С середины XX столетия в социальных науках начинают утверждаться представления о динамическом устройстве общества. Становится очевидным, что сама по себе изменчивость хотя и является состоянием желанным и приводящим к постоянному усовершенствованию общества, все же несет в себе угрозу стабильности, изменения все чаще становятся источником травмы. В это время, по мнению польского социального философа П. Штомпки, «отождествление изменений с социальным прогрессом уступает место идее кризисов, при которых изменения проявляют свои негативные (часто непреднамеренные) последствия в различных областях общественной жизни» [3, с. 472]. Критика культурного проекта современности, его «метафизики» (М. Хайдеггер) в XX в. приобретает колоссальные масштабы. П. Штомпка обращает внимание на тот факт, что вследствие тотальной критики основных принципов проекта модерна, «дискурс прогресса вытесняется дискурсом кризиса, само понятие кризиса получает при этом новый смысл, отличающийся от исходного этимологического значения данного слова: его начинают рассматривать как “хронический”, постоянный, непреодолимый кризис» [3, с. 473]. Таким образом, «дискурс кризиса», вытеснивший доминирующий с эпохи европейского Просвещения «дискурс прогресса», выражает общую тенденцию, направленную на «акцентирование негативных результатов изменений, главным образом, непреднамеренных, неожиданных, в различных областях общественной жизни» [3, с. 475].

Среди ключевых предпосылок кризисного состояния современных обществ является «нарастание рефлексии внутри модерна»: современность как культурно-цивилизационный, социальный и духовный проект выступает с разрушительной критикой своих собственных основополагающих принципов и аксиом. Российский исследователь А. Дугин в этой связи отмечает: «...с конца XIX века, когда социальная парадигма Модерна, изначально локализованная в Западной Европе, стала активно распространяться вширь (через колонизацию) и вглубь (через ускоренную модернизацию самих западных обществ), внутри самого “современного общества” стали появляться сомнения в обоснованности претензий Нового времени на знание абсолютной истины, в оправданности бесконечного и безоблачного оптимизма, в состоятельности базовых научных и социальных предпосылок, на которых было основано это общество» [4, с. 136]. Философские основания эпохи модерна подвергаются деконструкции, что вызывает потрясения, социальные патологии и катаклизмы. Атрибутом обществ современного типа становится их хроническая нестабильность, предельным выражением которой является кризис.

Кроме того, периоды «надлома» (А. Дж. Тойнби), трансформации парадигмальных оснований социума сопровождаются утратой доверия к господствующим системам целеполагания, что, в свою очередь, приводит к перманентным «социокультурным флуктуациям» (П. Сорокин) и способствует возникновению рисков и нестабильности. В таком обществе появляется, как отмечает У. Бек, ощущение наличия «центров невидимых опасностей», угроз экологического, экономического, политико-институционального, цивилизационного характеров, часто не осознаваемых и отрицаемых ввиду страха перед ними [5, с. 90–91]. «Общества риска» формируются под влиянием процессов интенсивной модернизации, которая затрагивает все без исключения сферы жизни: экономику, политику, систему воспитания и образования, сферу культуры и социальных практик. Это, в свою очередь, приводит к мировоззренческой переориентации общественного сознания: «там, где модернизационные риски успешно прошли процесс социального осознания и признания, *меняется миропорядок* – даже если первоначально на деле предпринимается еще очень немногое» [5, с. 93]. Поэтому внедрение модернизационных инноваций в обществах, которые *органически* не созрели к радикальным изменениям и трансформациям конкретных сфер жизнедеятельности, сопровождается, как правило, резким ухудшением социальной динамики и усилением деструктивных, кризисных тенденций в социокультурном развитии.

Формирование новой модернизационной культуры сопровождается коренными преобразованиями различных сфер социума. Противоречия, нарастающие в обществе в связи с трансплантацией («прививкой» в терминологии Н.Я. Данилевского) в живую ткань общественного организма инородных элементов, «лишенных родной почвы», *созревших* в иных культурных и социальных контекстах, приводят к нарушению воспроизводства сложившихся ментальных структур и образованию очагов неста-

бильности. Все социальные преобразования имеют потребность в обретении *культурного смысла:* без интеграции в культурную матрицу социума модернизационные процессы и инновационные практики окажутся только предпосылками к дезинтеграции, которая будет развиваться в направлении к кризису. Вследствие фундаментальной *проблемы* «нарушения четкой взаимосвязи ценностей и ориентаций с социальной структурой общества», проблемы *культурного оправдания* социальных трансформаций, возникает необходимость придания *смысла* тем процессам социальной динамики, которые сопровождают общество на пути его модернизации [6, с. 91]. Предкризисное состояние формируется как ответ на *основное противоречие социокультурного развития*: напряженное соотношение, сложноорганизованное «взаимодействие между субъективными представлениями, мыслями, способностями и интенциями индивидов (культурное) и ограничениями, которые задают социальные рамки (сложившиеся социальные отношения, группы и коллективы, социальные институты, структуры в целом)» [6, с. 89]. Углубление данного противоречия способствует возникновению социокультурного кризиса, самым негативным образом сказываясь на характере социодинамики.

П. Сорокин предлагает модель, объясняющую генезис и эволюции социокультуного кризиса, выявляет его параметры и специфику. Поясняя, прежде всего, смысл концепта «социокультурность» в его отношении к процессам социальных изменений и развития, П. Сорокин отмечает наличие «структуры социокультурного взаимодействия», которая «имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) *личность* как субъект взаимодействия; 2) *общество* как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) *культура* как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. <...> Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [7, с. 218]. В этой связи можно говорить о том, что *социокультурный* кризис – это, во-первых, кризис, затрагивающий личность в отношении с обществом, культуру и тип социальности. Во-вторых, такой *тип кризиса* возникает вследствие нарушения *«принципа социокультурного равновесия»,* согласно которому условием устойчивости общества выступает динамическое равновесие между сферой культуры и социальной системой: «структуры и процессы общества обеспечивают балансируемое удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей, интересов субъектов деятельности, входящих в это общество» [8, с. 7–8].

Кроме того, П. Сорокин акцентирует внимание на взаимосвязи культуры и социальной системы, их взаимодополнительности и взаимозависимости друг от друга, что позволяет ему сделать вывод, согласно которому «единственное возможное различие между ними связано с тем, что термин “социальный” означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как “культурный” означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях» [7, с. 220]. Таким образом, социокультурный кризис является наиболее масштабным по распространению (поскольку затрагивает одновременно личность, общество и культуру) и глубоким по содержанию (поскольку затрагивает *базисные основания и инвариантные, присущие всем компонентам, структуры* «неразрывной триады») феноменом в динамике эволюции и развития современных нестабильных обществ. В сущности социокультурный кризис – это кризис духовный, поскольку связан с проблемой оснований и смыслом человеческого «бытия-в-мире». Вместе с тем периодически переживаемые обществом «социокультурные флуктуации» (П. Сорокин) являются показателем динамического развития социума, пронизанного «основным (осевым) принципом», конституирующим его структуру. Неразделимость социокультурного порядка (личности, социума и культуры) формирует специфические черты социокультурного кризиса, одним из параметров эволюции которого выступает феномен дивергенции культуры и социальной системы в рамках единой системы общественных отношений.

Социокультуный кризис является *ведущим фактором* нестабильности современных обществ, поскольку самые фундаментальные изменения в развитии общества становятся возможными благодаря изменению глубинных жизненных смыслов и целей человеческой деятельности, закрепленных в универсалиях культуры. «...раскол в душах людей, – как справедливо заметил А.Дж. Тойнби, – лежит в основе всякого раскола, обнаруживающегося на поверхности общества, которое является точкой соприкосновения соответствующих сфер деятельности этих человеческих деятелей» [8, с. 534]. Вместе с А.Дж. Тойнби можно сказать, что экологи-

ческие, экономические, социальные, геополитические и иные микрокризисы являются «внешними, видимыми знаками внутренней, духовной трещины», проблемами культуры par excellence. Кризисные процессы не только разворачиваются в горизонте определенной культуры, но постигаются, раскрываются в прямой связи с человеческой субъективностью, всегда культурно обусловленной.

Своевременно нескорректированная дивергенция культуры и социальной системы является предпосылкой *кризисной социодинамики,* что, в конечном итоге, может привести к существенной автономизации (разрыву) социального и культурного. Так произошло в истории европейского общества, в котором, по мнению Д. Белла, «...на протяжении последних ста лет <...> нарастала разделенность социальной структуры (экономики, технологии и системы занятости) и культуры (символического выражения смыслов), каждая из которых определяется своим осевым принципом» [9, с. 651–655]. Следствием такой дивергенции культуры и социальной системы стало формирование западной модели общества, специфика которой выражается в укорененности социальной структуры в исключительно функциональной рациональности и прагматической эффективности, а культуры – в «антиномичном оправдании развития личности» [9, с. 647]. Кризис современного общества и многочисленные проблемы и угрозы цивилизационного развития прямо вытекают из глубинного противоречия современности – «автономии двух ее главных императивов: принципа персонализации, который реализуется в рефлексивном самотождестве личности, и принципа деперсонализации, который проявляется в экспансии сил “абстрактной системы”» [10, с. 55].

Понимание специфики взаимосвязи культуры и социальности является определяющим для понимания сущности системного социокультурного кризиса современных нестабильных обществ. Роль культуры в динамике развития общества амбивалентна и может быть рассмотрена с точки зрения двух аспектов – отрицательного и положительного. Отрицательный аспект заключается в том, что характер процессов, происходящих в сфере культуры, выступает своего рода индикатором нестабильных и возможных кризисных процессов в обществе в целом. Положительный аспект связан с тем, что непосредственно в сфере культуры происходит формирование новых ценностных, мировоззренческих ориентиров, которые оказывают существенное влияние на характер общественных отношений и направленность социодиинамики. «Преобразование общества и типа цивилизационного развития, – отмечает в этой связи академик В.С. Степин, – предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствующих мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны без изменений в культуре» [11, с. 12].

В кризисные для социума периоды, характеризуемые распадом и дезинтеграцией социальной структуры, «культивируется новая реальность, и прежде всего, рождаются или переоформляются символы, мифы, образы, ритуалы», конституирующие и оформляющие ткань общественного бытия [12, с. 202]. «Перекодировка» значений и смыслов универсалий культуры является *конститутивным процессом в кризисном социуме,* по отношению к которому трансформация форм общественного бытия выступает в качестве *следствия* подобного рода «семиотического экстремизма» (Ж. Делез, Ф. Гваттари).

В переходные периоды наибольшим качественным изменениям подвергается культура, составляющая ядро ценностно-символической и нормативной сфер общественного бытия. Культура, которая, по словам Т. Парсонса, обладает «сверхординарной интеграционной техникой системы действия», придающей смысл происходящим в обществе изменениям, обеспечивает, вместе с тем, устойчивый социальный порядок. В процессе «социокультурной деструкции» (А.Я. Флиер) снижается эффективность регулирования социальной жизни людей, что, в свою очередь, приводит к дезинтеграции общества и его структур, а также к стремительному расширению зон влияния маргинальных полей культуры. Если само кризисное состояние социума связано с проблемами социальной и культурной динамики, то выход из него полагается путем формирования новых ценностно-нормативных ориентиров и стратегий социодинамики.

Заключение. Феномен социокультурного кризиса в современных нестабильных обществах возникает как следствие культурно-мировоззренческого сдвига. Разнообразные грани кризиса (социокультурный, политико-институциональный, экономический, духовный типы кризиса) выражают специфику происходящей *фундаментальной трансформации мировоззренческих универсалий культуры*, определяющих человеческое восприятие мира, его понимание и переживание, цен-

ностные установки. Дивергенция культуры и социальной системы выражается в противостоянии культурной традиции инновационным практикам (как в большинстве случаев догоняющей модернизации обществ постсоветского пространства) и является одним из параметров социокультурного кризиса. Вместе с тем социокультурный кризис не только нарушает стабильную динамику общества, вследствие чего функционирование его сфер приобретает проблемный характер, но также ставит перед интеллектуальной элитой общества задачу выработки долговременных стратегий устойчивого развития в целях минимизации деструктивных последствий нестабильности.

Литература

1. Момджян, К.Х. О проблемном поле социальной философии (Часть 1) / К.Х. Момджян // Личность, культура, общество. – 2006. – № 4(32). – С. 161–179.
2. Хабермас, Ю. Понятие кризиса в социальных науках / Ю. Хабермас // Проблема легитимации позднего капитализма; пер. с нем. Л.В. Воропай; общ. ред. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; прим., именной и предметный указатели Т.А. Дмитриева / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2010. – С. 8–56. – (Сер. «Образ общества»).
3. Штомпка, П. Социальные изменения / П. Штомпка // Социология. Анализ современного общества; пер. с польск. С.М. Червонной / П. Штомпка. – М.: Логос, 2005. – С. 455–576.
4. Дугин, А.Г. Социум в истории. Разновидности социального времени / А.Г. Дугин // Социология воображения. Введение в структурную социологию / А.Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – С. 133–168. (Технологии социологии).
5. Бек, У. На вулкане цивилизации: контуры общества риска / У. Бек // Общество риска. На пути к другому модерну; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 21–102.
6. Темницкий, А.Л. Исследовательские возможности категории «социокультурность» / А.Л. Темницкий // Социология: 4М. – 2007. – № 24. – С. 81–101.
7. Сорокин, П.А. Структурная социология / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – С. 156–220.
8. Тойнби, А.Дж. Распады цивилизаций / А.Дж. Тойнби // Исследование истории; пер. с англ. К.Я. Кожурина / А.Дж. Тойнби. – М.: АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. – С. 469–688.
9. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 949 с.
10. Кармазина, Е.В. Проблема дивергенции культуры и социальной системы / Е.В. Кармазина // Вестн. НГУ. Сер., Философия. – 2011. – Т. 9, вып. 4. – С. 55–60.
11. Степин, В.С. Философский анализ универсалий культуры / В.С. Степин // Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 8–15.
12. Белкин, А.И. Кризис как культурная реальность / А.И. Белкин, В.И. Ионесов // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2014. – Т. 16, № 2. – С. 201–205.

Поступила в редакцию 01.11.2016 г.

УДК 101.1:316

Социальный проект евразийства в контексте глобальных тенденций современности

Павочка С.Г.

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно

В данной работе рассматриваются различные аспекты предложенного евразийством социального проекта в контексте глобальных тенденций современности. Отмечается исключительная значимость социальной философии евразийства для сложившихся актуальных постсоветских и глобальных общественных реалий.

Цель статьи – выявление и анализ ключевых спецификаций сформировавшегося в рамках философии евразийства социального проекта.

Материал и методы. *Источниковая база исследования представлена концептуальными и теоретическими разработками мыслителей неоевразийской направленности и рядом современных аналитических публикаций, содержащих опыт критической рефлексии основополагающих характеристик евразийского социального проекта. В исследовании задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический, а также общенаучные методы познания.*

Результаты и их обсуждение. *В статье обосновано положение о существенной эволюции классической евразийской доктрины на протяжении XX – начала XXI века. В контексте глобальных социальных трансформаций современности модернизированная евразийская теория начинает интерпретироваться как радикальная антитеза классическим теориям модернизации, теории и практике вестернизации и глобализма и выступает как основа для конструирования масштабного альтернативного цивилизационного проекта для России и ряда стран постсоветского пространства, обнаруживающего исключительную способность к утверждению собственной геополитической, социальной и культурной идентичности.*

Аргументировано положение о том, что основополагающие характеристики разработанного классическим евразийством социального проекта включаются в мировоззренческий, социокультурный и цивилизационный контексты современности. Они начинают оцениваться как наиболее значимые и перспективные предпосылки самоидентификации России и тяготеющих к ней стран в глобальном мировом сообществе. В социально-практическом плане они ориентированы прежде всего на обеспечение оптимального и достойного включения этих стран в процессы глобализации мировой истории.

Заключение. *Таким образом, делается вывод о принципиальной потенциальности ряда присущих неевразийской стратегии анализа современных глобальных реалий положений при одновременных исключительно мощных интеграционных и мобилизационных возможностях разрабатываемого ею социального проекта.*

Ключевые слова: *евразийство, русская эмиграция, история философии, социальная философия, идеология, глобализация, современность.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 89–98)

The Social Project of Eurasianism in the Context of Contemporary Global Trends

Pavochka S.G.

Educational Establishment «Grodno State Agrarian University», Grodno

The article discusses various aspects of the proposed by Eurasianism social project in the context of contemporary global trends. Vital importance of the social philosophy of Eurasianism for the shaped current post-Soviet and global social realities is pointed out.

The purpose of the article is finding out and analyzing key specifications of the social project shaped within the philosophy of Eurasianism.

Material and methods. *The sources of research base is a conceptual and theoretical developments new Eurasian oriented thinkers and a range of modern analytical publications containing experiences of critical reflection of fundamental social characteristics of the Eurasian project. The study involved a concrete historical, comparative and analytical methods, as well as general scientific methods of cognition.*

Findings and their discussion. *The article substantiates the position of a significant evolution of the classic Eurasian doctrine during the XX – beginning of XXI centuries. In the context of global social transformation of modern upgraded Eurasian theory begins to be interpreted as a radical antithesis of the classical theories of modernization, theory and practice of westernization*

Адрес для корреспонденции: e-mail: pavochka_sergey@mail.ru – **С.Г. Павочка**

and globalization, and serves as the basis for the construction of large-scale alternative civilizational project for Russia and some countries of the former Soviet Union, detecting exceptional ability to the approval of its own geopolitical, social and cultural identity.

Substantiated the proposition that the fundamental characteristics of the developed classical Eurasianism social project included in the ideological, socio-cultural and civilizational context of modernity. They begin to be evaluated as the most significant and promising preconditions Russian identity and are attracted by countries in the global world community. The social and practical terms, they focus primarily on the provision of optimal and dignified inclusion of these countries in the process of globalization of world history.

Conclusion. *The conclusion of principal potentialities of new Eurasian strategy analysis of contemporary global realities is made. Despit this proposed by new Eurasianism social project is extremely powerful in his integration and mobilization potential.*

Key words: *Eurasianism, Russian emigration, history of philosophy, social philosophy, ideology, globalization, modernity.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 89–98)

Как идейное движение евразийство оформилось в условиях русской эмиграции «первой волны» в начале 20-х гг. XX века. К отцам-основателям евразийства относят культуролога и лингвиста Н.С. Трубецкого, искусствоведа П.П. Сувчинского, богослова Г.В. Флоровского, географа и экономиста П.Н. Савицкого. В разные периоды существования евразийство привлекало к себе различных представителей русской творческой интеллигенции, среди которых наиболее значимы имена культуролога П.М. Бицилли и философа Л.П. Карсавина.

Евразийство существенно выделялось в интеллектуальном ландшафте русской эмиграции предельной радикальностью постановки русской проблемы в контексте социально-политической практики начала XX века. Евразийцы попытались сконструировать новую генеалогию русской культуры, указав на наличие в ней значимого удельного веса восточных элементов. История российской государственности предстала у них как имеющая в истоках туранские (восточные) основания, а русская культура как пребывающая в процессе постоянной коммуникации с собственными «внутренними» восточными основаниями и с внешним Востоком как особым типом цивилизации и культуры. Евразийцы возлагали большие надежды на внутреннее перерождение водворившегося в России большевизма в русле идеологических и социальных установок разработанного ими проекта. «Второе пришествие» евразийства наблюдается в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, и во многом оно было связано с историко-этнологическими изысканиями известного русского мыслителя Л.Н. Гумилева, считавшего себя «последним евразийцем». В начале XXI века формируется широкий спектр современных (неоевразийских) рационализаций наследия классического евразийства, активно задействующих основоположения евразийской доктрины в осмыслении современных социально-политических, культурных и цивилизационных реалий. Тем самым социальный проект классического евразийства получает дальнейшие импульсы своего развития в условиях его приложения к современности, характеризующейся прежде всего процессами глобализации мировой истории и становлением глобального мира, аккумулирующего в себе ведущие социальные противоречия современности.

Цель статьи – анализ ключевых спецификаций сформировавшегося в рамках философии евразийства социального проекта и определении перспектив его реализации в условиях актуальных глобальных социальных тенденций современности.

Материал и методы. Источниковая база исследования представлена концептуальными и теоретическими разработками мыслителей неоевразийской направленности и рядом современных аналитических публикаций, содержащих опыт критической рефлексии основополагающих характеристик евразийского социального проекта. В исследовании задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический, а также общенаучные методы познания.

Результаты и их обсуждение. При всех издержках и противоречиях развертывающихся процессов глобализации мировой истории очевидна объективная составляющая их сторона. Глобализация – это тенденция мирового развития, выраженная в установлении взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости регионов мира. В обозримом будущем она сохранит за собой статус основополагающего вектора развития. Однако это не означает, что формы, которые она принимает сегодня, безальтернативны. Вызванные практикой глобализма диспропорции допустимо рассматривать как следствие монополизации интеграционных тенденций в различных сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре) отдельными участвующими в данном процессе субъектами, в первую очередь, финансовой олигархией, сумевшей распознать в глобализации беспрецедентные возможности роста, непосредственно побудившие к осуществлению их приватизации, позволившей установить собственные пра-

вила игры, часто именуемой игрой с нулевой суммой, и оказывать существенное воздействие на характер и направленность глобализационных процессов, бросив тем самым «вызов» не успевшим воспользоваться «плодами прогресса».

Вполне закономерной является точка зрения, связывающая способы придания глобализации человеческого, гуманного облика с включением в общую логику развития не принадлежащих к «золотому миллиарду» социальных групп, народов, стран и регионов, предполагающую освоение ими ранее приватизированных меньшинством возможностей глобализации для удовлетворения своих потребностей и интересов через создание системы сдержек и противовесов существующей раскладке политических и социальных сил на общемировом уровне. Сама же возможность эффективного участия в глобализационных процессах, как и конкретные его варианты, определяются альтернативностью модернизационных стратегий в эпоху глобализации, прежде всего необходимостью радикального разрыва с «догоняющей» парадигмой социального развития.

Данная альтернативность может выстраиваться через создание оппозиционных глобальной организации капитала отражающих интересы политически слабозащищенной периферии мира региональных организаций. Расширение участия в приобретших очертания элитарности глобализационных процессах, указывают аналитики, не будет бесконфликтным. Все это можно рассматривать как аргументы, свидетельствующие об усиливающейся поляризации мира, в котором диалог и сотрудничество под знаком «общечеловеческих ценностей» отходят на второй план, уступая место праву силы. Складывающиеся реалии порождают вполне оправданное сомнение в возможности безболезненного, «плавного» вписывания человечества в инициированные «золотой» его частью структуры мирового порядка, стимулируя вызревание мироустроительных альтернатив. Их поле в области мировой политики определяется прежде всего степенью активизации новых социальных инициатив, способных сформулировать собственные проекты социотворчества в логике «иначе-возможного», суть и предназначение которых видятся в разработке и воплощении в условиях трансформационных процессов общественной жизни объединяющих мировоззренческих идей.

Попытка анализа глобализации в гуманитарных категориях и понятиях, в культурно-антропологической и социально-психологической перспективах демонстрирует исключительную способность западного мира в проведении в жизнь интеграционной тенденции, базирующейся на экономических связях, технико-технологических инновациях, аргументах силового, военно-политического воздействия. В своих основаниях они имеют преимущественно инструментальное значение, исключающее или сводящее к минимуму поле притязания экономической власти в решении круга проблем внеэкономического порядка – экологических и нравственных императивов человеческого существования.

Иными словами, проблематика связывающих человечество духовных нитей остается нерефлексивным, крайне уязвимым пунктом экономикоцентричного сознания, в иерархии приоритетов которого ведущее место занимает «практицизм», технология извлечения прибыли заранее оправдывающими цель средствами. Следствием этого является реанимация инстинктивных начал природы человека, возведение эгоизма в норму социальных взаимодействий. В условиях грядущей радикальной духовной трансформации, о необходимости которой все чаще говорят в настоящее время, ни реабилитация инстинкта, ни принцип индивидуализма не способны выступить потенциальным источником обновления. Мобилизационные ресурсы сохраняются в перспективе не за экономическим диктатом выгоды и расчета, а за духовными феноменами бытия, подпитываемыми, как подчеркивает А.С. Панарин, религиозно-эсхатологической традицией [1, с. 376]. Последнее по-новому определяет роль третируемых и подавляемых глобализмом ареалов локальности – изгоев глобализации, не утративших способность продуцировать большие идеи в сфере духа, лимит которых у западного мира на сегодня исчерпан (напомним о «конце истории» Ф. Фукуямы).

Более того, новейший либерализм, по мнению А.С. Панарина, не только совершил предательство по отношению к проекту Просвещения, пойдя на потакание инстинкту в его борьбе с нравственным разумом, но и совершил предательство данного проекта, пойдя на потакание этносепаратизму. Стратегический замысел новейшего либерализма в этом плане очевиден: оспаривать однополярный порядок мироустройства способны только крупные государства, а именно они практически все являются полиэтническими. Провокация «племенного демона» на бунт против «империи» имеет своей целевой установкой дестабилизацию и разрушение подобных крупных государств и сохра-

нение единственной сверхдержавы в окружении мира, представленного исключительно малыми и слабыми в политическом отношении странами.

Конфликт постмодерна и модерна приводит к рецидивам архаики. Постмодерн апеллирует к «парадигме телесного», сменяющей присущую модерну «парадигму социального». Именно доминанта социального ознаменовала практику применения к людям единых стандартов и помещение их в единое большое пространство государства-нации. Доминанта телесного строится на неожиданной реанимации чувства к родовым признакам и помещением людей в специфические малые пространства, снова актуализиующие различие «своего» и «чужого». Такие отрасли знания, как культурная антропология, этнометодология, теория менталитета, как и вытекающие из них «метатеории» плюрализма культур, конфликта цивилизаций, так или иначе стимулировали процесс припоминания различий и противоречий, о которых считалось говорить неприличным. «Реванш архаики» подверг все тенденции и устремления модерна тотальной реинтерпретации. Классическая теория прогресса в качестве предпосылки имела представление о том, что ресурсы носят исторический характер, а каждый новый технологический переворот, осуществляемый на основе новых фундаментальных открытий, способен предоставить человечеству качественно новые ресурсы как альтернативу прежним, начавшим иссякать ресурсам в рамках прежнего способа производства. Главным ресурсом цивилизации классическая теория прогресса полагала творческую способность человека, вооруженного Просвещением для новых взаимодействий с природой.

Постмодерн существенным образом сместил акценты в сторону пассивного экономического потребительства при одновременной элиминации мысли о новом способе производства («конец истории»). Не допускается и мысль о качественно новых ресурсах, которые были признаны наличными и конечными (дефицитными). Поражение в статусе получил и сам человек, превратившийся из творца в потребителя.

Дальнейшая история человечества предстала как безжалостная конкуренция потребителей. Рынок приобрел черты процедуры выбраковки человеческой массы, отчуждаемой от дефицитных благ цивилизации. Выход из складывающейся ситуации усматривается в спасении проекта Просвещения через фундаментализм, мыслимый как возвращение к модели модерна на новой основе. Модерн интерпретировал человека не как потребителя, а как творца материальных благ, поэтому обратное движение к Просвещению предполагает построение нового социального государства как альтернативы либеральному «государству-минимум». Не исключено, отмечает А.С. Панарин, что новое социальное государство может заявить о себе в теократической форме, радикально порывая с либеральной «светской моралью».

Суть происходящих в современную эпоху глобальных сдвигов усматривается прежде всего в переходе от западнической фазы мирового исторического цикла, начало которой было положено в XV веке, к новой восточнической фазе истории. И если в предшествующей стадии развития человечество сумело совершить масштабную революцию в области технологии, то последующая стадия мирового исторического процесса предполагает совершение революции в сфере духа и системе ценностей. Инициатива духовного и ценностного обновления истории связывается А.С. Панариным с Востоком, откуда пришли все мировые религии. У западной цивилизации, кроме либерализма и социализма, не осталось в запасе больших мироустроительных идей. Перспективы России в постзападную эпоху отчетливо обозначены исследователем именно как ее постэкономические и постматериальные возможности [2, с. 4–5].

Драма вестернизирующегося мира состоит в последовательной и методичной деструкции идентичности. Социальные системы «накачиваются» новой информацией при параллельном уменьшении реальной возможности реципиента в целенаправленном использовании этой информации. Вестернизации сопутствуют явление социальной аномии – ценностной дезориентации и потеря идентичности, вызванные хаотичностью социального поведения, когда субъект оказывается тотально не способным выстроить систему приоритетов и иерархию ценностей. Современная культура, с точки зрения А.С. Панарина, испытывает кризис, отчетливо проявляющийся одновременно в трех измерениях:

1) кризис жизнеориентирующих функций культуры – принципов устроения, связанных с установками «прометеева человека» – покорителя истории и природы, практикующего инструментально-технологическое отношение к миру. Данный тип отношения породил современные глобальные проблемы, обнаружил негативные последствия разрушения не только природы, но и более тонкой ткани человеческих отношений по мере

экстраполяции на них утилитарно-прагматического принципа: «Безудержная прометеева воля в сочетании с моралью успеха ведет к поразительной бесчувственности к правам жизни, неуважению высших тайн человека и космоса» [3, с. 225];

2) кризис ценностно-мотивационной стороны культуры, выраженный в снижении общего жизненного тонуса цивилизации, мотивационного уровня, утрате пассионарной энергетики. Прогрессирующая эрозия культурно-нравственного и ценностного каркаса цивилизации предполагает мощный реформационный сдвиг, связанный с существенным обновлением жизненных смыслов и ценностей;

3) кризис нормативной сферы, ценностный релятивизм, проявляющийся в потере надежных процедур разграничения добра и зла, порока и добродетели, прекрасного и безобразного, реального и мифологического. Абсолютная свобода от любых запретов, в том числе и моральных, не должна рассматриваться как высшая стадия эмансипаторского процесса, инициированного эпохой Нового времени. Тотальный реванш чувственности над разумом и моралью должен быть ограничен современными аскетическими практиками. Речь идет у А.С. Панарина не только о духовной аскезе, но и об аскезе социальной, реабилитирующей в правах «категорический императив» морали.

Сформулированные западной цивилизацией принципы жизнестроения обеспечили исключительную историческую динамику ее развития, но они не гарантируют выживание цивилизации в длительной исторической перспективе. Восточные цивилизации менее эффективны по целому ряду критериев, но их возможность существовать в масштабах длительного планетарного времени подтверждена самой историей. Поэтому центральным вопросом здесь становится вопрос о способах и формах сочетания «инструментальной эффективности» Запада и «экзистенциальной эффективности» Востока.

Не менее очевидно и то, что мировые отношения складываются не только как результирующая финансовых, товарных и информационных аспектов, но и как интеграл национальных, государственных и цивилизационных измерений. В содержательном плане это означает появление тенденции формирования многомерного и многополюсного мира. Глобальный контекст предполагает движение не только в сторону интегрированной целостности мира, имеющей в фундаменте устойчивую рационализацию рынка, но также инициирует обретающее более отчетливые формы движение к мультиполярности мироустройства на закате индустриализма и становлению постиндустриальной парадигмы социальности с присущим ей многоуровневым структурированием субъектов мирового развития, ведущими в системе которого становятся цивилизационные единства, успешно совмещающие техногенные и информационные пространства с сохранением собственной идентичности. Отмеченная специфика поддержания цивилизационного самосознания отсылает к необходимости учета в мировом развитии латентных, но долговременных и постоянно действующих факторов, определяющих способы воспроизводства цивилизационно «многоликой» социальности и вписывание ее в магистральные тенденции современного мироустройства.

В последнее время фиксируется необязательный религиозный характер данных факторов. Поддерживающая сохранение идентичности традиция связывается с широким комплексом культуротворчества, достижениями социогуманитарных наук. Определяющая относительную устойчивость социокультурных реалий традиция культуры, представляя собой результат самоорганизации всех уровней и сфер жизнедеятельности общества, обеспечивает поддержание жизненно важных функций, интеграцию и дифференциацию социальной среды, делая тем самым возможным успешное проведение модернизационных инициатив.

Цивилизационные перспективы России как центра Евразии в этой связи могут быть осуществлены в условиях взаимодействия с западными и незападными цивилизациями как в рамках евразийского пространства, так и в глобальном контексте. Их предпосылкой, по мнению ряда исследователей, является универсализирующая система социокультурных коммуникаций, позволяющая преодолеть локальность и партикуляризм в этническом, социальном и культурном аспектах [4, с. 15].

В сознании постсоветского обществоведения опосредующим данный универсализм звеном является поиск «духовной власти» в цивилизационном пространстве Евразии. Подобным интеграционным потенциалом могут обладать православие, ислам, буддизм, еще не до конца исчерпавшая лимит доверия социалистическая идея. Не исключается также перспектива идейного консенсуса на основании идеологических доктрин Запада и Востока. Вызревание мироустроительных инициатив возможно и на базе мировоззренческих традиций отечественного философствования, несущего значительный запас теоретического обоснования социальной инте-

грации и практики ненасилия, адресованных будущему.

И все же единственным способом комплексного охвата евразийской социальной общности признается стабильный механизм диалога, разработка действенных способов достижения взаимопонимания и согласия. По всей видимости, ключевым значением в данном цивилизационном процессе будут обладать не смысловые и нравственные акценты в истолковании проблемы интеграции, а перспектива реализации прочных транснациональных связей общения, развертывающихся в сферах хозяйственной деятельности, образования, науки. Результат этого процесса вполне закономерно представим как становление «гибридной» евразийской цивилизации с высокой степенью культурной многоукладности, взаимным пересечением разнонаправленных ценностей и разнородных компонентов, являющихся показателями любой достаточно развитой цивилизационной среды и ситуации межкультурного взаимодействия.

Так или иначе евразийство движется в русле одного из основных направлений общественной мысли, которое противостоит глобализму и отстаивает принцип самобытности и плюрализма цивилизаций. Евразийство отстаивает также принципы имперской идеологии и геополитики. «Откатная» волна отечественной общественной мысли 90-х гг. XX века привела к тому, что в русле западных оценок любое крупное государственное образование стало трактоваться как империя, в историческом опыте России оцениваемая исключительно негативно. В действительности империя есть данность России, как политическая конструкция она позволяет многое понять в специфике русских цивилизационных оснований. Политическое и социокультурное значение империи проявляется в форме политической организации совместной жизни разнородных этнических и конфессиональных конгломератов, которые не располагают иной основой утверждения всеобщей нормативности и «правопорядка» [5, с. 62]. Имперская экспансия осуществляется не только основным путем неэквивалентного экономического обмена, она может реализовываться и как религиозная и идеологическая экспансия, что отражено и закреплено в универсализме мировых религий. Главное здесь состоит в том, что империи оправдывают свое существование до тех пор, пока в их границах происходит приобщение к магистралям исторических процессов. Распад СССР как неизбежное крушение последней империи в этом контексте следует рассматривать как геополитический катаклизм, обустраивать последствия которого необходимо геополитическими средствами. Цивилизационные характеристики империи Б. Ерасов сводит к определенному типу огосударствленной социальности и «сакральной вертикали». Крушение сложных этатистских режимов на постсоветском пространстве стало восприниматься и оцениваться как открытие для евразийских регионов горизонта глобализации и их допущение в «мировую цивилизацию». В крайне радикальных геополитических конструкциях З. Бжезинского после распада СССР остается одна держава, обладающая сверхцивилизационным значением. Это США, другие государства являются временными территориальными образованиями, располагающими определенными ресурсами. Евразия как поле битвы между национальными государствами представляет собой регион, который легко разжечь, и основная задача американского геополитического присутствия здесь усматривается в укреплении и сохранении существующего в ней геополитического плюрализма, недопущении образования мощного центра тяготения. В этих целях можно пренебречь культурно-историческими факторами, поскольку глобальная система при господстве США конституируется средствами политического гегемонизма и силового давления.

Современные исследователи цивилизационной специфики России В.В. Ильин и А.С. Ахиезер в принципе согласны с особой значимостью имперского начала в истории России. Ослабление этого начала, приведшее к распаду СССР, и сегодня подтачивает российское целое. Между тем целостность Евразии для России определяется как factor prima, исходя из того, что исторически и державно он обеспечивается имперски. Поэтому главный вопрос в настоящее время, полагают авторы, состоит не в том, как отменить империю в России, а в том, как сделать ее цивилизационно эффективной через гармонизацию взаимодействий человека (народа) и власти (государства), что и образует основное содержание «русской идеи» в современной транскрипции.

Логика больших геополитических пространств, лежащая в основе особой метафизики пространства, отчетливо указывает на достаточно устойчивые географические контуры римской, русской, туранской панидей, подверженных как деструктивным, так и созидательным в пространственно-территориальном плане тенденциям: «Была Римская империя с коррелятивным ей евроафриканским ареалом. После падения Рима восстанавливается величие “не вечного города”,

а сцепленного с ним пространственного контура (эпохи Карла Великого, Наполеона, Гитлера). Была Российская империя с соответствующим ей евразийским ареалом. История многократных дезорганизаций пространственного контура России в понижательной державной фазе чередуется с историей многократных же агрегаций ее пространственного контура в повышательной державной фазе (эпохи Петра I, Екатерины II, Александра II, Сталина)» [6, с. 125]. Своеобразие географических пульсаций панидей и покрываемых ими пространственных контуров определяет, по мнению ученых, процессы построения или разрушения в указанных контурах сверхдержав-империй, само же непосредственное пространственное соприкосновение панидей в повышательной державной фазе всегда конфликтогенно, что предопределяет необходимость избегания пространственного соприкосновения панидей и разделения их буферными зонами.

Представленный выше комплекс противоречий современности делает жизненно важным вопрос о собственных перспективах исторического развития. Одним из способов их осмысления является неоевразийская постановка проблемы, сохраняющая критику западничества и вестернизации как родовую черту евразийской традиции. Более рельефно она обозначена в ветви неоевразийства, балансирующей на грани мистики, национализма и геополитики. Так, интерпретируя евразийские тексты, А. Дугин отстаивает понимание Запада как исторической патологии, пути дегенерации и упадка. Сохраняя классические мыслительные дихотомии (индивидуализм – коллективизм, либерализм – авторитаризм, демократизм – общинность, механизм – организм), он связывает приоритет евразийской доктрины с экспликацией реального геополитического основания славянофильских концепций, которые вне евразийского их доосмысления остаются или слишком абстрактными, или резюмируются панславистской идеей, а последнее, с точки зрения Дугина, тождественно идейному воспроизведению «пангерманизма» в ином цивилизационном контексте.

Самобытность Евразии выражена в специфике сакральной географии территории, а осознание уникальности России в Евразии определено логикой ее центрального положения в ней. Вследствие этого «русский патриотизм», имея сакральные, мистические основания, коренящиеся в географическом и геополитическом факторах евразийского пространства, отличен от национализма иных народов. Исключительность «русского патриотизма», рассматриваемого в качестве формы «евразийского национализма», вытекает, таким образом, как следствие осознания мессианской предопределенности и значимости национального самосознания, включая архетипический уровень коллективной психологии [7, с. 307].

Вопрос о евразийской сущности России сегодня сохраняет известную степень дискуссионности и неоднозначности. Позиция крайнего почвенничества, базирующегося на представлении о России-Евразии как окончательной ликвидации исторической России, связывает с евразийской перспективой растворение русского национального самосознания и православного мировосприятия. Евразийство как концепция будущего оказывается в данной логике суждений рядоположенной западноевропейскому космополитизму и либерализму, поскольку главный порок евразийской рационализации состоит в потере национально-исторической и духовно-религиозно-этической преемственности в развитии российского государства. Как следствие этого сам неоевразийский проект является «очередным произвольным “конструированием” новых образований из противоправно созданных квазигосударств на исторической территории России» [8, с. 214], что для российской государственности имеет трагичные исторические последствия и ставит под знак сомнения само русское национально-историческое самосознание.

Евразийство рассматривается сегодня и как теория, которая в большей степени, нежели традиционные антимодернистские теории (славянофильская, почвенническая), претендует быть альтернативой различным теориям модернизации, являясь при этом чисто российским «продуктом», хотя и возникшим в условиях русской эмиграции. Актуализирующее прочтение евразийства приводит либо к прямому воспроизведению его мировоззренческих и геополитических постулатов, либо к более продуктивному, хотя и не всегда отчетливо ясному, ориентированному на евразийство, объяснению постсоммунистических изменений. Евразийская концепция в последнем случае получает интерпретацию в соответствии с различными формами последовательно сменяющихся социальных теорий:

1) модернизационная интерпретация, в границах которой евразийскими полагаются традиционные или недостаточно модернизированные европейские страны, страны с европейско-азиатским месторазвитием и незавершенной модернизацией (например,

Россия и Турция), а также азиатские государства, вступающие на путь модернизации и «догоняющие» Запад (Казахстан). В модернизационной интерпретации акцентируется исключительно тот аспект, что эти страны являются отстающими, традиционными, «азиатскими», но пытаются сменить свою идентичность на западную, европейскую;

2) «социалистическая» интерпретация, подающая исторический опыт СССР как успешный евразийский опыт, а социализм как евразийский (незападный) путь развития. В новейшей геополитической версии утверждается особое цивилизационное значение уже не системы социализма, а СНГ;

3) постмодернизационная интерпретация, в соответствии с которой модернизация принимает новые черты в связи с изменением не только осуществляющих процесс социальной трансформации модернизирующихся стран, но и Запада. Постмодернистская интерпретация усматривает в евразийстве своеобразную конвергенцию ценностей традиционного («азиатского») и современного (западного) общества. В этом плане евразийство выступает как идеология умеренного, не радикального преобразования с опорой на собственные основы;

4) неомодернизация, которая жестко воспроизводит аргументы модернизационной теории, не считаясь при этом с ее уроками;

5) интерпретация евразийства с точки зрения модели неомодернизации на этнооснове, соединяющей в свете единства локального и универсального идеи модернизации, неомодернизации и постмодернизации и подчеркивающей невозможность «догнать» Запад;

6) антимодернизационная интерпретация как откат от модернизации. Евразийское месторазвитие представлено в ней как ключевая особенность, препятствующая следованию названным выше концепциям модернизации и неомодернизации по причине утверждения ими абсолютной ценности западной модели развития, принимаемой в качестве универсальной, и пренебрежения локальным, а также противоречащей идеям постмодернизации из-за доминирования здесь локального и маргинального.

Вместе с тем обозначенные интерпретации евразийства в контексте современных социальных теорий позволяют, по мнению В.Г. Федотовой, выявить несамостоятельность евразийства как доктрины и усмотреть в нем некоторый фактор, получающий различные интерпретации, которые, в свою очередь, достаточно часто теряют твердую почву факта, но в целом свидетельствуют о наличии некоторой собирательной характеристики – исторической (взаимодействие русских с монголами и тюрками), географической (для России это означает ее нахождение в Европе и Азии), психологической (выраженной в отличном от западного цивилизационном психологическом коде), политической (слабость демократических институтов, не-демократия, протодемократия), социальной (общества, не завершившие модернизационные процессы) [9, с. 192]. Именно поэтому оказывается необходим и более рефлексивный подход к проблемам развития России и других посткоммунистических стран. Ни постмодернизационная, ни неомодернизационная (включая неомодернизацию на этнооснове) теории не объясняют сложившихся особенностей и стоящих перед этими странами задач и – что особенно важно – не характеризуют перспективу развития с достаточным учетом специфики и необходимости управления процессами изменения в этих странах. Необходима новая социальная теория, более адекватно воспроизводящая специфику и возможности развития указанных стран и способная участвовать в менеджменте происходящих в них социальных трансформаций. Общие контуры подобной социальной теории отчетливо обнаруживаются в том, что в условиях глобализационных процессов утрачивается образ Запада как эталона и модели модернизации, заменямой многообразием адаптированных к потребностям и специфике отдельных стран модернизаций.

Для России новое «издание» «русской идеи», ассоциированное с евразийским цивилизационным проектом, предполагает эффективный ответ на три формы современного вызова: 1) вызова, брошенного России Западом и выраженного в его готовности потеснить Россию с ее европейских границ; 2) вызова со стороны мусульманского Востока, активно включающего в сферу своего влияния не только «родственные» республики Средней Азии и Закавказья, но и соответствующие автономии, входящие в состав Российской Федерации; 3) вызовом со стороны динамично развивающегося Тихоокеанского региона, готового к мирной ассимиляции российских Дальнего Востока и Сибири [10, с. 27]. Основополагающая дихотомия традиционной геополитики связана с необходимостью различения «морских» и «континентальных» держав, в глобальном масштабе проявляющегося в делении мира на две полусферы – сухопутную (континентальную) и морскую. В границах предложенного членения ключевое значение отводится одному региону – Евразии, образующей центровое пространство мира (хартленд) в противовес океаническому рим-

ленду. Океаническая сфера противопоставляется в классической теории геополитики евразийскому монолитному хартленду как мозаичное, полицентричное пространство. «Держателями» хартленда являются одна-две сверхдержавы (Россия, Германия). Основная угроза, исходящая в глазах западных геополитиков со стороны России, состоит в том, что она является носителем евразийского монолита, геополитическая масса которого многократно превышает суммируемую геополитическую массу разрозненных океанических государств.

Именно поэтому Россия как субъект геополитики не может игнорировать ни собственную евразийскую геополитическую традицию, ни систему «внешних» ожиданий, предъявляемых ей океаническими державами как к держателю хартленда. Это пребывание в континентальном пространстве исключает для нее как саму возможность ее перевода в разряд океанических держав, так и ее «возвращение» в Европу или «следование» Америке. Геополитическая данность России определяет ограничения ее политического набора и ее собственного геополитического творчества: «Фундаментализм русской идеи – энергетика русификации единого евразийского пространства. Когда эта идея, в ее конкретно-историческом воплощении, почему-то терпит фиаско, о себе заявляет альтернативный тип восточного фундаментализма – энергетикой монголизации, исламизации, а вскоре, может быть, китаизации евразийского пространства» [10, с. 26].

Интерес к классическому и современному евразийству в западном обществознании привел к неоднозначным результатам, критическое отношение к нему заметно преобладает над позитивным: евразийство воспринимается преимущественно как позиция, вызванная к жизни неспособностью русской культуры рационально уживаться с модернизацией и Западом, идущим в авангарде модернизации. В сугубо западноцентристской оптике оно оценивается как девиация, которая уводит в сторону от универсальной исторической эволюции.

При этом оценка евразийства может варьироваться и зависит от актуального отношения Запада к России: «Чем больше эта страна воспринимается как некая аномалия по сравнению с западным критерием, тем менее оказывается допустима евразийская концепция, представляющая собой наиболее радикальное выражение русского требования на историко-культурную независимость от Запада» [11, с. 7]. В интерпретациях евразийского наследия просматривается стремление подвести итоговую черту, сформулировать однозначное «да» или не менее категоричное «нет». В действительности невозможным оказывается ни первое, ни второе, о чем свидетельствуют постоянно возобновляющиеся дискуссии о соотношении Запада и Востока в исторических судьбах России, факт поиска особого «третьего пути». Очевидно одно – перспективы социальной модернизации и построения «собственного дома» выводят концепцию евразийства из области философско-культурологической рефлексии в сферу социально-политической практики. Ее современные версии вынуждены определять себя в контексте общеинтеграционных процессов, решая одновременно задачи вписывания постсоветских обществ в процессы глобализации мировой истории.

Заключение. Возникнув в начале XX века в исторических условиях русской эмиграции в качестве непосредственной реакции на события Первой мировой войны и ряд последовательных революций в России, евразийство как комплекс оригинальных социально-философских, философско-исторических и культурологических идей было актуализировано в 70–80-е гг. XX века в историко-этнологических изысканиях Льва Гумилева, а также на рубеже XX–XXI веков в различных по идеологической направленности версиях неоевразийства.

Основные характеристики предложенного классическим евразийством социального проекта включаются в мировоззренческий, социокультурный и цивилизационный контексты современности, рефлексируются рядом современных авторов (Б. Ерасов, А. Панарин, А. Дугин) как наиболее значимые и перспективные идейные предпосылки самоидентификации России в глобальном мировом сообществе. Неоевразийская стратегия анализа достижений классического евразийства необходимо сопряжена с осмыслением феноменов модерна и постмодерна, глобализации и глобализма, а также возможных альтернативных наличествующим проектов как «внутреннего» социально-экономического и политического обустройства России-Евразии, так и ее «внешнего» обустройства, связанного с включением в процессы глобализации мировой истории. В этом смысле неоевразийские версии обоснования единства и целостности Евразии ориентированы прежде всего на поиск и реализацию возможностей оптимального в операциональном плане и достойного в ценностном наполнении включения России и ряда стран постсоветского пространства в интеграционные тенденции в сфере экономики, политики и культуры, столь актуальные в ус-

ловиях мира, становящегося одновременно и глобальным, и локальным.

Во многом, однако, социальный проект евразийства является принципиально потенциальным. Идеологическое и метафизическое конструирование евразийского единства остается, как и в классическом евразийстве, весьма далеким от социальной практики и тех конкретных социальных и культурных реалий, которые оно пытается теоретически охватить. Реализация артикулированных неоевразийством стратегий и программ, аппликация которых на цивилизационное пространство Евразии полагается жизненно значимой, исторически фундированной и перспективной, так или иначе нуждается в трансляции на язык конкретной политики, способной к практическому осуществлению озвученного неоевразийством социального проекта, обладающего, безусловно, исключительно мощным интеграционным и мобилизационным потенциалом.

Литература

1. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: Русский Национальный Фонд, 2000. – 382 с.
2. Панарин, А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. – М.: МГУ, 1999. – 288 с.
3. Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Логос, 1998. – 392 с.
4. Ерасов, Б. Россия в системе каких координат? / Б. Ерасов // Восток. – 1995. – № 3. – С. 5–17.
5. Ерасов, Б. Россия в евразийском пространстве / Б. Ерасов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 57–67.
6. Ильин, В.В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В.В. Ильин, А.С. Ахиезер. – М.: МГУ, 2000. – 304 с.
7. Дугин, А.Г. Абсолютная Родина / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1999. – 752 с.
8. Мяло, К. Восстановление России: евразийский соблазн / К. Мяло, Н. Нарочницкая // Наш современник. – 1994. – № 11–12. – С. 211–219.
9. Социальные знания и социальные изменения / под ред. В.Г. Федотовой. – М.: ИФ РАН, 2001. – 284 с.
10. Панарин, А.С. Россия в Евразии: вызовы и ответы / А.С. Панарин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1994. – № 8. – С. 25–35.
11. Феррари, А. Евразийская парадигма русской культуры: проблемы и перспективы / А. Феррари // Вестн. Евразии. – 2006. – № 1. – С. 7–18.

Поступила в редакцию 28.06.2016 г.

УДК 340.2:008:316.42

Социокультурная реальность: структура и факторы исторической динамики

Слемнев М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Потребность налаживания конструктивного диалога культур при сохранении национальной специфики каждой из них приводит к возрастанию философско-методологического интереса к уникальному виду бытия – социокультурной реальности.

Цель статьи – раскрыть структуру и проанализировать основные факторы устойчивого развития социокультурной реальности.

Материал и методы. *Материалом исследования является общество в его социокультурном измерении. Рассмотрение социокультурной реальности в виде саморазвивающейся системы проведено в контексте принципа синергетики о фрактальном устройстве мира.*

Результаты и их обсуждение. *Концепт «социокультурная реальность» представлен как логико-семантическое пересечение понятий «социальное», «культурное» и «реальное». Выделены два главных уровня организации социокультурной реальности: обыденный, повседневный и специализированный, институциональный. В своем системном единстве они выполняют функцию программы деятельности, поведения и общения людей. Диахронная, историко-генетическая презентация социокультурной реальности позволяет выявить в ней ретроспективную, консервативную часть; доминирующее концептуальное ядро, диалектически снятое из предшествующих программ; концептуальные зародыши социокультурных программ будущего. Показано, что качественную устойчивость социокультурных структур обеспечивают историческая память народа, его менталитет и код национальной культуры.*

Заключение. *При разрушении хрупких ментальных оснований культуры она не только вырождается, но и возникает угроза исчезновения самого народа как этнической и социальной общности. Вот почему социокультурные структуры общества, которые хранят культурный геном народа, следует тщательно оберегать от деструктивных внешних воздействий. Любые культурные заимствования необходимо пропускать через жесткое «сито» ментального отбора.*

Ключевые слова: *культура, социум, социокультурная реальность, историческая память, менталитет, код культуры.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 99–105)

Social and Cultural Reality: Structure and Factors of Historical Dynamics

Slemnev M.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

The need in setting up constructive dialogue of cultures while retaining national specificity of each of them leads to the increase of philosophic and methodological interest in a unique type of being which is social and cultural reality.

The purpose of the article is to reveal the nature of social and cultural reality and to analyze main factors of its development.

Material and methods. *The material of the study is structure of social and cultural reality and mechanisms of its historical dynamics. Traditional general logics as well as general research methods are used. Consideration of social and cultural reality as a self developing system is made in the context of the principle of synergetics about fractal composition of the world.*

Findings and their discussion. *The concept of social and cultural reality is presented as logical and semantic crossing of the notions of social, cultural and real. Two main levels of social and cultural reality organization are singled out: the everyday and the specialized, institutional. In their system unity they perform the function of the program of action, behavior and communication of people. The diachronic, historical and genetic presentation of social and cultural reality makes it possible to find out in it the retrospective, conservative part; the dominating conceptual nucleus, which is dialectically taken from previous programs; conceptual fetuses of social and cultural programs of the future. It is indicated that qualitative stability of social and cultural structures is provided by people's historical memory, their mentality and code of the national culture.*

Conclusion. *Destruction of fragile mental bases of culture results not only in the disappearance of culture but also in the threat of disappearance of the whole people as an ethnic and social community. That is why social and cultural structures of the society, which*

Адрес для корреспонденции: e-mail: mihail_slemnev@mail.ru – **М.А. Слемнев**

preserve cultural genome of the people, should be thoroughly protected against destructive outer impacts. Any cultural borrowings should go through scrupulous checks.

Key words: *culture, society, social and cultural reality, historical memory, mentality, culture code.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 99–105)

Процесс глобализации имеет ярко выраженную тенденцию к унификации культур. Как следствие, у многих народов возникает естественное желание сохранения своей культурной специфики и национальной идентичности. Все это является основанием для оживления логико-методологического интереса к уникальному виду бытия – социокультурной реальности.

Цель статьи – раскрыть структуру и проанализировать основные факторы устойчивого развития социокультурной реальности.

Материал и методы. Материалом исследования является общество в его социокультурном измерении. Использованы традиционные общелогические (абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция) и общенаучные (системный, структурно-функциональный) методы. Рассмотрение социокультурной реальности в виде саморазвивающейся системы проведено в контексте принципа синергетики о фрактальном устройстве мира.

Результаты и их обсуждение. Понятие «социокультурная реальность» в последнее время стало активно использоваться в философском, социологическом, культурологическом, политологическом и иных видах социогуманитарного дискурса. Имеется множество его определений. Это обусловлено рядом факторов: многогранностью обсуждаемого феномена, контекстом рассмотрения, лингвистической традицией, стилем научного мышления и, наконец, сложной логической структурой концепта. Он представляет собой семантическое пересечение трех понятий – «реальное», «социальное» и «культурное». И каждое из них отличается богатой полисемией.

Так, специалисты в области культурологии насчитывают около 600 определений культуры. Известно немало трактовок социального. О социальном говорят в широком и узком смысле слова, выделяют в нем философский, социологический и экономический аспекты, разграничивают социальное и социетальное. Предпринимаются также попытки отыскать смысловые отличия между понятиями «бытие», «реальное», «действительное», «существование». Подобные логические игры весьма увлекательны, но, в основном, бесплодны. Они обычно завершаются созданием новой дефиниции, которая затем подвергается очередному критическому анализу, и процесс «схоластического теоретизирования» продолжается дальше.

Учитывая сказанное, ограничимся эскизным представлением об объекте исследования, именуемым «социокультурная реальность». Ее абстрактный портрет выглядит приблизительно так. Реальность означает факт *присутствия*, бытийности, наличия в мире. Это, говоря словами Гегеля, не «ничто», пустое множество, а содержательное «нечто». Социальность заключается в природно обусловленной необходимости *совместной* человеческой активности, которая и как процесс, и как результат обладает надбиологической и интерсубъективной значимостью. Культурное измерение социального в любых формах и проявлениях состоит в его *искусственном* характере, сотворенности людьми для реализации их разнообразных потребностей. Это в равной степени касается как вещных, материальных конструктов (техносфера), так и идеальных (верования, нормы, ценности, идеалы и пр.). Причем с точки зрения глобального эволюционизма искусственно созданная среда обитания человека в определенном смысле является тоже естественной, ибо ее возникновение не противоречит законам природы.

Рассмотрение социальных и культурных граней общества в качестве относительно самостоятельных образований вполне допустимо. Это успешно делает и социология, и культурология. Но следует помнить, что каждая из этих сторон социума органически связана с другой. В итоге социальное и культурное образуют «бесшовную» (Ф. Тембрук) целостность. Для выявления механизмов взаимосвязи культурного и социального («культурность» социального и «социальность» культурного) культуру полезно представить в качестве специфической программы, регулирующей деятельность, общение и поведение людей.

Закрепленный и трансформируемый с помощью языка культуры совокупный социальный опыт выполняет в общественной жизни приблизительно те же функции, что молекулы ДНК и РНК в природе [1]. При этом потребности и достижения общественной практики требуют периодического, временами весьма радикального, пересмотра регулятивного инструментария культуры. В свою очередь, культура работает на опережение и в соответствии с внутренней логикой своего развития, не дожидаясь запросов общественной практики, конструирует программные схемы социальной деятельности на перспективу.

При этом общество развивается прогрессивно лишь в том случае, когда старые и новые социокультурные программы связаны по правилам диалектического отрицания.

Социокультурная реальность как сложное системное образование имеет два органически взаимосвязанных уровня организации: обыденный, повседневный и специализированный, институциональный [2. с. 171–175]. Первый можно условно назвать эмпирическим, второй – теоретическим. В самом общем виде первый, базовый, уровень представляет собой совокупность социокультурных форм, фундируемых непосредственными переживаниями и контактами людей в сфере межличностных отношений при удовлетворении витальных потребностей и субъективных желаний. Здесь люди действуют по большей части автоматически, не подвергая рефлексивному осмыслению свой жизненный мир. Решающую роль в организации их жизнедеятельности играют устоявшиеся традиции, которые воспроизводятся в каждом новом поколении благодаря коллективному бессознательному, исторической памяти и коду национальной культуры (то, что иногда называют «габитусом»).

Специализированный, институциональный, рефлексируемый уровень социокультурной реальности призван организовать на основе специальных категориально-понятийных матриц хозяйственно-экономическую, политическую, религиозную, научную, технико-технологическую и другие виды совместной жизнедеятельности с учетом внутренних проблем социума и внешних цивилизационных вызовов.

Социокультурная система любого общества является динамичным образованием. При ее диахронной, историко-генетической презентации можно выделить ретроспективную, консервативную часть; доминирующее концептуальное ядро, диалектически снятое из предшествующих программ; перспективные, социопсихологические и идеологические схемы «опережающего отражения действительности», своеобразные зародыши проектов регуляции деятельности, общения и поведения людей будущего.

Согласование этих трех модусов исторического времени – прошлого, настоящего и будущего обеспечивается совокупностью внутренних, интерналистских и внешних, экстерналистских факторов.

Особое место в системе внутренних регулятивов развития социокультурных реалий бытия занимает историческая память субъектов социальных процессов.

Историческую память можно определить как систему знаний, традиций, обрядов, с помощью которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций складываются представления об их происхождении, важнейших событиях собственной истории и ее соотношении с историей других народов и всего человеческого сообщества. Источником формирования исторической памяти являются устные предания, широкий круг нарративных материалов (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография и др.), коммеморации (праздники, посвященные различным историческим событиям, юбилеи, дни памяти и др.), монументальные памятники, аудиовизуальные средства передачи информации (кино, радио, телевидение, Интернет) и т.п. [3].

В данной связи нередко выделяют объективированную (материализованную), интерсубъективную и индивидуальную историческую память. В свою очередь, индивидуальную историческую память часто разделяют на элитарную «память ученого-историка» и память неонаученную, обычного человека. Главным источником последней является личный опыт, повседневное общение с членами родственной социальной группы. Говорят и о таком виде памяти, как официальный исторический дискурс, который политизирован и идеологизирован. В качестве особого вида исторической памяти называют также внедренную в массовое сознание с помощью системы образования и СМИ официальную трактовку исторического прошлого своего и других народов. Все названные виды памяти органически переплетаются и в своей совокупности образуют историческую память общества.

Оживленные дискуссии ведутся о соотношении понятий «историческое сознание» и «историческая память». Здесь встречаются четыре логически возможных варианта: объем первого понятия больше, чем второго; объем второго больше первого; это равнообъемные понятия; эти понятия пересекающиеся.

Сравнение исторической памяти и исторического сознания явно, или, что чаще всего наблюдается, косвенно, в скрытой форме осуществляется по следующим параметрам: непосредственность – опосредованность, спонтанность – сконструированность, формируемое внутри социальной группы – привнесенное извне, устный – письменный характер, увиденное – заученное. Иными словами, речь обычно идет о различных способах формирования у личности или социальной группы представлений о прошлом. Но ведь то, что и как люди помнят, обусловлено той культурой, в которой они существуют. Если отталкиваться от этой позиции, то настаивать на жестком разграничении исторической памя-

ти и исторического сознания некорректно. Ни личной, ни коллективной «чистой» памяти нет и быть не может. Различие между исторической памятью и историческим сознанием не онтологическое и эпистемологическое, а связано с контекстом рассмотрения и исследовательской традицией, которая, в свою очередь, сформировалась на основе определенных эпистемологических предпосылок.

Если придерживаться строгих канонов формальной логики, то эти понятия следует считать пересекающимися. Но их общий объем столь велик, что в абсолютном большинстве случаев от имеющихся смысловых несовпадений можно отвлечься [4, с. 185].

В спокойные, устойчивые периоды социального развития острой потребности, по крайней мере, практического плана, «постоянно оглядываться назад при движении вперед» (М. Барг) не возникает: общество катится по наезженной колее, а три измерения исторического времени «прошлое – настоящее – будущее» сворачиваются в застывшую «темпоральную точку». В подобной ситуации исторический дискурс, в том числе и предлагаемый в своем политизированном и идеологизированном виде для массового потребления, воспринимается без ментального напряжения и прагматического интереса. Он как бы временно засыпает.

Когда же социум срывается с линейной траектории и обретает турбулентный характер, историческое сознание актуализируется на всех его бытийных уровнях. В поисках направления дальнейшего развития начинается, если воспользоваться терминологией Гегеля, активное «погружение в основания», сопряженное с переосмыслением исторического прошлого, причем, нередко, весьма радикальное. Так, например, история России была решительно переписана после октябрьских событий 1917 года, смерти И.В. Сталина, ухода с политической арены Н.С. Хрущева, а затем в связи с распадом СССР. История Беларуси долгое время была инкорпорирована в историю российскую. В 1989–1991 гг. она подвергалась серьезной реконструкции, а через некоторое время в нее были внесены очередные изменения.

В процессе подобных рефлексивных действий конструктивное историческое сознание обычно стремится зафиксировать те латентные возможности прошлого, реализация которых в настоящем способна вывести рассогласованную социальную систему на новый уровень ее организации. Обращение к социальному опыту предшественников связано с надеждой, что он может предостеречь от повторения ошибок и подсказать, какие коррективы следует внести в сложившиеся социокультурные программы жизнедеятельности людей. Иными словами, обновленное дискурсивное прошлое активно включается в настоящее и начинает выполнять функции важного управляющего параметра становления будущего.

Здесь уместно провести параллели с процессами саморегуляции в открытых системах природы. Сценарий возникновения из природного хаоса порядка с последующим превращением его в новый беспорядок и далее с теми же повторениями описан на диалектическом по своей сути синергетическом языке – «точка бифуркации», «диссипатия», «фазовый переход», «асимптотическая устойчивость», «аттрактор» и др. Существенным моментом синергетической презентации взаимодействия необходимого и случайного в природе является положение о том, что в результате хаотичного противоборства огромного множества флуктуаций зарождается новый целевой аттрактор, который задает направление дальнейшему развитию системы. Эти идеи с соответствующими оговорками вполне пригодны для исследования механизмов социального развития.

Особое значение для выяснения роли сфокусированного исторического сознания при стохастическом выборе неустойчивой социальной системой одного из возможных сценариев постбифукарционного развития являются представления синергетики о фрактальном устройстве природы [5]. Ее фрактальность, «самоподобие» заключаются в том, что при развертывании природных процессов вдоль осевой линии глобальной эволюции периодически возникают материальные системы, структурно и функционально похожие друг на друга. Природа весьма экономна, действует как рачительный хозяин и не множит сущности без необходимости. Она сохраняет в своей «памяти» лишь тот алгоритм конструкторской деятельности, который выдержал суровые испытания естественного отбора, и только после этого транслирует его на высшие уровни организации материи.

Подобная тенденция развития просматривается и в социуме. Так, появление у наших далеких предков простейших видов социальной деятельности проходило при сохранении биологического аппарата наследственности, племенная и родовая организации трансформировались в этническую, древние верования – в язычество, а затем в локальные и мировые религии, города – в мегаполисы, семья как компактная ячейка общества прошла путь от полигамной до моногамной и существует сегодня.

Разумеется, механизм формирования в социальном развитии новых программно-це-

левых центров притяжения по фрактальному образцу имеет свою специфику. В природе всякое повышение уровня организации осуществляется путем стихийной, но тщательной и всесторонней проверки конструкторских возможностей сохраняемых структур. В социальных системах диагностика прошлого может оказаться либо небрежной, торопливой, не доведенной до конца, либо, что еще опаснее, подчиненной не только внутреннему, но и внешнему политическому интересу. Это приводит к возникновению противоестественного, не совместимого с менталитетом народа вектора развития, длительная ориентация на который чревата деградацией общества.

Социальной почвой, на которой легко приживается сконструированный с помощью изощренных информационных технологий нужный соответствующим политическим силам исторический дискурс, является массовое сознание с весьма смутным представлением о прошлом своей страны, а то и вовсе лишенное исторической памяти. По такой схеме подготовлены и совершены «цветные революции» в ряде стран на постсоветском пространстве. Яркий пример – события в соседней Украине. Резкому изменению траектории ее развития во многом способствовал внедренный в массовое сознание, и, прежде всего, в умы молодежи, историко-идеологический конструкт с ярко выраженным русофобским содержанием.

Обсуждаемая тема весьма актуальна для нашей страны, особенно в контексте строительства белорусско-российского Союзного государства. Его созидание нуждается в хорошо продуманной системе историко-идеологического обеспечения. Это лучшее средство для защиты от появления любого «странного аттрактора», способного остановить интеграционные процессы.

Важнейшим внешним фактором развития социокультурных структур общества являются культурные диффузии, взаимное проникновение культурных элементов и их целых блоков из одной страны в другую. Как известно, в любой замкнутой, закрытой системе действует закон возрастания энтропии, в соответствии с которым устоявшийся порядок со временем превращается в необратимый хаос. Не являются исключением и социокультурные комплексы. Ни одна из культур не может быть самодостаточной. «Подпитка» национальных культур внешними заимствованиями крайне необходима. Это эффективное средство предотвращения культурного застоя, стагнации. Но следует помнить, что культурные заимствования бывают двух видов.

1. Сознательное, добровольное внесение в свою культуру некоторых чужеродных образцов обустройства быта, сложившихся схем хозяйствования и общения людей, а также всего того, что может принести явную или скрытую выгоду для народа, позволяет поднять его международный имидж, способствует продвижению вверх по ступеням прогресса. Но здесь надо действовать весьма осторожно. Ведь в том случае, когда процесс заимствования и внедрения чужих культурных ценностей достигает критической отметки, своя культура начинает терять специфику, лишается национального колорита и в итоге деградирует. История дает тому немало подтверждений. Так, эллинистическая культура окончательно распалась в результате тесного контакта с сирийской цивилизацией, разложившей ее, и христианской, пришедшей ей на смену. А вот активное культурное взаимодействие Египта, Вавилона и Индии привело к образованию своеобразного «культурного компоста», на основе которого затем в Европе возникла греческая цивилизация [6, с. 166].

2. Насильственное навязывание того образа жизни и типа мышления, которые противны культурному бессознательному, основе менталитета народа и коду его культуры. Именно эта хрупкая этнопсихологическая субстанция оказывает решительное сопротивление тем культурным новшествам, внедрение которых требует радикального отказа от сложившихся традиций и привычек, норм поведения и общения, общепринятых ценностей обыденной жизни.

Менталитет как «совокупность неких общих “фоновых” черт, компонентов и доминант, включающих сходный этнопсихологический склад, особый “подтекст” мыслей, поступков, настроений, а также мотиваций и моделей поведения, формировался на протяжении многих столетий и тысячелетий» [7, с. 129]. В итоге латентно-бессознательные основания ментального облика народа стали передаваться из поколения в поколение с подключением аппарата генетического наследования.

Сказанное вовсе не означает, что ментальные основания национальной культуры, которые формируют ее код и оказывают непосредственное влияние на возникновение и развитие социокультурных программ, являются абсолютно устойчивыми образованиями. При развитии культуры с использованием сознательно внедренных заимствований код культуры подвержен определенным трансформациям. Он может упрощаться, усложняться, видоизменять знаково-символический аппарат для выражения уникальных черт культуры и национального характера

людей [8, с. 72]. Но его ментальная сущность сохраняется. Насильственное же давление на менталитет народа, особенно на неокрепшее сознание молодежи, активное вторжение в подсознание с помощью изощренных информационных технологий способно заразить код культуры «смертельным вирусом». Поэтому любая культура должна уметь «защищаться от нежелательного проникновения, которое может оказаться губительным для нее» [6, с. 161].

Острую потребность в этом после длительной и массированной либерально-буржуазной обработки умов ощутила русская культура. Осознав реальную угрозу разрушения своего национального генокода, Россия стала активно «сосредотачиваться». Как отметил Владимир Путин в известной статье «Россия: национальный вопрос», русский культурный код в последние десятилетия подвергся серьезным испытаниям, его «пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь». В связи с этим отмечена огромная роль образования. Главная гражданская задача образования, равно как и всей системы просвещения, – дать каждому абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. Соответствующие ориентиры должна выработать и государственная политика в области культуры, располагающей такими мощными средствами воздействия на сознание людей, как печатные СМИ, телевидение, Интернет и др.

Со схожими во многом проблемами столкнулась и Беларусь. Причем нам сегодня необходимо не только сохранить свою этническую и социокультурную самобытность в условиях натиска бездуховной потребительской идеологии, но и не растерять ее в процессе строительства общего с Россией Союзного государства. «Визитной карточкой» белорусов являются такие ментальные качества, как религиозная толерантность, трудолюбие, терпеливость, упорство в достижении цели, рассудительность, осторожность в принятии решений, укорененность в свою землю, умение ладить с соседями, ориентация на «минимум страданий», а не на «максимум удовольствий», приверженность классическому браку и семье. Эти качества формировались по мере прохождения этноса через языческий, христианский, литвинский, польский, российско-имперский, а затем советский периоды развития. Следует признать, что социалистическая идеология при всех ее изъянах по своей сути соответствовала традиционным ценностям белорусов [9, с. 49].

И когда «архитекторы перестройки» в начале 1990-х годов разрушили социалистическое государство и толкнули Россию на радикально новый и, как выяснилось, уродливый путь развития, белорусское общество довольно быстро справилось с турбулентным состоянием и продолжило движение по прежней, но скорректированной траектории. Процесс освобождения от отживших свое время советских идеологем и схем хозяйствования в ходе создания собственного национального государства начал совершаться без резкого нажима на менталитет народа. Российской же стороне было предложено осуществить «фрактальное погружение» в недалекое прошлое двух стран и попытаться «срастить» насильственно разорванное на качественно новой, модернизированной экономической и политической основе. В результате 2 апреля 1996 года был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси, ровно через год – Союза Беларуси и России, а 8 декабря 1999 года – о создании Союзного государства.

Если принять во внимание, что Россия стала на путь исправления деформаций, которые появились у нравственного сознания общества в результате перестройки и последующей за ней «бандитской приватизации», то для задуманного единения братских народов имеются неплохие социокультурные предпосылки. Однако интеграционные процессы нуждаются в добротном идеологическом сопровождении.

И, наконец, отметим, что отказываться от заимствования экономического, политического, правового и духовного опыта Запада было бы неразумно. Но здесь нужны выборочная диффузия и осторожная, неторопливая их адаптация к ментальным качествам народа без перестройки кода его культуры. Этим приемом мастерски пользуются некоторые страны. Образец – Япония и Китай. Используемый ими инокультурный опыт всегда принимает специфическую национальную окраску и органически вписывается в исторические традиции. По такому пути пытается идти и наша республика, опираясь на «пограничный» характер духовной жизни народа.

Заключение. Социокультурная реальность является результатом и одновременно условием творческого преобразования природы, общества и самого человека. Это позволяет ей выступать в качестве программы деятельности, общения и поведения людей. Для успешного выполнения сложных регулятивных функций социокультурные структуры общества должны опираться на историческую память, менталитет народа и код на-

циональной культуры. При разрушении этого тонкого субстрата культура, особенно в условиях глобализирующегося мира, стандартизируется, национально обезличивается и в итоге вырождается. А вместе с этим возникает угроза исчезновения и самого народа как этнической и социокультурной общности. Вот почему культурный геном народа следует тщательно оберегать от деструктивных заимствований.

Литература

1. Степин, В.С. Культура / В.С. Степин // Новейший философский словарь. – Минск: Интерпрессервис, 2003. – С. 527–530.
2. Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия / Э.А. Орлова // Вопросы социальной теории. – Т. II, вып. 1(2). – Т. 11. – С. 161–175.
3. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – Режим доступа: http // vivovoco.rsl/ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM. – Дата доступа: 23.10.2016.
4. Сыров, В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В.Н. Сыров // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер., История. – 2013. – № 1(21). – С. 183–190.
5. Слемнев, М.А. Диалектическая природа феномена фрактальности / М.А. Слемнев // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2015. – 19 т. – С. 101–105.
6. Добреньков, В.И. Фундаментальная социология: в 15 т. / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко // Культура и религия. – М., 2007. – Т. 11. – 1104 с.
7. Рудковский, Э.И. Культурный код, историческая память и региональное сотрудничество / Э.И. Рудковский // Искусство и культура. – 2015. – № 4(20). – С. 69–74.
8. Востриков, С.В. Парадоксы национального восприятия в условиях приграничья: исторические особенности развития этноэволюционных процессов / С.В. Востриков // Образы России и Беларуси в контексте приграничья. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – 236 с.
9. Кизима, С. Белорусский менталитет в российско-белорусских отношениях / С. Кизима // Свободная мысль. – № 2. – С. 47–60.

Поступила в редакцию 28.11.2016 г.

УДК 930.2:316.4:316.75

Философские и идеологические аспекты интерпретации прошлого

Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Специфическим способом познания истории, средством формирования исторического сознания является интерпретация. Интерпретация событий прошлого – это акт продолжения их существования в наличном общественном бытии. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов имевших место исторических событий.

Цель статьи – анализ философских, идеологических аспектов интерпретации прошлого.

Материал и методы. *Материалом исследования являются основные подходы к интерпретации истории. Автором использованы общелогические (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) и общепринятые методы теоретического исследования (единство логического и исторического, восхождение от абстрактного к конкретному).*

Результаты и их обсуждение. *Интерпретация не может быть статичным одноразовым актом, она предполагает учет исторического контекста. Истина в историческом исследовании – это процесс. Характер этого процесса предъявляет высокие требования к ответственности исследователей истории за то, что они интерпретируют и как они это делают.*

Внимание уделено роли идеологии в интерпретации исторического прошлого. Не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных интерпретациях. Само историческое сознание является частью идеологии и политики государства. История есть не только политика, обращенная в прошлое, она часть современной политики. Идеологическое манипулирование историческим сознанием порой становится мощным средством реализации политических интересов.

Заключение. *Общество не может развиваться без идеологических ориентиров и приоритетов. Нужны духовные скрепы, ценности, разделяемые большинством населения, которые призваны объединить социум.*

Ключевые слова: *историческое сознание, интерпретация прошлого, методология, идеология.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 106–111)

Philosophic and Ideological Aspects of the Interpretation of the Past

Rudkovski E.I.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

A specific way of cognition of history, technique of shaping historic consciousness, is interpretation. Interpretation of past events is an act of continuation of their existence in the available social being. Actualization of senses of historical events depends on subjects of interpretation, on their outlook settings.

The purpose of the article is analysis of philosophic, ideological aspects of the interpretation of the past.

Material and methods. *The material of the study is basic approaches to history interpretation. The author has applied general logical methods (analysis, synthesis, generalization, abstraction) as well as generally accepted methods of theoretical research (unity of the logical and the historical, accent from the abstract to the concrete).*

Findings and their discussion. *Interpretation cannot be static single act, it presupposes taking into account historical context. Truth in a historic research is a process. The character of this process requires a lot from the responsibility of history researchers for what they interpret and how they do it.*

Attention is paid to the role of ideology in the interpretation of historic past. Not only ideology shapes the past in various interpretations. Historic consciousness itself is a part of ideology and policy of the state. History is not only politics, which is in the past; it is part of modern politics. Ideological manipulation with historic consciousness is often a powerful means of the implementation of political interests.

Conclusion. *Society cannot develop without ideological landmarks and priorities. Spiritual basics are necessary, values which are shared by most of the population and are to unite the society.*

Key words: *historic consciousness, interpretation of the past, methodology, ideology.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 106–111)

Адрес для корреспонденции: e-mail: edw.ru@yandex.ru – **Э.И. Рудковский**

Интерпретация истории – это своеобразное конструирование будущего исходя из понимания прошлого. От взгляда в прошлое зависит и взгляд в будущее. Каким будет это будущее, во многом зависит от того, как мы распорядимся историческим наследием, сохраним ли великие памятники прошлого или само прошлое превратим в труху из-за многочисленных «новых взглядов». Интерпретации исторического прошлого всегда носят дискуссионный характер и неразрывно связаны с проводимой в стране политикой, поскольку та или иная картина истории является одним из важнейших средств формулирования и обозначения видения настоящего и будущего развития конкретного общества. В современной международной обстановке актуальность «сражений за историю» резко возрастает.

Цель статьи – анализ философских, идеологических аспектов интерпретации прошлого.

Материал и методы. Материалом исследования являются основные подходы к интерпретации истории. Автором использованы общелогические (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) и общепринятые методы теоретического исследования (единство логического и исторического, восхождение от абстрактного к конкретному).

Результаты и их обсуждение. Интерпретация прошлого – важнейшее средство формирования исторического сознания. В философской и исторической литературе существуют различные подходы к определению исторического сознания, объема и содержания данного понятия, его соотношения с исторической памятью. Историческое сознание – система знаний, взглядов, традиций, обрядов, обычаев, идей, концепций, посредством которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций формируется представление о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, о соотношении своей истории с историей других общностей людей и всего человеческого общества [1]. Историческое сознание включает знания и оценки прошлого во всем его многообразии, присущие и характерные для общества в целом, так и для различных общностей, социальных групп, а также отдельных индивидов.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике, значительное место в которой занимает как раз метод понимания прошлого. При этом во взглядах представителей этого философского направления прослеживается значительная эволюция. Первое поколение герменевтики (Шлейермахер, Дильтей) в качестве главной проблемы выделяло вопрос понимания исторических текстов и постижения через них истории, подлинного смысла имевших место событий. Интерпретация прошлого, отраженного в текстах, должна основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить, понять первоначальный смысл текста. Основная проблема понимания заключается во временной дистанции, разделяющей интерпретатора и объект понимания. Чтобы ее решить, необходимы вживание исследователя в исторический контекст, идентификация его с текстом.

Гадамер идет дальше. Смысл текста, в котором описаны определенные исторические события, нельзя оторвать от того «смыслового горизонта», в который помещен текст. Интерпретатор рассматривает текст с позиций своего «смыслового горизонта», включая его предрассудки, ценностные ориентации. Понимание текста зависит от того, насколько оба горизонта смогли приблизиться друг к другу. Только тогда возможно понимание истории. При этом Гадамер подчеркивает не только историчность предмета интерпретации, но и историчность самого субъекта интерпретации, значимость его позиции, которая уже задана определенными установками. При этом следует учитывать, что Гадамер рассматривает герменевтику не просто в качестве способности воссоздания аутентичного авторского текста, а в качестве возможности продолжения истории текста, построения его смысла каждым новым интерпретатором. Правда, такой подход таит в себе опасность субъективизма, произвольного «творения» исторического процесса, с чем мы сталкиваемся в практике изобретения прошлого отдельными политически ангажированными историками.

Герменевтический метод играет большую роль в познании, интерпретации прошлого. Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений – важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк – и в который, к сожалению,

очень часто впадает – состоит в том, что изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. "Другой" не означает "чужой". Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция "инаковости" – постулат исторического познания» [2, с. 77].

Вместе с тем вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться с мыслью известного историка о том, что «лишь сравнительно недавно историческая наука начала освобождаться от бремени философии истории. Глобальные системы... Гегеля, К. Маркса, О. Шпенглера образовали прокрустово ложе, куда историкам предлагалось укладывать свой материал». Сегодня, по мысли автора, историческая наука перестает быть пленницей метафизических конструкций. Историки провозглашают «Декларацию независимости» своего ремесла». В противоположность философии, социологии и политической экономии история – наука не об общих законах, а о конкретном индивидуальном, уникальном и неповторимом [2, с. 78–79].

Но так ли это? Вольно или невольно автор встает на определенные философские, а именно неокантианские позиции. Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, то невозможно обойти причины произошедшего, тенденции развития общества. А это уже философия истории, социальная философия. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оценивать события в октябре 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи нельзя не согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие индивидуальные факты, «которые рассматриваются в качестве атомарных, в рамках конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк... лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим современные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания» [3, с. 33]. Плюрализм взглядов и оценок историков, по мысли автора, обусловлен предпочтениями, которые оказывают той или иной теоретической конструкции, неформализованной концепции, а также интерпретационно-ценностными исследовательскими установками [3, с. 35]. Отметим, что в современной философии истории наиболее распространенными являются цивилизационный и формационный подходы к интерпретации истории.

Интерпретация – это важнейший способ познания прошлого. При этом следует учесть, что она не может быть статичным одноразовым актом. Истина в историческом исследовании – это процесс [4, с. 180]. Она не появляется в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого. Исследователь данной проблемы А.С. Табачков обоснованно подчеркивает, что верификация или фальсификация результатов интерпретации «происходит в интересующей нас области в их интеракциях с культурным контекстом и носит историчный и, несомненно, процессуальный характер. Важно также, что само это становление полученного посредством акта интерпретации дискурса, обретение им статуса значимого элемента динамики социально-гуманитарного знания никогда не является окончательным. Длящийся и обратимый характер этого процесса... предъявляет более высокие, чем в любой другой области познания, требования к компетентности и ответственности членов научного сообщества» [5, с. 67]. Автор справедливо говорит об ответственности ученых. На наш взгляд, уместно вести речь об исторической ответственности, которую можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В широком смысле – это ответственность перед историей, ответственность за судьбы общества, миллионов людей. В данном случае мы имеем в виду не просто сохранение исторической памяти, знаний о прошлом, но и будущее страны, определяемое теми или иными действиями акторов общественных отношений. Другими словами, история – это не только «вчера», но и «сегодня», и «завтра». В широком смысле термин «историческая ответственность» применим к ученым разных

научных направлений, политикам, деятелям культуры и т.д. К примеру, ученый с высоким уровнем сознания социальной ответственности не может не стремиться к тому, чтобы предвидеть возможные негативные последствия научного поиска. Свобода творчества несовместима со свободной безответственностью. Б. Юдин обоснованно отмечает, что ученые «могут не знать, каковы будут практические последствия того или иного открытия, они слишком хорошо знают, что "знание – сила", и притом не всегда добрая, а потому должны стремиться к тому, чтобы предвидеть, что принесет человечеству и обществу то или иное открытие» [6]. Применительно к сфере политики можно сказать, что часто незнание – сила. На это порой и делается ставка современными политтехнологами. В узком смысле историческая ответственность – это ответственность за адекватную интерпретацию исторических событий, неприятие преднамеренного искажения наследия прошлого.

Интерпретация исторического прошлого зависит, как уже отмечалось, от философии истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно связана с мировоззрением, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории.

Идеологическое манипулирование историческим сознанием является мощным средством реализации политических интересов управления сознанием людей. Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [7, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, бытийствовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Н. Нарочницкая отмечает: «Опасно интерпретировать старые события с точки зрения наших сегодняшних политических воззрений и желаний. Если мы с философским скепсисом и мудростью сможем взирать на историю, полную несовершенств и натяжек, то сумеем выделить главное» [8].

Политическое решение – это часто выбор между гибельным и малоприятным. А когда выбирают малоприятное, возникают негативные оценки, раздаются возмущенные голоса. При этом не учитывается, что другое решение в той конкретной исторической ситуации могло быть просто гибельным для страны. Когда, к примеру, сегодня на Западе (и не только) говорят об агрессивной внешней политике СССР, то забывают об историческом контексте, «холодной войне», провокационной политике другой сверхдержавы. Крупнейшие европейские страны, создавая колониальные империи, не стеснялись в свое время перекраивать карту мира по своему усмотрению. Но об этом на Западе сейчас вспоминать не хотят.

Политические интересы доминирующих социальных групп всегда будут оказывать влияние на образ прошлого. Нельзя рассчитывать на то, что оценка, к примеру, причин хода и итогов Второй мировой войны по мановению волшебной палочки станет одинаковой как на Западе, так и на Востоке. Вместе с тем недопустимы подлог, искажение или замалчивание исторических фактов. Здесь можно и нужно говорить об исторической ответственности ученых, всех тех, кто так или иначе причастен к формированию исторического сознания. Порой говорят, что историки более могущественны, чем Сам Господь Бог, ибо Господь не может изменить прошлое, а историки постоянно его меняют. В истории, как известно, есть все; что вам надо, то вы и достанете. Вот почему есть мера ответственности каждого историка за то, что он интерпретирует и как он это делает. Формирование исторической памяти – это часть технологий, которые могут разрушить целые государства. Длительная историческая ложь делает людей равнодушными к собственной истории и собственному народу и тем самым подтачивает устои общества и государства. История – это политическое оружие, а также средство воспитания масс. Кто затевает войну с прошлым, рискует потерять будущее. В данном контексте нельзя не вспомнить слова Дж. Оруэлла: «Кто управляет прошлым, ... тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [9, с. 35]. Следует отметить, что не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных его интерпретациях. Само историческое сознание является составной частью идеологии государства. Здесь существует прямая и обратная связь. Мало сказать, что исто-

рия есть политика, опрокинутая в прошлое. История (прошлое) – это часть современной политики, она опрокинута в современную политику.

Распространено мнение, что идеология – это неотъемлемый атрибут тоталитарного общества. Следует, конечно, признать, что господствовавшие идеологические «одежды» были изрядно «потрепаны» в период СССР от частого (к месту и не к месту) употребления. Вместе с тем опыт постсоветского развития целого ряда стран показал, что любое общество (как и человек) должно иметь идейные ориентиры. Идеология – это не изобретение коммунистов, а атрибут любого государства. Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. Политические стратеги Запада давно пришли к выводу, что только с помощью военных средств многие проблемы нельзя решить. Есть и другие инструменты, более эффективные, – разрушение кодов национального бытия. То есть речь идет о разрушении базовых национальных ценностей, традиций и обычаев, исторической памяти народа. По масштабам и агрессивности идеологическая работа западных стран нисколько не уступает практике бывшего СССР времен «холодной войны».

Запад стал прививать, навязывать неприемлемые для большинства человечества ценности – мультикультурализм, однополые браки и т.д. Наблюдается отход от христианских ценностей. На их место пришли законы, права человека, прагматизм. Но если данные ценности (их значимость несомненна) оторвать от служения чему-то высшему, то это грозит деградацией общества. Это безбожный, безнравственный демократизм и либерализм. «Политические свободы, – отмечает Г.С. Киселев, – расцветшие при повсеместно наблюдающемся “повреждении нравов”, свободы, которыми воспользовались “освобожденные” от христианской морали люди, во многом оказались свободой от ответственности – непременного атрибута гражданski зрелой личности» [10, с. 53].

После распада СССР образовался своеобразный идеологический вакуум. Пришедшая на смену советской интеллигенции новая «культурная» элита пока не смогла предложить те ценности, которые могли бы стать фундаментом подлинно человеческих отношений. Пока, кроме погони за избыточным потреблением, апологии успеха «здесь и сейчас», другого идеологического продукта стране-соседке не предложено. У страны нет базовых идеологических понятий, целей, есть лишь тактические ситуации. Россия заражена гипертрофированной, исковерканной до абсурда формой либерализма. Ее главный девиз – живи для себя и ради себя. Страна превращается в своеобразный торгово-развлекательный центр. Правда, следует отметить, что в последнее время Президент Российской Федерации В. Путин и его помощники делают необходимые шаги к преодолению сложившегося положения. При этом особый акцент сделан на формировании патриотизма, гражданственности. Должна быть идеология, разделяемая большинством населения, которая призвана объединять и скреплять гигантский общественный механизм.

Идеологические и социокультурные факторы играют важную роль в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Безусловно, решающая, первичная роль в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Экономика – это базис общества, который определяет все надстроечные явления и процессы. Однако нельзя стоять на позициях технологического детерминизма. В обществе все взаимосвязано, существуют прямые и обратные связи. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России предполагает определение идеологических ориентиров и приоритетов. Вне их нельзя определить стратегию социально-экономических и политических преобразований внутри страны, цели и механизмы сотрудничества на международной арене. Идеология делает более целостным общественное сознание, влияет на морально-психологическую атмосферу в обществе.

Необходимо восстановить единое гуманитарное пространство. Недопустимо, чтобы традиционные духовные и нравственные ценности, славные традиции исторического прошлого были преданы забвению. Без единого прочтения истории не может быть единства народов. Вопросы идеологического обеспечения интеграции на постсоветском пространстве весьма актуальны и требуют обоснованного ответа.

Заключение. Интерпретация событий прошлого – это акт продолжения их существования, движения в наличном общественном бытии. В таком качестве они накладывают отпечаток на процессы современности. Важно помнить и понимать: то, что происходит сейчас – не просто новое, это, в известной мере, продолжение прошлого. Одновременно следует ничего не забывать,

не стирать, не выбрасывать, не замалчивать, а бережно хранить историческую память, уметь заглянуть в прошлое, чтобы увидеть очертания будущего. Именно в этом проявляется историческая ответственность ученых-историков и всех тех, кто формирует реальную политику.

Литература

1. Историческое сознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruslanka.ru/hist/is.php. – Дата доступа: 02.11.2015.
2. Гуревич, А.Я. Двоякая ответственность историка / А.Я. Гуревич // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
3. Хвостова, К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К.В. Хвостова // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 27–37.
4. Кузьмина, М.В. Истина и объективность в историческом знании (обзор докладов научного заседания) / М.В. Кузьмина // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 180–184.
5. Табачков, А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 94 с.
6. Юдин, Б.Г. Этика науки и ответственность ученого / Б.Г. Юдин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/kuptsov/0/j32.html. – Дата доступа: 28.07.2016.
7. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
8. Нарочницкая, Н. Об особой ответственности историков / Н. Нарочницкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.klaipeda1945.org/istoriya/ob-osoboj-otvetstvennosti-istorikov/. – Дата доступа: 28.07.2016.
9. Оруэлл, Дж. 1984. Скотный двор / Дж. Оруэлл. – М.: АСТ, 2014. – 361 с.
10. Киселев, Г.С. История и ее подобие / Г.С. Киселев // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 48–58.

Поступила в редакцию 07.09.2016 г.

УДК 7.01(476)“19”

Філасофскія ракурсы даследавання мастацтва XX стагоддзя

Цыбульскі М.Л.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Ужо ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя з’явіліся спецыяльныя мастацтвазнаўчыя даследаванні, у якіх сцвярджалася, што мастацтва не можа разглядацца толькі з пункту гледжання ўнутрымастацкіх праблем. Усё больш відавочнай станавілася неабходнасць вывучэння філасофскіх аспектаў развіцця мастацтва, аналізу яго ўзаемасувязяў з асноўнымі рысамі светапогляду і самасвядомасці людзей той ці іншай эпохі. У рэчышчы філасофскага кантэксту з улікам мастацкай практыкі XX стагоддзя пераглядаліся і некаторыя прынцыпы гісторыі мастацтва, яго перыядызацыі і тыпалагізацыі, катэгарыяльныя сістэмы даследавання мастацтва, разнастайныя аспекты суадносін сацыяльных і культурных кантэкстаў яго развіцця, актуальнасць класічных паняццяў у сучасным даследаванні мастацтва.

Мэта артыкула – выяўленне і асэнсаванне найбольш актуальных пытанняў узаемадачынення філасофскага і мастацкага дыскурсаў, сукупнасці ўяўных і завуаліраваных узаемасувязяў мастацтва XX стагоддзя і філасофскай думкі, аналіз філасофскіх праблем мастацтва XX стагоддзя, ракурсаў яго філасофскага асэнсавання і ў цэлым сучасных філасофскіх і метадалагічных асноў мастацтва.

Матэрыял і метады. *Метадалогія дадзенага даследавання злучана з метадам сістэмнага падыходу да вывучэння гісторыі мастацтва, структурным аналізам разглядаемага матэрыялу.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *XX стагоддзе стала пераломным у развіцці мастацтва. Ужо на яго пачатку адбыліся змены ранейшых уяўленняў пра сутнасць мастацтва, мастацкую творчасць і месца мастака ў творчым працэсе. Авангарднае мастацтва паўстала як адкрытая філасофска-эстэтычная сістэма, якая ўвабрала ў сябе асноўныя ідэі часу і вызначыла цэнтральныя вектары культурнага развіцця на многія дзесяцігоддзі наперад. Прынцыпова новым для еўраамерыканскай цывілізацыі культурным ландшафтам, што пачаў фарміравацца ў візуальных мастацтвах у 70-я гады XX стагоддзя, быў постмадэрнізм. Паэтыка постмадэрнізму прадэманстравала магчымасць спалучэння мадэрнісцкіх і класічных прынцыпаў і канонаў.*

Менавіта ў XX стагоддзі востра загучалі разважанні пра своеасаблівую метафізіку ўзаемадачыненняў мастацкай і філасофскай думкі. Мастацкая рэальнасць XX стагоддзя моцна паўплывала на тэрміналагічнае поле мастацтва, у якім вялікую ролю адыгралі акрэсленне межаў самога мастацтва і вызначэнне тэрміна “твор мастацтва”. З’яўленне паняцця “актуальнае мастацтва” стала імкненнем выдзеліць наватарскае сучаснае мастацтва, сукупнасць найноўшых мастацкіх практык, арыентаваных не столькі на мясцовы, колькі на міжнародны мастацкі кантэкст.

Далейшыя шляхі развіцця мастацтва XX стагоддзя пацвердзілі тэндэнцыю на шматузроўневае ўзбагачэнне жанравых форм, пазбавілі жанр статусу перыферыйнай з’явы мастацкай практыкі. Шэраг актуальных праблем у развіцці мастацтва разглядаемага перыяду злучаны з камунікацыяй і інтэрпрэтацыяй, дыялогам і, адпаведна, успрыняццем мастацкіх твораў.

Заключэнне. *Шляхі развіцця мастацтва ў XX стагоддзі відавочна сведчаць аб высокім узроўні насычанасці мастацкай прасторы гэтага часу філасофскімі пытаннямі, тэарэтычнымі праблемамі. Для паўнавартаснага ўсведамлення шэрага тэарэтычных праблем узнікае неабходнасць выкарыстання філасофіі як сродку тэарэтычнай рэфлексіі, звароту да яе навуковага апарату і метадалогіі даследаванняў з мэтай асэнсавання фенаменальнай сутнасці мастацтва XX стагоддзя. Арыентацыя на прынцыпы і практычны вопыт тэарэтычнага і філасофскага мастацтвазнаўства таксама павінны стаць прыярытэтным і перспектыўным накірункам даследавання мастацтва XX стагоддзя.*

Ключавыя словы: *філасофія мастацтва, тэорыя і практыка мастацтва XX стагоддзя, мадэрнізм, постмадэрнізм, паэтыка, тэрміны мастацтва, твор мастацтва, актуальнае мастацтва, мастацкі працэс, жанр, вобраз, знак, хранатоп, мова мастацтва, стыль, эксперымент, міфалогія, гульня, свабода творчасці.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 112–123)

Philosophic Foreshortening of the XX Century Art Study

Tsybulski M.L.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

In the late XIX – early XX century special art studies appeared which stated that art can not be considered only from the point of view of inner art issues. The necessity in the study of philosophic aspects of art development, analysis of its links with main features of world outlook and self identification of people of some epoch became more and more evident. Whithin philosophic context, taking into account XX century art practice, some principles of art history, its periodization and typology, category systems of art studies,

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: mtsybulsky@rambler.ru – **М.Л. Цыбульскі**

various aspects of interrelations of social and cultural contexts of its development, currency of classical concepts in the contemporary art studies were reconsidered.

The purpose of the article is identification and understanding most current issues of interrelations of philosophic and art discourses, unity of evident and hidden interelations of XX century art and philosophic thinking, analysis of philosophic issues of XX century art, foreshortenings of its philosophic understanding and, on the whole, contemporary philosophic and methodological bases of art.

Material and methods. *The methodology of the research is connected with the method of system approach to the study of art history, structural analysis of the material under consideration.*

Findings and their discussion. *The XX century has become crucial in the development of art. At its beginning changes of earlier ideas of the essence of art, art creativity and the artist's place in the creative process took place. Vanguard art became an open philosophic and aesthetic system which included main ideas of the time and outlined central vectors of cultural development for further decades. Principally new for Euro-American civilization cultural landscape, which started shaping in visual arts in the 70's of the XX century, was Post Modern. Poetics of Post Modern demonstrated the possibility of unity of Modern and Classic principles.*

It was in the XX century that ideas of special metaphysics of interrelations of art and philosophic thinking sounded loudly. Art reality of the XX century powerfully influenced the terminological field of art in which great role is played by the identification of boundaries of art itself and the term of the piece of art. Emergence of the notion of current art became the intention to single out new contemporary art, unity of newest art practices, which aim at local but mostly international art context.

Further ways of XX century art development confirmed the tendency to multi level enrichment of genre forms, deprived the genre of the status of periphery phenomenon of art practice. A number of topical issues in the development of the art of the considered period are linked with communication and interpretation, dialogue and, correspondingly, perception of art works.

Conclusion. *Ways of the XX century art development testify to the high level of saturation of art space of that time with philosophic questions, theoretical issues. To completely understand a number of theoretical issues it is necessary to apply philosophy as a means of theoretical reflection, addressing its research apparatus and methodology of studies with the aim to understand the phenomenal essence of the XX century art. Orientation at principles and practical experience of theoretical and philosophic art studies also should become a priority direction of the XX century art studies.*

Key words: *philosophy of art, theory and practice of the XX century art, Modern, Post Modern, poetics, terms of art, work of art, current art, art process, genre, image, sign, chronotope, language of art, style, experiment, mythology, play, freedom of creativity.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 112–123)

Ужо ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя з'явіліся спецыяльныя мастацтвазнаўчыя даследаванні, у якіх сцвярджалася, што мастацтва не можа разглядацца толькі з пункту гледжання ўнутрымастацкіх праблем. Усё больш відавочнай станавілася неабходнасць разгляду філасофскіх аспектаў развіцця мастацтва, аналізу яго ўзаемасувязяў з асноўнымі рысамі светапогляду і самасвядомасці людзей той ці іншай эпохі. Наяўнасць падобных даследчых "оптык" у наш час дае магчымасць убачыць глыбінную сутнасць тых ці іншых мастацкіх працэсаў, дазваляе зразумець асноўныя вектары і магістральныя накірункі іх развіцця, раскрывае характар асобных відаў і жанраў мастацтва, стылістычных накірункаў, вобразнасці. У полі зроку мастацтвазнаўства, што даследуе мастацтва мінулага стагоддзя, аказаліся філасофскія праблемы, сярод якіх асэнсаванне сутнасці мастацтва ў кантэксце філасофскіх парадыгмаў, шматлікія тэрміналагічныя пытанні, праблемы вызначэння і класіфікацыі мастацтва, яго інтэрпрэтацыі, камунікацыі, формы і зместу мастацтва, узаемадачыненняў мастацкага вобраза і знака, гульні як формы мастацкай творчасці і многае іншае.

У рэчышчы філасофскага кантэксту з улікам мастацкай практыкі XX стагоддзя перагледаліся і некаторыя прынцыпы гісторыі мастацтва, яго перыядызацыі і тыпалагізацыі, катэгарыяльныя сістэмы даследавання мастацтва, разнастайныя аспекты суадносін сацыяльных і культурных кантэкстаў яго развіцця, актуальнасць класічных паняццяў у сучасным даследаванні мастацтва.

Мэта артыкула – выяўленне і асэнсаванне найбольш актуальных пытанняў узаемадачынення філасофскага і мастацкага дыскурсаў, сукупнасці ўяўных і завуаліраваных узаемасувязяў мастацтва XX стагоддзя і філасофскай думкі, аналіз філасофскіх праблем мастацтва XX стагоддзя, ракурсаў яго філасофскага асэнсавання і ў цэлым сучасных філасофскіх і метадалагічных асноў мастацтва.

У дадзеным даследаванні паэтыка выяўленчага мастацтва мінулага стагоддзя паўстае ў якасці прадмета філасофскага разгляду, які дазваляе асвятліць тыя яго асаблівасці, якія не вызначаюцца пры лакальным мастацтвазнаўчым аналізе.

Матэрыял і метады. Метадалогія гэтага артыкула злучана з метадам сістэмнага падыходу да вывучэння гісторыі мастацтва, структурным аналізам даследуемага матэрыялу.

Вынікі і іх абмеркаванне. ***XX стагоддзе ў развіцці мастацтва.*** XX стагоддзе стала пераломным у развіцці мастацтва. Мастацкая рэальнасць гэтага часу аказалася настолькі выключнай і супрацьлеглай, што яе проста немагчыма асэнсаваць, зыходзячы з традыцыйна прынятых эвалюцыйных уяўленняў. Багаты вопыт мастацкіх практык XX стагоддзя сведчыць не столькі пра пераемнасць у развіцці мастацтва, колькі пра наяўнасць у яго прасторы глыбокіх мутацый.

Адмаўленне ад традыцыйнай сістэмы светаўспрыняцця, супрацьстаянне догмам развіцця мастацтва ўжо ў першай палове XX стагоддзя прывяло да таго, што яно перастала ўспрымацца як адзінае, цэласнае паняцце. Значнай з'явай гэтага часу быў мастацкі авангард, дамінаванне якога ў прасторы мастацтва змяніла яго межы. Узнікненню авангарда, як і фарміраванню яго эстэтыкі, садзейнічалі адкрыцці практычна ва ўсіх сферах навуковых ведаў. Пачатак XX стагоддзя стаў часам змены ранейшых уяўленняў пра сутнасць мастацтва, мастацкую творчасць і месца мастака ў творчым працэсе. Авангарднае мастацтва паўстала як адкрытая філасофска-эстэтычная сістэма, якая ўвабрала ў сябе асноўныя ідэі часу і вызначыла цэнтральныя вектары культурнага развіцця на многія дзесяцігоддзі наперад. Адмаўленне ад большасці традыцыйных эстэтычных і духоўных каштоўнасцяў, ад усяго таго, што ўяўлялася ў мастацтве кансерватыўным, арыентацыя авангарда на эксперыментатарства, татальнае абнаўленне мастацтва, на пошукі новых спосабаў мастацкага выражэння, скіраванасць на арыгінальнасць, элітарнасць сталі адметнымі рысамі паэтыкі авангарда. У авангардзе назіраюцца тэндэнцыі сінтэзу асобных мастацтваў, іх узаемапранікнення, цікавасць да пераадолення міжжанравых межаў, эвалюцыя жанраў, поўнае ці частковае адмаўленне ад існуючых кананічных формаў. У творчасці мастакоў авангарда важнае месца заўсёды займалі тэарэтычныя распрацоўкі, якія нярэдка адлюстроўвалі працэс асэнсавання ўласных эксперыментаў.

Прынцыпова новым для еўраамерыканскай цывілізацыі культурным ландшафтам, што пачаў фарміравацца ў візуальных мастацтвах у 70-я гады XX стагоддзя, быў постмадэрнізм. Ідэі заходнееўрапейскага постмадэрнізму праявіліся ў мастацтве ў першую чаргу ў вызваленні яго ад векавых путаў таталітарнага панавання рацыянальнага. Паэтыка постмадэрнізму прадэманстравала магчымасць спалучэння мадэрнісцкіх і класічных прынцыпаў і канонаў.

У апошняй трэці XX стагоддзя постмадэрнізм ператварыўся ў эстэтычны феномен і філасофію мастацкага жыцця, стаў своеасаблівым знакам змянення свету, арыенціраў, сістэмы каштоўнасцяў. Асновай творчасці ў мастацтве ў гэты гістарычны перыяд становяцца інтэртэкстуальнасць, усеагульная амбівалентнасць, маніпуляванне традыцыямі, радыкальны плюралізм, прынцыповы эклектызм, усёпаглынальная іронія, фрагментарнасць, прынцып цытавання, імітацыі, эпатажу, гульні. Мастацтва эпохі постмадэрнізму дэманструе сваю прыхільнасць да метафарычнай і гратэскнай мастацкай мовы, спецыфічнай вобразнасці. У постмадэрнісцкай прасторы ніводны твор мастацтва не існуе ізалявана, ён падвяргаецца ўплыву з боку ўсёй мастацкай прасторы і, у сваю чаргу, сам уздзейнічае на яе. Постмадэрнізм спараджае новыя віды, жанры мастацтва, сцвярджае плюралізм культурных мадэляў, што выкарыстоўваюцца як раўнапраўныя. Творчасць мастакоў, якія блізкія да ідэй постмадэрнізму, адрозніваецца канцэптуальнасцю і высокай ступенню тэарэтычнай рэфлексіі. Мастацтва постмадэрнізму проста не можа існаваць без аўтарскага каментару. А сам мастак усё часцей не проста выступае тэарэтыкам уласнай творчасці, але і прэтэндуе на ролю філосафа.

Менавіта ў XX стагоддзі востра загучалі разважанні пра своеасаблівую метафізіку ўзаемадачыненняў мастацкай і філасофскай думкі. Збліжэнне мастацтва і філасофіі ў мінулым стагоддзі было настолькі актыўным, што ў некаторых відах творчасці яно нібыта ўвогуле губляла свой асаблівы "фенаменалагічны статус" і патрабавала падтрымкі ў выглядзе філасофскага акта [1].

Узаемадачыненні мастацтва і філасофіі ў XX стагоддзі. Філасофія і мастацтва – два розныя спосабы пазнання свету і самасвядомасці чалавека. З аднаго боку, прынцыпова супрацьлеглыя, з другога – узаемна дапаўняючыя адзін аднаго. Але правесці строгую мяжу паміж гэтымі спосабамі асэнсавання чалавекам свайго месца ў свеце немагчыма. І XX стагоддзе выразна абазначала гэту сітуацыю.

У XX стагоддзі само мастацтва становіцца генератарам ідэй, многія ж філасофскія ідэі пачынаюць літаральна аб'ектывавацца праз розныя формы мастацтва. У апошнім, абвешчаным яшчэ адным сродкам спасціжэння свету, асноўным становіцца не адлюстраванне рэчаіснасці, а стварэнне самастойнай сістэмы, якая раскрывае ўнутраны свет мастака.

Як адзначалася, схільнасць мастакоў да філасофскіх разважанняў – прыкмета часу ўжо ў пачатку XX стагоддзя. Усведамленне неспасцігальнасці сусвету вядзе да з'яўлення шэрага пазіцый і тэарэтычных сістэм, пазбаўленых універсальнай татальнасці і выключнага манапалізму. Многія філасофскія ідэі гэтага перыяду знайшлі ўвасабленне ў мастацтве, у межах якога яны распрацоўваліся і генерыраваліся. Пры гэтым зразумела, што кожная з карцін свету, якія "малююць" у сваім уяўленні мастакі, розная, і адлюстроўваюць яны не свет у цэлым, а тое, што ён азначае для канкрэтнай істоты, якая жыве ў ім [2].

Па-рознаму складаліся ўзаемаадносіны паміж філасофіяй і рознымі відамі мастацтва

ў першай палове XX стагоддзя. Эксперыменты ў галіне мастацкай мовы ў мадэрнізме паступова набывалі статус своеасаблівай “філасофіі мовы”. Мастацтва гэтага часу, арыентаванае на граматыку, на стылістычны плюралізм, спрыяла развіццю тэорыі і філасофіі мастацтва. У сярэдзіне XX стагоддзя ўзаемадачыненні мастацтва і філасофіі становяцца яшчэ больш складанымі. У артыкуле аднаго з заснавальнікаў канцэптуальнага мастацтва Джозефа Кошута “Мастацтва пасля філасофіі” (1969) прысутнічае перакананне, што ў XX стагоддзі “настане канец філасофіі і яе месца будзе займаць мастацтва”.

Мінулае стагоддзе заканамерна прадэманстравала пошукі новага тыпу адносін паміж філасофіяй і мастацтвам. Распрацоўка ў сярэдзіне XX стагоддзя навукоўцамі – біёлагамі, кібернэтыкамі, матэматыкамі, а затым і філосафамі, сацыёлагамі, мастацтвазнаўцамі – тэорыі інфармацыі і метадалогіі сістэмных даследаванняў была заклікана пераадолець “мазаічнасць” вобраза свету, і тым самым быў “рэабілітаваны” ўласцівы класічнай філасофіі сістэмна-цэласны погляд на быццё.

У другой палове XX стагоддзя пра мастацтва пачалі сур’ёзна разважаць як пра своеасаблівую форму інтуітыўнага спасціжэння рэальнасці, пра магчымасці нараджэння новага светапогляду ў рэчышчы мастацтва. Многія еўрапейскія і амерыканскія даследчыкі тэарэтычных асноў мастацтва гэтага часу пачалі называць сябе “філосафамі мастацтва, а свае канцэпцыі адпаведна вызначаць назвай – філасофія мастацтва” [3]. Філасофія мастацтва магла падмяніць тэорыю і само мастацтва. Зусім не выпадкова Т. Адорна сцвярджаў, што “кожны твор мастацтва, каб быць цалкам зразумелым, мае патрэбу ў ідэі і, значыцца, у філасофіі, якая ёсць нішто іншае, як думка, якая не спыняецца ў сваім развіцці” [4]. У сваю чаргу працы філосафаў і тэарэтыкаў постмадэрнізму (У. Эка, Ж.Ф. Ліатара, Ж. Бадрыяра, Ж. Дэлёза, І. Хасана, Р. Рорці, Ж. Дэрыды і шэрагу іншых), іх погляды даюць магчымасць зразумець многае ў галіне мастацтва. Даволі часта ў цэнтры іх увагі аказваліся тэарэтычныя праблемы мастацкай мовы ці мастацтва як мовы з пункту гледжання лінгвістычных і семіятычных аспектаў.

Напрыканцы XX стагоддзя для большасці філосафаў, эстэтыкаў, тэарэтыкаў мастацтва стала зразумелым, што “філасофія мастацтва – гэта не філасофія разважанняў аб мастацтве, а філасофія ў самім мастацтве (...) [5]. А таму філасофія твора змешчана ў ім самім і не з’яўляецца ілюстрацыяй якой-небудзь філасафічнай сістэмы. У той жа час тэксты пра мастацтва сталі падкрэслена філасафічнымі, шмат у чым падобнымі на самі мастацкія творы. Паміж філасофіяй і мастацтвам складаюцца ўзаемаадносіны палілога. Геніяльнай прастатой і даступнасцю, на наш погляд, вызначаецца тлумачэнне ўзаемаадносін мастацтва і філасофіі, прадстаўленае Тэадорам Адорна: “Мастацтва мае патрэбу ў філасофіі, якая б інтэрпрэтавала б яго, каб сказаць тое, што не можа сказаць мастацтва...” [4, с. 108].

Аналізуючы ўзаемадачыненні мастацтва і філасофіі, немагчыма не закрануць і працэс успрыняцця твора мастацтва. Прыкметна, што сёння ў стане філосафа знаходзяцца не толькі мастак, але і глядач. Уводзячы ва ўжытак паняцце “адкрыты твор”, Умберта Эка падкрэслівае, што гэта падштурхоўвае гледача (ці чытача) да разбурэння стэрэатыпаў мыслення, да пабудовы ўласнай мадэлі свету, стварае ўражанне шматзначнасці формы і зместу, уражанне “вечна новай глыбіні” твора [6]. Разглядаючы прынцыпы арганізацыі сучасных мастацкіх твораў, Ж. Дэлёз і Ф. Гватары прапануюць паняцце “шведскі стол”, падкрэсліваючы магчымасць кожнага чытача (гледача) браць з талеркі тое, што яму падабаецца [7].

Філасофскае рэчышча тэрміналагічных праблем. Мінулае стагоддзе надало дыскусійны характар многім аспектам марфалогіі мастацтва. Мастацкая рэальнасць XX стагоддзя моцна паўплывала на тэрміналагічнае поле гэтай галіны, у якім ці не найважнейшымі сталі акрэсленне межаў самога мастацтва і вызначэнне тэрміна “твор мастацтва”. Амаль што на працягу ўсяго XX стагоддзя не існавала адзінага пункту гледжання на тое, што такое мастацтва. Манаполія, якая ў вырашэнні гэтага пытання на працягу стагоддзяў належала еўрапейцам і амерыканцам, была імі страчана. Мастакі розных краін адзін за адным прапаноўвалі свае погляды на тое, што такое мастацтва і якой павінна быць яго мова.

Пошукі мастацтвам у XX стагоддзі новай прасторы былі цалкам арганічнымі. Прыход мастацтва на іншую, не сваю тэрыторыю было мастацкай неабходнасцю, камунікацыяй і правакацыяй адначасова. У мастацтва XX стагоддзя практычна няма не сваёй тэрыторыі, для яго любая тэрыторыя – свая. З іншага боку ў падкрэслена філасафічным ключы сцвярджалася і тое, што сапраўднае мастацтва заўжды існуе на памежжы. Пра гэта пісаў яшчэ М. Бахцін: “Не варта ўяўляць сабе галіну культуры як нейкае прасторавае цэлае, якое мае межы (...). Унутранай тэрыторыі ў культурнай галіны няма: яна ўся размешчана на межах, межы праходзяць паўсюдна (...) Кожны культурны акт істотна жыве на межах: у гэтым яго сур’ёзнасць і значнасць” [8]. З такога пункту гледжання акт творчасці – гэта і ёсць акт пераадолення існуючых у культуры межаў, і

адпаведна акт судакранання з іншымі культурамі, дыялог з імі. Калі з гэтым пагадзіцца, то мы многім абавязаны пераходным эпохам, можа быць, нават усім лепшым, што ў такія эпохі ўзнікае ў мастацтве, а потым ператвараецца ў традыцыю [9]. Гэта ж, безумоўна, датычыцца і мастацтва XX стагоддзя.

У канцы мінулага стагоддзя некаторыя тэарэтыкі ў лепшых традыцыях філасофіі адзначылі адноснасць самога мастацтва. Падтрымку атрымала думка Т. Адорна пра тое, што само права мастацтва на існаванне ўжо не з'яўляецца відавочным і што яно літаральна "смяецца над вербальнай дэфініцыяй" [4, с. 5, 256]. А стан твора мастацтва ў перыяд постмадэрнізму, здаецца, быў даволі трапна прадвызначаны яшчэ ў пачатку XX стагоддзя Джэймсам Джойсам, як "work in progress" (няскончаны твор, твор у стане развіцця (англ.). Менавіта пад такой назвай вядомы ірландскі пісьменнік упершыню надрукаваў свой раман "Помін па Фінегане". Увогуле ў мастацтвазнаўстве сталі з асцярожнасцю выкарыстоўваць універсаліі і разнастайныя канвенцыяльныя нормы ў дачыненні да твораў мастацтва XX стагоддзя. І, разам з тым, з'явіліся новыя тэрміны, многія з якіх вылучаліся нявызначанасцю, сярод іх і было словазлучэнне "актуальнае мастацтва".

Актуальнае поле мастацтва. Вынаходніцтва гэтай дэфініцыі было выклікана жаданнем мастацтвазнаўцаў і даследчыкаў культуры даць адказ на пытанне, што сабой уяўляе сучаснае мастацтва. Жаданнем знайсці тэрмін, які быў бы блізкі да азначэнняў *"contemporary art",* "сучаснае мастацтва", але не быў бы тоесны ім па сэнсе. Асноўнай праблемай для большасці стаў той факт, што мастацтва не стаіць на месцы і не паўтарае сябе, а ўяўляе сукупнасць хранічна зменлівых з'яў, самых разнастайных па форме. А значыць "мастацтва" ўяўляе сабой адкрытае паняцце. На наш погляд, да вызначэння сутнасці мастацтва наблізілася так званая інстытуцыянальная тэорыя, якая пацвердзіла, што істотныя, агульныя рысы мастацтва варта шукаць не ў рэчыўных ці функцыянальных рысах твора мастацтва, а ў асаблівасцях кантэксту, у якім ён з'яўляецца і функцыянуе. Гэтым бліжэйшым культурным кантэкстам мастацтва з'яўляецца яго ўласная мастацкая практыка, інакш кажучы, СВЕТ МАСТАЦТВА.

Паняцце "актуальнае мастацтва" ўзнікла па ініцыятыве саміх удзельнікаў сучаснага мастацкага працэсу з мэтай супрацьпастаўлення традыцыйным формам мастацтва. Актуальным мастацтвам сталі лічыць мастацтва, якое ствараецца ў цяперашні час, наватарскае сучаснае мастацтва (у плане ідэй або тэхнічных сродкаў), сукупнасць найноўшых мастацкіх практык, арыентаваных не столькі на мясцовы, колькі на міжнародны мастацкі працэс і кантэкст. Актуальнае мастацтва ўключае творы розных відаў і жанраў, як матэрыяльныя аб'екты з розных матэрыялаў, так і жэсты, сітуацыі, інтанацыі і г.д. Гэта мастацтва прынята пазіцыянаваць як яркае, свежае, надзённае, кангеніяльнае мастацтва, якое разбурае стэрэатыпы, апярэджвае ўсе іншыя, з'яўляецца вядучым авангардам на авансцэне сусветнага мастацкага працэсу. Зразумела, што актуальнае мастацтва па сваім характары вельмі актыўнае, радыкальнае, часам нават агрэсіўнае. Яно вылучаецца сваім проціпастаўленнем гістарызму, адарванасцю ад будзённай рэальнасці, ад канкрэтнага асяроддзя. Пры гэтым актуальнае мастацтва можа ўключаць адразу некалькі мастацкіх накірункаў, дыяметральна процілеглых творчых метадаў. Сучаснае мастацтва ў цэлым не заўжды актуальнае, тым не менш актуальнае – заўжды сучаснае.

Актуальнаму мастацтву ўласціва генерыраванне новых ідэй, канцэптаў, форм, яно патрабуе ад гледача быць актыўным суаўтарам арт-працэсу. Вялікі ўплыў на актуальнае мастацтва заўжды аказвае развіццё сучасных мастацкіх тэхналогій, выкарыстанне новых тэхнік і прыёмаў. Актуальнае поле мастацтва асабліва выразна і канцэнтравана ўвасоблена ў сутнасці паняцця ***"твор мастацтва"***.

У XX стагоддзі стала практычна немагчымым разважаць аб агульных рысах твораў мастацтва. Эстэтыка, філасофія мастацтва вельмі асцярожна закранаюць праблематыку навейшага мастацтва. Ужо ў 1950-я гады ў амерыканскай эстэтыцы сустракаюцца заявы аб немагчымасці стварэння агульнай тэорыі мастацтваў. Аб невызначальнасці паняцця "твор мастацтва" яшчэ часцей разважаюць у 1980-я гады. Прадстаўнікі даволі парадаксальнай тэорыі мастацтваў – антыэсэнцыялізму, абапіраючыся на мастацкую практыку авангарда, адзначалі, што ніякая задавальняючая тэорыя ўвогуле немагчыма і нават не патрэбная. Многія антыэсэнцыялісты спрабавалі ачысціць мову эстэтыкі і мастацтва ад паняццяў, якія прэтэндавалі на адлюстраванне сутнасці цудоўнага. Яны лічылі, што "твор мастацтва" ёсць культурная з'ява, што не можа быць вызначана з дапамогай тэрмінаў.

Спробы даць намінальную дэфініцыю "твору мастацтва" шляхам вывучэння практыкі мастацтва тым больш аказваюцца няўдалымі. І перш за ўсё таму, што гэта пытанне для кожнай галіны мастацтва XX стагоддзя – вельмі індывідуальнае. Нават у межах аднаго віду мастацтва мы можам убачыць пэўны дыяпазон шкалы каштоўнасцяў. Паколькі твор мастацтва ацэньваецца за яго ўнікаль-

насць, арыгінальнасць, непаўторнасць, то няма і, напэўна, не можа быць ніякіх агульных правілаў адзнакі твора мастацтва. Менавіта адсюль ідзе сцвярджэнне, што ў мастацтве ўсё з'яўляецца "справай густу". Сцвярджэнне дапушчальнае, але ў цэлым, мусіць, памылковае. Паколькі неаргументаваныя аўтарскія адзнакі асабліва нетрывалыя і непераканальныя для гісторыі і часу. Безумоўна, пры вызначэнні твора, яго якасці зусім не павінна ісці размова аб адпаведнасці нейкай рэальнасці ці магчымай рэчаіснасці. Спробы вызначыць станоўчыя, "вартасныя" характарыстыкі (good-making characteristics), па якіх мы можам лічыць аб'ект творам мастацтва, таксама аказаліся не бясспрэчнымі. Акрамя таго не варта забывацца і аб тым, што некаторыя прадстаўнікі так званага авангарда зусім не імкнуліся да таго, каб іх аб'екты лічыліся творамі мастацтва.

У XX стагоддзі творам мастацтва можна лічыць усё тое, што светам мастацтва за такі твор прызнана. Гэта выглядае прыкладна як сцвярджэнне: "Усё з'яўляецца мастацтвам, калі яно выбіраецца мастакамі дзеля таго, каб стаць мастацтвам". У такім кантэксце ў ацэнках мастацкіх твораў удзельнічае сістэма розных мастацкіх, сацыяльных інстытутаў, так званы ARTWORLD. Мы маем права казаць аб тым, добрае гэта ці дрэннае мастацтва, але не можам сцвярджаць, што гэта не мастацтва. І ў гэтым ёсць пэўны сэнс.

У мінулым стагоддзі страцілі сваю "апрыёрную відавочнасць" катэгорыі мастацтва. Межы і сутнасць жанраў, якія доўгі час мелі характар нормы, былі сутнасна размыты практыкай мастакоў XX стагоддзя, скіраванай на асаблівую ўвагу і пагружэнне ў асобны твор. Прыйшло асэнсаванне і пра тое, што чым больш эксперыментаў ставіцца ў мастацтве, тым цяжэй яго акрэсліць з пункту гледжання ўнутранай сутнасці і структуры.

На змену пануючай з часоў Арыстоцеля ў навуцы і логіцы канцэпцыі "паняццяў-субстанцый", скіраваных на непасрэднае адлюстраванне некаторай сутнасці (субстанцыі), у XX стагоддзі прыходзіць канцэпцыя "паняццяў-функцый", дзе кожнае тэарэтычнае паняцце ўяўляе сабой форму каардынацыі асобных фактаў. Сцвярджаючы гэта, вядомы нямецкі філосаф і культуролаг Эрнст Касірэр пераканаўча даказаў, што развіццё навукі ў XX стагоддзі аспрэчыла канцэпцыю "паняццяў-субстанцый", а таму правільна растлумачыць пазнанне можна толькі ўключаючы факты ў складаную сістэму каардынат. Менавіта тады кожны навуковы тэрмін надае гэтым фактам зусім новы сэнс, якога яны не мелі, знаходзячыся па-за гэтай сістэмай. З іншага боку выкарыстанне для інтэрпрэтацыі аднаго і таго ж факту розных сістэм паняццяў прыводзіць да надання яму зусім іншага сэнсу.

Зусім не выпадковым было з'яўленне ў тэрміналагічным полі мастацтва XX стагоддзя тэрміна "паэтыка". Зразумела, што гэта паняцце не было прынцыповай навіной у філасофіі і мастацтвазнаўстве мінулага стагоддзя. Разам з тым ужо ў пачатку мінулага стагоддзя была акрэслена кантэкстная і тэрміналагічная сутнасць гэтага паняцця ў дачыненні да розных відаў мастацтва. Пазней, практычна на працягу ўсяго XX стагоддзя, мастацтвазнаўцы і крытыкі мастацтва ва ўсім свеце, абапіраючыся на розныя крытэрыі, шукалі ўласныя сістэмы ключавых сэнсаў, якія б найбольш дакладна адлюстроўвалі характар мастацтва XX стагоддзя. Прычына ў тым, што ўся гісторыя мастацтва ад мадэрнізму да постмадэрнізму ўяўляе сабой некананічны, неклясічны пласт у сусветнай гісторыі і тэорыі мастацтва. Новыя стылі і накірункі, нязвыклая "алгебра метафар" у творах, не простая для асэнсавання аўтарская мова... Усё гэта стала прычынай таго, што мастацтвазнаўцы не заўжды знаходзілі адпаведныя словы, каб абазначыць імі тую ці іншую з'яву. Але ж адставанне тэрміналогіі ад рэальнай практыкі мастацтва – працэс для гісторыі натуральны. Эстэтыка звычайна канцэнтравала сваю ўвагу пераважна на філасофскіх праблемах і толькі ўскосна займалася мастацтвам. Авангардную ролю ў распрацоўцы асноў тэрміналогіі ў гісторыі мастацтва ва ўсе часы брала на сябе мастацкая крытыка. На пачатку XX стагоддзя мастацкая крытыка была паэтычнай, тлумачальнай і апавядальнай, ужывала звыклую літаратурную мову, зразумелую для большасці. У апошняй трэці XX стагоддзя крытыка пачала больш цікавіцца праблемамі псіхалогіі творчасці, канчаткова перайшла на мову філасофіі і эстэтыкі, стала падкрэслена канцэптуальнай. "Калі ў папярэднія эпохі эстэтыка была цвёрдай упакоўкай мастацтва, яго тэарэтычнай абаронай, то ў постмадэрнісцкі перыяд развіцця мастацтва гэта ўпакоўка стала «мяккай», порыстай, размякла, дэфармавалася, парвалася, не вытрымаўшы націску ўсяго таго, што прэтэндавала ў XX стагоддзі на статус мастацтва" [10]. Тэарэтыкі і гісторыкі мастацтва XX стагоддзя больш арыентаваны на метадалагічны плюралізм, інтэрмадальнасць мастацтвазнаўчага дыскурсу, выкарыстоўваюць пры аналізе мастацкага твора разнастайны метадалагічны інструментарый, інтэграваныя ў адну сістэму навуковыя і мастацкія метады, розныя аспекты семіятычнага аналізу, тэрміналогію філасофіі, лінгвістыкі, музыказнаўства і інш. Асабліва прыцягальным для мно-

гіх даследчыкаў стаў метад стылістычнага структурнага аналізу, з дапамогай якога аналізуюцца як мастацкая мова, так і асаблівасці іканаграфіі, вобразна-сэнсавай арганізацыі твора.

Цікавасць да пытанняў паэтыкі з боку самых розных навук – эстэтыкі, культуралогіі, семіётыкі, мастацкай крытыкі асабліва абудзілася ў 1960-я гады. Нягледзячы на літаратуразнаўчае паходжанне тэрміна, паэтыка пачынае асэнсоўвацца як навука, здольная ўзброіць даследчыкаў розных галін мастацтва эфектыўным інструментарыем. Вызначэнне ж гістарычных каардынат паэтыкі ў мастацтве выяўленчым паспрыяла даследаванню разнастайных аспектаў яго існавання ў часе, этапаў развіцця вобразнасці, мастацкай мовы, марфалогіі жанраў і сюжэтаў, стылістыкі. Сферай структурнага аналізу паэтыкі па сутнасці паўстаюць увесь працэс стварэння мастацкага твора, спосабы яго пабудовы, яго структура, увесь комплекс мастацкіх сродкаў (стыль, сюжэт, кампазіцыя), сродкі стварэння вобраза, спецыфіка жанравых форм і г.д. Пры аналізе паэтычнай структуры твора важнае месца займае даследаванне яго жанравых асаблівасцяў. Аналіз жанравай канструкцыі заключаецца ва ўстанаўленні адзінства паміж семантыкай і марфалогіяй, паміж фармальна-стылістычнымі прыметамі і зместам. Адзінства гэта зусім не лінейнага характару, паколькі жывапіс валодае найбольшай сукупнасцю жанравых структур.

Жанр у XX стагоддзі. У XX стагоддзі сістэма, якая здавалася даволі натуральнай і дапускала ў той ці іншай ступені рухомасць жанравых межаў, паступова станавілася цяжарам для мастакоў, уяўлялася эфемернай і надуманай. Неадпаведнасць рэальнай мастацкай практыкі існуючай тэорыі жанраў станавілася ўсё больш відавочнай. Вызваленне мастацтва ад жорсткіх класічных канонаў і іерархіі жанраў на мяжы XIX–XX стагоддзяў стварае ўмовы для ўзнікнення ідэй безжанравасці. Творчае сціранне межаў паміж жанрамі сцвярджаецца некаторымі даследчыкамі мастацтва як з'ява станоўчая. Крыху пазней з'яўляюцца тэарэтычныя працы, дзе будзе абвешчана, што мастацтва не церпіць ніякіх межаў і ўяўляе вечна шматгранную творчасць "бясконцага духу". А паняцце "жанр" будзе прызнана самай значнай інтэлектуальнай памылкай [11]. Традыцыйныя жанравыя формы пачалі ствараць перашкоды на шляху творчасці і асэнсавання тэндэнцый развіцця мастацтва, і ўсё часцей узнікала натуральная думка аб непатрэбнасці і нават шкоднасці жанраў. Аднак немагчымасць знішчыць гэтыя жанравыя формы на практыцы прыводзіла да таго, што асноўная ўвага накіроўвалася на дыскрэдытацыю "жанру" як тэарэтычнай катэгорыі. Дзеля справядлівасці трэба адзначыць, што ў процівагу такім поглядам існавалі і іншыя, напрыклад, уласцівыя канструктывістам і лефаўцам, арыентаваныя на стварэнне новай іерархіі жанраў, значна абмежаваных колькасна.

Мастацкі вобраз і знак. У XX стагоддзі даследчыкі мастацтва імкнуцца развесці вобраз і выяву. Няправільнасць атаясамлення вобраза і выявы падкрэслівалі прадстаўнікі фенаменалагічнай лініі ў філасофіі, філасофскай дэканструкцыі і семіялагічнага аналізу (М. Мерло-Понці, Ж.-Л. Марьён, М.-Ж. Мондзэн, В. Флюсэр, Ж. Дэрыда, Ж.-Л. Нансі, Р. Барт, Р. Краус і інш.). І разам з тым мастацтва XX стагоддзя канчаткова пераконвае ў тым, што ўніверсальнага метаду ці падыходу да аналізу выяў і вобразаў у мастацтве гэтага часу няма.

На працягу шэрага стагоддзяў у розных стылях, напрамках і жанрах мастацкі вобраз меў свае асаблівасці, валодаў рознай ступенню ўмоўнасці, імкнуўся ці да апавядальнай апісальнасці, ці да метафарычнай асацыятыўнасці і сімволікі, характарызаваўся цэласным духоўным зместам, у якім арганічна злучаны эмацыянальныя і інтэлектуальныя адносіны мастака да свету. Наяўнасць мастацкага вобраза ў беспрадметным мастацтве выклікала сур ёзныя пытанні з боку цэлага шэрага даследчыкаў культуры. Знак вызначаўся ўсяго толькі як прадстаўнік другога аб'екта, як своеасаблівы інтэрсуб'ектыўны медыятр, напоўнены пэўнай інфармацыяй, як дробны элемент структуры мастацкага вобраза, які, між іншым, не мог прэтэндаваць на цэнтральную ролю ў творы. Мастацкі вобраз, у сваю чаргу, не проста абазначаў ці замяшчаў якую-небудзь з'яву, а адлюстроўваў рэальныя якасці аб'екта.

Вопыт семантычнага "прачытання" мастацтва, рух ад вобраза да знака становіцца асабліва актуальным з наступленнем эпохі постмадэрнізму, калі мастак нібыта адмаўляецца тварыць у мастацкіх вобразах і пачынае асэнсавана і першапачаткова працаваць у знакавых. Пры гэтым сцвярджаецца, што "знак мае прынцыпова іншую сутнасную прыроду, чым вобраз, і, адпаведна, іншую сістэму сэнсаў і значэнняў тлумачэння і прагматычнага выкарыстання, а значыць, іншы метад нараджэння знака мастаком" [12]. У 1980-я гады ў постмадэрнісцкай эстэтыцы з'яўляецца тэрмін "сімулякр", які займае месца, што ў традыцыйнай эстэтычнай сістэме належала мастацкаму вобразу. Само слова "сімулякр" вядзе паходжанне ад Платона – і азначае "копію копій", але ўведзенае ў сучасную эстэтыку Ж. Бадрыярам, яно ста-

ла абазначэннем эрзац рэчаіснасці, муляжа, стэрэатыпа, псеўдарэчы, пустой формы. Сімулякр прадэманстраваў адсутнасць вобраза і арыгінала, прадставіў артэфакт, заснаваны на ўласнай рэальнасці. Але, напэўна, лепшае філасофскае тлумачэнне гэтаму тэрміну даў Ж. Дэлёз, абазначыўшы сімулякр як знак, які адмаўляе і арыгінал, і копію, як выяву пазбаўленую падабенства [13]. Як сімвал свабоды ад любых эстэтычных догмаў, як своеасаблівае імкненне пераадолець аднамернасць. Мастакі звяртаюцца да вольных гульняў са знакамі культуры. Актуальнай становіцца дэканструкцыя, не столькі як своеасаблівы метад ці спосаб аналізу мастацкага твора, накіраваны на выяўленне яго сэнсаў, колькі як адметны тып інтэрпрэтацыйнага мыслення. Дэканструкцыя дэкларуе адкрытасць і нявызначанасць, асістэматычнасць і цікавасць да маргінальнага і перыферыйнага.

Дэканструкцыя ў мастацтве пачынаецца з дэканструкцыі знака і арыентуецца не столькі на навізну, колькі на іншаснасць. Пры гэтым ступень арыгінальнасці твора вызначаецца як “ступень свабоды вар’іравання элементамі, камбінавання галактык розных элементаў” [14]. Дэканструкцыя накіравана на спасціжэнне нейкай цэласнасці сістэмы і ўяўляе сабой не разбурэнне, а працэс рэканструкцыі і рэкампазіцыі знакаў. Паколькі ўсе знакавыя сістэмы існуюць дзякуючы розніцы паміж яе элементамі, і кожны знак мае пэўны сэнс, які вызначаецца ў суадносінах з другімі элементамі агульнай сістэмы, дэканструкцыя патрабуе ведання асноў аналізуемай структуры, асаблівасцяў яе складнікаў.

Як для мастака, так і для гледача важным становіцца зусім не тое, як знак выглядае, а тое, што ён азначае. Вольны і нематываваны па сваім характары знак не замяшчае рэч, аб’ект, а хутчэй папярэднічае ёй. Напоўненыя двухсэнсоўнасцямі знакі ў дадзеным выпадку пачынаюць належаць міфу, акрэсліваючы агульнае поле паэтыкі і камунікацыі.

Хранатоп. Знакавым для мастацтва і мастацтвазнаўства ў XX стагоддзі стала з’яўленне тэрміна “хранатоп”. Усведамленне таго факта, што мастацтва пранізана прасторава-часавымі –хранатапічнымі мадэлямі розных ступеняў, многае змяніла ў падыходах да даследавання мастацтва XX стагоддзя. Прастора і час вызначаюць характар мастацтва, паколькі ўяўляюць сабой асноўныя формы, у якіх будуецца жыццё. У творах мастацтва, як і ў тэксце, адбываецца непарыўнае ператварэнне прасторы ў час і часу ў прастору. У гэтых ператварэннях і нараджаюцца тып і сэнс хранатопу. Хранатоп з’яўляецца канструктыўнай формай твора, асноўным элементам яго мастацкай сістэмы, шмат у чым прадвызначае яго жанравыя асаблівасці. У мастацкім творы кожны вобраз у значнай ступені хранатапічны. Хранатоп з’яўляецца зыходнай кропкай, вытокам развіцця сюжэта, які вызначае яго кульмінацыю.

У выяўленчым хранатопе перш за ўсё звяртае на сябе ўвагу адлюстраванне прасторы. Прастора з’яўляецца адной з цэнтральных праблем паэтыкі жывапіснай кампазіцыі. Мастацкая прастора – складаная дынамічная сістэма, звычайна прадстаўленая як адносна канстантнымі рэальнымі прасторавымі каардынатамі, так і акрэсленая суб’ектыўнымі метафарычнымі аўтарскімі контрпунктамі. У XX стагоддзі змяніліся погляды на адлюстраванне прасторы ў мастацтве, адкрыліся глыбокія бездані крывалінейных бясконцасцяў, незлічонае мноства структурных узроўняў са сваімі спецыфічнымі законамі. У мастацтве XX стагоддзя прастора і час перастаюць успрымацца толькі як формы, тоесна злучаныя з сюжэтам, матывам, тэмай. Мастакі ўсё часцей адмаўляюцца ад ілюзіяністычнай прасторы на карысць прасторы аўтарскай.

Другім істотным элементам унутранага свету твора з’яўляецца час. Паэтыка вызначае характар адлюстравання часу і дзеяння ў мастацкім творы. Уменне арганізаваць і “адлюстраваць час” – адна з асноўных задач у стварэнні мастацкай кампазіцыі. Час паўстае у творы як галоўны прадстаўнік суб’екта і, па меркаванні У. Фаворскага, з’яўляецца асабліва важным для стварэння мастацкай формы. Нярэдка ў кампазіцыі прысутнічаюць разнастайныя фрагменты часу, якія ўключаны ў цэласную структуру. Па-за часам немагчыма ніякае паведамленне аб падзеях мінулага і сучаснасці. З іншага боку відавочна, што ўсе ўказанні часу, так ці інакш няпэўныя, не перакладаюцца на мову хроналагічных табліц. Час цячэ па-рознаму ў розных сістэмах адліку, і нават у канкрэтна хроналагічна акрэсленых творах дата не больш чым абстракцыя, паколькі час не цячэ лінейна, няспынна, а адчуваецца і перажываецца цыклічна.

У творах мастацтва час можа быць прадстаўлены як дыяхранічна, з адлюстраваннем развіцця падзей у гісторыі, так і толькі хроналагічна ці фрагментарна дыскрэтна. У творы могуць прысутнічаць гістарычны, каляндарны час, але могуць быць і толькі суб’ектыўныя, аўтарскія часавыя арыенціры. Час можа быць умоўным, рэальным, эпахальным. Неаднароднасць часу вызначае характар яго паэтыкі і адпаведна межы жанру. Канцэпцыя часу прадвызначаецца не толькі рознай трактоўкай падзей, але і кампазіцыйна-рытмічным ладам, колерам, пластычнай выразнасцю. Час па-свойму інтэрпрэтуецца ў канструкцыі таго ці іншага жанру. У творах мастакоў

час нярэдка набывае складаны шматвектарны характар, а важнае месца ў паэтыцы постмадэрнісцкіх твораў належыць рытму.

Мастацкая мова. Адмаўленне ад традыцыйных форм "алфавіта" і спробы стварэння невядомых, альтэрнатыўных мастацкіх моў у пачатку XX стагоддзя прадвызначылі многія сутнасныя змены ў мастацтве гэтага часу. Фармальна-пластычныя навацыі, уласцівыя накірункам, якія ўзніклі ў тыя часы, былі непарыўна звязаны з імкненнем увасобіць новае светаадчуванне, новы погляд на рэальнасць. Жаданне адлюстраваць новую эпоху, новае светаадчуванне, новую рэальнасць было ці не асноўнай прычынай крытычных адносін да традыцыйнай жывапіснай мовы, да існуючых творчых прынцыпаў, да тэхнікі, форм, метадаў працы, матэрыялаў і г.д.

Пачынаючы з 1910-х гадоў пошукі новай мастацкай мовы сталі амаль што нормай для большасці маладых творцаў. Новыя сінтэтычныя віды пластычнай мовы шукалі і вынаходзілі прадстаўнікі самых розных накірункаў мастацтва. Апантанасць стварэння жывапіснай мовы новай эпохі спалучаецца ў гэты час з імкненнем большасці мастакоў знайсці ўласную яе інтэрпрэтацыю. Індывідуальная значнасць мастака пачынае вымярацца ступенню яго навацый менавіта ў мове. У гэтым сэнсе вядомы культуролаг і семіётык Ю. Лотман пісаў аб тым, што ёсць культуры, арыентаваныя на тэкст, а ёсць арыентаваныя на граматыку, на стварэнне новых норм і правілаў, якія можна выкарыстаць для стварэння новых тэкстаў. "Відавочна, што ў пачатку XX ст. граматыка пераважае над тэкстам". Але ў канцы XX стагоддзя адбываецца змена арыентацыі з граматыкі на тэкст. У апошняе дзесяцігоддзе XX стагоддзя пошукі мастацкай мовы перасталі быць самамэтай. Аднак знікла не сама цікавасць да мовы (хутчэй наадварот, можна казаць аб росце яе прыярытэту!), іншай стала расстаноўка акцэнтаў. Мова набыла цікавасць сама па сабе, пачала ўспрымацца незалежна ад вобразнасці, прадэманстравала сваю самадастатковасць.

Стыль у мастацтве XX стагоддзя. Увасабленнем любой мовы ў мастацтве з'яўляецца яго стыль. У XX стагоддзі змяняюцца самі межы трактоўкі паняцця "стыль" і варыянты яго семантычнага прачытання. Стыль як гісторыка-культурны феномен адлюстроўвае ўласцівую кожнай эпосе іерархію каштоўнасцяў, з'яўляецца відавочным знакам адзінства мастацтва. Але стылі ў XX стагоддзі ствараліасобы, а не плыні, на чале якіх стаялі ідэалогіі. Тым не менш ідэя распрацоўкі вялікага стылю ў XX стагоддзі існавала. Але сінтэзу і нараджэння вялікага стылю, які вызначаўся б устойлівасцю прымет, не атрымалася, творчы надрыў так і не прывёў да катарсісу.

Адмаўленне ад усякай місіі мастацтва, ад пафасу і катарсісу, звядзенне ўсяго да тэксту і мовы (што дазваляе прыняцце мастацтва як, напрыклад, гульні ў *постмадэрнізме*) перашкаджае з'яўленню вялікага стылю. Увогуле прызначэнне постмадэрнізму было, быццам бы, у тым, каб пазначыць канец паняцця стылю, і сам постмадэрнізм з'яўляўся бесперапыннай дэкларацыяй гэтай немагчымасці. "Эстэтыка постмадэрнізму гуляе стылямі як маскамі, гэта эстэтыка тэксту, кодам якога з'яўляюцца стылявыя гульні" [15]. Тым не менш, як сцвярджаюць некаторыя даследчыкі, у постмадэрнізме поўнае адмаўленне стылю само з'яўляецца стылем [4, с. 300]. Пераход ад супрацьстаяння стыляў да эстэтычнага эклектызму ў XX стагоддзі становіцца асноўнай моўнай парадыгмай часу.

Эксперымент і феномен гульні ў мастацтве XX стагоддзя. Неад'емнай часткай мастацтва XX стагоддзя стаў эксперымент нягледзячы на тое, што сутнасць гэтага паняцця змянялася. Канцэпцыя мастацкага эксперыменту становіцца відавочнай, арыентаванай у гэты час на бесперапыннасць працэсу абнаўлення мастацтва. На самай справе, наўрад ці ў XX стагоддзі магчыма было мастацтва, якое не эксперыментавала [4, с. 58]. Дадатковы сэнс, які ўкладаецца часцяком у паняцце эксперыменту, узыходзіць да рамантычнай традыцыі з яе культам арыгінальнасці, а таксама да філасофіі мастацтва А. Бэргсана, якая стала галоўным крытэрыем мастацтва ў мадэрнісцкі перыяд.

У XX стагоддзі з'явілася смелая філасофская гіпотэза аб тым, што культура не нараджаецца ў гульні, а ўзнікае як гульня [16]. У гэты час гульня стала сапраўднай сферай жыцця мастацтва. Прытым гульня "прадэманстравала" свае магчымасці не толькі як спецыфічная форма арганізацыі мастацкай дзейнасці, але і як складаная мастацкая і, нават, культурная прастора са сваімі правіламі, сістэмай арганізацыі творчых узаемаадносін, вобразна-сэнсавымі катэгорыямі і г.д.

У мастацтве XX стагоддзя роля гульні настолькі істотная, што без вызначэння яе і асэнсавання ролі мастака ў прасторы "гульнёвай культуры" наўрад ці магчыма зразумець шляхі развіцця мастацтва і яго паэтыку. Асабліва выразна ў мастацтве гульня праяўляе сябе ў якасці механізма выбару стратэгіі творчай самарэалізацыі мастака і, у першую чаргу, як "вольная актыўнасць" (паводле Й. Хейзінгі). Праяве гэтага асабліва каштоўнага для мастацтва фактара спрыяе ў значнай ступені неўтылітарная накіраванасць самой гульні. Да таго ж, "гульня – гэта свайго роду

«свабодная зона»", дзе няма неабходнасці падпарадкоўваць сябе якім-небудзь правілам.

Гульня ў мастацтве выступае як спосаб развіцця мадэліруючага мыслення, прадстаўляе шырокія магчымасці мастакам мінулага стагоддзя для адкрыццяў новага. І таму даследчыкі звязваюць гульню з "парадоксамі навіны" [17]. Менавіта гульня прыадчыняе дзверы ў невядомае, несвядомае, ці, нават, "звышсвядомае", дазваляе творча спасцігаць тое, што непадуладна розуму і логіцы. У мастацтве, як і ў так званых гульнях з няпоўнай інфармацыяй, найлепшым спосабам гульні з'яўляецца яе варыятыўнасць, зменлівасць. І паспяховасць такога шляху для мастака пацвярджае ўся гісторыя мастацтва другой паловы XX стагоддзя.

У розных творцаў, у розных стылістычных накірунках характар і формы "гульнёвага поля", зразумела, розныя. У пачатку XX стагоддзя авангард імкнецца зразумець мастацтва толькі як "гульню". Але "калі ў сістэме авангардызму для таго, хто не разумее гульні, адзінае выйсце – адмовіцца ад яе", то ў сістэме постмадэрнізму, "можна ўдзельнічаць у гульні, нават не разумеючы яе, успрымаючы яе цалкам сур'ёзна" [18]. Дух гульні яскрава выражаны практычна ва ўсіх творцаў постмадэрнізму. Мастакі перастаюць быць не вядомымі гледачу "ў твар" выканаўцамі твораў, аўтарамі якіх ніхто іх не бачыць. Усё часцей яны з'яўляюцца на публіцы, нярэдка выконваюць перад ёй нейкія дзеянні, якія самі часцей за ўсё становяцца творамі мастацтва...

Міфалагемы XX стагоддзя. Адлюстраванне ў мастацтве XX стагоддзя міфаў з'яўляецца яшчэ адным ракурсам, відавочна акумулюючым філасофскія пытанні яго гістарычнага развіцця. Самасвядомасць еўрапейскай культуры ў XX стагоддзі стала відавочнай падставай і выдатным грунтам для развіцця новай хвалі міфалагічнага мыслення. І хоць паводле юнгаўскай канцэпцыі міфатворчасць уяўляе сабой бесперапынны працэс, уласцівы чалавецтву ва ўсе часы, менавіта мінулае стагоддзе стала своеасаблівым апагеем гэтай з'явы. Пашырэнне аб'ёму міфалагічнага мыслення ў XX стагоддзі засведчыла з'яўленне міфа новага тыпу, не столькі цэласнага і эстэтычна аформленага, колькі шырока распаўсюджанага ў выглядзе яго асобных састаўных частак (матываў, першавобразаў, тыпаў, архетыпаў). Міфемы, міфалагемы трывала занялі месца завершаных форм міфаў.

Міфалогію XX стагоддзя нельга адназначна абазначыць як мазаічную ці хаатычную, паколькі "яна валодае сістэматызаванай канцэптуальнай формай" [19]. Сучасныя міфы, як і іх "класічныя продкі", паралельныя ідэям і не з(яўляюцца абстракцыяй, выдумкай ці метафізічнымі пабудовамі. У аснове міфа заўжды імкненне выразіць тыя ці іншыя жыццёвыя патрэбы і памкненні. Але калі старыя міфы былі пераважна носьбітамі свяшчэннага сакральнага сэнсу, сённяшнія – носяць, як правіла, свецкі секулярызацыйны характар.

Сапраўдным "пралогам" да новай эпохі "ўлады міфа" сталі ідэі Ніцшэ, які абвясціў не толькі прыцягальнасць, але і новую канцэпцыю міфа, заснаваную на радыкальным пераглядзе еўрапейскіх прынцыпаў арганізацыі жыцця. Сярод вялікага мноства міфалогій, якія з(явіліся ў XX стагоддзі, можна вызначыць тры асноўныя, вядучыя напрамкі: аўтарытарны міфалагізм, уласцівы таталітарнаму грамадству, прафанны – народжаны масавай культурай і сфарміраваны авангарднай свядомасцю авангардны міфалагізм. Пры ўсіх адрозненнях навейшых міфалагем іх збліжае адна з адной і са старажытнымі міфалогіямі функцыянаванне ў іх архетыпаў, абыякавых да індывіду ці яму супрацьпастаўленых, персаніфікацыя ўлады сацыяльных законаў, псіхалагічных інстынктаў ці касмічных стыхій [20].

Фенаменалогія аўтарскай пазіцыі і свабода творцы. Мастацтва ў XX стагоддзі ў сваіх прыярытэтах пачало аддаляцца ад тысячагадовага вопыту чалавецтва і з галіны прафесійнага майстэрства перамясцілася ў галіну паводзін мастака... Пазіцыя і "імідж" мастака сталі важным і неабходным структурным элементам складанага механізма стварэння і функцыянавання мастацтва. Узрасла цікавасць да асэнсавання "свабоды творчасці" мастака. Але выраз "воля ў мастацтве" на некаторых этапах развіцця мастацтва XX стагоддзя выходзіў за межы эстэтыкі і мастацтвазнаўства і набываў палітычнае і ідэалагічнае адценне. Разуменне свабоды творчасці ў такім шырокім кантэксце заўсёды адлюстроўвае пануючыя ў грамадстве палітычныя і філасофскія погляды на свабоду чалавека наогул, дае магчымасць глабальна асэнсаваць ролю грамадства і дзяржавы ў рэалізацыі творчага патэнцыялу мастака.

Менавіта ў XX стагоддзі пытанні свабоды развіцця мастацтва сталі шмат у чым вызначаць яго характар і кірункі развіцця. Ці не самымі вялікімі барацьбітамі за свабоду творчасці былі прадстаўнікі андэграўндная мастацтва, мастакі-нонканфармісты. Пытанні творчай свабоды асабліва востра ўспрымаліся таксама прадстаўнікамі авангарднага мастацтва. Увогуле пытанні свабоды мастацкай творчасці фактычна сталі водападзелам паміж дзвюма ідэалагічна супрацьлеглымі сістэмамі, паміж вольным і таталітарным мастацтвам.

Камунікацыя і інтэрпрэтацыя. Нягледзячы на тое, што ніводны твор мас-

тацтва нельга апісаць і растлумачыць у катэгорыях камунікацыі, выяўленчае мастацтва камунікатыўнае па сваёй сутнасці. Пра гэта ўсё часцей пачалі разважаць асабліва ў XX стагоддзі дзякуючы шматлікім семіятычным даследаванням, тоесна злучаным з тэорыяй інфармацыі. Ужо ў пачатку мінулага стагоддзя шэраг мастацтвазнаўцаў, і ў першую чаргу прадстаўнікі так званай "Венскай школы мастацтвазнаўства", вызначалі мастацтва як паведамленне і пачалі разглядаць яго як шматслойную сістэму фармальных і змястоўных канвенцый і значэнняў. Такім чынам, кожны асобны твор мастацтва паўставаў як паведамленне, якое выражана ў рэчышчы пэўнай знакавай сістэмы (мастацкай мовы), знаёмай і зразумелай для той ці іншай колькасці адрасатаў.

У апошняй трэці XX стагоддзя камунікатыўныя функцыі мастацтва праявіліся асабліва выразна, а яго інфармацыйны патэнцыял перасталі бачыць толькі ў межах яго апавядальнага сюжэта. Мастацтва пачало разглядацца як інфармацыйнае поле, якое па сваёй важнасці і велічыні значна шырэйшае за простую сукупнасць вобразна-стылістычных рыс твора. Вялікая цікавасць да псіхалогіі візуальнага ўспрыняцця ў XX стагоддзі аб'яднала намаганні многіх даследчыкаў і асабліва была ўласцівая прадстаўнікам так званых Венскай і Франкфурцкай школ.

Важны аспект камунікатыўнай ролі мастацтва схаваны ў балансаванні твора мастацтва на мяжы паміж немагчымасцю яго зразумець і імкненнем гледача да гэтага. Прыкметна, што часам для ўспрыняцця твора мастацтва XX стагоддзя патрабуецца значна больш часу, чым было патрачана на яго стварэнне. У кантэксце камунікатыўных функцый мастацтва варта адзначыць, што кожны твор мастацтва прадстаўляе гледачу роўна столькі інфармацыі, колькі ён здольны ўзяць. Магчымасці мастацкага твора нараджаць розныя прачытанні вобраза сталі звыклымі для сучаснага мастацтва. Твор перш за ўсё становіцца выразным штуршком для свядомасці і падсвядомасці гледача, і ўжо самі мастакі не адмаўляюць таго, што ім хацелася б, каб карціна чыталася на розных узроўнях. Уменне гледача пазбягаць аўтаматычнага выкарыстання напрацаваных масавай камунікацыяй прыёмаў, здольнасць быць незалежным у сваіх меркаваннях і ўспрыняцці дазваляюць яму найбольш адэкватна ўспрыняць твор мастацтва. А пашырэнне камунікатыўных функцый мастацтва надае яму новыя магчымасці ў рэалізацыі дыялогу творцы і рэцыпіента.

У XX стагоддзі стала зразумела, што мастацтва гэтага перыяду мае сур'ёзную патрэбу ў філасофскім асэнсаванні як пэўных твораў, так і мастацкіх метадаў. Мастацтва пачалі разглядаць як практыку філасофіі, а філасофію як тэарэтычны апарат мастацтва. Пры гэтым было зразумела, што філасофскія ідэі ў мастацтве XX стагоддзя далёка не заўжды ляжаць на паверхні, а часцей прадстаўлены ў імпліцытнай форме і патрабуюць спецыяльнага аналізу.

Працэс інтэрпрэтацыі практычна тоесны працэдуры надання сэнсу аб'екту мастацтва. Пры гэтым працэс інтэрпрэтацыі складаецца з двух этапаў. Спачатку выконваецца першасная інтэрпрэтацыя ў рамках настолькі агульнай сістэмы ўяўленняў, што яна здольная ахапіць любы матэрыяльны аб'ект, а ўжо затым выконваецца інтэрпрэтацыя асэнсаванага аб'екта ў межах больш цвёрдай сістэмы, якая надае аб'екту больш вызначаны і багаты сэнс [21].

Пытанне інтэрпрэтацыі можна лічыць лёсавызначальным для мастацтва XX стагоддзя. Звяртаючыся да аналізу твора мастацтва ў шматлікіх плоскасцях, філосафы і мастацтвазнаўцы бяруць на сябе ролю інтэрпрэтатараў тых ці іншых аўтарскіх канцэпцый. Ствараючы своеасаблівы іканаграфічны каментар, які з'яўляецца канчатковай мэтай інтэрпрэтацыі твора мастацтва, даследчык становіцца саўдзельнікам творчага працэсу, які дадае ўласнае тлумачэнне сэнсу той ці іншай мастацкай формы. Аб неабходнасці такога падыходу Г. Зельдмайр пісаў яшчэ ў першай палове XX стагоддзя, а ў другой палове падобная практыка становіцца агульнапрызнанай і агульнапрынятай.

У апошняй трэці XX стагоддзя мастацтвазнаўства пачало канчаткова пазбаўляцца ад наіўных меркаванняў аб мастацтве і творчасці, перайшло на мову філасофіі і эстэтыкі, стала падкрэслена канцэптуальным. Культуралагічныя і мастацтвазнаўчыя даследаванні гэтага перыяду насычаны тэорыямі і стратэгіямі, суадносяцца з сумежнымі дысцыплінамі. У сваю чаргу лакальныя даследаванні часам пашыраюць свае межы настолькі, што пачынаюць перасякацца і аб'ядноўвацца. Для большасці крытыкаў у XX стагоддзі канчаткова становіцца зразумелым, што твор мастацтва, як і творчасць яго аўтара, трэба разглядаць зыходзячы з уласна прынятых ім правілаў. Такім чынам, пошукі глыбіннай сутнасці зусім не ёсць галоўная задача крытыкі: "крытыка ўстанаўлівае толькі пэўную лагічна арганізаваную сістэму – «валіднасць»" [22]. Дыялектыка ўзаемаадносін суб'ектыўнага і аб'ектыўнага пачаткаў – адна з цэнтральных праблем крытыкі. Безумоўна, любое крытычнае выказванне – гэта, у першую чаргу, выяўленне ўласнай пазіцыі крытыка як асобы. Але між тым суб'ектыўнасць кры-

тыка – з'ява даволі абмежаваная. Памыляецца той, хто лічыць, што мастацкі крытык можа пісаць усё, што яму прыйдзе ў галаву. За кожным словам крытыка стаіць цэлы свет, як сцвярджаў Г. Бёль, адзначаючы, што "той, хто піша артыкул у газету, прыводзіць у рух цэлыя міры". Сапраўды, менавіта ў XX стагоддзі становіцца зразумелым, што "судзіць твор мастацтва – справа такая ж цяжкая і такая ж адказная, як судзіць твор навукі і філасофіі" [23].

Заключэнне. Разгледзеўшы магчымыя філасофскія ракурсы аналізу розных аспектаў развіцця мастацтва XX стагоддзя, мы паспрабавалі звярнуць увагу на важнасць і асаблівую запатрабаванасць падобнага роду даследаванняў. Мы не ставілі на сваёй мэце адлюстраванне ўсёй сукупнасці актуальных філасофскіх праблем у мастацтве мінулага стагоддзя, паколькі зрабіць гэта у адным артыкуле практычна немагчыма. У сваім даследаванні ў першую чаргу абапіраліся на працы тых філосафаў, культуролагаў, тэарэтыкаў мастацтва, чые арыгінальныя ідэі аказаліся запатрабаванымі часам, прароцкімі ці найбольш выразна адлюстравалі тыя ці іншыя тэндэнцыі ў мастацтве XX стагоддзя.

Шляхі развіцця мастацтва ў XX стагоддзі відавочна сведчаць аб высокім узроўні насычанасці мастацкай прасторы гэтага часу філасофскімі пытаннямі, тэарэтычнымі праблемамі. Для паўнавартаснага ўсведамлення шэрага тэарэтычных праблем узнікае неабходнасць выкарыстання філасофіі як сродку тэарэтычнай рэфлексіі, звароту да яе навуковага апарату і метадалогіі даследаванняў з мэтай асэнсавання фенаменальнай сутнасці мастацтва XX стагоддзя.

Арыентацыя на прынцыпы і практычны вопыт тэарэтычнага і філасофскага мастацтвазнаўства таксама павінна стаць прыярытэтным і перспектыўным накірункам даследавання мастацтва XX стагоддзя. Асаблівай увагі патрабуе даследаванне жывапісу апошняй трэці XX стагоддзя. Засвоены журналістыкай мастацтва, ён пакуль што застаецца па-за межамі агульнай гісторыі і сённяшняй ўспрымаецца як сучаснае мастацтва, а не як факт мастацтва мінулага. Неабходным і метадалагічна мэтазгодным з'яўляецца сістэмна-філасофскі аналіз, у якім мастацтва паўстае не як сукупнасць шматлікіх фактаў, форм і спосабаў творчай дзейнасці, а як сістэмна-цэласнае адзінства. Менавіта ў гэтай сваёй якасці яно можа і павінна быць асэнсавана і інтэрпрэтавана. Такую задачу здольная і закліканая вырашыць толькі філасофія, паколькі яна мае справу з падобнага маштабу цэласнымі культурнымі пластамі і сістэмнымі аб'ектамі.

Літаратура

1. Danto, A.C. The philosophical disenfranchisement of art / A.C. Danto. – New York, 1986.
2. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 324.
3. Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология: пер. с англ. / под ред. Б. Дземидока и Б. Орлова. – Екатеринбург: Деловая книга, 1997. – С. 14.
4. Адорно, В.Т. Эстетическая теория / В.Т. Адорно. – М.: Республика, 2001. – С. 377.
5. Мамардашвили, М. Беседы о мышлении / М. Мамардашвили // «Мысль изреченная». – М.: Рос. открытый ун-т, 1991.
6. Эко, У. Открытость произведения искусства / У. Эко // Некоторые проблемы современной зарубежной эстетики: сб. пер. и реф.: в 2 ч. – М., 1976. – Ч. 2. – С. 26.
7. Deleuze, G. Mille Plateaux / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris: Minuit, 1980.
8. Бахтин, М. К эстетике слова / М. Бахтин // Контекст-1973. – М., 1974. – С. 265.
9. Хренов, Н.А. Опыт культурологической интерпретации переходных процессов / Н.А. Хренов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. – М.: Наука, 2002. – С. 14.
10. Маньковская, Н. Эстетика постмодернизма / Н. Маньковская. – СПб., 2000. – С. 309.
11. Кроче, Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Б. Кроче. – М., 1920. – С. 130.
12. Лён, С. Шамякин М: От концептуализма к рецептуализму / С. Лён // Декоративное искусство. – 1998. – № 1–2. – С. 29.
13. Делёз, Ж. Платон и симулякр / Ж. Делёз // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 49.
14. Барт, Р. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. – С. 388.
15. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. – С. 422.
16. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М., 1992.
17. Эпштейн, М.Н. Парадоксы новизны / М.Н. Эпштейн. – М., 1988. – С. 276–303.
18. Эко, У. Заметки на полях «Имени Розы» / У. Эко // Иностранная литература. – 1988. – № 10. – С. 115.
19. Кассирер, Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 29.
20. Eliade, M. Mythes, r(ves et myst(res / M. Eliade. – Paris, 1989. – S. 18–19.
21. Евлампиев, И.И. Метафизические исследования // Понимание. – СПбГУ, 1997. – Вып. 1. – С. 142.
22. Барт, Р. Критика и истина / Р. Барт // Избранные работы: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 117.
23. Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – С. 188.

Паступіў у рэдакцыю 13.12.2016 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'373.2(470.4)

XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья»

Дорофеенко М.Л., Мезенко А.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Русская ономастика как комплексная наука о происхождении и развитии имен собственных имеет длительную историю. Большое значение для ее поддержки и становления в XX–XXI вв. сыграли международные научные конференции «Ономастика Поволжья».

В XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (13–16 сентября 2016 г.), состоявшейся на базе Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского приняли участие представители Витебской ономастической школы – А.М. Мезенко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания профессор (ВГУ имени П.М. Машерова) и М.Л. Дорофеенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков (ВГУ имени П.М. Машерова).

Конференция имеет долгую историю: традиция проведения престижного ономастического форума зародилась в 1967 г. «Ономастика Поволжья» – заметное научное событие, что подтверждается широким освещением в научной литературе и составом именитых участников. В 2016 г. на конференции собрались ономатологи из 41 города России. Зарубежные ученые из Азербайджана, Беларуси, Индонезии, Казахстана, Польши и Украины, начинающие исследователи из Китая, Вьетнама, Туркменистана, Франции (студенты и магистранты, обучающиеся в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И.Н. Ульянова) представили 22 доклада.

В рамках конференции состоялось два пленарных и восемь секционных заседаний («Теория и методология ономастических исследований», «Проблемы антропонимики», «Проблемы топонимики», «Вопросы микротопонимики и урбанонимики», «Ономастическая периферия и ономастическое пограничье», «Литературная и фольклорная ономастика», «Педагогические аспекты ономастики», «Ономастика в восприятии начинающих исследователей»).

Учеными обсуждались актуальные проблемы, как традиционные для науки об именах собственных, так и новые, характеризующие особенности современного состояния и развития ономастики. Доклады вызвали живой интерес участников конференции и собрали многочисленную аудиторию; это еще раз подтверждает, что XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» сумела сохранить и поддержать высокий научный уровень этого ономастического форума и продемонстрировать основные тенденции развития ономастики в XXI веке.

Ключевые слова: *антропоним, виконим, международная научная конференция, ономастика, топоним, урбаноним.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 125–129)

XV International Scientific Conference «Onomastics of the Volga Region»

Darafeyenka M.L., Mezenka H.M.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

Russian onomastics as a complex science about the origin and development of proper names has long history. Great role for its support and shaping in the XX–XXIst centuries was played by the International Scientific Conferences «Onomastics of the Volga Region».

The representatives of Vitebsk Onomastics School – A.M. Mezenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General and Russian Linguistics, professor (Vitebsk State P.M. Masherov University) and M.L. Dorofeyenko, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of World Languages (Vitebsk State P.M. Masherov University) participated in the XV International Scientific Conference «Onomastics of the Volga Region» (September 13–16, 2016) which took place in the Arzamas Branch of National Research N.I. Lobachevski State University of Nizhniy Novgorod.

The conference has a long story: the tradition of holding a prestigious onomastics forum arose in 1967. «Onomastics of the Volga Region» is a prominent scientific event that is confirmed by extended coverage in scientific literature and the list of eminent participants. In 2016 onomastics linguists from 41 cities of Russia gathered at the Conference. Foreign scholars from Azerbaijan,

Адрес для корреспонденции: e-mail: mari008@mail.ru – **М.Л. Дорофеенко**

Belarus, Indonesia, Kazakhstan, Poland and Ukraine, the beginning researchers from China, Vietnam, Turkmenistan, France (the students and undergraduates studying at the Ulyanovsk State Pedagogical I.N. Ulyanov University) presented 22 reports.

Within the conference two plenary and eight section meetings «Theory and Methodology of Onomastic Researches», «Anthroponomical Issues», «Toponymical Issues», «Issues of Microtoponymics and Urbanonymics», «Onomastics Periphery and Onomastic Border Zone», «Literary and Folklore Onomastics», «Pedagogical Aspects of Onomastics», «Onomastics in Perception of Researchers Beginners» took place.

Urgent issues, both the traditional for the science of proper names, and new, characterizing features of the current state and development of the science of onomastics, were discussed at the Conference. The reports attracted keen interest of conferees and collected huge audience; it confirms that the XV International Scientific Conference «Onomastics of the Volga Region» managed to keep and support the high scientific level of this onomastics forum and show the main tendencies of development of onomastics in the XXIst century.

Key words: *anthroponym, viconym, International Scientific Conference, onomastics, toponym, urbanonym.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 125–129)

Славянская ономастика – наше общее духовное отечество, объединяющее миллионы людей. На ученых-ономатологов возложена важная миссия – приумножать и беречь сокровища истории и культуры, содействовать распространению знаний об именах собственных славян.

Русская ономастика как комплексная наука о происхождении и развитии имен собственных имеет длительную историю. Большое значение для ее поддержки и становления в XX–XXI вв. сыграли международные научные конференции «Ономастика Поволжья».

С 13 по 16 сентября 2016 г. в Арзамасе на базе Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского состоялась XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья».

Традиция проведения данной конференции зародилась в 1967 г. в Ульяновске по инициативе известного ученого В.А. Никонова. В 2016 г. на юбилейной XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» собрались ономатологи из 41 города России. Зарубежные ученые из Азербайджана, Беларуси, Индонезии, Казахстана, Польши и Украины, начинающие исследователи из Китая, Вьетнама, Туркменистана, Франции (студенты и магистранты, обучающиеся в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И.Н. Ульянова) представили 22 доклада. «Ономастика Поволжья» – заметное научное событие, что подтверждается широким освещением в научной литературе [1–5].

На очередной ономастической конференции в Арзамасе собрались представители многих стран. Это свидетельствует о том, что:

– и в XXI в. ономастика сохраняет свое значение как отдельное ответвление гуманитарных наук;

– и в XXI в. не уменьшается, а, наоборот, растет интерес к славянской ономастике;

– сохраняют актуальность многие традиционные проблемы славянской ономастики;

– существует необходимость сохранения и поддержания славянской идентичности;

– есть люди, неравнодушные к проблемам поддержки и распространения знаний об именах собственных в мире.

Белорусские ученые-ономасты направили в оргкомитет конференции четыре доклада, два из которых были представлены в Арзамасе. Статья доктора филологических наук, профессора А.М. Мезенко (учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», *Витебск*) «Классическая цветовая триада в зеркале урбанонимии» прозвучала на пленарном заседании. Автор выявила особенности отражения цветов классической триады в системе названий внутригородских объектов. Кандидат филологических наук доцент М.Л. Дорофеенко (учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», *Витебск*) выступила на заседании секции «Вопросы микротопонимики и урбанонимики» с докладом «Виконимное семантическое поле “локализация”»: особенности структуры», в котором определила состав семантического поля «локализация», установила его основные конституенты и ядерно-периферийные отношения. В сборник материалов, изданный к началу конференции и содержащий 127 статей [6], включены научные труды доктора филологических наук, профессора учреждения образования «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины» (*Гомель*) А.Ф. Рогалева («Волжские булгары и Белая Русь (историко-топонимические наблюдения)») и аспиранта учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (*Витебск*) А.С. Марудовой «Мотивация и источники номинации домашних животных в Белорусском Поозерье».

В рамках научного форума состоялось два пленарных заседания, на которых были представлены доклады, посвященные проблемам как теоретической, так и практической ономастики. Н.В. Васильева (*Москва*) исследовала онома-

стическую норму, рассмотрев ее сквозь призму грамматического и прагматического аспектов имен собственных. В.И. Супрун, А.В. Данилов (*Волгоград, Санкт-Петербург*) определили типичные модели образования двусоставных имен в различных индоевропейских языках. А.М. Мезенко (*Витебск*) изучила особенности репрезентации классической цветовой триады *белый – красный – черный* в системе названий внутригородских объектов. Л.А. Климкова (*Арзамас*) проанализировала факты, свидетельствующие об истоках этнических перемещений, обусловивших особенности языкового компонента историко-культурной зоны Окско-Волжско-Сурского междуречья. Т.Б. Радбиль (*Нижний Новгород*) изучил возможности личных имен выступать в качестве знаков и символов культуры. Г.Ф. Ковалёв (*Воронеж*) установил специфику функционирования названий улиц Воронежской области. Определению исторической основы региональных топонимических словарей было посвящено исследование В.Л. Васильева (*Великий Новгород*). А.А. Кузнецов (*Нижний Новгород*) выявил особенности и закономерности советской топонимии в современной России. С.А. Мызников (*Санкт-Петербург*) презентировал первичный анализ прозвищ, зафиксированных в русских диалектах и в «Словаре русских народных говоров».

На секции ***«Теория и методология ономастических исследований»*** ученые-ономатологи обсуждали тенденции модного выбора и модного изобретения имени собственного (О.В. Врублевская, *Волгоград*), происхождения и этимологии топонимов Булгар и Сувар (А.К. Шапошников, *Москва*), изучения тюркского корня и характеристики типов односложных корневых основ (А.Г. Шайхулов, *Уфа*), метаязыкового статуса субстандартных единиц в ономастике (С.А. Журавлёв, *Йошкар-Ола*).

Результаты исследования личных имен и фамилий были представлены на секции ***«Проблемы антропонимики»***. В.О. Максимов (*Москва*) разработал новый подход к определению вариативности фамилий, предложил виртуальную 3D-модель их плана содержания, позволяющую схематически изобразить процесс актуализации его компонентов в ходе различных актов речевой коммуникации. Л.П. Батырева (*Шуя*) изучила состав антропонимов в эпистолярных текстах середины XX в. и определила причины вариативности имен собственных. В докладе Э.Н. Акимовой и Т.И. Мочаловой (*Саранск*) установлены особенности функционирования онимов в русских говорах Республики Мордовия. А.А. Кузнецов (*Нижний Новгород*) рассмотрел исторический, текстологический и ономастический аспекты этимологии имени *Георгий* в Лаврентьевской летописи. И.М. Ганжина (*Тверь*) проанализировала антропонимическое пространство средневекового города на материале «Дозорной книги города Твери 1616 года». Исследованию прозвищ посвятили свои выступления А.В. Гузнова (*Княгинино*, *Нижегородская область*) и В.В. Шаповал (*Москва*).

Секция ***«Проблемы топонимики»*** объединила доклады, посвященные различным разрядам названий географических объектов. Е.Ф. Галушко (*Ульяновск*) осветила проблемы изучения топонимов Ульяновского региона. Н.В. Беленов (*Самара*) проанализировал архаичную индоевропейскую гидронимию Среднего Поволжья с точки зрения времени ее формирования, структуры и этноязыковой принадлежности. Т.Е. Баженова (*Самара*) выявила региональные особенности лексико-семантических и топонимических систем, номинирующих природные реалии самарского Поволжья. Доклад М.Н. Сербул и Б.А. Борзых (*Шуя*) посвящен расшифровке гидронима *Шуя* на основе анализа географических карт Северной Евразии и словарей языков населяющих ее народов. На материале названий водных объектов А.С. Щербак (*Тамбов*) рассмотрела «мордовские элементы», имеющие общефинно-угорские истоки в современной топонимии Тамбовской области.

Секция ***«Вопросы микротопонимики и урбанонимики»*** состояла из нескольких блоков. Первый был посвящен неофициальной ономастической лексике (микротопонимам), а второй – официально функционирующим именам собственным (урбанонимам и виконимам). Е.В. Цветкова (*Кострома*) исследовала «глагольные» конструкции в костромской микротопонимии. А.М. Ибрагимова, В.В. Бокова и Н.А. Кичикова (*Элиста*) изучали микротопонимию Яшкульского района Республики Калмыкия. Городское ономастическое пространство стало объектом исследования в докладах Р.В. Разумова (*Ярославль*), рассмотревшего посвящения писателям, поэтам и литературным критикам в урбанонимии Российской Федерации; Л.Ю. Кодыневой (*г. Боровичи, Новгородская область*), проанализировавшей основные географические апеллятивы, обозначающие нелинейное пространство; Т.П. Соколовой (*Москва*), представившей феномен прецедентности в нейминге на примере названий жилых комплексов как специфической составляющей урбанонимного пространства. В поле зрения С.В. Рябушкиной (*Ульяновск*) попали различные разряды онимов. Ученым определены особенности денумеральных собственных имен, используемых в качестве официальной и неофициальной номинации. Сельской онимии был посвящен

доклад М.Л. Дорофеенко (*Витебск*): автором исследована структура виконимного семантического поля «локализация», сформированного при помощи названий, отражающих специфику расположения внутрисельского объекта.

В рамках секции ***«Ономастическая периферия и ономастическое пограничье»*** обсуждались малоизученные имена собственные. Наибольшее количество выступлений было посвящено коммерческой ономастике: Т.П. Романова (*Самара*) выявила особенности отражения ценностных ориентиров современного потребителя в российской прагматонимии на материале марочных номинаций конфетно-шоколадной продукции; Н.Е. Петрова и А.О. Семочкина (*Нижний Новгород*) проанализировали названия кафе, содержащие прецедентные имена сферы «литература и искусство» и определили прагматические функции прецедентных имен; Е.В. Захарова (*Ульяновск*) и Н.А. Митрофанова (*Уральск, Казахстан*) установили особенности номинации пунктов общественного питания Ульяновска. Объектом исследования стали названия жителей населенных пунктов (М.В. Ахметова, *Москва*), наименования алкогольных напитков с компонентом *Иван* (Л.А. Феоктистова, С.О. Горяев, *Екатеринбург*), мифонимы в говорах Нижегородской области (Е.Ю. Любова, *Арзамас*).

На секции ***«Литературная и фольклорная ономастика»*** рассматривались имена собственные в художественных текстах: антропонимы романов В.И. Костылева через призму хронотопа (Е.С. Медведкова, *Тольятти*), отантропонимические образования в произведениях о Великой Отечественной войне (Т.В. Демидович, *Волгоград*), историко-литературный и региональный аспекты сочетания «барский сад» (Т.В. Чумакова, *Арзамас*), антропонимы в произведениях русских и английских писателей XIX в. (Г.Т. Безкоровайная, *Москва*).

Секция ***«Педагогические аспекты ономастики»*** включала доклады методической направленности: И.В. Крюкова (*Волгоград*) обосновала возможность использования имен собственных в качестве материала для лингвистического анализа при изучении основных разделов социолингвистики; Л.В. Козлова (*Орёл*) подняла вопрос об определении целей и содержания работы по изучению ономастики в начальной школе; Л.В. Филиппова (*Арзамас*) на материале «Русской азбуки» проанализировала необходимые для формирования коммуникативных умений и универсальных учебных действий младших школьников дидактические и воспитательные возможности ономастической лексики.

В работе новой для форума ономатологов секции ***«Ономастика в восприятии начинающих исследователей»*** приняли участие магистранты и студенты из Арзамаса, Кулябак, Китая, Туркменистана, Франции. В круг интересов молодых ученых вошли микроантропонимические пространства и виконимы говоров сел Нижегородской области, антропонимы и библионимы в художественных произведениях, особенности функционирования различных разрядов топонимов.

На XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» состоялись заседания восьми секций. В центре внимания ученых-ономатологов оказались проблемы теории и методологии исследования имен собственных, антропонимики, топонимики (микротопонимики, урбанонимики, виконимики), литературной, фольклорной и переводческой ономастики, вопросы изучения ономастической периферии и ономастического пограничья, педагогические аспекты ономастики. Стоит отметить, что в этом году отдельная секция объединила доклады начинающих исследователей – школьников и студентов.

В рамках конференции прошел мастер-класс «Ориентиры лингвистического поиска на современном этапе» доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного университета В.К. Харченко, на котором студенты, магистранты и аспиранты историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ узнали, как правильно выбрать объект исследования, грамотно структурировать научную работу, какой методики придерживаться при ее написании.

На конференции обсуждались актуальные проблемы, как традиционные для науки об именах собственных, так и новые, характеризующие особенности современного состояния и развития ономастики.

Многие доклады вызвали живой интерес участников конференции и собрали многочисленную аудиторию. Все это свидетельствует о том, что XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» сумела сохранить и поддержать высокий научный уровень этого ономастического форума и продемонстрировать основные тенденции развития ономастики в XXI веке.

Важно, что за время работы конференции ее участники смогли не только обсудить актуальные научные проблемы, но и познакомиться с достижениями арзамасских ученых в области ономастики, узнать об истории и культуре Арзамасского края, наладить дружеские и деловые контакты, что будет содействовать развитию международного сотрудничества и взаимодействию в научной сфере.

Завершился ономастический форум круглым столом «Арзамасский край в истории и культуре народов России». В нем приняли участие приехавшие на конференцию ученые, а также ведущие лингвисты, историки и географы региона. На заключительном заседании выступили руководители секций и члены оргкомитета с отчетом о работе, были подведены итоги конференции, принята ее резолюция, а также предложены перспективы дальнейших исследований. С приглашением на следующую XVI Международную научную конференцию «Ономастика Поволжья» обратилась председатель ее оргкомитета – кандидат филологических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова С.В. Рябушкина (*Ульяновск*).

Литература

1. Разумов, Р.В. XIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» / Р.В. Разумов // Яросл. пед. вестн. – 2013. – Т. 1 (Гуманитарные науки), № 2. – С. 281–287.
2. Супрун, В.И. XIII Международная конференция «Ономастика Поволжья» / В.И. Супрун // Вопросы языкознания. – 2013. – № 4. – С. 157–159.
3. Крюкова, И.В. Ономастика Поволжья: верность традициям / И.В. Крюкова / Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 10(95). – С. 155–158.
4. Врублевская, О.В. XIV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» / О.В. Врублевская // Вопросы ономастики. – 2014. – № 2(17). – С. 131–133.
5. Супрун, В.И. XIV Международная конференция «Ономастика Поволжья» / В.И. Супрун // Вопросы языкознания. – 2015. – № 4. – С. 145–146.
6. Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф., Арзамас, 13–16 сент. 2016 г. / Арзамасский филиал ННГУ; редкол.: Л.А. Климкова [и др.]. – Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. – 529 с.

Поступила в редакцию 14.11.2016 г.

УДК 81’373.612.2’42:34

Языковая репрезентация концепта НАКАЗАНИЕ

Виноградов И.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Общество нуждается в некотором сдерживающем факторе, которым может стать четкое представление о наказании как корректирующем инструменте воздействия на поведение человека.

Цель статьи – изучение когнитивных признаков концепта НАКАЗАНИЕ и языковых средств его репрезентации.

Материал и методы. *Материалом исследования является язык Уголовного кодекса Республики Беларусь, романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, романа «Американская трагедия» Т. Драйзера. При этом применялись следующие методы: наблюдение, описание языковых средств выражения концепта НАКАЗАНИЕ, их анализ.*

Результаты и их обсуждение. *В статье анализируется концепт НАКАЗАНИЕ: лексическая репрезентация в англоязычном, русскоязычном художественном и юридическом дискурсах. Изучается смысловой объем и выделяются когнитивные признаки концепта НАКАЗАНИЕ. Рассматривается взгляд на наказание в юриспруденции, социологии, психологии, философии. Концепт НАКАЗАНИЕ является важным элементом русской и английской национальных концептосфер. Исходя из анализа энциклопедических и толковых словарей, мы выделили признаки наказания: (1) следствие вины; (2) страдание; (3) возмещение; (4) средство сдерживания; (5) мера воздействия за содеянный поступок, налагаемая имеющим право, власть, силу; (6) месть; (7) урок; (8) испытание. Для славянских народов изначально представления о наказании были связаны с воздействием через слово. Английская лексема punishment исторически является однокоренной со словом pain (боль).*

Заключение. *Концепт НАКАЗАНИЕ – структура с постоянным набором существенных признаков, что согласуется с функцией этого концепта – он призван ограничивать действия отдельных индивидов в интересах социума. Когнитивные признаки концепта НАКАЗАНИЕ динамичны и определяются, в том числе, типом сознания.*

Ключевые слова: *наказание, юридический дискурс, художественный дискурс, концепт, языковые средства, когнитивные признаки.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 130–134)

Language Representation of the Concept of PUNISHMENT

Vinogradov I.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

Society needs a deterrent factor, which can be a clear view on punishment as a corrective tool of influence on human behavior.

The aim of the research is the study of cognitive signs of the concept of PUNISHMENT and linguistic means of its representation.

Material and methods. *The material of the research is the language of The Criminal Code of the Republic of Belarus, of the novel «Crime and Punishment» by F.M. Dostoevsky and of the novel «An American Tragedy» by T. Dreiser. The following methods: observation, description of language means of expression of the concept of PUNISHMENT and their analysis have been used during the research.*

Findings and their discussion. *The article deals with the concept of PUNISHMENT: lexical representation in English, Russian belles-lettres and legal discourses. The semantic volume and the cognitive signs of the concept of PUNISHMENT are singled out and examined. Opinions on the punishment in jurisprudence, sociology, psychology, philosophy are studied. The concept of PUNISHMENT is an essential element of Russian and English concept spheres. On the bases of the analysis of encyclopedia and dictionaries we have singled out the following features of punishment: (1) consequence of guilt; (2) suffering; (3) compensation; (4) measure of influence for the done action, entitled by a person or people, who have power, strength; (6) revenge; (7) lesson; (8) trial. Originally ideas about punishment were associated with exposure through the word for the Slavic peoples. The English lexeme of punishment is historically single-rooted with the word pain.*

Conclusion. *The concept of PUNISHMENT is a structure with a constant set of essential features, which coordinate with the function of this concept – it is intended to restrict the actions of individuals for the benefit of society. The cognitive features of the concept of PUNISHMENT are dynamic and are determined by the type of consciousness.*

Key words: *punishment, legal discourse, belles-lettres discourse, concept, language means, cognitive features.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 130–134)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ilia-vinogradov@tut.by – **И.А. Виноградов**

Изучение средств языкового выражения и описания смыслового объема культурологически значимых концептов крайне важно для понимания специфических особенностей каждой национальной культуры и для успешного взаимодействия различных культур. Актуальность исследования концепта НАКАЗАНИЕ объясняется важной ролью наказания в современном мире с его весьма нечеткими границами между добром и злом, моралью и аморальностью, нравственностью и сиюминутной выгодой. Общество нуждается в некотором сдерживающем факторе, которым может стать четкое представление о наказании как корректирующем инструменте воздействия на поведение человека.

Цель статьи – определение когнитивных признаков концепта НАКАЗАНИЕ и языковых средств его репрезентации.

Материал и методы. Материалом исследования являются языковые средства выражения наказаний, которые используются в Уголовном кодексе Республики Беларусь, романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, романе «Американская трагедия» Т. Драйзера, толковые словари. При этом применялись следующие методы: наблюдение, описание языковых средств выражения концепта НАКАЗАНИЕ, их анализ для определения признаков концепта НАКАЗАНИЕ.

Результаты и их обсуждение. Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь «наказание – принудительная мера уголовно-правового воздействия, применяемая по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающаяся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного» [1, с. 28]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова приводится следующее определение: «Наказание – мера воздействия против совершившего преступление, проступок» [2, с. 483–484].

В современном юридически ориентированном сознании концепт НАКАЗАНИЕ тесно связан с концептами ПРЕСТУПЛЕНИЕ (наказание есть проявление преступления, т.е. одна из двух взаимообусловленных половин целого), ПРАВО, ГОСУДАРСТВО и ОБЩЕСТВО. В наказании как негативной реакции общества на нарушение общезначимых запретов и мере воздействия на лицо, преступившее запрет, воплощается не только юридическая оценка деяния как общественно опасного, но также и признание этого лица субъектом права, находящегося с государством в уголовно-правовых отношениях.

В социологии концепт НАКАЗАНИЕ рассматривается в тесной связи с концептами ПРЕСТУПЛЕНИЕ и ПООЩРЕНИЕ. В социологии объектом наказания чаще всего является преступник, нарушивший те или иные общественные запреты либо определенную норму и испытывающий на себе вследствие этого негативное воздействие со стороны той или иной части социума. В отличие от юридической трактовки вектор исследовательского интереса направлен не в прошлое или настоящее (причины и способы наказания), а в будущее (роль наказания в процессе реабилитации преступника, его дальнейшей адаптации в обществе и формирования социально приемлемого поведения). Социология также изучает и другую ситуацию наказания, когда объектом является не преступник, а ребенок: концепт НАКАЗАНИЕ реализуется в другом сценарии, в котором на первый план выходят ассоциативные связи с таким концептами, как ВОСПИТАНИЕ, УГРОЗА, ЗЛО, СТРЕСС, а также СОГЛАСИЕ (чтобы наказание имело эффект, наказываемый должен быть согласен с тем, что он виноват и подлежит наказанию).

В психологии когнитивные признаки концепта НАКАЗАНИЕ: контроль, угроза, стимул, тревога, страх, устранение (нежелательного поведения), коррекция, реакция, запрет. В психологии, как и в социологии, вектор исследовательского интереса направлен в будущее: цель наказания – коррекция поведения. При этом признается невысокая эффективность этого инструмента в отношении влияния на психику и модели поведения человека.

В философии когнитивные признаки концепта НАКАЗАНИЕ связаны с тем, что считается целью наказания: предотвращение потенциальных преступлений или желание поквитаться с обидчиком. К когнитивным признакам концепта здесь относятся угроза, ограничение, устрашение, предотвращение. Концепт НАКАЗАНИЕ тесно связан с такими ключевыми концептами, как СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СВОБОДА, ВОЛЯ, ЗАКОН, ЗЛО, ДОБРО, НРАВСТВЕННОСТЬ, СОВЕСТЬ.

Для славянских народов изначально представления о наказании были связаны с воздействием через слово, что подтверждается внутренней формой слова наказание (однокоренные слова сказать, указ, наказ). Английская лексема punishment исторически является однокоренной со словом pain (боль) и поэтому изначально содержит в себе идею физического страдания. Только в русскоязычных контекстах встречается отождествление субъекта речи и субъекта наказания: английской языковой личности свойственно дистанцирование себя от ситуации наказания.

Концепт НАКАЗАНИЕ играет важную роль в создании целостной картины мира. Он несет в себе коллективное знание: результат воздействия того или иного события на че-

ловека, положительную или отрицательную оценку этих событий и т.д. Мы считаем концепт НАКАЗАНИЕ социо-оценочным. Этот концепт требует для своего формирования определенных условий: во-первых, наличия системы конвенциональных правил; во-вторых, оценки социумом поведения человека относительно той или иной системы норм; в-третьих, реакции человека на эту оценку [3, с. 383].

Лексема *наказание* является наиболее нейтральной, однозначной и не несет в себе сниженных или разговорно-бытовых коннотаций. Исходя из анализа энциклопедических и толковых словарей, мы выделили признаки наказания: (1) следствие вины; (2) страдание; (3) возмещение; (4) средство сдерживания; (5) мера воздействия за содеянный поступок, налагаемая имеющим право, власть, силу; (6) месть; (7) урок, поучение, вразумление, наставление, воспитание; (8) испытание.

В романе Теодора Драйзера «An American Tragedy» («Американская трагедия») используются следующие языковые средства для выражения концепта НАКАЗАНИЕ: *to arrest* – арестовать; *capital punishment* – смертная казнь; *the chair* – электрический стул; *death* – смерть*; death sentence* – смертная казнь; *discovery by the police* – поймает полиция; *execution* – казнь; *jail* – тюрьма; *to kill* – убить; *life imprisonment* – пожизненное заключение; *mental, physical and spiritual suffering* – нравственные, телесные и душевные муки; *the police* – полиция; *the police were in pursuit and might even find them at any minute* – полиция преследует их и может в любую минуту захватить здесь; *prison* – тюрьма; *pursuit by the police* – преследование полиции; *sentence* – смертная казнь; *the sting and mental poison* – боль этих страданий; *shut within that restraining cage* – запирали в эту тесную клетку; *terrible chair* – страшный стул; *that cap was adjusted to his head – the current turned on* – надели на голову шлем ... и дан был ток; *will have to go through that door* – войду в ту дверь и др.

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» лексема *наказать* и ее дериваты встречаются всего 4 раза, лексема *возмездие* – 1 раз. Данный факт позволяет предположить, что в тексте романа концепт НАКАЗАНИЕ выражается на ином, невербальном уровне. Наказание Родиона Раскольникова не является чем-то внешним, назначаемым извне: оно глубоко слито с героем, оно в его душе, в припадках страха и в душевной боли, в которых сказывается пробуждение совести. Лексема *сознание* употребляется в тексте романа 18 раз, лексема *совесть* и ее производные – 31 раз, *душа* и ее производные – 101 раз. В романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского ключевыми когнитивными признаками концепта НАКАЗАНИЕ являются муки, страдание, совесть (последний признак можно считать индивидуально авторским).

В Уголовном кодексе Республики Беларусь встречаются следующие языковые средства для выражения концепта НАКАЗАНИЕ: *арест; административный арест на срок до пятнадцати суток; бесплатный труд в пользу общества; возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему; денежное взыскание; заключение в тюрьме; исправительные работы; конфискация имущества; лишение свободы; направление лица в лечебно-трудовой профилакторий; общественные работы; ограничение свободы; пожизненное заключение; принудительное лечение; расстрел; смертная казнь; уголовная ответственность; штраф* и др.

Ситуация наказания выглядит следующим образом: *субъект наказания – тот, кто наказывает, делает что-то плохое объекту наказания (тому, кого наказывают) в ответ на что-то плохое, совершенное объектом наказания*. Следовательно, наказание невозможно без оценивания субъектом наказания поступка объекта наказания.

Возможно совпадение субъектов оценки и наказания – тот, кто выносит негативное суждение, определяет и последствия. Объектом оценки выступает действие человека, а объектом наказания – тот, кто совершил действие. Под субъектом наказания и оценки подразумевается представитель социума: лицо, часть социума или социум в целом. Общество является носителем нравственных норм, в нарушении которых проявляется индивидуализм, стремление выделиться, достичь определенной цели незаконным способом. Социум порождает системы социальных ценностей, определяет категории добра и зла, хорошего и плохого. Поведение участников социального образования контролируется обществом, а наказание как феномен, основанный на социальном опыте, способствует соблюдению нарушенных правил, которые предназначены для успешного функционирования общественной системы как объединения индивидов.

Субъект и объект оценки так же, как субъект и объект наказания, находятся в отношениях иерархии или статусных отношениях: Бог – человек, большинство (общество) – меньшинство (индивид), родители – дети и т.д. Значение социального статуса велико, так как это естественное явление, возникшее в процессе развития человечества. В истории развития человеческого общества выбор предводителя служил целям обеспечения интересов группы. Важной ролью социального статуса в общественной жизни объясняет-

ся широкая представленность этого явления в языке. В ситуации, предшествующей наказанию, субъект оценки при вынесении оценки подчеркивает свой статус, так как ценности имеют общественную значимость, и, давая оценку, индивид тем самым присваивает себе право представлять общество.

Если деяние человека названо преступлением, значит, высказана негативная оценка. Вина связана с оцениванием поступка человека им самим или окружающими. Вина является элементом сознания и самосознания личности, т.е. представляет собой обвинение самого себя. Так, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» имеет место констатация человеком своей вины. Родион Раскольников после нравственных мытарств признается в убийстве:

Раскольников отвёл рукой воду и тихо, с расстановками, но внятно проговорил: – Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру её Лизавету топором и ограбил [4, с. 568].

Исходя из анализа элемента *вина*, представляется целесообразным обратиться к феномену оценки. Оценочные структуры характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью. Отмечается прагматический характер оценки, она предназначена для воздействия на адресата и имеет своей целью вызвать у адресата определенное психологическое состояние [3, с. 386]. Оценочное отношение человека к действительности выражается в том, что оценка не может существовать вне предметной ситуации; она отражает нормы, существующие в конкретный исторический период и в конкретной социальной среде; оценка корректирует действие или поведение индивида.

Помимо таких феноменов, как воля и совесть, тем, что возвращает поведение человека к норме, является и феномен наказание. Но наказание есть уже *следствие* неразумного поведения как результат оценки этого поведения и сравнения его с нормой.

Нормы – это совокупность наиболее полезных поведенческих ситуаций, выделенных в процессе развития общества. Социальная функция норм – обобщать и регулировать множество конкретных ситуаций общения. Функцией наказания является ограничение деятельности, служащей незаконным интересам отдельных индивидов. Наказание способствует социокультурной эволюции – сохранению и движению общества вперед.

В романе «Американская трагедия» Т. Драйзера совпадают негативные оценки разных людей поступка Клайда Грифитса, так же как и в романе Ф.М. Достоевского прослеживается негативное отношение героев романа к поступку Родиона Раскольникова. Можно говорить о совпадении ценностей разных групп общества, что позволяет индивидам успешно взаимодействовать друг с другом. Наказание достигает своей цели, преступник сожалеет о содеянном.

Важно подчеркнуть, что невозможно вычленить «чистые» нормы, которые бы встречались только в определенном сообществе, поскольку каждый индивид входит в различные большие и малые группы, каждая из которых оказывает влияние на мировоззрение индивида. Нормы сообщества являются тем, к чему «возвращает» наказание. Они играют роль «границ» человеческого поведения, сдерживают его. Следовательно, признак *средство сдерживания* является одним из признаков концепта НАКАЗАНИЕ. В идеале одна лишь мысль о наказании должна удержать человека от правонарушения.

Минимально необходимой языковой единицей, способной представить содержание нормы, является предложение. Соответственно концептуальная схема правовой нормы не может оказаться синтаксически более простой, чем форма предложения. Произвольное множество простых предложений, конституирующих правовую норму, можно преобразовать в единственное сложное, нисколько не теряя в содержании соответствующей правовой нормы. Последнее означает достаточность формы предложения для адекватного представления всякой правовой нормы: *Лицо, совершившее финансирование террористической деятельности, освобождается от уголовной ответственности по настоящей статье, если оно своевременно заявило о содеянном и (или) иным образом способствовало предотвращению акта терроризма и выявлению этого преступления* [1, с. 166].

Признак концепта НАКАЗАНИЕ *возмещение* является существенным в представлении концепта. В одних случаях наказание как возмещение воспринимается на основе рациональной оценки и без всяких эмоций. В других случаях невозмещенная вина ощущается человеком в виде неудовлетворения, пустоты, боли. Возмещение этих ощущений наказанием является важным в психике человека, в его самооценке, в ощущении себя как личности. Смертная казнь Клайда Грифитса не вернет Роберту, но родители Роберты и общество убеждены, что убийцу нужно казнить: *And then the crowd surging out but only to wait at the courtroom door in order to glimpse, as he passed out, Mason, who now, of all the figures in this case, was the true hero – the nemesis of Clyde the avenger of Roberta* [5, с. 849]. – Толпа кинулась к выходу, но задержалась здесь, ожидая, пока выйдет Мейсон, ибо из всех, кто был причастен к этому делу, именно Мейсон оказался настоящим героем: он покарал Клайда, отомстил за Роберту! [6, с. 350].

Можно считать наказание естественной потребностью как общества в целом, так и каждого отдельного индивида как представителя этого общества. Постоянное соседство в языке понятий «преступление» и «наказание» является, по-видимому, отражением объединения этих феноменов в сознании человека (название романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского).

Соответствие наказания преступлению является нормой как в юридической, так и в художественной литературе. Наказание принимается Родионом Раскольниковым как справедливое искупление.

Наказание может быть слишком суровым или слишком мягким. Т. Драйзер не стремится превратить Клайда в законченного злодея и вместе с тем не оправдывает его. Общество во время суда над Клайдом Грифитсом настроено против Клайда и считает, что он заслуживает смертной казни: *And with that the crowd bursting into three resounding huzzahs – which Clyde in his sell could clearly hear and the same time sense the meaning of. They were cheering Mason for convicting him. In that large crowd out there was not one who did not believe him totally and completely guilty* [5, с. 850]. – И толпа разразилась троекратным громовым «ура». Клайд в камере услышал крики и хорошо понял, что это означает. Они приветствуют Мейсона за то, что он добился обвинительного приговора. В громадной толпе нет ни одного человека, который не считал бы Клайда полностью виновным [6, с. 351].

Физические наказания являются одним из видов наказаний. Они связаны с сильными эмоциями – переживаниями боли, унижения, обиды. Перспектива такого наказания, которое неотвратимо, наглядно, ощутимо физически, может предотвратить определенные поступки, заставив задуматься о последствиях.

Необходимое условие моральных действий – сила воли, без которой невозможно осознание и поддержание моральных ценностей. Многие системы ценностей отводят ей центральное место.

Нормы поведения могут определяться как взглядами и ценностями общественной группы, так и представлениями о добре и зле одного человека. Границы нормы для Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» определяются выстраданной Раскольниковым в гордом одиночестве теорией. Согласно этой теории все окружающие разделяются на «материал» и «особенных людей», которые имеют право разрешить своей совести проливать кровь «обыкновенных», если этого требует исполнение их идей, вероятно спасительных для всего человечества. По мнению Раскольникова, убийство старушки может быть заглажено добрыми делами (помощь матери), которые можно совершить после получения материальных благ старушки.

Ф.М. Достоевский не описывает в романе «Преступление и наказание» подробно процесс духовного возрождения Раскольникова. Но контуры такого возрождения очерчены ясно и отчетливо. Наказание Родиона Раскольникова не является чем-то внешним, назначенным извне: оно глубоко слито с героем, оно в его душе, в тех припадках страха и в той душевной боли, в которых сказывается пробуждение совести. Осознав скрытый смысл, реальную сущность и неотвратимую гибельность своей идеи, главный герой испытывает спасительные угрызения совести и готовность к покаянию: *Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально* [4, с. 586].

Заключение. Концепт НАКАЗАНИЕ – структура с постоянным набором существенных признаков, что согласуется с функцией этого концепта – он призван ограничивать действия отдельных индивидов в интересах социума как субъекта иного порядка. Концепт НАКАЗАНИЕ является оценочным концептом и соотносится в сознании с нормами, которые определяют различные социальные слои и группы. Когнитивные признаки концепта НАКАЗАНИЯ динамичны и определяются, в том числе, типом сознания. В юридическом, социологическом, психологическом, философском типах сознания изучаемый концепт имеет как интегральные (страдание, страх), так и дифференциальные когнитивные признаки. Языковые средства, используемые для репрезентации концепта НАКАЗАНИЕ в Уголовном кодексе Республики Беларусь, отличаются от языковых средств, используемых в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и романе «Американская трагедия» Т. Драйзера. С одной стороны, актуализируются новые лексемы, а с другой – не используются синтаксически окрашенные.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изменениями и дополнениями, внесенными Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2014. – 304 с.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: около 53.000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. профессора Л.И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство “Мир и образование”», 2006. – 1200 с.
3. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
4. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание: [роман] / Ф.М. Достоевский. – М.: Эксмо, 2015. – 608 с.
5. Dreiser, Th. An American tragedy / Th. Dreiser. – Puntnam Inc, 2003. – 972 p.
6. Драйзер, Т. Американская трагедия: роман: в 2 ч. / пер. с англ. З. Вершининой, Н. Галь; вступ. ст. Я. Засурского. – Минск: Беларусь, 1985. – Ч. 2. – 432 с.

Поступила в редакцию 08.11.2016 г.

УДК 808.56:001.11:811.161.1

Метакоммуникативный компонент в структуре институционального дискурса

Чалова О.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», Гомель

В статье рассматриваются основные аспекты функционирования метакоммуникативных речевых действий, представленных в одном из самых востребованных жанров институционального дискурса – научной дискуссии. При этом под метакоммуникативным действием понимается любой вербальный комментарий относительно речевого сообщения коммуниканта.

Цель статьи – классифицировать метакоммуникативные действия с учетом ряда коммуникативно-прагматических критериев.

Материал и методы. *Материал исследования – стенограммы 20 научных дискуссий по различным дисциплинам (2000–2015 гг.); методы – коммуникативно-прагматический анализ, трансформационный анализ.*

Результаты и их обсуждение. *Наблюдения за функционированием метакоммуникативных речевых действий в научной дискуссии позволяют сделать вывод о наличии большого числа разновидностей изучаемого феномена. Так, с точки зрения роли в развитии научного диалога метакоммуникацию целесообразно подразделять на оценочную и безоценочную (регулятивную и эпистемическую). В свою очередь оценочная метакоммуникация не является однородной и выступает в виде позитивно-, негативно- и позитивно-негативнооценочной. В то же время эпистемическая метакоммуникация имеет такие варианты, как обобщение, корректирование и редактирование, номинирование и пр., а регулятивная также реализуется с помощью нескольких приемов – передачи речевой инициативы, взятия инициативы и т.д. Кроме того, метакоммуникативные действия могут квалифицироваться в отношении других параметров: способа реализации цели (прямые и косвенные), характера реплик, на которые они ориентированы (рефлексивные и нефлексивные) и др.*

Заключение. *Таким образом, метакоммуникация является неотъемлемым компонентом научного дискурса, т.к., выполняя целый ряд самых разных прагматических задач, она играет исключительно важную роль в организации научного диалога (способствует правильной интерпретации смысла сообщений, аранжированию речевых вкладов коммуникантов, выражению отношения участников общения к предмету обсуждения).*

Ключевые слова: *научный диалог, метакоммуникация, стимулирующие и реактивные реплики, прагматическая функция, оценочность, мена коммуникативных ролей, эксплицитность и имплицитность.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 135–140)

Meta-communicative Component in the Structure of Institutional Discourse

Chalova O.N.

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel

The article considers the aspects of functioning meta-communicative speech acts, found in one of the most demanded genres of institutional discourse – scientific discussions. By meta-communicative acts, we mean any verbal commentary about speech message of the speaker.

The purpose of the work is to classify meta-communicative acts according to several pragmalinguistic criteria.

Material and methods. *The research is based on transcripts of 20 scientific discussions in different subjects (2000–2015).*

The methods of the research include pragmalinguistic analysis as well as transformational analysis.

Findings and their discussion. *The analysis of the functioning of meta-communicative acts in scientific discussions allows us to see a great number of types and kinds of the phenomenon under study. Therefore, meta-communication in scientific dialogues should be divided into axiological and non-axiological, the latter being subdivided into regulatory and epistemic meta-communication. Axiological meta-communication in its turn is not homogeneous and is represented by positive, negative, and positively-negative acts. At the same time epistemic meta-communication has such variants as generalization, correction and editing, qualifying acts, etc., while regulative meta-communication is revealed in a few ways: giving the communicative initiative, taking the initiative and so on. Besides, meta-communicative acts can be characterized according to other parametres: the way of the realization of the pragmatic aim (direct and indirect acts), the types of message which are characterized by meta-communicative realization (reflexive and non-reflexive), etc.*

Conclusion. *Thus, meta-communication is inherent part of scientific discourse, as, performing a number of different pragmatic tasks, it plays an extremely important role in organizing scientific dialogue (helps to interprete the message in*

*Адрес для корреспонденции: e-mail:*oksana-chalova@mail.ru – **О.Н. Чалова**

a proper way, to arrange verbal contributions of the speakers, to express the participants' attitude towards to problems under discussion).

Key words: *scientific dialogue, meta-communication, initiative messages and responses, pragmatic function, axiology, the exchange of communicative roles, explicitness and implicitness.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 135–140)

Под ***метакоммуникацией*** целесообразно понимать любое вербальное сообщение о форме и/или содержании как речевого взаимодействия в целом, так и конкретного высказывания в частности (*Это интересное и важное наблюдение. Я закончил формулирование основных тезисов первого пункта, и, если есть какие-то вопросы, то я могу на них сейчас ответить. Я продолжу мысль Ирины Дмитриевны. Вы мне задали вопрос и сами только что на него ответили. Я Вам дам слово позже*), что в полной мере соответствует емкому определению М.Л. Макарова, согласно которому метакоммуникация – это «коммуникация по поводу общения» [1, с. 98].

Повышенный интерес лингвистов к метакоммуникации [2–6] объясняется той важной ролью, которую метакоммуникативные речевые действия играют в процессе вербального взаимодействия: выполняя ряд значимых функций (комментирование, корректирование, уточнение и характеристика высказывания, регуляция речепроизводства, проверка понимания сообщения и др.), они помогают структурировать общение, анализировать содержание речи, формулировать отношение коммуникантов к предмету обсуждения и под., организуя, таким образом, речевое взаимодействие и повышая его эффективность.

Особое место метакоммуникативные речевые действия занимают в институциональном дискурсе (юридическом, политическом, деловом, научном и др.). Это связано с тем, что институциональный дискурс, участники которого общаются в заданных рамках статусно-ролевых отношений, предполагает большую или меньшую степень регламентированности и ритуализованности речевого взаимодействия, четкие ролевые, субординативные и этикетные нормы и правила, а следовательно, требует от своих участников регулярного использования дополнительных вербальных «усилий» (метакоммуникативных речевых действий), отвечающих за аранжирование речевых вкладов, как собственных, так и партнера по общению.

Одной из самых востребованных (с лингвистической и социальной точки зрения) разновидностей институциональной коммуникации является научный дискурс, в частности такой его жанр, как ***научная дискуссия (НД)***, под которой следует понимать процесс речевого взаимодействия представителей научной общественности с целью обсуждения (острополемического или «мирного») и решения научной проблемы. Научные дискуссии разворачиваются, как правило, на научных форумах – научной конференции, научном семинаре, защите диссертации и др., протекают в реплицирующем режиме, т.е. представляют собой диалог в узком смысле.

Именно научная дискуссия и будет находиться в фокусе нашего последующего анализа, основные ***задачи*** которого сводятся к тому, чтобы прояснить специфику реализации метакоммуникативной составляющей НД; уточнить, какие реплики (стимулирующие, ответные или ответно-стимулирующие) носят метакоммуникативный характер чаще, чем другие; выделить функциональные и другие разновидности метакоммуникативных речевых действий в научном дискурсе и некоторые др.

Решение этих вопросов может позволить проникнуть в глубинные основы управления коммуникативными процессами, понять механизм возникновения и активизации институционального дискурса.

Цель статьи – классифицировать метакоммуникативные действия с учетом ряда коммуникативно-прагматических критериев.

Материал и методы. Материалом исследования послужили стенограммы русскоязычных устных научных дискуссий, разворачивающихся на 20 научных форумах (по гуманитарным и естественным наукам, а также по медицине), проведенных в период с 2000 по 2015 г.

Основной метод исследования – коммуникативно-прагматический анализ, а также элементы трансформационного анализа.

Результаты и их обсуждение. ***I. Структурные типы реплик, имеющие метакоммуникативное оформление.*** В структурном отношении любой диалог, в том числе и научный, представляет собой последовательность реплик, которые можно разделить на три основных типа:

– ***стимулирующие*** – реплики, побуждающие собеседника к совершению речевого действия;

– ***ответные*** – реплики, в той или иной степени удовлетворяющие информационные запросы собеседника;

– ***ответно-стимулирующие*** – реплики, способные совмещать в себе функции речевого стимула и речевой реакции.

Остановимся подробнее на каждом из этих типов реплик, т.к. любой из них может иметь метакоммуникативную реализацию.

1. Метакоммуникативная реализация стимулирующих реплик. Подавляющее большинство стимулирующих реплик в научном диалоге представлено ***вопросами.***

Вопросы всегда ориентированы на передачу слова другому человеку. Зачастую они выполняют исключительно коммуникативную функцию (запрос сведений) и осуществляют смену говорящего автоматически, при так называемой косвенной регуляции, т.е. не сообщают дополнительной информации о ходе общения: ***У всех больных синдром мультиорганной дисфункции развивался в таком сочетании?*** *– Нет. Из ста десяти больных у 20,0 процентов отмечалась недостаточность желудочно-кишечного тракта в составе синдрома мультиорганной дисфункции.*

В изучаемом типе общения, однако, широко представлен и другой тип вопросов – ***метакоммуникативных.*** Их смысловая нагрузка стремится к нулю, а основная задача сводится к выполнению вспомогательных/второстепенных функций, связанных с организацией общения (номинативная, регулятивная и др. функции).

Метакоммуникативные вопросы выступают, в частности, в виде апелляций к модусу мнения собеседника (*Как вы думаете? Как вы считаете? Какие-нибудь соображения? Что Вы предлагаете?*), которые являются лишь дополнением к основной части стимулирующей реплики и выполняют служебную роль, а именно способствуют интерпретации главной части сообщения в необходимом (интеррогативном) ключе, например: *Вы говорили о глобализации в двух измерениях: в пределах одного государства – России и как тенденции в мире. Если глобализация не будет регулироваться государством, боюсь, что может возникнуть такая ситуация, когда Дальний Восток, Якутия объединятся в одну геополитическую зону, Бурятия – с Монголией, Внутренней Монголией и т.д.* ***Как Вы считаете?*** Несмотря на то, что основная часть этой реплики формально вопросом не является, ее автор с помощью фразы «Как Вы считаете?» открыто призывает собеседника воспринимать ее в качестве информационного требования и, таким образом, побуждает оппонента к вербальной реакции.

Понятно, что подобные вопросы-апелляции носят факультативный характер, и их отсутствие не разрушило бы смысл ключевой части реплики, что и позволяет приписывать им статус вспомогательного речевого действия. В то же время использование метакоммуникативных вопросов помогает своевременно осуществить переход речевой инициативы от одного человека к другому и трактовать сообщение соответствующим образом.

2. Метакоммуникативная реализация ответных реплик. Если к коммуникативным ответам целесообразно относить реплики, полностью или частично удовлетворяющие информационные потребности адресата, то к ***метакоммуникативным*** – любые указания на неспособность или отсутствие возможности/необходимости/желания предоставлять запрашиваемые сведения, что ни в коей мере не противоречит определению метакоммуникации, приведенному в самом начале настоящей работы.

По нашим наблюдениям, все метакоммуникативные ответы, демонстрирующие неспособность говорящего высказаться по предлагаемой проблематике, можно объединить в рамках нескольких групп:

а) отказы отвечать без указания причины отказа: *К сожалению, не могу ответить на этот вопрос*;

б) констатация незнания: *У меня пока нет никаких ассоциаций по этому поводу* (с возможным указанием на причину незнания: ссылки на нехватку времени, на то, что некоторое явление не являлось объектом анализа, и под.: *Мне сложновато будет ответить так в лоб, поскольку я сегодня больше готовился обсуждать не столько то, что такое методологическое мышление как тип мышления, сколько его типологические характеристики <...>*);

в) ссылки на внешние причины отказа отвечать, не связанные с неосведомленностью: *Вы мне задали вопрос и сами только что на него ответили. Вы неправильно формулируете вопрос.*

Метакоммуникативные ответы в научной дискуссии, безусловно, количественно уступают коммуникативным (информативным), что обусловлено необходимостью соблюдения правил речевого поведения, принятых в изучаемом типе коммуникации, стремлением соответствовать основным интенциям научного дискурса (донести максимум информации до индивидуального или коллективного адресата и привести достаточно аргументов в пользу своей позиции) и качествам научной речи (четкость, содержательность и под.).

3. Метакоммуникативная реализация ответно-стимулирующих реплик. В научном диалоге к ***ответно-стимулирующим действиям*** относятся любые ***критические замечания***, которые всегда возникают как реакция на некоторое сообщение или часть доклада партнера по общению и в то же время по-

буждают последнего взять слово и вербально отреагировать на критику, например:

(1): *Дальше. Китай добровольно отказался от мирового лидерства. Это значит, что он существует в экономическом тандеме с США и вполне довольствуется прагматическими своими экономическими результатами.*

(2): ***Это Вы так думаете, это все поверхностно, глубина там совсем другая.***

(3): *Я не думаю. Дело вот в чем.* <...>

В данном примере реплика 2 представляет собой возражение в ответ на вызовы оппонента, то есть порождена предыдущим высказыванием и реализует, таким образом, реактивную валентность, однако одновременно с этим воспринимается собеседником как побуждение высказаться по соответствующему поводу, что позволяет приписывать ей также и статус стимулирующей реплики.

Так же, как и стимулирующие и ответные реплики, ответно-стимулирующие сообщения в научной дискуссии могут характеризоваться коммуникативным и метакоммуникативным оформлением.

В качестве ***коммуникативной критики*** трактуются оценочные действия, выполняющие свою прагматическую функцию (выражение неодобрения) при отсутствии непосредственной характеристики высказывания партнера (*Выражаю несогласие с последним утверждением*), в то время как под ***метакоммуникативной критикой*** мы имеем в виду квалификацию сообщения партнера с точки зрения таких параметров, как неактуальность, неспособность вызывать интерес, отсутствие эстетической составляющей, нехватка/избыток объема и других количественных и качественных характеристик, что абсолютно согласуется с общепринятым определением метакоммуникации, приведенном в первом абзаце данной статьи (*Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру* ***наивной*** *и, в какой-то мере, для XX века* ***смешной*** *и* ***некультурной*** <...>).

Согласно результатам нашего анализа как коммуникативная, так и метакоммуникативная критика довольно широко представлены в изучаемом типе общения. Данный факт обусловлен, вероятно, рефлексивным характером научной дискуссии, где содержание и форма сообщений становятся предметом регулярного обсуждения, подвергаются обязательному мониторингу со стороны оппонентов.

II. Функциональные разновидности метакоммуникативных речевых действий. На наш взгляд, все многообразие функциональных разновидностей метакоммуникативных речевых действий, обнаруживаемых в научном диалоге, можно объединить в рамках двух основных типов:

– оценочные действия,

– неоценочные действия.

Оценочная метакоммуникация фактически представляет собой аксиологическую характеристику некоторого сообщения (как собственного, так и партнера по общению). Она может быть либо а) отрицательнооценочной, т.е. нацеленной на критику высказывания собеседника или выражение сомнения относительно правомерности его взглядов (*У меня есть* суждение*,* ***сомнение*** *и* ***возражение.*** *Вы как-то* ***странно*** *рассуждаете* <...>), либо б) позитивнооценочной, а именно представляющей собой одобрительный комментарий позиции оппонента (*Это* ***своевременный*** *и абсолютно* ***правомерный*** *вопрос*).

Согласно результатам нашего исследования в изучаемом типе общения негативнооценочная метакоммуникация используется чаще, чем позитивнооценочная. Высокая частотность негативнооценочных метакоммуникативных реплик в научном диалоге обусловлена той ролью, которую играет полемика в организации вербального общения. Во-первых, полемические реплики (критические замечания) задают то «минимальное “напряжение” между адресантом и адресатом, наличие которого необходимо для возникновения речевого взаимодействия» [7, с. 182]. Кроме того, они выполняют в диалоге контролирующую функцию, предполагающую мониторинг и коррекцию содержания и формы коммуникативного поведения собеседника.

Неоценочная метакоммуникация в научной дискуссии также неоднородна и нацелена либо на а) обеспечение понимания сообщения (***эпистемическая метакоммуникация***), либо на б) урегулирование и упорядочение очередности вступления коммуникантов в диалог (***регулятивная метакоммуникация***).

Эпистемическая метакоммуникативная тактика, способствующая правильной интерпретации высказывания, реализуется в ряде приемов, основными из которых являются следующие: комментирование (*Что же касается второго моего вопроса, то следует заметить, что* <...>); обобщение (*Подводя итог сказанному, отмечу...*); объяснение (*Другими словами, нужно различить два типа суждений* <...>); корректирование и редактирование (*Правильнее сказать, те, при которых коммуникация оказывается связанной с мышлением и связанной с деятельностью*); номинация сообщения, обеспечивающая адекватную трактовку иллокутивной цели вы-

сказывания (*Нельзя ли в связи с этим **вопрос**? У меня только одно **замечание.** У меня такое маленькое **соображение***); уточнение (*Небольшое уточнение к тому, что я сказал <...>*) и некоторые др.

Регулятивная метакоммуникация, отвечающая за координацию речевой инициативы (передачу инициативы, взятие инициативы, отказ от инициативы и отстранение от инициативы [8, с. 214–219]), также представлена широким спектром действий (*Можно рассказать более конкретно о задачах? И мне хотелось бы передать слово и задать вопрос: а что же у нас происходит с полиомиелитом? Подождите, слишком много. Вот на этой оптимистической ноте мы и закончим. Подождите, у нас Рустем не закончил. Реплику можно?*) и может пересекаться с прочими видами метакоммуникации, в частности эпистемической, например: ***Вы понимаете**, что именно это вы дальше назовете симулякром* (в данном случае автор регулятивной реплики осуществляет передачу слова и одновременно мониторинг эпистемического состояния коммуниканта).

Говоря иначе, метакоммуникативные речевые действия в научной дискуссии могут выполнять сразу несколько прагматических задач и, следовательно, являться полифункциональными.

III. Прочие (нефункциональные) разновидности метакоммуникативных речевых действий. Кроме названных (функциональных) характеристик, весьма существенными для квалификации метакоммуникативных речевых действий представляются следующие параметры.

1. Рефлексивный / нерефлексивный характер сообщения. Если ***рефлексивные метакоммуникативные действия*** предполагают объяснение и описание собственного речевого поведения (*Я, конечно, не уверен в том, что <...> Я утверждаю, что этого никто не получал и до этого никто не доходил, кроме <...>. Интересно отметить другое <...> Не будет лишним сказать, что <...> Я не претендую на представление готового решения возникающих противоречий, но<...>*), то ***нефлексивные (реактивные)*** – направлены на мониторинг вербального поведения собеседника (*Это вы верно подметили. Правильно. Точно. Справедливо. Вы совершенно правы. Не поспоришь. Вы не понимаете того, что написали. Вы схватываете очень точную вещь*).

Интересными представляются метакоммуникативные действия, которые условно можно назвать реактивно-рефлексивными. С одной стороны, они выступают в качестве возражения на стимулирующее сообщение партнера по общению, с другой же стороны, они призваны комментировать собственное высказывание, предшествующее критическому замечанию собеседника (*Но я же не об этом говорил. Я имел в виду совсем другое. Вы меня не так поняли*).

2. Способ реализации. Функциональный (оценочный, эпистемический или регулятивный) компонент в структуре метакоммуникативного высказывания может иметь ***эксплицитную*** или ***имплицитную*** реализацию.

Рассмотрим случаи эксплицитной и имплицитной метакоммуникации на примере ***метакоммуникативных вопросов.***

В рамках настоящей работы мы исходим из того, что ***эксплицитно*** вопросительная иллокуция представлена в вопросах-апелляциях, содержащих традиционные интеррогативные сигналы (инвертированный порядок слов, вопросительные местоимения и частицы, а также особую интонацию, которая в стенограммах научных дискуссий передается с помощью вопросительного знака): *Можно узнать Ваше мнение на этот счет? Что вы думаете по этому поводу?*

Что касается ***имплицитно содержащейся*** интеррогативной семантики, то она обнаруживается в целом ряде метакоммуникативных действий, которые варьируются от ссылок на непонимание (*Честно говоря, **мне лично не совсем понятно**, что означает внешняя апроприация философии. Я охотно могу понять и согласиться с тем, что имеет место апроприация философских институтов, в частности университетов. Что касается апроприации философии, имеется несколько иная ситуация <...>*) до сообщений об отсутствии сведений (*Борис Васильевич, **вы не сказали**, но в тексте у вас написано о деятельностном подходе, что это специфический подход методологического исследования*). Кроме того, имплицитный запрос сведений осуществляют и метаречевые действия, представленные сложноподчиненными предложениями наподобие *Интересно, что Вы имеете в виду.*

Хотя приведенные реплики не содержат эксплицитных интеррогативных сигналов, очевидно, что они направлены на получение от адресата речи ответа (вербальной реакции). Это и позволяет приписывать им статус косвенных вопросов.

Во-вторых, в пользу наличия интеррогативной иллокуции в семантике анализируемых реплик свидетельствует и тот факт, что они легко трансформируются в собственно вопрос с помощью одной или нескольких синтаксических операций. Так, например, фразу *Интересно, что Вы имеете в виду* можно преобразовать в вопросительную реплику с помощью единственного трансформационного приема – опущения (*Интересно,*

что Вы имеете в виду. = Что Вы имеете в виду?).

Удельный вес эксплицитных и имплицитных метакоммуникативных вопросов в рассматриваемом типе общения довольно высок, что объясняется общим интеррогативным характером научной коммуникации, который в свое время констатировала и блестяще обосновала Н.К. Рябцева [9].

Заключение. Таким образом, метакоммуникация в научном диалоге отличается неоднородностью и многоаспектностью, которые проявляются в том, что метакоммуникативные действия имеют ряд видов (стимулирующие, ответные и ответно-стимулирующие) и подвидов (оценочные и неоценочные, прямые и косвенные, рефлексивные и нефлексивные).

Метакоммуникативные речевые действия отличаются как по количеству, так и по характеру выполняемых функций. Наиболее релевантными комбинациями функций являются сочетание регулятивной и эпистемической роли, а также пересечение регулятивных и оценочных задач.

Литература

1. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.
2. Аристов, С.А. Прагмалингвистическое моделирование мены коммуникативных ролей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.А. Аристов. – Тверь, 2001. – 212 л.
3. Воробьева, Е.М. Функциональные характеристики метакоммуникативных речевых действий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.М. Воробьева; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2006. – 22 с.
4. Гуревич, Л.С. Лингво-когнитивная теория пространства метакоммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19 /Л.С. Гуревич; Иркут. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2009. – 31 с.
5. Кашкин, В.Б. Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания / В.Б. Кашкин // Вестн. ТвГУ. Сер., Филология. – 2011. – Вып. 1. – С. 21–27.
6. Никитина, А.В. Мониторинг как явление метакоммуникации / А.В. Никитина // Ярославс. пед. вестн. – 2012. – № 4. – Т. I. – С. 199–202.
7. Юдина, Т.В. Политическая дискуссия как разновидность диалогической речи / Т.В. Юдина // Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз.; под ред. М.Я. Цвиллинг. – М.: Наука, 1991. – С. 182–186.
8. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 4-е изд. – М.: УРСС, 2006. – 288 с.
9. Рябцева, Н.К. Интеррогативность научного языка / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / Н.Д. Арутюнова (отв. ред.). – М.: Наука, 1989. – С. 241–258.

Поступила в редакцию 16.09.2016 г.

УДК 81’42

Реализация стратегии коммуникативно-суггестивного воздействия в дискурсивных практиках интернет-коммуникации

Храбан Т.Е.
Киевский военный лицей имени Ивана Богуна, Киев (Украина)

Возрастающий интерес современной лингвистики к процессам как лингвистического, так и экстралингвистического характера определяет актуальность работы. Особый акцент при этом делается на том, что экстралингвистические факторы органично входят в состав когнитивной наполненности текста, неизбежно влияют и на саму композицию текстового материала.

Цель статьи – исследовать приемы реализации стратегии коммуникативно-суггестивного воздействия в интернет-коммуникации.

Материал и методы. *Материалом послужили 500 индикаторов текущего положения, полученные методом сплошной выборки в англоязычной социальной сети Facebook. Были применены методы дефиниционного и контекстуального анализа, функционального анализа употребления единиц языка в речи, прагматической интерпретации, а также метод глубинной интроспекции, апеллирующий к интуиции и «внутреннему опыту» (Л. Теньер).*

Результаты и их обсуждение. *Динамическая система взаимоотношений между участниками коммуникации составляет основную сторону речевой ситуации, которая, кроме того, зависит от социальных ролей общающихся и сферы общения. В социальных сетях взаимоотношения собеседников определяют стратегии общения, виды информации, необходимые для реализации их речевых намерений, в частности, в индикаторах текущего состояния используется стратегия коммуникативно-суггестивного воздействия.*

В индикаторах поточного положения стратегия коммуникативно-суггестивного воздействия реализуется следующими приемами: создание эффекта сопричастности, иллюзия непосредственного участия в коммуникации; демонстрация общности и формирования диады «Мы»; «Я-утверждение»; выражение симпатии; открытость для убедительных аргументов и вовлечение оппонента в совместную выработку решения; демонстрация открытости и доверия к собеседнику; создание непринужденной обстановки коммуникации с помощью языковой игры.

Заключение. *Подтверждается плодотворность исследования языковых явлений интернет-коммуникации с опорой на концептуальный арсенал современной междисциплинарной парадигмы, включающей положения когнитологии, лингвистической прагматики, теории речевого воздействия.*

Ключевые слова: *лингвистика, интернет-коммуникация, стратегия коммуникативно-суггестивного воздействия, прием, дискурс.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 141–147)

Implementation of the Communicative and Suggestive Strategy in the Discourse of the Internet Communication

Khraban T.E.
Kyiv Military Ivan Bohun Lyceum, Kyiv (Ukraine)

Topicality of the research is assigned to modern linguistics’ increasing interest in the processes of both linguistic and extra-linguistic nature. Particular emphasis is placed on the fact that being a constituent of a text cognitive part the extra-linguistic factors inevitably influence the composition of the text material.

The purpose of the work is to study techniques of the strategies of communicative and suggestive impact in the Internet communication.

Material and methods. *500 current situation indicators which were obtained with the method of total selection in English social network of Facebook became the material of the study. The methods of definition and context analysis, functional analysis of using language units in speech, pragmatic interpretation as well as the method of deep introspection, which appeals to intuition and «inner experience» (L. Tenier), were used.*

Findings and their discussion. *Dynamic system of interrelations between communication participants makes up the basic side of speech situation, which, apart from it, depends on social roles of the communicators and the communication sphere. In social networks interrelations of interlocutors determine communication strategies, information types, which are necessary for the implementation of their speech intentions, namely, in the indicators of current state the strategy of communicative and suggestive impact is used.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: Xraban.Tatyana@mail.ru – **Т.Е. Храбан**

In the indicators of stream state the strategy of communicative and suggestive impact is implemented with these techniques: creation of involvement effect, illusion of direct participation in the communication; demonstration of unity and formation of the diade of We, me-statement; sympathy expression; openness for convincing arguments and involvement of the opponent into joint decision making; demonstration of openness and trust in the interlocutor; creation of friendly atmosphere of communication with the help of language play.

Conclusion. *The research findings confirm fruitfulness of the study of linguistic phenomena of the Internet communication which rests on concept basis of the contemporary interdisciplinary paradigm that includes ideas of cognitology, linguistic pragmatics and theory of speech impact.*

Key words: *linguistics, the Internet communication, communicative and suggestive strategy, method, discourse.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 141–147)

Технологический прогресс в условиях глобализации мирового сообщества привел к возникновению и развитию новых способов общения. Одной из ярких особенностей современности является стремительное развитие средств массовой коммуникации, которая может рассматриваться как сложная система организации процесса обработки и распределения информации между пользователями без привязки к их местоположению по разнообразным коммуникационным каналам и при помощи соответствующих технических средств. Возрастающий интерес современной лингвистики к процессам как лингвистического, так и экстралингвистического характера определяет актуальность работы. Особый акцент при этом делается на том, что экстралингвистические факторы, органично входя в состав когнитивной наполненности текста, неизбежно влияют и на саму композицию текстового материала.

Цель статьи – исследовать приемы реализации стратегии коммуникативно-суггестивного воздействия в интернет-коммуникации.

Материал и методы. Материалом послужили 500 индикаторов текущего положения, полученные методом сплошной выборки в англоязычной социальной сети Facebook. В работе использовались методы дефиниционного и контекстуального анализа, функционального анализа употребления единиц языка в речи, метод прагматической интерпретации, а также метод глубинной интроспекции, апеллирующий к интуиции и «внутреннему опыту» (Л. Теньер).

Результаты и их обсуждение. Смена общенаучной лингвистической парадигмы последней четверти двадцатого века под эгидой исследования человеческого фактора в языке четко обозначила необходимость привлечения в лингвистическую науку данных таких отраслей гуманитарного знания, как психология, социология, политология, культурология. Все чаще объектом лингвистического исследования становится детерминанта речевого поведения – авербальная составляющая психики человека – мир интенций, эмоций, оценок.

Жизнь человека как социального существа не может быть полноценной, если в ней отсутствует общение. Психологически оптимальным общение является в том случае, если реализуются цели участников общения в соответствии с мотивами, обусловливающими эти цели, и с помощью таких способов, которые не вызывают у партнеров чувства неудовлетворения.

При этом было бы ошибочно полагать, что психологически оптимальное общение – это непременно своеобразное слияние умов, чувств, воли его участников. Психологически оптимальным может быть и общение, в котором партнерам удается сохранить желаемую для каждого из них субъективную дистанцию. Затрудненное общение часто объясняют наличием психологических барьеров, основным носителем которых является личность, а результатом – сокрытие эмоционально-интеллектуального потенциала активности [1]. Способствовать психологически оптимальному общению в социальных сетях помогают индикаторы текущего положения пользователей.

Следует также отметить, что, как и всякое действие, коммуникативный акт состоит из ориентировочной и инструментальной части. Первая предполагает анализ ситуации общения, построение адекватного представления о партнере. Эффективность ориентировочной части коммуникативного акта определяет эффективность действия в целом. Таким образом, с позиции коммуникативно-прагматической функции статус можно определить как ориентировочную часть коммуникативного акта, призванную обеспечить в дальнейшем психологически оптимальное общение и выполняющую цель установления психологического контакта.

Динамическая система взаимоотношений между участниками коммуникации составляет основную сторону речевой ситуации, которая, кроме того, зависит от социальных ролей общающихся и сферы общения. В социальных сетях взаимоотношения собеседников определяют стратегии общения, виды информации, необходимые для реализации их речевых намерений, в частности, в ин-

дикаторах текущего состояния используется стратегия коммуникативно-суггестивного воздействия. Коммуникативная стратегия определяется как «глобальное по отношению к другим понятиям, т.е. как понятие высшего уровня коммуникативной иерархии, соотносящее цель и возможные средства ее достижения» [2, с. 45–46].

Выбор наиболее приемлемых приемов реализации данной стратегии зависит от конкретных целей автора статуса. А.А. Калита определяет прием как «апробированное практикой средство реализации способа коммуникативного воздействия, предписывающее конкретную последовательность применения языковых и неязыковых средств и/или их определенных комбинаций» [3, с. 52]. В работе вслед за Е.В. Шелестюком под приемами речевого воздействия понимаются «специфические психологические, прагмалингвистические и семиотические действия со стороны воздействующего субъекта, направленные на достижение его непосредственных иллокутивных целей и контроль над речевой ситуацией» [4, с. 16].

Приемы, стимулирующие общение, призваны снять «барьеры в общении», т.е. сформировать у собеседников благоприятное впечатление о партнере, доверительное отношение к нему, обеспечить полное взаимопонимание, способствовать конструктивному обсуждению проблемы. А.А. Калита отмечает, что «практическая неисчерпаемость альтернативного поля существующих средств реализации приемов коммуникативно-суггестивного воздействия обусловлена реальной возможностью использования в коммуникации неограниченного множества последовательных комбинаций лингвистических, паралингвистических, психологических, семиотических и т.п. средств» [3, с. 53].

Анализ языкового материала (500 индикаторов поточного состояния) позволил прийти к выводу, что к основным приемам реализации коммуникативно-суггестивной стратегии, используемой в статусах, можно отнести:

1. Создание эффекта сопричастности, иллюзии непосредственного участия в коммуникации. Реализуется в статусах с помощью местоимения you, your. Следует отметить, что эти слова сами по себе не несут в себе эмоционального содержания, они абсолютно бесстрастны. Результат достигается лишь путем понимания подтекста и способом использования слов. В данном случае грамматическая категория лица характеризуется значительным прагматическим потенциалом. Так, использование местоимений you, your в статусах однозначно сигнализирует об эмоциональной вовлеченности предполагаемого собеседника. В индикаторах текущего положения может содержаться послание, предназначенное для конкретного лица. В другом случае местоимения you, your отражают непосредственное обращение к адресату, на которого направлено воздействие, создают иллюзию знакомства с адресатом и тем самым сокращают эмоциональную дистанцию между потенциальными собеседниками. Конкретные примеры:

а) обращение к конкретному собеседнику. Реализуется в статусах с помощью местоимения you: I didn't say it was your fault, I said I was blaming you; Every second I spend with you is like turning dreams true; My dear crush, you're the reason why I still go to temple; Do you believe in love at first sight, or should I walk by again?; If you are still hate me! then No Problem!; It's the little things you do that mean the most to me; Why do I love you? Because I finally learned what the word means, and you were the one who showed me; I don't have the heart to hurt you, that's the last thing I want to do, but I don't have the heart to love you, not the way you want me to;

б) обращение к потенциальному собеседнику:

– с помощью местоимения you: Never bottle in anything it makes the whole situation you in worse; Go for someone who is not only proud to have you but will also take every risk just to be with you; If someone has something bad to say about you, it's probably because they have nothing good to say about themselves; If others are jealous, you are doing something right; Never look down on someone unless you are helping him up; Forgive but don't forget otherwise you might make the same mistake again; You should never waste tears today for yesterdays sorrows; You can never invite the wind, but you must leave the window open; Don't run from your fears, when they catch up with you, you'll be too tired to fight; People who gossip with you, most likely gossip about you;

– с помощью использования дейктика your: Some people come in your life as blessings, others come in your life as lessons; There are many things in life that will catch your eye, but only a few can catch your heart; Some time's your memories can be your best dreams or your worse Nightmares; If you lower your expectations, you limit your disappointment; If you lower your expectations, you limit your disappointment; Your mind may be sad because you're not with him, but your heart is happy just knowing him; If you think you're free, there's no escape possible; You can never make the same mistake twice, because the second time you make it, it's not a mistake, it's a choice; Style is a reflection of your attitude and personality.

Таким образом, грамматическая категория лица выполняет контактоустанавливаю-

щую функцию. При этом могут реализоваться следующие интенции: привлечь внимание адресата для вступления в контакт; выделить адресат как объект речи; выразить эмоциональное отношение к адресату.

2. Демонстрация общности и формирования диады «Мы». Создатель статуса стремиться создать контакт, который имеет тенденцию сам себя поддерживать в силу положительного эмоционального, мотивационного или смыслового отношения к нему. Психологическому сближению и созданию доверительного характера общения потенциальных собеседников способствуют отыскивание и подчеркивание всего общего. Типичным примером экспликации подобного контакта может служить числовая грамматическая форма местоимения первого лица we, а также дейктика our, которые способствуют тому, чтобы потенциальный собеседник ясно осознавал, что говорящий такой же, как он сам. Следовательно, грамматическая категория лица в данном случае выступает как идеологема единения. Конкретные примеры:

– использование местоимения второго лица we: It's impossible to please everyone so I suggest we all stop trying; We all need mirrors to remind ourselves who we are; When we miss someone, we feel like sharing a lot but when we see them after many days we just can only smile at them and that smile includes all our feelings; We always need that wake-up call that reminds us of who we really are and what we really want from our lives; Sometimes no matter how many prayers we pray, or how many tears we shed, or how many hearts get broken. God says no, because God has a better way and answer;

– применение дейктика our: Our dreams inspire us to live life to the fullest, our sorrows guide us in learning & accepting who we are, wisdom is what we achieve from experiencing both; Half of our mistakes in life arises from feeling where we ought to think, and thinking where we ought to feel.

Таким образом, использование грамматической категории лица we, дейктика our выступает одним из способов психологического сближения через механизм формирования идентичности адресата и адресанта. Настройка на волну оппонента в данных статусах также осуществляется не только путем подачи сигналов типа «Я такой же, как вы», а также путем отказа от категоричных высказываний, применение более мягких вариантов, например: to feel like; let us suppose; to suggest; to find conceivable; the facts admit.

При этом реализуются следующие интенции: уточнить определенные признаки адресата; выразить эмоциональное отношение к нему; выделить адресат среди прочих присутствующих; сблизить точки зрения адресанта и адресата.

3. Прием «Я-утверждение». С помощью данного приема передаются отношение субъекта к какой-либо ситуации, описание желательного варианта ее развития без обвинений и явных требований. «Я – утверждение» в статусах может быть представлено в описании ситуации и реакции (чувств и переживаний) автора статуса по поводу этой ситуации. Например: When I actually die some people are going to get really haunted; I don't get older, I level up; Sometimes I just wish I' could fast forward the time to see if in the end it's all worth it; I don't have an attitude, I have standards for the people who are supposed to be my friends; A perfect relationship to me = Two people never giving up on each other; If you don't like me remember it's mind over matter; I don't mind and you don't matter; I'd rather be hated for being real, than loved for being fake; Shame on me for always being selfish, the feeling is never returned; I want to be the reason you look down at your phone and smile then walk into a pole; Dear homework, you are unattractive, there for, I cannot do you; I would not have to manage my anger if people would manage their stupidity; I just don't care if anyone doesn't like me I wasn't put on earth to entertain everyone.

Прием «Я-утверждение» также призван путем создания имиджа сформировать у потенциальных собеседников благоприятное впечатление о партнере, доверительное отношение к нему, обеспечить полное взаимопонимание, способствовать конструктивному обсуждению проблемы. Конкретные примеры: I don't drink alcohol! but Feel Awesome; I just need a good WiII & Wife; I'm great in bed; I can sleep for days; I'm not fat, I'm just easy to see; I'm not actually this tall. I am sitting on my wallet; I am always satisfied with the best; I'm not tense, just terribly, terribly alert; I have high double standards; I'm 50% single; I am simple, complex, generous, selfish, unattractive, beautiful, lazy, and driven; Sorry I'm not perfect enough for your perfect little world.

Большое значение в приеме «Я-утверждение» имеет установка на общение вообще, то есть коммуникативная позиция. Как правило, автор статуса стремится общаться с человеком, который относится к нему «на равных»; высказывает дружелюбие, уважает точку зрения оппонента; искренен, ничего не скрывает, интригуя или обманывая; интересуется собеседником и сообщаемой им информацией. Для создания комфортной обстановки коммуникации и избегания возможных конфликтов автор статуса использует прием «Я-утверждение» для избегания нежелательных контактов. Например: Your status

won't ever match my status neither in whatsapp nor in reality; Am gonna Make my Status... better you too Focus on your Status only; Sure just hurt my feelings it's not like I'm human or anything; Nobody can teach me who I am; I don't care about what others think about me, I just care about what I think about myself; The only person in this world I trust is myself. And even he's questionable at times; I done what I like, I don't care what you think?; As long as I feel like this we can't be friends... selfish but it's the truth; The only people I need in life are those that really care, not the ones that use you and treat you unfair; I am who i am, you approval is not needed.

При использовании приема «Я-утверждение» реализуются следующие интенции: регулировать коммуникативные отношения с адресатом; сблизить точки зрения адресанта и адресата; выделить адресат среди прочих присутствующих; предотвратить нежелательный контакт.

4. Выражение симпатии. Один из самых эффективных приемов стимулирования коммуникации – это использование комплиментов. При применении комплимента в индикаторах поточного состояния происходит настройка партнера на взаимную симпатию, доверие и приятные отношения, создается чувство надежности, желание ответить взаимностью, формируется хорошее впечатление об авторе статуса. Получая комплимент, человек неосознанно стремится оправдать ожидания, что формирует ответную симпатию к вам, снимает его психологическую защиту и закрытость. Кроме того, комплимент помогает снять сопротивление оппонента, настраивает его на согласие и сотрудничество, создает неосознанное желание идти на уступки. Конкретные примеры использования данного приема в индикаторах поточного состояния: My stars said I would meet the woman of my dreams tonight; I love the way you walk, talk and laugh; Hello, I'm a thief, and I'm here to steal your heart; All the birds in the sky, all the fish in the sea, will never explain what you mean to me; When I count my blessings, I count you twice; The stars must be jealous. You shine way better than them; Yesterday I caught myself smiling for no reason. Then I realized I was thinking of you; One more day without you is one more day closer to being with you; Smile... it's the second best thing to do with your lips.

При применении приема выражения симпатии реализуются следующие интенции: привлечь внимание адресата для вступления в контакт; выразить эмоциональное отношение к адресату; вызвать у адресата определенные эмоциональные реакции; привлечь внимание адресата к тем или иным репликам адресанта.

5. Открытость для убедительных аргументов и вовлечение оппонента в совместную выработку решения. Отношения лучше всего строить на тех интересах и привязанностях, которые являются общими, то есть объединяют. Стимулировать общение, помогать продолжать его, даже если позиция партнеров не совпадает, можно путем поиска выяснения истины, что может быть впоследствии решающим аргументом для принятия решения. Создание статуса как некого утверждения способствует «вычислению» приоритетной модальности оппонента с последующей подстройкой под его стратегию мыслительного процесса. Если с собеседником вести разговор в русле его личных интересов, то это, как правило, вызовет в нем повышенную вербальную активность, сопровождаемую положительными эмоциями, а оппонента он станет воспринимать как человека чуткого и внимательного. Таким образом, использование приема «вовлечение оппонента в совместную выработку решения» позволяет эффективно настроиться на «волну» собеседника. Конкретные примеры применения данного приема в индикаторах поточного состояния: Marriage is the cause of divorce!; Beauty is like Moon, looks much better at Night; Life begins at the end of your comfort zone; Sometimes you have to lose the battle to win the war; The reason people have No room for wisdom is because they are so full of judgment; People are made to be loved & things are made to be used, but the confusion in this world is that people are used & the things are loved; Real people are never fake, and fake people are never real; The greatest barrier to success is the fear of failure; Behind every strong soldier, there is an even stronger woman who stands behind him, supports him, and loves him with all her heart; The tongue is a sword or a magic wand, it can cut and kill or love and heal.

При использовании приема «вовлечение оппонента в совместную выработку решения» реализуются следующие интенции: уточнить определенные психологические характеристики адресата; привлечь внимание адресата для вступления в контакт; вызвать у адресата определенные эмоциональные реакции; сблизить точки зрения адресанта и адресата; противопоставить свое мнение мнению адресата.

6. Демонстрация открытости и доверия к собеседнику. В социальных группах часто доминируют личности, хорошо освоившие модель поведения, внушающего доверие. Открытые люди пользуются расположением окружающих: с ними легче установить контакт, вступить в дискуссию, так как они охотно выслушивают контрдоводы. Для успешности коммуникативного процесса важно

показать проявления искреннего благожелательного отношения к собеседнику, дать ему понять, что он не безразличный. Реализуется данный прием косвенным путем предложения совета, который демонстрирует собеседнику, что автор статуса выражает психологическую поддержку потенциальному собеседнику в принятии важного решения или в стремлении собеседника к самосовершенствованию. Этот прием может также реализоваться путем раскрытия личных проблем.

Предложение совета характеризуется непосредственным обращением к адресату речи. Реализуется в статусах использованием повелительного наклонения (Imperative). Высказывание в императиве рассчитано на конкретного, присутствующего в момент речевого акта адресата: коммуникативно-прагматический эффект такого рода высказываний – побудить к незамедлительному вербальному или невербальному действию. Чтобы избежать прямого указания, которое было бы неуместным в силу межличностных отношений коммуникантов в данной ситуации общения, в статусах применяются неопределенно-личные предложения, тем самым формируя коммуникативно-прагматический эффект некатегоричности (завуалирования, соучастия, дистанцирования). Например: Always laugh when you can. It is cheaper than medicine; You can never make the same mistake twice, because the second time you make it, it's not a mistake, it's a choice; To talk without thinking first is just like to shoot without aiming; Don't trust too much, don't love too much, don't care too much because that 'too much' will hurt you so much!; You need to stop being so selfish and start caring about everyone else; Marry someone you want to annoy for the rest of your life; Try to be a rainbow in someone's cloud; Smile. It irritates those who wish to destroy you; Some people are like clouds when they go away the day gets brighter; Smile and no one will see how broken you are inside; Everything is getting expensive except some people, they are getting cheaper.

Демонстрация открытости и доверия к собеседнику путем раскрытия своих личных проблем реализована в следующих статусах: We all have that one friend who will embarrass us in front of the crush; Every problem comes with solution, but my GF don't have; I went to a seafood disco last week and pulled a muscle; I'm not scared of commitment. I'm scared of who I commit to; I feel crappy inside, like something just broke; The worst feeling is pretending you don't care about something, when really it's all you seem to think about; Sometimes I just want to cry no reason why; I'm missing something in my life these days.

При использовании приема «демонстрация открытости и доверия к собеседнику» реализуются следующие интенции: создать общий эмоциональный настрой; подготовить осуществление необходимого коммуникативно-прагматического эффекта высказывания; побудить адресат к определенным действиям; выразить эмоциональное отношение к адресату; выделить адресат среди прочих присутствующих.

7. Создание непринужденной обстановки коммуникации с помощью языковой игры. Юмор помогает автору статуса показать интеллект, открытость и снисходительность к людям, располагает людей к общению, что особенно ценно, когда надо поговорить откровенно или раскрепостить собеседника. Данный прием реализуется в статусах в основном за счет применения метафор, фразеологических единиц, каламбуров, аллюзий, лексической многозначности, повторов, омонимии и т.п. Конкретные варианты использования языковой игры в статусах: Can't talk, telepathy only!; We are all part of the ultimate statistic – ten out of ten die; You compliment someone for their mustaches, & suddenly she isn't your friend anymore; Borrow money from a pessimist – he doesn't expect it back; Mom's logic: If you go wild and break your legs, do not run to me and cry; No! I'm not okay, but it's okay; I want my Girlfriend like Google, She will understand me better; How do you occupy an idiot? Press down – Press up... Press Down...; I'd far rather be happy than right; Life is Short – Chat Fast!; A party without cake is just a meeting; Virginity can be cured; If I had a British accent I would never shut up; God is really creative, I mean... just look at me; With all this technology above and under, humanity still hunts down one another; I want to die peacefully in my sleep, like my grandfather. Not screaming and yelling like the passengers in his car; I talk to myself because I like dealing with a better class of people.

При использовании приема «создание непринужденной обстановки коммуникации с помощью языковой игры» реализуются следующие интенции: привлечь внимание адресата для вступления в контакт; вызвать у адресата определенные эмоциональные реакции; сблизить точки зрения адресанта и адресата; создать общий эмоциональный настрой.

Заключение. Технический прогресс приводит к возникновению и развитию абсолютно новых способов общения, облекаемых в виртуальные формы реализации в компьютерных коммуникационных сетях.

В индикаторах поточного положения стратегию коммуникативно-суггестивного воздействия реализуют приемы: создание эффекта сопричастности, иллюзия непосредствен-

ного участия в коммуникации; демонстрация общности и формирования диады «Мы»; «Я-утверждение»; выражение симпатии; открытость для убедительных аргументов и вовлечение оппонента в совместную выработку решения; демонстрация открытости и доверия к собеседнику; создание непринужденной обстановки коммуникации с помощью языковой игры.

Следует отметить, что, несмотря на искусственную среду общения, во время взаимодействия коммуникантов применяются различные приемы и средства общения, позволяющие максимально приблизить виртуальный диалог к форме реального речевого взаимодействия.

Анализ языкового материала позволил выявить интенции создателей статусов: уменьшить коммуникативную дистанцию; привлечь внимание адресата для вступления в интеракцию; вызвать у адресата определенные эмоциональные реакции; сблизить точки зрения адресанта и адресата; создать общий эмоциональный настрой; побудить адресат к определенным действиям; выразить эмоциональное отношение к адресату; выделить адресат среди прочих присутствующих; уточнить определенные психологические характеристики адресата; противопоставить свое мнение мнению адресата; регулировать коммуникативные отношения с адресатом; предотвратить нежелательный контакт.

Также результаты исследования позволяют говорить о раскрепощении пользователей в отношении раскрытия своего истинного «Я». Это может привести в недалеком будущем к уменьшению анонимных пользователей.

Литература

1. Парыгин, Б.Д. Психологический барьер и его природа / Б.Д. Парыгин // Социальная психология и философия: сб. ст. / под ред. Б.Д. Парыгина. – Л.: ЛГПИ, 1975. – Вып. 3. – С. 3–13.
2. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
3. Калита, А.А. Система целей и средств суггестивного воздействия в коммуникации / А.А. Калита, Л.И. Тараненко // Вісн. Київ. нац. лінгв. ун-ту. Сер., Філологія. – 2012. – Т. 15, № 2. – С. 47–56.
4. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дис. … д-ра филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е.В. Шелестюк. – Челябинск, 2009. – 43 с.

Поступила в редакцию 18.05.2016 г.

УДК 821.161.2-31.09:81’22

Символика воды в украинском романном дискурсе второй половины XIX века

Матвеева Т.С.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков (Украина)

Статья посвящена изучению особенностей изображения стихии воды в украинском романном дискурсе второй половины XIX века. Актуальность исследования определяется отсутствием специальных работ, в которых бы выделялся данный элемент анализа большой эпической формы.

Цель – классификация, описание широкого спектра приемов представления водной стихии в художественном тексте: прежде всего – символизация материальных объектов, связанных с водой, для усиления эмоционального эффекта описываемых конфликтов, опосредованно – персонажей и их жизненного пространства.

Материал и методы. *Используемая методика – архетипный, семиотический анализ, что позволило раскрыть глубинный смысл водных символов, рассмотреть их знаковые составляющие.*

Новизна полученных выводов заключается в том, что объектом анализа стала значительная часть произведений большой эпической формы указанного периода, а не отдельные романы, что привело к более убедительным обобщениям, касающимся специфики видения стихии воды в произведениях, принадлежащих к различным литературным направлениям, жанровым формам.

Результаты и их обсуждение. *Украинские романисты второй половины XIX века активно использовали самые разнообразные по происхождению символы – фольклорно-мифологические (в том числе природные – флористические, зооморфные), библейские, этнографические, урбанистические. Однако и среди такого разнообразия выделяются символы стихий, в том числе воды, – основных первоэлементов, из которых состоит мир. Вода – амбивалентный символ, одновременно притягивающий человека как источник жизни и отталкивающий его чрезмерностью своих проявлений. Особенностью же анализируемого массива произведений является то, что как раз амбивалентность символа воды в нем не прослеживается. Вода практически всегда уничтожает пространство, убивает персонажей своим избытком или отсутствием. Объяснить этот феномен можно, по нашему мнению, преобладающей в исследуемый период времени тенденцией моделировать мир, применяя прием доказательства от обратного: «несовершенство» мира обусловлено деструктивными процессами, которые происходят в естестве человека, ибо мир таков, каков он внутри нас.*

Заключение. *Использование описанных закономерностей в изображении водной стихии и ее символических составляющих является перспективным прежде всего для изучения особенностей функционирования закона традиций и новаторства в литературном процессе, а также в сфере компаративного анализа.*

Ключевые слова: *украинский романный дискурс второй половины XIX века, вода, символ, поэтика.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 148–155)

The Symbolism of Water in Ukrainian Novel Discourse of the Second Half of the XIX Century

Matvieyeva T.S.

Kharkov National V.N. Karazin University, Kharkov (Ukraine)

The paper is devoted to the studying of the peculiarities of water element depiction in Ukrainian novel discourse of the second half of the XIX century. Research actuality is defined by absence of special researches devoted to this aspect of the analysis of the big epic form.

The aim of the paper is to classify, study the wide range of techniques of water element description in a piece of literature: symbolization of the material objects connected with water to intensify an emotional effect of the conflicts described, and indirectly, symbolization of characters and their life space.

Material and methods. *The method of the study is archetypical, semantic analysis that enabled to show the profound meaning of water symbols, to analyze their indicative meaning.*

The novelty of the conclusions is that the object of the analysis is considerable part of the works of the big epic form from the named period, not separate novels that resulted in more convincing generalization about specifics of water depiction in the works of different literary schools and genre forms.

Findings and their discussion. *Ukrainian novelists of the second half of the XIX century, made extensive use of a variety of different origin symbols – folklore and mythological (including natural – floral, zoomorphic), biblical, ethnographic, urban.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: movoznavstvo@karazin.ua – **Т.С. Матвеева**

However, the symbols of the elements stand out among such a variety, including water – the main primary elements that make up the world. Water is an ambivalent symbol, at the same time attracting the person as the source of life and pushes him back by excessiveness of its manifestations. A feature of the array of works analyzed is that just the ambivalence of the symbol of water in it can not be traced. Water almost always destroys the space, kills their characters with its excess or lack. To explain this phenomenon is possible, in our opinion, by prevailing in the analyzed period of time trend to model the world, using the technique of reverse proof: «imperfection» of the world is due to destructive processes that occur in the nature of the man, because the world is what it is within us.

Conclusion. *The proposed investigation is perspective for further study, first of all for researching of peculiarities of functioning of the law of traditions and novelty in the process of literature making, as well as in the sphere of comparative analysis.*

Key words: *Ukrainian novel discourse of the second half of the XIX century, water, symbol, poetics.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 148–155)

Украинская романистика второй половины XIX века отличается широтой проблемно-тематического спектра, жанровых форм, художественных приемов. Со времени своего появления (середина 1840-х годов. – *Т.М.*) и поныне она постоянно привлекает внимание литературоведов, поэтому достаточно глубоко изучена. Однако, убеждены, как любое другое нерядовое явление, не будет исследована до конца, во всей полноте содержательных и формообразующих элементов. Среди недавно изданных работ выделяем монографии Т. Гундоровой, Г. Левченко, В. Панченко, И. Приймак, Н. Ткачука, А. Швец, которые, по нашему мнению, объединяет идея коренного переосмысления художественного мира, смоделированного украинскими авторами. Речь идет об отказе от идеологизирования, социологизирования эстетических явлений, о приоритете в анализе собственно литературоведческих категорий – художественный метод, дискурсивность, интертекстуальность, прецедентность, синестезия и др. Безусловно, такое направление исследований является перспективным, позволяет по-новому, иногда с противоположных позиций, оценить художественное целое. Тем не менее приходится констатировать, что достаточно много аналитических аспектов все еще практически не представлены в работах наших предшественников. К таким относим и заявленную тему – символика воды в украинском романном дискурсе второй половины XIX века. В подобной плоскости большая эпическая форма указанного периода специально не рассматривалась.

Цель статьи – классификация, описание широкого спектра приемов представления водной стихии в художественном тексте: прежде всего – символизация материальных объектов, связанных с водой, для усиления эмоционального эффекта описываемых конфликтов, опосредованно – персонажей и их жизненного пространства.

Материал и методы. Материал для анализа – романистика наиболее известных украинских авторов второй половины XIX века: О. Кобылянской, И. Нечуя-Левицкого, И. Франко, Г. Хоткевича, А. Чайковского, М. Яцкова и других, что позволит, как нам представляется, наиболее полно осветить выбранный аспект исследования. Основной метод – архетипно-семиотический – поможет осмыслить этапы перехода образа в символ, отгадать его (символа) «смысловую глубину, смысловую перспективу» – «погрузить каждое частное явление в стихию “первоначал” бытия и дать через это явление целостный образ мира» [1, с. 387]. Продуктивность такого метода обусловливается и тем, что символ, кроме сопоставления с образом, может быть сопоставлен и со знаком, ибо символ также «есть знак, наделенный всей... неисчерпаемой многозначностью образа» [1, с. 386].

Результаты и их обсуждение. Украинские романисты второй половины XIX века активно использовали самые разнообразные по происхождению символы – фольклорно-мифологические (в том числе природные – флористические, зооморфные), библейские, этнографические, урбанистические. Однако и среди такого разнообразия выделяются символы стихий, в том числе воды, – основных первоэлементов, из которых состоит мир. Вода – амбивалентный символ, одновременно притягивающий человека как источник жизни и отталкивающий его чрезмерностью своих проявлений. Особенностью же анализируемого массива произведений является то, что как раз амбивалентность символа воды в нем не прослеживается. Вода практически всегда уничтожает пространство, убивает персонажей своим избытком или отсутствием. Объяснить этот феномен можно, по нашему мнению, преобладающей в исследуемый период времени тенденцией моделировать мир, используя прием доказательства от обратного: «несовершенство» мира обусловлено деструктивными процессами, которые происходят в естестве человека, ибо мир таков, каков он внутри нас. Человек обречен, если он не откажется от греховных мыслей, слов, поступков. Отсюда – гомоцентризация как преумножение человеческого (в библейском смысле – по отношению к пер-

вым людям, не знающим, что такое грех), как гармонизация внутреннего «я», как поиск самим героем ответа на вопрос о смысле жизни, что преимущественно происходит вследствие приобретения опыта общения с «изнанкой» мира. Мы соотносим этот процесс с выходом из Зазеркалья – места, в котором возможно сочетание несочетаемого, самые разнообразные материальные и духовные деформации, – в Шамбалу – «метафизический центр мира» [2, с. 237], открывающий посвященным дверь в иное бытие.

В описании подобного пути существенную роль играют символы. С их помощью можно отобразить глубинные процессы, которые происходят в психомире персонажа. Вода, по нашему убеждению, – один из таких символов. Водная стихия представлена в широком диапазоне своих проявлений – от снежной бури до омута, однако суть этих проявлений похожа во всех произведениях – это смертоносная сила для героев. Ее воздействие (а в анализируемом массиве романистики оно изображено с помощью параллелизма) сопоставимо с психическими деформациями, которые переживают персонажи в борьбе с абсурдным миром за целостность «я». Ограниченный объем статьи не позволит глубоко и всеобъемлюще показать специфику художественного рисунка и приемов его исполнения, но некоторые особенности нам, возможно, удастся продемонстрировать.

Наиболее часто употребляемое значение символа воды – граница между реальным физическим миром и ирреальным пространством (по аналогии с подземными реками в царстве Аида – Ахеронтом, Летой, Стиксом; славянской Забудь-рекой), хотя авторы иногда несколько трансформируют подобное смысловое наполнение, и тогда на первый план выходит значение Рубикона: невозвратимость к прежней жизни в материальном мире. Такую ассоциацию вызывает река в романе «В деревне» (1898) Н. Школиченко, главный герой которого – Максим Мысак – решился изменить собственное существование, переехав из города в деревню. Хотя, на наш взгляд, тут можно говорить об условном Рубиконе, так как изменить место пребывания не означает изменить себя. События, разворачивающиеся в произведении, подтверждают это: эйфория ожидания перемен вскоре сменилась ощущением повторяемости жизненных эпизодов, спровоцировала духовный упадок, депрессию, что и привело к смерти, то есть обратило (и уже безвозвратно) в абсолютно новое состояние жизни после жизни. Таким образом, за реалистическим антуражем, усиленным идеологической составляющей, писатель спрятал глубинный (подтекстовый) смысл – место выбора жизненного пути на аксиологической шкале ценностей – от хтонического низа до небесной сферы – определяется степенью готовности индивида к самогармонизации.

Иногда авторы используют прием контраста для того, чтобы показать абсолютное отторжение персонажем мира, в котором он вынужден жить. Наиболее показателен в этом случае, как нам кажется, роман «Николай Джеря» (1876) И. Нечуя-Левицкого. Автор символически изображает эпоху крепостничества, отличительной чертой которой было обезличивание человека, как столкновение противоположных стихий – воды и огня. Хотя антиномичность тут условна, так как обе природные силы предстают только разрушающими, провоцируя появление непригодного для полноценной жизни пространства и, соответственно, вынуждая человека искать другое пристанище. Мертвая земля – символ потерянного рая, своеобразная эмблема существования, которое никогда не превратится в бытие. И. Нечуй-Левицкий скрупулезно прослеживает этапы тридцатилетней «одиссеи» – скитаний главного героя и его единомышленников, которые надеялись отыскать свой Авалон – «символ затерянного в океане скрытого рая, центр истинного мира» [2, с. 236], а на самом деле блуждали неподалеку от Эльдорадо – «затерянного на берегу озера золотого города» – «символа безнадежности поисков» [2, с. 237]. Начиная свою «одиссею», они отделили прошлое от настоящего огнем – подожгли помещичьи угодья, но в действительности уничтожили плоды труда таких же, как сами, обреченных на безличие людей, отняв у них надежду хотя бы на выживание. Огонь оставил после себя пепел, который, гонимый ветром, поднялся ввысь, заслонил солнце, покрыл, подобно праху, землю, опустился черными хлопьями на воду реки. В этом процессе мы усматриваем градацию негативного: «вечность и забвение» как символы реки [3, с. 423] абсолютизируются значениями черного цвета – «мрак, хаос, смерть» [4, с. 531]. Так автор подчеркивает обреченность на неудачу поисков Утопии, ибо сам смысл этого понятия прочитывается как оксюморон: место, которого нет.

Другим пространством «опасности, перехода» [2, с. 55], символом «смерти и уничтожения» [5, с. 197] является омут – обманчивое своим спокойствием место, которое одновременно дает надежду видимостью неподвижной и как будто обещающей отдых по-

верхности, но тут же отнимает ее, сталкивая противоположные течения, которые закручиваются в воронку и поглощают человека. Как правило, возврата из глубины не бывает. Так объясняет символ омута И. Франко, усиливая его (символа) негативное значение соответствующими названиями смертоносного места: Заклятая пасть («Петрии и Довбущуки» (1875)), Клекот («Пересекающиеся тропинки» (1900)). Для писателя важно акцентировать внимание на том, что в мире, в котором преходящее объявлено вечным и наоборот, нет места чистым чувствам.

В первом из названных романов в омуте гибнет Елена Батланивна, не вынесшая предательства любимого человека. Она не нашла в себе силы жить, ибо не видела смысла в жизни без искренности, взаимопонимания, доброты. Померкла и красота природы (действие разворачивается в Карпатах), так как окружающий мир является только отражением чувств, эмоций, настроений каждого живущего в нем. Недаром в украинском языке омут называется «выр», «крутень», «чертово колесо» – «место, которое связывает “тот” и “этот” мир, является входом в другое пространство, особенность которого в том, что оно не обещает избавления от душевного бремени, так как создано демонами (“вырниками”, “выровниками”)» [3, с. 67]. Отсюда и прозрачное по смыслу название омута – «пасть» черной магии только проглатывает и никогда не отпускает свою жертву.

Подобное толкование символа омута И. Франко представил и во втором из названных романов. Водоворот – это последнее, что увидела и услышала главная героиня. Представшее перед ней зрелище было поистине фантастическим: бурлящий поток, вырывающийся черными всплесками из-подо льда, издавал звуки, похожие одновременно на стон и рев. Ощущение необузданной мощи, которая неминуемо поглотит всякого, дополнительно усиливается художником слова с помощью зрительного эффекта: героиня стоит на мосту, смотрит с высоты на «кипящую» воду. Последняя как будто притягивает ее (подобное желание слиться с природой, стать ее частью в другом измерении испытывает человек, смотрящий в бездну), манит узнать неведомое ранее состояние свободы самовыражения – и Регина делает шаг навстречу неизбежному. На какой-то момент сознание неотвратимости конца заставило ее опомниться, но было поздно: тихий вскрик, стук тела о камень – и поток унес жизнь. Автор подчеркивает неестественность ухода из бытия молодой женщины тем, что соединяет движение живого (течение реки) и мертвого (труп) в одной стихии – амбивалентной по определению, напоминая тем самым, что вода – «символ необратимого потока времени» [2, с. 57], она поглощает, принимает в себя и уже не отпускает.

Физическую кончину героини ранее опосредованно предсказал сон ее «несостоявшейся половины» – Евгения, который «увидел» себя на плывущем по черной реке свадебном плоту. Рядом с ним – девушка, скрытая туманной пеленой, сквозь которую постепенно стали проступать черты Регины. Но единения душ не состоялось, плот не доплыл до берега. Знаками разлуки и смерти стала чернота воды – «символ небытия», «комплекса одиночества» [6, с. 457]; сама вода, с поверхности которой быстро исчезает любой след; плот – неустойчивая конструкция, а главное, – маршрут течения реки, напоминающий латинскую букву S. Форма буквы кодирует невозможность встречи героев, разводя их параллельными вершинами. Кульминацией же сновидения стало появление у берега обнаженного трупа Регины. Нагота – это проявление беззащитности, беспомощности, а в этом случае еще и абсолют утраты счастья. Приснившаяся вода символизирует бессознательное [6, с. 53] – в контексте романа визуализирует в образах утвердившуюся у Евгения мысль, что бессловесная влюбленность, десять лет, прожитые порознь, не соединят его и Регину.

Именно вода чаще всего является проводником на тот свет: сами персонажи питают скрытую надежду, что такое своеобразное омовение частично облегчит бремя греха добровольного ухода из жизни. Так, безысходность заставляет покончить с собой безымянную героиню романа «На распутье» (1891) Б. Гринченко: традиционный конфликт социальных верхов и низов усложняется автором тем, что тот, кто толкнул девушку на самоубийство, – не пресытившийся аристократ, прожигатель жизни, играющий чужими судьбами, а такой же отчаявшийся найти смысл бытия человек. Интересно, что противоположность социального статуса тут парадоксально соединяет в стремлении найти родственную душу, которая бы поняла, что так же волею судьбы заброшена не в свое время, однако именно разница общественного положения заставила их избрать радикальный способ решения проблемы оправдания собственного присутствия в мире.

Еще более странное соединение жизни и смерти изображено А. Чайковским в романе «Олюнька» (1895), главная героиня которого, не найдя понимания среди живых, иска-

ла его среди мертвых. Ее любимым местом, где она находила покой, стало кладбище. Олюнька «общалась» с ушедшими за грань, слышала их голоса, зовущие в мир без слез, поэтому хотела как можно быстрее очутиться там. Для писателя важно было подчеркнуть именно этот феномен: почему живые хотят стать мертвыми, почему в созданном гармоничном мире человек перестал ощущать присутствие Бога. Поэтому на первый план выходит проблема греха и покаяния – вечная дилемма для каждого. А. Чайковский «решает» ее неожиданно: персонажи – олицетворение добра – умирают (хотя и для адептов зла «счастья» в его овеществленном понимании не настало, поскольку через пролитую кровь оно недостижимо). Так соединились природная стихия – вода, в которой нашла свое последнее пристанище Олюнька, и кровь невинной жертвы (автор детально, с натуралистическими подробностями описывает труп девушки до и после вскрытия): смешавшись, они растворились друг в друге, вызвав необратимые изменения, несовместимые с первоначальной функцией – «жизнетворением». Немаловажно и то, что действие происходит зимой, поэтому вода представлена в двух состояниях: черное течение реки (общеизвестно, что в холодное время года вследствие уменьшения светового отражения вода кажется темнее обычного) и белые льдины. Поэтому световой контраст лишь подчеркивает зыбкость границы между мирами, а в этом произведении еще и оттеняет парадоксальный вывод о том, что смерть избавляет от жизни, так как последними словами автора о героине были: «Счастливая теперь Олюнька!» – наконец-то она нашла вечный приют. Хотя и тут судьба обошлась с ней жестоко, лишив возможности пребывать в вечности рядом с дедом: не доказав факт убийства, следствие причислило ее к самоубийцам, а их не хоронят по христианскому обряду. Теперь ее пристанище в углу кладбища за церковной оградой.

Ощущение одиночества в обществе преследует большинство персонажей анализируемого романного массива. Нам представляется это закономерным вследствие действия не морально-этического, а социального механизма отчуждения, поскольку само существование социальной вертикали предопределяет непреодолимые преграды для коммуникации. Особенно ярко подобная тенденция показана в романе «Городская» (1901) Л. Яновской, сквозным образом-символом которого является «прохудившаяся лодочка батрачки». Водная стихия обязательно разломает такую ненадежную опору и заберет в свои глубины человека, отважившегося ей противостоять. Содержание романа отображает эту ключевую мысль, наиболее отчетливо проявляясь в эпизодах из жизни главной героини, Приськи, каждый последующий из которых является звеном восходящей градации, пока не достигнет одномоментных кульминации и развязки – смерти девушки. Тут, по нашему мнению, река связывается автором с идеей «страха перед тайным, с... ощущением холода и темноты, эмоциональным переживанием утраты, разлуки, ожидания» [3, с. 423], поскольку, наряду с другими, выделяется проблема соотнесения мечты и реальности, которая в произведении обыгрывается как невозможность подняться с социального «дна». Соответственно подбирается и символика для таких, как Приська, – грязь неосвещенных улиц, где нечистота является не столько эквивалентом бедности, невостребованности, сколько метафоризацией придуманных людьми табу, призванных закрепить социальную иерархию.

Подобные значения воды представлены во многих романах, поскольку речь идет об универсалиях: символ всегда «и в плане выражения, и в плане содержания является некоторым текстом» [7, с. 240], «никогда не принадлежит одному синхроничному срезу культуры... а всегда пронизывает этот срез по вертикали, идя с ним в будущее» [7, с. 241]. Фактически символ понимается как «посредник между синхронией текста и памятью культуры» [7, с. 248], в нем заложены представления предков о философии бытия, о возможности или невозможности совместить вечные антиномии, отсюда кодирование информации, скрытый смысл, подтекстовые связи образов. Яркой иллюстрацией вышеизложенного послужит, как нам представляется, финальный эпизод романа «Люборацкие» (начало 1860-х годов) А. Свидницкого: на могилу матери, чьи дети еще раньше отошли в мир иной, чужие люди годами лили помои, пока могильный холмик не сравнялся с землей. Тем самым автор подчеркивает, что уничижительное отношение к памяти предков обернется против потомков, и не важно, кровные они или нет. Нарушение связи времен, разрыв поколений ведет к потере родовой, а значит и национальной (ментальной), памяти. Эти утраты опосредованно выражаются и в невозможности восстановить знания прошлых эпох, закодированные в символах, так как визуальное восприятие всегда будет неполным. Поэтому автор и выбрал для того, чтобы донести эту мысль, соответствующие коды: могила и вода – конечность и бесконечность

одновременно. Могила –физический переход в иное измерение, в котором материальное (и даже нематериальное, например, время) не властно, не является абсолютом; вода (в тексте – крайнее ее негативное значение – помои – прием доказательства от обратного) как самоочищающаяся субстанция, уносящая к другому берегу, по сути, также в иной мир.

Близкое по смыслу значение имеет вода и в наиболее известных романах Панаса Мирного «Ревут ли волы, когда ясли полны?» (1875) (написан в соавторстве с И. Билыком), «Повия» (1883–1919) (существующий перевод заголовка – «Гулящая», по нашему мнению, не отображает суть его авторской версии: в народе «повіями» преимущественно называли тех мужчин и женщин, которые скитались по миру (в украинском языке «вiялись свiтами»), не имея пристанища. Именно это значение было основным, в отличие от менее распространенного атрибутирования «проститутка». – *Т.М.*).

В первом из названных произведений символ воды появляется в финальном эпизоде, но его присутствие в романе в целом неоспоримо в том смысле, что его выражение – дождь – ассоциируется со слезами близких людей главного персонажа – Чипки, которые они пролили, видя как он губит себя: его правда об изменении существующего строя – это страх, жестокость, кровь без понимания того, что разрушение не может быть путем к созиданию. Итог закономерен: персонаж осужден на каторгу за убийство, перед этапом он прощается с односельчанами, дорогу в Сибирь ему «моет» дождь. Любопытно, что авторы скорректировали смысл всем известной приметы: дождь перед дорогой – к удаче, подчеркнув тем самым, что путь персонажа лежит туда, откуда часто не возвращаются или возвращаются с окончательно деформированным сознанием, так как каторга – не место для гармонизации естества. Поэтому дождь в анализируемом эпизоде не «жизненная сила», а «источник разрушений, проявление гнева Бога» [4, с. 159]: персонаж своим выбором агрессивной модели поведения, выбором в пользу нетерпимости к способу мышления других проигнорировал Божью заповедь о любви к ближним, то есть ко всем людям, отношение к которым, независимо от того, любят или ненавидят они тебя, должно быть одинаковым, так как каждый из людей создан по образу и подобию Творца [8, с. 631]. Такой дождь усугубляет дорогу, уподобляет болоту – «небезопасному и нечистому месту, в котором водятся черти» (не лишним будет подчеркнуть, что, например, в легендах белорусов присутствует мотив «наплевывания» чертом болот [3, с. 38]) – искусители человека, поддавшись которым, он почти лишает себя надежды на искупление греха.

Конечная фаза существования воды – снег, лед. Именно она доминирует в финале второго из названных романов: главная героиня, Христя, замерзает на пороге собственного дома, который уже не принадлежит ей. Она прожила короткую жизнь между мирами деревни и города и обоим послала проклятие, так как ни один из них не принял ее искренности, непосредственности, отторгнув на социальное «дно». Теперь девушка замерла в последнем сне в точке невозврата. Ее постепенно засыпает снег, и она вот-вот растворится в холодной массе, не отпетая, не похороненная, поэтому ее кончина еще страшнее, чем смерть матери в «Люборацких»: женщина хотя бы умерла в своем доме. Своеобразным прологом такого финала Христи стала смерть ее отца, замерзшего по дороге с ярмарки. В этом эпизоде используется оксюморон: невозможно соединить веселье ярмарочных балаганов и уход из жизни, слишком разителен контраст мечты о семейном благополучии и темноты небытия.

Обращение к символике воды, по сути, позволяет авторам «замкнуть» жизненный круг своих персонажей (и не важно, что Чипка живой, так как, судя по его портретным деталям, выделенным в финальном эпизоде, например, «волчий взгляд», можно предположить, что духовная смерть уже забрала его): вода в виде дождя делает дорогу непригодной для движения; превращаясь в снег, лед, вода сама останавливает свое течение, а в результате – безвременье, хаос, Ничто.

Близкой по смыслу является антиномия светлого свадебного дня и непогоды, представленная М. Яцковым в романе «Огни горят» (1902). Однако на самом деле противопоставление отсутствует, потому что не произошло единения душ: для Нины и Бурмилова это только знак «нормальности» в обществе, в котором вечные ценности объявлены преходящими. Персонажи – очередное воплощение «супружества», то есть двоих в упряжи, обязанных не по своей воле тянуть лямку жизни. Поэтому автор, описывая церемонию бракосочетания, выбрал соответствующий антураж – дождь, холод, хотя действие происходит летом, тем самым подчеркивая фальшивость события, противоестественность подобных отношений. Высшей точкой градации в эпизоде стало смешивание дождя – природной влаги и крови – физиологической жидкости в момент, когда брат героини и ее муж чуть не убили друг друга. Таким образом, обычное метеорологическое

явление наполняется символическим смыслом: дождь уподобляется слезам, а холодный дождь, который при определенных условиях может превратиться в град, – больно ранит, и не столько физически, сколько морально, потому что своей аномальностью напоминает о быстротечности жизни, о годах, растраченных на иллюзию адаптации в абсурдном мире.

От невозможности защитить честь и достоинство законным путем решилась на убийство мужа героиня романа «Большой шум» (1907) И. Франко. Проданная за титул графу – цинику и развратнику – Евгения заплатила за возможность обрести покой – и море поглотило ненавистного человека. Показательным является одно из символических значений моря – «смерть и загробная жизнь» [5, с. 196] как олицетворение иного мира, в котором каждому воздается по делам его.

Часто писатели, стремясь к полноте, убедительности изображаемого, прибегают к символике застывшего, неподвижного, особенно если речь идет о непонимании между персонажами. Такой прием использовала О. Кобылянская в романе «Через кладку» (1911), ярко описав сцену последней встречи главных героев – Богдана и Мани. Они находятся в притихшем от холода зимнем лесу, что само по себе резче подчеркивает отсутствие доверия; снег замел дорогу, они вынуждены прекратить движение – и в этом смысл эпизода: пока рядом, но духовно уже порознь, настолько, что им нечего сказать друг другу. Поэтому тишина превращается в погребальный саван – она как будто укутывает персонажей, отнимает у них надежду на взаимопонимание. А символ «спящей» воды – снег дополнительно оттеняет «недостаток душевной теплоты, психическую стагнацию», становится эквивалентом «полного забвения» [6, с. 53].

Положительные примеры использования символики воды в исследуемом романном массиве встречаются нечасто. Наиболее показателен в этом смысле роман «Каменная душа» (1911) Г. Хоткевича, главная героиня которого пережила катарсис во время грозы. Изолированная от мира, принявшая муки за иллюзию чувства, отвергнутая человеком, для которого жизнь перестала быть даром, Мария думала о смерти, но природная стихия подсказала ей, что она уже не одна в этом мире и нужно найти в себе силы переосмыслить содеянное, чтобы передать свой опыт ребенку. Именно эпизод грозовой ночи в горах стал кульминационным в произведении, напомнив, что гроза – это демонстрация «Божьего могущества», когда удар молнии ассоциируется с «воздаянием и правосудием» [9, с. 67], а низвергающаяся вода смывает грязь, очищая не только тело, но, главное, душу, ибо является «источником самой жизни» [9, с. 43].

Данные, полученные в результате проведенного исследования, по нашему мнению, свидетельствуют об актуальности предложенного пути изучения украинского романа второй половины XIX века, так как он (путь) позволяет, используя архетипно-мифологический, частично культурно-исторический, семиотический методы анализа художественного целого, углубиться в подтекст произведения, отыскать и предложить интерпретацию неявных, но всегда важных смыслов, относящихся к проблемно-тематическим комплексам, образной системе, поэтике текста. В этом мы видим и научную новизну представленных размышлений, поскольку наши предшественники целостно не осмысливали специфику использования символики воды в романном массиве указанного периода, ограничиваясь на этот счет отдельными замечаниями.

Заключение. Выводы, к которым мы пришли, следующие: символ воды является одним из самых востребованных в украинской романистике второй половины XIX века; в основном представлен в своем негативном проявлении как отнимающая жизнь стихия. Наиболее распространенные водные ассоциации – омут, болото, река, водоворот – изображены как ряд градаций – от неподвижности («спящая» вода) до могучего течения, закручивающегося подобно воронке времени человеческой жизни – от рождения до смерти. Соответственно выбирается и цветовой антураж – от черного, символизирующего хаос творения, до белого, олицетворяющего белизну савана, – Ничто. Часто писатели используют бинарные оппозиции для того, чтобы ввести в структуру текста образ-символ воды (не обязательно это будет природная влага), демонстрируя тем самым полярность восприятия водной стихии в разных жизненных ситуациях (*свадьба/кровь* (или труп в черной воде); *самоубийство (утопление)/очищение*). Нередко в символе воды сочетаются архетипно-мифологическая и авторская составляющие, что делает образ, с одной стороны, узнаваемым через аллюзии, реминисценции, цитаты, а с другой – добавляет ему новизны (выходы на божественный пантеон в мифологии; коллективное бессознательное – архетипную память; сферу психоанализа – индивидуальных ментальных образов).

В завершение укажем на возможность практического применения полученных результатов: обращение к подоб-

ным аспектам анализа способствует углублению видения литературного процесса в его периодичности, так как именно символ – поливариантная смысловая категория «существует до данного текста и независимо от него», «отображает память культуры о себе» и, таким образом, «не дает ей расслоиться на изолированные хронологические пласты» [7, с. 243]. Кроме того, выявление связей в диаде *подтекст/текст* помогает определиться с принадлежностью того или другого автора к определенному литературному направлению (направлениям), проанализировать особенности его индивидуального стиля.

Литература

1. Аверинцев, С. Символ / С. Аверинцев // София-Логос. Словарь. – Киев: Дух і літера, 2006. – С. 386–394.
2. Шейнина, Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: ООО «Торсинг», 2002. – 591 с.
3. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – Київ: Либідь, 2002. – 664 с.
4. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер]. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; МИФ; ООО «Изд-во АСТ», 2001. –576 с.
5. О'Коннелл, М. Знаки и символы: иллюстрированная энциклопедия / М. О'Коннелл, Р. Эйри; [пер. И. Крупичевой]. – М.: ЭКСМО, 2007. – 255 с.
6. Жюльен, Н. Словарь символов / Н. Жюльен; [пер. с фр. С. Каюмова, И. Устьянцевой]. – 2-е изд. – Б. м.: Урал Л.Т.Д., 1999. – 497 с.
7. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман; [сост. М.Ю. Лотман]. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 240–250.
8. Закон Божий, составленный по Священному Писанию и изречениям Святых Отцов как практическое руководство в духовной жизни / рецензент издания доцент Московской духовной академии священник М. Козлов. – М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998. – 704 с.
9. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер; [пер. с англ. С. Палько]. – М.: Фаир-пресс, 2001. – 448 с.

Поступила в редакцию 30.08.2016 г.

УДК 82.09’82.14(410.1)

Традиция как форманта поэтической картины мира Т.С. Элиота и В.Х. Одена

Статкевич Л.П.

Национальная академия Государственной пограничной службы Украины имени Б. Хмельницкого, Хмельницкий (Украина)

Для культуры прошлого века проблема рефлексии традиции была одной из важнейших, не утратила она своей актуальности и в наши дни. Именно поэтому дискуссии вокруг нее уже давно вышли за пределы научного междисциплинарного дискурса.

Цель статьи – рассмотрение традиции как важной составляющей поэтической картины мира Т.С. Элиота (1888–1965) и В.Х. Одена (1907–1973).

Материал и методы. *Материал исследования – литературно-критические эссе Элиота и Одена. Оно осуществлялось с использованием элементов историко-теоретического, архетипического, социологического, культурно-исторического, компаративного, биографического, а также интертекстуального методов и подходов.*

Результаты и их обсуждение. *Проблема рефлексии традиции прошлого века стала превалирующим фактором развития эстетики и художественной практики высокого модернизма. В работах Элиота моделируются литературные ряды, которые допустимо условно обозначить как «общеевропейский канон», «метафизический канон», «национальный канон». Поэзию Одена можно без условностей назвать социальной, и здесь речь идет вовсе не об определенной степени ангажированности, политизированности и социальной критики, а о наличии аудитории, читательской среды как необходимого условия существования самой поэзии. Вместе с тем Оден способствовал тому, чтобы во-первых, поэзия вернулась если не в массы, то, по крайней мере, до широкого читателя, и во-вторых, элитарности имажистов и блумсберийцев был положен конец.*

Заключение. *Таким образом, проблема рефлексии традиции прошлого века стала превалирующим фактором развития эстетики и художественной практики высокого модернизма. Т.С. Элиот вошел в мировой литературный процес как создатель одной из наиболее последовательных и теоретически разработанных концепций традиции в культуре XX века.*

Ключевые слова: *поэтическая картина мира, традиция, модернизм, классика, интертекстуальность.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 156–161)

Tradition as a Formant of T.S. Eliot’s and W.H. Auden’s Poetic Picture of the World

Statkevych L.P.

National B. Khmelnitsky Academy of State Border Guard, Khmelnitsky (Ukraine)

The issue of tradition reflection was one of the most important for the culture of the previous century; it has not lost its relevance today. That is why the discussion around it has long gone beyond the scientific interdisciplinary discourse.

The purpose of the article is to consider tradition as an important component of the poetic picture of the world of T.S. Eliot (1888–1965) and W.H. Auden (1907–1973).

Material and methods. *The object of the study is literary-critical essays by Eliot and Auden. The research was carried out using elements of the historical and theoretical, archetypical, sociological, cultural and historical, comparative, biographical, intertextual methods and approaches.*

Findings and their discussion. *The issue of last century tradition reflection was the predominant factor in the development of aesthetics and artistic practice of high modernism. In Eliot’s works fiction series are modeled which can be conditionally defined as «common European canon», «metaphysical canon», «national canon». Auden’s poetry can quite straightforwardly be called social and here we are talking not about a certain degree of partisanship, politicization and social criticism, but about the presence of the audience, reader media as a prerequisite for the existence of the poetry itself. At the same time, Auden contributed, first of all, to the return of poetry to wide range reader, if not to masses, and, secondly, the elitism of Imagists and Blumsberrysts was put an end to.*

Conclusion. *The issue of tradition reflection of last century became the prevailing factor of High Modern aesthetics and artistic practice development. Eliot entered the global literary process as the creator of one of the most consistent and theoretically developed concepts of tradition in the XX century culture.*

Key words: *poetic picture of the world, tradition, Modernism, classic, intertextuality.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 156–161)

Адрес для корреспонденции: e-mail: statkevych_lara@ukr.net – **Л.П. Статкевич**

В научном дискурсе прошлого века достаточно остро дебатировался вопрос отношения к феномену традиции, а также неоднократно подвергалось сомнению право данного понятия на статус полноценной литературоведческой категории. Вместе с тем поляризация точек зрения и текущее политическое напряжение эстетической дискуссии способствовали формированию и развитию новых подходов к осмыслению проблемы традиции в литературоведении, философии, теологии, культурологии, социологии и т.п.

Литература модернизма является одной из наиболее привлекательных областей исследования традиции с точки зрения степени дискуссионности, напряженности творческой рефлексии по отношению к традиции и создания различных модусов ее манифестирования. Также культурная традиция неоднократно становилась основой для создания новых художественных концепций в творческой практике модернизма, его эстетике и универсальных смысловых системах. Анализ опыта модернистов XX века активизировал утверждение новой концепции соотношения традиции и современности, учитывающей динамичность традиции как формы социального наследия. В двадцатом веке значительно усилилась степень осознанной ориентации и степень свободы в выборе подходов к усвоению художественного опыта предыдущих поколений, расширились пространственно-временные и эстетические границы художественного диалога.

Цель статьи – рассмотрение традиции как важной составляющей поэтической картины мира Т.С. Элиота (1888–1965) и В.Х. Одена (1907–1973).

Материал и методы. Материал исследования – литературно-критические эссе Элиота и Одена. Оно осуществлялось с использованием элементов историко-теоретического, архетипического, социологического, культурно-исторического, компаративного, биографического, а также интертекстуального методов и подходов.

Результаты и их обсуждение. В свое время Д. Паркинс писал, что «переход от романтического и викторианского типов поэзии к модернистскому является одним из фундаментальных сдвигов в истории поэтического искусства» [1]. Прежде чем говорить о преодолении романтической и викторианской традиции, о формировании нового типа поэзии в 1910–1920-х годах, следует сначала определить суть поэтической традиции в целом. Только при таком условии возможна оценка того поэтического наследия, той традиции (или традиций), в рамках которых происходило формирование поэзии 30–40-х годов прошлого века. Основная проблема, которая возникает при исследовании традиции в искусстве, заключается в разграничении между культурным наследием и собственно поэтической традицией, то есть между совокупностью культурных факторов определенной эпохи и осмыслением этих факторов последующими поколениями. Отличительным признаком традиции является то, что она видит прошлое «глазами настоящего, прошлое которое активно развивается и меняется» [2, с. 311]. Вместе с тем нельзя не учитывать то, что традиция в равной степени касается прошлого, настоящего и будущего. Постоянный интерес и активные дискуссии вокруг этой проблемы объясняются ее статусом «сверхтемы», связанной с общими закономерностями культурного процесса, с одной стороны, и с «интертекстуальной рамкой» [3] конкретного художественного произведения, с другой стороны. Восприятие традиции – ее отрицание или апология – во многом определяется мировоззренческими преференциями автора.

Автор как речевая личность формирует собственную картину мира, в первую очередь под влиянием национальной традиции, доминирующей в настоящее время. Именно поэтому считаем целесообразным отметить нюансирование употребления терминов «традиция» и «наследие». Активность традиции, ее принадлежность к настоящему делает эти понятия принципиально разными. Ведь «традиция», в отличие от более широкого понятия социально-гуманитарного знания «наследие», обязательно включает в себя момент оценки того, чему она подражает. В этом плане традицию можно рассматривать как ту часть наследия, которая «особым образом вовлечена в современность» [4, с. 32]. Для нашего исследования эта «особенность включения в современность» есть особенно интересной. Мы будем понимать под поэтической традицией именно актуальность тех или иных авторов или течений для В.Х. Одена, а не всю сумму тех произведений, которые дошли до него. Именно поэтому стоит говорить не столько об актуальности, как об актуализации, о той самой «включенности в современность». И следует, наверное, начать с англо-американского поэта Т.С. Элиота, который без преувеличения повлиял на все дальнейшее развитие литературы. Для подтверждения возьмем лишь один, но очень показательный пример: его литературно-критическое творчество актуализировало поэзию поэтов-метафизиков, которая безусловно существовала как факт культурного наследия, но как бы пассивно, чтобы сделать ее постоянным фактом влияния на поэтов 30–40-х годов и всю поэзию

XX века в целом, а затем вовлечь творчество поэтов-метафизиков в традицию.

Одной из функций традиции бесспорно является дистилляция, что выделяет «верхний» ряд художников, чьи имена хранятся в культурной памяти на протяжении существования той или иной традиции. В периоды изменений исторических эпох и кризиса ценностей понятие «класика» приобретает особую злободневность. Для Т.С. Элиота, как классического модерниста, такие понятия, как ценность, классика, мера, духовные, интеллектуальные и художественные ориентиры, были органическими факторами механизма существования культуры, поэтому нуждались и во внимании, и в уточнении. В его понимании развитие культурного процесса не могло быть осмыслено вне этой категории. Так, проблема ценности литературного произведения является одним из принципиальных аспектов теории традиции Элиота. Следовательно, по мнению поэта, понятие «традиция» и «класика» неразрывно связаны, а появление яркой художественной индивидуальности не было возможно без глубокого усвоения творческого опыта нескольких поколений предшественников. В лекции «Кто такой классик?» (What is a Classic, 1944) поэт формулирует принципы, согласно которым можно определить стандарт, шкалу оценки литературного творчества того или иного автора, выработать общую меру, способную противостоять провинциализму в литературе. Постоянный интерес и активные дискуссии вокруг проблемы традиции в творчестве Элиота можно объяснить, как ранее говорилось, ее статусом – главной темы, связанной с общими закономерностями культурного процесса, с одной стороны, и с творческой историей конкретного художественного произведения – с другой.

Он называет три бесспорных имени – Данте, Шекспира и Гете и формулирует такие характерные качества европейского писателя-классика, как «постоянство» («Permanence»), «достаток» («Abundance»), «размах» («Amplitude»), «единство» («Unity»), «универсальность» («Universality»), «мудрость» («Wisdom»). Большинство из этих характеристик так или иначе отражают взаимосвязь названных поэтов с общей европейской традицией, общими духовными ценностями, мудростью, накопленной в течение тысячелетий в европейской культуре. Вместе с тем Элиот также различал два значения понятия «классик» – универсальное и локальное, ограниченное рамками национальной традиции или определенного исторического этапа. В своих эссе поэт обращался к осмыслению роли того или иного художника в определенной национальной традиции (британской, американской, французской и т.д.), в конкретный период развития литературы, определенной философско-эстетической парадигмы (например, его известная попытка выделить в особый ряд религиозных поэтов) и др.

Теоретико-философские рассуждения Элиота о сущности классики не могли не привести его к искушению составления литературного ряда «сильных», «осевых» произведений и попытке создания собственного канона, хотя сам он не пользовался этим понятием. Вся его деятельность как теоретика и критика демонстрирует, что ему удалось не только аргументированно изложить свои приоритеты, но и изменить представление об основном русле развития общеевропейской и национальной традиции.

В работах Элиота моделируются литературные ряды, которые можно условно обозначить как «общеевропейский канон», «метафизический канон», «национальный канон». В качестве составителя канонов он часто выступает как «переключатель парадигм». Это проявляется прежде всего в выдвижении на первый план имен поэтов, которые по тем или иным причинам были забыты, «затеряны» или считались второстепенными фигурами. Подобный процесс показывает и не менее известная история открытия творчества британского поэта и католического священника Дж.М. Хопкинса поэтами 30-х годов: он вошел в XX век как факт викторианского поэтического наследия (как бы далеко поэт не отходил от мейнстрима викторианской поэзии). Позже его творчество по достоинству оценили В.Х. Оден, Л. Макнис, Д. Томас и др. Поэтому традиция приобретает признаки приглашения художника из прошлого к сотворчеству на современном этапе развития искусства, своеобразного творческого вызова к слиянию горизонтов. Именно в этой ее функции польский социолог Е. Шацкий определял традицию «как экспериментальную вечность» [2, с. 426]. О том, что каждая эпоха открывает в больших произведениях прошлого что-то новое, размышлял в свое время еще В.Г. Белинский. М.М. Бахтин в статье «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» (1970) говорил о том, что «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох. Смысловые сокровища, вложенные Шекспиром в его произведения, создавались и собирались веками и даже тысячелетиями: они таились в языке, и не только в литературном, но и в таких пластах народного языка, которые до Шекспира еще не вош-

ли в литературу, в различных жанрах и формах речевого общения, в формах мощной народной культуры (преимущественно карнавальной), сформированных тысячелетиями, в театрально-зрелищных жанрах (мистерийных, фарсовых и др.), в сюжетах, уходящих своими корнями в доисторическую древность, наконец, в формах мышления. Шекспир, как и каждый художник, создавал свои произведения не из мертвых элементов, не из кирпича, а из форм, уже обремененных содержанием, наполненных им. Впрочем, и кирпичи имеют определенную пространственную форму и, следовательно, в руках строителя нечто выражают» [5].

В каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, еще не осознанными и не использованными в течение всей исторической жизни данной культуры. Античность не знала той античности, которую мы теперь знаем. Ни современники Данте, ни Шекспира не знали их такими, какими знаем мы. Еще одним свойством традиции, на которое стоит обратить внимание, является диалектическая природа ее формирования. Традиция возникает не только за счет переоценки и восприятия культурного наследия, но и благодаря критике этого наследия, бунта против прошлого. Другими словами, в формировании традиции одновременно участвуют силы притяжения и силы отталкивания; любой художник в своем диалоге с наследием находит и единомышленников, и оппонентов. Именно за счет этой особенности какая-то часть наследия обновляется, другая на время остается маргинальной. Об этом говорил Поль Рикер: «В основе формирования традиции положено взаимодействие инноваций и седиментации» [6, с. 68].

Похожее мнение, но с точки зрения структурного восприятия традиции, высказывал в свое время Ю.Н. Лотман: «<...> когда мы говорим о борьбе структурных тенденций, мы имеем дело не с нивелированием одной из них и заменой другой, а с проявлением ранее запрещенных структурных типов, художественно активных только на фоне той предыдущей системы, которую они считают своим антагонистом» [7, с. 54].

Поэтому формирование традиции не сводится к простому усвоению наследия, традиция – это сложная совокупность культурных контекстов, борьба эстетических и формальных норм, отражение культурного наследия приобретает актуальность при решении наиболее современных проблем. И самое главное – именно традиция – хранитель наследия, ведь в силу традиции мы сейчас имеем возможность наслаждаться произведениями искусства, с которыми нас разделяют века. Вместе с тем традиция является составляющей нашей культурной памяти. Невозможно обойти вниманием и многозначность самого термина «традиция». Ведь в культуре прошлого века значительно расширились границы этого понятия. Поэтому на первый план выходит коммуникативное начало, что является субстанциональным признаком этого феномена, при этом формируются творческое, свободное отношение к преемственности культурного опыта и представление о динамическом, диалектическом характере традиции. Феномен традиции стал важным фактором развития эстетики и художественной практики модернизма, в которых выразилось характерное для представителей этого направления стремление выйти за социально-исторические, пространственно-временные, индивидуально-личностные черты. Поэтому доминировала установка на выявление вечных, универсальных тем, художественное осмысление постоянных, устойчивых моделей личного и социального поведения, законов бытия. Относительно преемственности культурного опыта, наверное, лучше Элиота трудно сказать, так обратимся к первоисточнику: «Нет ни поэта, ни художника – какому бы искусству он ни служил, – чьи произведения раскрыли бы весь свой смысл, рассмотрены сами по себе. Значение художника, его оценка устанавливаются, если выяснить, как созданное им соотносится с творениями усопших художников и поэтов. О нем нельзя судить изолированно; нужно – для контраста и для сравнения – судить о нем, сравнивая его с прошлыми. Для меня это принцип не только истории литературы, но и художественной критики. Та связь, которая подчиняется и которую продолжает поэт, – это не односторонняя связь; когда создано новое художественное произведение, это событие одновременно затрагивает все произведения, которые ему предшествовали» [2]. Проанализировав (насколько позволяют рамки статьи) литературно-критические изложения Элиота о таких понятиях, как «традиция», «классика» и «классик», сосредоточимся на анализе взаимодействия поэтической традиции и творчества Одена. Попробуем понять, каким образом тот этап развития английской поэзии, в течение которого происходило формирование Одена как поэта, подготовил его появление. Какой поэтический опыт и творческие открытия стали основой для его формирования? Ибо очевидно, что любой английский поэт 30–40-х годов не мог не находиться под влиянием таких авторитетов, как Элиот, Йейтс и Паунд.

В одной из своих работ Р. Еллманн дал глубокую аллегорическую зарисовку трем эпохам английской поэзии. Описывая XX век со всеми его достижениями и недостатками на всех уровнях общественной жизни, автор пользуется странной, на первый взгляд, аллегорией – газовый завод. Р. Еллманн пишет: «Элиот смотрит на завод – и впадает в отчаяние, <...> что касается Йейтса, то он ничего не заметив, уже давно прошел мимо, размышляя о троянской башне <...>». Но есть в этой зарисовке еще один персонаж – В.Х. Оден, который, «расталкивая других, пробирается внутрь, чтобы посмотреть на оборудование, спрашивает: а сколько лошадиных сил в этой турбине?» [8].

Оден, по мнению Д. Перкинса, был «первым поэтом, который писал на английском и чувствовал себя в XX веке как дома» [1]. Несмотря на немалую вариативность оценок творчества Одена, именно этот момент единогласно отмечается едва ли не всеми исследователями его работ. Оден определенно не был первым поэтом, который в своем творчестве осмысливал современную жизнь общества, однако он воспринимал ее такой, какой она есть. И Элиот, и Йейтс противопоставляли свои идеалы реальности (разные по своей сути, однако тем не менее с той реальностью несовместимые), Оден чувствовал себя достаточно комфортно [1].

Ведь «поэзия Одена вобрала в себя всю неустроенность своего времени, все присущее ему многообразие языков и событий. В этом, как практически и в остальном, поэт отличался от своих предшественников – Йейтса, Лоуренса, Элиота или Паунда, которые ущербному настоящему предпочитали абстрактный, утраченный рай, где жизнь была целостной, иерархия – четкой, а высокий стиль – естественным продолжением разговорной речи» [9].

В 1930-е гг., когда в английской поэзии появились такие поэтические шедевры, как «Византия» Йейтса и «Пепельная среда» Элиота, именно Оден получает статус «major poet», а его имя считается синонимом десятилетия. В это время поэту чуть больше двадцати. Такое раннее и широкое признание творчества английского поэта случалось вероятно еще во времена Дж.Г. Байрона. Попробуем найти объяснение феномену Одена, не погружаясь в биографические детали, поскольку исследований подобного плана в данный момент немало. Первое, что важно, на наш взгляд, акцентировать, так это то, что поэзия Одена – продукт XX века. Она находится в постоянном диалоге со своей эпохой. Вслед за «Бесплодной землей» Элиота, которая характеризуется высокой концентрацией интертекстуальных связей по всей исторической вертикали существования культуры цивилизации (к слову, как и все его творчество в целом [3]), Оден вводит в контекст своих произведений идеи марксизма, фрейдизма, последние достижения научно-технического прогресса, вестерны, детективы, а также политику и даже газетные заголовки. Подобно поэзии Элиота его произведения были сложными, однако, в отличие от произведений Элиота, который, как известно, творил для интеллектуальной элиты, не претендовали на высокоинтеллектуального читателя[1]. Именно в этом мы усматриваем вторую причину популярности Одена. Ему удалось приблизить поэзию к обычному читателю, вернуть поэзии статус популярного (в лучшем смысле этого определения) искусства, оставаясь при этом поэтом, а не пропагандистом. Отличительной чертой поэтического творчества Одена с самого его начала является обращенность к обществу. В этом смысле поэт не только воскрешает традицию классической «гражданской поэзии» конца XVIII века, но и возвращает английской поэзии направленность на массового читателя, что было характерным признаком викторианской поэзии. Таким образом, поэзию Одена можно без условностей назвать социальной, и здесь речь идет вовсе не об определенной степени ангажированности, политизированности и социальной критики, а о наличии аудитории, читательской среды, как необходимого условия существования самой поэзии. Вместе с тем Оден способствовал тому, чтобы, во-первых, поэзия вернулась если не в массы, то, по крайней мере, к широкой публике, и, во-вторых, элитарности имажистов и блумсберийцев был положен конец.

Как и поэзия Элиота, поэзия Одена достаточно музыкальна. Но эта музыкальность несколько иного качества: если у Элиота музыкальность прослеживается в композиции произведения, то у Одена это больше связано с взглядом на роль поэзии. Если Элиота можно назвать симфоническим поэтом[2], то Одена – песенным. Он действительно написал немало песен и либретто (часто в соавторстве с известным Бенджамином Бриттеном), а также пользовался таким популярными (в значении народными) формами, как бал-

[1] Элиот, словно размышляя о своем призвании, еще в 1918 году писал: «Необходимо разбудить и смутить публику <...> необходимо показать, что духовный уровень нации должен постоянно расти, иначе она выродится <...> Сила вырождения – это огромная ползающая масса, а сила развития – полдюжины людей» [цит. по: 10, с. 722].

[2] Вспомним высокую концентрацию интертекстуальности (маркированные и немаркированные цитаты, аллюзии, реминисценции, парафразы и тому подобное; мотивная и образная интертекстуальность).

лада и блюз. И если музыкальность Элиота генетически происходит от символистской теории поэзии, то свои истоки «песенность» Одена находит в национальной культуре от древней поэзии до Р. Бернса и традиции «light verse». (Понятие «музыкальность поэзии» встречается у Т.С. Элиота в лекции 1942 г. «Музыка поэзии», где он утверждает, что музыкальность «обозначает преобразование текста в сплошную игру перекличек, в сплошное отношение; и если музыка, по мнению средневековых ученых, – наука о "величине соотнесения с чем-то другим", то поэзия <...> действительно становится именно такой музыкой» [3, с. 83]. – *Л.С.*). В этом усматривается еще одна причина популярности Одена: он английский поэт до мозга костей. Элиот и Паунд были по духу американцами, источником их творческого вдохновения являлись чуждые и даже экзотические источники – античность, древнегреческая мифология, «Метаморфозы» Овидия и «Сатирикон» Петрония, японская и китайская поэзии, ведическая литература, в частности древнеиндийский текст Брихадараньяка «Упанишады», творчество французских символистов и т.п. Йейтс ассоциировался с Ирландией, с ее глубоким мифическим и мистическим наследием, несмотря на то, что он имел, что сказать и о современном ему мире. Оден работал в английской традиции, расставляя собственные акценты. Кроме метафизиков и Поупа, интерес к которым, как известно, возродил именно Элиот, Оден, во-первых, обратился к древней англо-саксонской поэзии, а во-вторых, к викторианцам – Томасу Гарди и Хопкинсу. В определенном смысле его творчество можно рассматривать как антологию, причем именно английского поэтического наследия. Вместе с тем стоит вспомнить, что Оден был харизматичной и неординарной личностью. С одной стороны, он производил впечатление бунтаря (более чем на самом деле им был), и снова возникает желание провести параллель с Байроном, с другой стороны, являлся эрудитом в совершенно неожиданных сферах: от тяжелой промышленности до современных исследований в области психологии. Англия не видела поэтов-бунтарей со времен «желтых 90-х» (А.Ч. Суинберна и О. Уайльда) и тепло приняла Одена.

Заключение. Таким образом, проблема рефлексии традиции прошлого века стала превалирующим фактором развития эстетики и художественной практики высокого модернизма. Т.С. Элиот вошел в мировой литературный процесс как создатель одной из наиболее последовательных и теоретически разработанных концепций традиции в культуре XX века. Понятие традиции стало центральным в его эстетике, а его творчество естественным образом развивалось в культурном пространстве единой европейской традиции. Поэтическое наследие Т.С. Элиота служит ярким примером генерализации европейского сознания в его протяженности от архаической культуры до авангардного искусства прошлого века в авторской поэтической картине мира. Что касается Одена, являющегося представителем той эпохи и незаурядной личностью в литературном процессе и Англии, и Америки, его поэтическая картина мира отразила характерное для представителей этого направления стремление выйти за социально-исторические, пространственно-временные, индивидуально-личностные пределы. «Обманутое ожидание», «создание новых единств» (Т.С. Элиот) и «сочетание несочетаемого» (У. Скаффа) свидетельствуют о том, что Оден в своем творчестве был последовательным экспериментатором и сторонником традиции, начатой В.Б. Йейтсом и продолженной Т.С. Элиотом. «Монтаж разнородного материала» (У. Скаффа) в системе поэтики Одена мотивирован любимой фразой Э. Паунда «Make it New». Однако при этом каким-то загадочным образом в наиболее новаторских образцах поэзии Одена рельефно проступают традиционные признаки.

Литература

1. Parkins, D. History of modern poetry / D. Parkins. – London: Belknap Press, 2004. – 712 с.
2. Шацкий, Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990. – 200 с.
3. Статкевич Л.П. Форми і функції інтертекстуальності в поезії Томаса Стернза Еліота: дис. канд. ... філ. наук: 10.01.04 / Л.П. Статкевич. – Кам'янець-Подільський, 2007. – 215 с.
4. Яковлева, Л.Є. Бытие национальной традиции в философии (на материале испанской философии) / Л.Є. Яковлева // Вестн. Моск. ун-та. – 2002. – № 4. – С. 25–50.
5. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Електронний ресурс] / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с. – Режим доступа: http://teatrlib.ru/Library/Bahtin/esthetic/#_Toc225599052. – Дата доступа: 01.07.2016.
6. Рикер, П. Время и рассказ / П. Рикер. – СПб.: Университетская книга, 2000. – 218 с.
7. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1972. – С. 54.
8. Ellmann, R. Eminent Domain: Yeats among Wilde, Joyce, Pound, Eliot, and Auden / R. Ellmann. – Oxford University Press: New York, 1970. – 159 p.
9. Auden, W.H. Selected Poems / W.H. Auden; ed. by E. Mendelson. – London, 1979. – 350 p.
10. Красавченко, Т.Н. Заметки к определению Т.С. Элиота / Т.Н. Красавченко // Элиот, Т.С. Избранное. – Т. I–II: Религия, культура, литература / пер. с англ., под ред. А.Н. Дорошевича; сост., послесл. и коммент. Т.Н. Красавченко. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 719–741.

Поступила в редакцию 15.06.2016 г.

УДК 821.161.1-31.09«19»

Техническая лексика в поэтике романов Л. Леонова

Здольников В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Феномен зарождения и бурного развития «производственного романа» в русской советской литературе 20–30-х годов прошлого века до сих пор остается почти не изученным. Леоновские романы этих лет не только тематически «вписываются» в новую тогда жанровую форму, но и выделяются среди них оригинальностью поэтики, эстетически осваивающей техническую лексику.

Цель исследования – проанализировать художественные возможности лексического слоя языка в поэтике романов Л. Леонова.

Материал и методы. *Материалом литературоведческого анализа в статье являются романы «Вор», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан». В процессе работы были использованы сравнительно-исторический, аналитический и текстологический методы исследования.*

Результаты и их обсуждение. *Обилие техницизмов в языке и персонажей «производственных» романов и их автора – в какой-то мере, конечно, дань атмосферы времени индустриализации, «муравейного» энтузиазма. Но в художественно-эстетическом аспекте эта лексика – оригинальное по тем временам средство художественного убедительного изображения реальности ситуаций и характеров, страстей и психологических состояний героев. Образы, аллегории и метафоры, основанные на технической лексике и терминологии, менее всего поддаются тенденции «перерасти» в штамп, таят в себе большую вариативность истолкования без риска превратиться в банальность.*

Заключение. *Романы Леонова стали классикой, интересны современному читателю не столько обилием техницизмов и на их основе созданных приемов художественного иносказания, а, на наш взгляд, тем, что писатель, художественно отображая великие свершения современников, всегда закладывал в бытийно-философский подтекст своих романов человеческую трагедию.*

Ключевые слова: *производственный роман, техническая лексика, художественный подтекст, технократия, техническая метафора, философский поддекст.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 162–168)

Technological Vocabulary in the Poetics of L. Leonov's Novels

Zdolnikov V.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

The phenomenon of emergence and fast growth of «industrial novel» in the Russian Soviet literature of the 20–30-ies of the previous century is still studied insufficiently. Leonov's novels of those years are not only thematically involved into the then new artistic form but also stand out among them by originality of poetics which aesthetically adopts technological vocabulary.

The purpose of the research is to analyze artistic means of the lexical layer of the language in the poetics of L. Leonov's novels.

Material and methods. *The material of literary analysis is the novels «Thief», «Sot», «Skutarevski», «Way to the Ocean». The comparative historical, the analytical and the textological methods were used in the research.*

Findings and their discussion. *Abundance of technological words in the language of both the novel characters and the author is, to some extent, due to the atmosphere of the industrialization time, «ant» – like enthusiasm. However, from the point of view of art and aesthetics this vocabulary is a special means of artistic convincing presentation of the reality of those days: situations and characters, passions and psychological states of the characters. Images, allegories and metaphors based on technological vocabulary and terminology don't have the tendency to become stereotypes; they possess a great variability of interpretation without the risk of being banal.*

Conclusion. *Leonov's novels have become classic, they are interesting for the contemporary reader not by abundance of technological words and created on their basis techniques of artistic interpretation but mainly, to our mind, by the fact that the writer put human tragedy into the narrative and philosophical implication of his novels while artistically depicting great deeds of his contemporaries.*

Key words: *industrial novel, technological vocabulary, artistic implication, technocrat, technological metaphor, philosophic implication.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 162–168)

Адрес для корреспонденции: e-mail: klit@vsu.by – **В.В. Здольников**

В двадцатые-тридцатые годы прошлого века с началом в стране электрификации и индустриализации функционеры сначала РАПП, а затем и Союза советских писателей организовывали в Москве технический ликбез для молодых начинающих авторов. Имея в виду привлечь их художественный интерес к генеральной линии партии и обеспечить ей широкую пропаганду в том числе и через литературу. Как всякие творческие люди молодые пролетарские писатели относились к подобной учёбе довольно легкомысленно, манкировали занятия. А вот молодой Л. Леонов, не числившийся в пролетарских и проходивший по рапповской табели о рангах как «попутчик», занятия, наоборот, посещал регулярно, слушал лекции выдающихся русских инженеров и учёных-технарей в Политехническом музее. И не без пользы для себя как будущего мастера литературного цеха [1]. Что выяснится чуть позже, особенно в романах и повестях 1930–1940-х годов, но отмечено будет М. Горьким в письме к И.А. Груздеву уже в феврале 1929 года по прочтении романа «Вор»: «...делу правильного развития языка служит, из молодых, один Леонов» [2, с. 126].

Тематически романы и повести Л. Леонова тридцатых годов вписываются в сконструированную, и не без оснований, тогдашней критикой новую жанровую форму – производственный роман, законное дитя индустриализации. Достаточно назвать «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Лесозавод» А. Караваевой, «Танкер “Дербент”» Ю. Крымова, «Цемент» и «Энергию» Ф. Гладкова, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Время, вперёд» В. Катаева, «Большой конвейер» Я. Ильина, «День второй» И. Эренбурга и др. В этом ряду леоновские «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан», «Саранча» отличаются не только идейно-содержательной оригинальностью, но и оригинальностью поэтики, эстетически осваивающей техническую лексику, казавшуюся тогда экзотической. В те годы она входила в читательское сознание не только с газетных полос, но и со страниц так называемых производственных романов, нередко в силу моды. У Леонова обилие техницизмов – не дань ей, а новое, по тем временам, средство поэтического изображения действительности и характера персонажей.

Цель исследования – проанализировать художественные возможности лексического слоя языка в поэтике романов Л. Леонова.

Материал и методы. Материалом литературоведческого анализа в статье являются романы «Вор», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан». В процессе работы были использованы сравнительно-исторический, аналитический и текстологический методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Мысль об опустошении в период революционной переделки общества душ не только побеждённых, но и победителей впервые возникает в романе «Вор» как подтекст, скрытый подтекст многих сюжетных ситуаций и оказывающихся в их центре персонажей. Вот панорама строительства электростанции на реке Кудеме, открывшаяся приехавшему на малую родину в село Демятино бывшему в Гражданскую комиссаром Красной Армии, а ныне не «вписавшемуся» в нэповский этап строительства социализма Дмитрию Векшину. С высоты речного обрыва видит он «величественную панораму крупной по тому времени стройки... Работа по созданию электростанции на Кудеме была в полном разгаре... Одни ручной бабой забивали очередную сваину, другие же... тоже делали что-то. Из ясно обозначившегося котлована вперекидку доставали грунт через три яруса прямо в тачки, бесконечной вереницей увозившие его поближе к будущей перемычке; изредка тусклым лучом сверкали лопаты в жёлтой глубине. А издалека крепкие крестьянские лошадёнки тащили по дорогам грабарки с бутом, кирпичом и ещё чем-то...» [3, с. 430]. Картина какая-то газетная («величественная панорама стройки», «работа в полном разгаре»), по-журналистски неконкретная: люди здесь «делают что-то», грабарки тоже везут «что-то». И даже такая деталь, как отражённый отполированным лезвием лопаты тусклый луч, представляется здесь надуманной, школярской. При леоновском пристрастии к микроскопической точности описаний и деталей, при его мастерстве в использовании слова картина эта представляется вышедшей из-под пера начинающего автора. А Леонов ко времени создания «Вора» уже почти классик, чьё «удивительное языковое богатство» подчёркивал столь придирчивый к языку коллег-писателей М. Горький [1, с. 187].

С неумолимой логикой это «примитивное» описание завершает включённую в роман аллюзию на библейский сюжет о блудном сыне в соответствии с авторской концепцией характера главного персонажа. Бывший комиссар, а ныне авторитет московского воровского подполья едет в родные места за исцелением для больной совести, в поисках новой духовной опоры припадает к истокам своим. С обнажённой головой переступает порог родного дома не «Дмитрий» или «Векшин», как доселе называл везде его автор, а «Митя». Но не было уже в живых необходимого «покаянного звена» – отца, не по притче принимала мать, «посрамлённая им родная зем-

ля». А брат Леонтий, другие односельчане еле узнали его. Узнали, но не признали, «рушились мечта и детство». Леонтий как-то с чисто мужицкой хитрецой заметил в разговоре с братом, что «не по тому человека судит, чем вчера был, а кем завтра станет... но кто знает, куда вас завтра судьбица вымахнет» [3, с. 428]. Автор же свою оценку характера, своё видение будущего для Векшина выражает иначе, давая картину созидания глазами непричастного человека. Векшин в период революции и Гражданской был в своей, разрушительной, стихии: а сейчас Россия созидающая ему чужда. Производственный портрет стройки, увиденный посторонним и так по-казённому написанный, – завершающий штрих к характеру главного героя, трагическая его подсветка. Человек, подымавший других на разрушение старого, на бой за новую жизнь, теперь, когда началось её практическое созидание, оказался лишь наблюдателем этого «муравейного оживления» с такой большой дистанции, что уже «по дальности расстояния не понять было зачем и что». Она и «невольно захватывала дыхание» и открывала для героя страшную истину – его абсолютную социальную неукоренённость [3, с. 430]. Так в двух десятках строк, дающих панораму стройки, в их подтексте автор сумел показать и ущербность человека, оторвавшегося от корневых, созидательных, начал жизни и трагизм его судьбы на очень крутых исторических виражах.

А вот другая производственная картина – из романа «Соть», нашпигованная технической лексикой. Её главный инженер Бураго «совершает свой дозорный обход», и в его глазах «последовательно отражается всё». «Шипят лишь поршни, в одышке вскидывая вверх громоздкую тяжесть копра... Вокруг электроламп качаются пыльные ореолы... Пахнет сохнущим бетоном. Взасос хрюкают пилы, мычит усмиряемое железо, гугниво, точно сквозь бороду, бубнят молотки... Дикобразами встают корпуса варочного корпуса. Стучит силовая – неугомонный маятник Сотьстроя, кричит паровоз, пробуждая спящие стихии, слух ласкают нетерпеливые лязги пара и железа» [4, с. 260–261]. Цвета, звуки и даже запахи стройки переданы автором в слове осязаемо, читатель словно погружён в царство одушевлённых механизмов. Но почему всё это работает без людей, где они – созидатели, повелители всех этих машин? Здесь повышенное внимание к производственному антуражу, к звукам, цветам и запахам – не демонстрация авторской наблюдательности и дотошного знания предмета, не самоцель. Описывая стройку, как она видится и слышится её главному инженеру, автор даёт исчерпывающую характеристику ему как профессионалу-спецу; о Бураго-человеке мы узнаём по отдельным деталям, словно мимоходом упоминаемым в тексте: вот он смотрит в небо, отыскивая созвездие Возничего и голубую звезду Капеллу, вот слушает по радио оперу Грига «Пер Гюнт»... Несомненно для читателя, что он технарь до мозга костей, но не машинопоклонник, не технократ, каковых во множестве породило преклонение общественного сознания перед наукой и техникой в годы индустриализации. Присвоение машинам и механизмам человеческих качеств и эмоций делает этого технаря своеобразным романтиком, он наделён даром образного мышления. В отличие от руководителя стройки администратора Увадьева, тоже романтика, но романтика штурма и большевистского напора. «Моё дело строить», – говорит Бураго, а Увадьев считает своим делом «подстёгивать мечту».

В романе «Дорога на океан» перед гудком на утреннюю смену начальник депо Глеб Протоклитов совершает обход своих владений. «В такой ранний час депо представлялось огромными четырехугольными потёмками, со всех сторон обложенными чёрным камнем... Депо состояло из шести секций, каждую из которых промывные канавы делили на ряд стойл, и в них с плотностью поршней вдвинутые в полутьму покоились недвижимые тела машин. Иные стояли без колёс, поднятые на домкратах для обточки, другие как бы зевали развёрстыми дымовыми коробками и видны были располосованные светом их чёрные трубчатые внутренности... В прокоптелых воронках на потолке зажигался неверный чумазый свет, и в сознанье отпечатывались не целостные предметы, а лишь искромсанные части их, попавшие в тусклые, качающиеся световые конуса». Далее в описании деповского утра будут и «едкий смрад горелой пакли», и «ядовитый дымок паровозов, стоящих под заправкой», и «щекотливая смесь пара и перегретого мазута», и «скрежет свёрл», «вкрадчивый шелест трансмиссий», «визг напилка», «гулкое чрево котла». Всё точно в деталях; но для чего понадобилось подобное нагнетание технической лексики? В описании депо перед утренней сменой нечто гнетущее чувствуется, хотя оно и звуки, и цвет, и даже запах, царящие в безлюдном пока ещё пространстве, передаёт столь же зримо и осязаемо, как в «Соти». Автор таким способом показывает внутреннее смятение Глеба Протоклитова, бывшего колчаковца, делающего карьеру на службе новой власти. Он не собирается вредить, как инженер, он честно служит ей, но живёт постоянно под дамокловым мечом разоблачения. Гражданская война напомнила о себе в это утро приездом в город,

где жил и работал Протоклитов, его бывшего сослуживца в Белой армии. Раздражённый появлением «живой улики прошлого» инженер понимает, что теперь ему станут недоступными «простые и честные радости» его теперешней работы. Хорошее рабочее настроение Протоклитову испортила встреча на перроне с бывшим соратником. И тогда для читателя становится понятным, где истоки мрачного колорита в картине рабочего места персонажа, о котором говорилось выше. Леонов счастливо избегает того псевдопсихологизма, когда автор «додумывает» за своего героя, описывая его внутреннее смятение, переживания человека, оказавшегося в ситуации экстремальной.

Леонов одним из первых, если не первый, в русской литературе XX века исследует, воспроизводит характер персонажа через его профессиональные занятия. Доселе разве что только врачи удостаивались такой чести, да и то потому, что авторы были ими по образованию (А. Чехов, В. Вересаев, М. Булгаков). В период индустриализации читательское внимание и симпатии перешли к технарям; инженер становится героем времени. Атмосфера, дух его пронизывают и поэтику леоновских романов. Свободное владение технической терминологией, глубокое понимание функциональной сути машин и механизмов давали Леонову еще большие возможности для индивидуализации авторского стиля и в традиционных атрибутах художественного текста – сравнениях и метафорах. Если описания панорамы стройки, её звуков, красок и даже запахов, картины цеха в паровозном депо можно считать лишь условно авторскими, то другие категории поэтики текста являются исключительно его прерогативой.

Проследим за авторскими характеристиками руководителя стройки Увадьева в романе «Соть», как они представлены в сравнениях. Вот он, после дерзкой выходки местного парня в клубе, придав своему голосу «сухую и пронзительную чёткость, стал походить на копёр, который множеством повторных ударов вколачивает основную сваю» [4, с. 144]. Вот во время аварии в водозаборном колодце Увадьев бросается вместе с рабочими буквально телом своим заткнуть, ликвидировать пролом в опалубке на одиннадцатиметровой глубине. «Мускулы его напружинились, и давно утраченная, грубая и почти ураганная радость физической силы вздыбила ему сознание, точно внезапно включили пропылённый мотор». А вот утром воскресного, выходного, дня Увадьев у себя в квартире отказаться не может от однажды заведенного порядка: «Привычный и последовательный распорядок заводил пружину увадьевского дня» [4, с. 281]. Общая природа метафор, представляющих авторское восприятие и оценку персонажа в общении с подчиненными, в минуты опасности и в будничной обстановке выходного дня определяется тем, что объектом сравнения является машина или её техническая деталь, не всегда вызывающая положительные эмоции у читателя. Как, например, в описании утренней зарядки персонажа романа «Скутаревский» такого же технического происхождения сравнение однозначно воспринимается читателем с оттенком мягкой иронии: «Он двигался, переходя в наступление, и вещи вокруг шумно летели на пол, точно срываясь с центрифуги; кажется, это называлось гимнастикой» [5, с. 8].

В собственной речи леоновские персонажи очень редко используют специальную терминологию; в сюжетных ситуациях, как правило, споров вокруг технических проблем у Леонова нет. Если они и возникают, то на уровнях метафизических: природа и человек, машина и человек. Молодое поколение в разговорах может изредка блеснуть необычным «техническим» сравнением, как, например, машинист паровоза Виктор Решёткин. Вот он рассказывает об Илье Протоклитове, только что «сдавшем» комиссии по чистке своего брата, начальника депо Глеба Протоклитова: «Стоит как памятник. И только брови у него – помнишь, я тебе манометр показывал? – так вот, как стрелки на манометре, бегают брови» [6, с. 506]. Человеческую низость, гибкость до бесхребетности знаменитого московского хирурга, предавшего родного брата, сравнение это передаёт точно и даже зримо.

С художественно-функциональной точки зрения любопытен ещё один пример использования технической терминологии в речи персонажа. Бывший гвардейский офицер, а ныне обитатель «московского дна» промышляет рассказыванием разных баек из прошлой жизни своей завсегдатаям воровской малины. Именно своей неправдоподобностью, артистичностью полёт его фантазии поражает воображение непритязательных слушателей. Очередное его враньё о том, как, проиграв в карты даже бабушкины бриллианты, он встретил в игорном клубе «десятое чудо красоты и прелести земной», которая «одна сидит подобно какой-нибудь там Венере македонской». И вот с чем он своё тогдашнее состояние сравнивает: «Меня ровно продольным током в пятьсот шестьдесят вольт по всему нерву и прошибло» [3, с. 176]. Можно, но трудно представить читателю, что русский дворянин, офицер гвардии начала двадцатого века так дремуче безграмотен и в мифологии и в электричестве. А вот что выкинутый из своего социума Сергей Аммоныч

Манюкин таким образом компенсирует своё нынешнее социальное ничтожество – можно. В этом опустившемся барине живы ещё остатки человеческого достоинства, дающие о себе знать таким единственно возможным в его нынешнем положении образом.

И всё-таки большая часть технической лексики используется Леоновым в специфических изобразительных приёмах художественного языка – в сравнениях и метафорах, т.е. в собственно авторской речи. Вот как профессор Скутаревский представлен автором на всех этапах его стремительной карьеры учёного и инженера. Поначалу сразу после студенческих лет автор сравнивает его с «кометой, которая стремглав поднималась к зениту, и уже из Симменсштадта разглядели её жестокий взлохмаченный профиль». Молодого русского инженера пригласили работать на германскую электротехническую фирму, где он до совершенства довёл качества теоретика и практика. В сюжете самого романа читатель видит Скутаревского, одержимого идеей передачи энергии на большие расстояния без проводов и пытающегося реализовать её на практике. Немножко рисуясь, он популярно объясняет цель эксперимента своему техническому секретарю Жене: «Держа атом в руке, я уже пытался хотя бы любопытства, а не власти ради! – отколупнуть ноготком его электроны. Я окружил материю капканами» [5, с. 213]. Его вера в успех, динамизм мысли и действия уже власти ради над тайнами природы, которой он «расставил капканы», автор очень лапидарно передал в описании мчащегося сквозь ночь состава, везущего на испытательный полигон оборудование для эксперимента, и переживаний самого экспериментатора. «За окнами вагона пар из цилиндров паровоза подобно призракам ночи тает и внезапно рождается вновь. Гремят стрелки, проскакивают огни, паровозные искры чертят на мраке тысячи осциллограмм» [5, с. 19]. Ключевое слово здесь «осциллограмма»: все этапы испытания и проверки оборудования на испытательном полигоне фиксируют приборы-осциллографы, вычерчивая кривыми и ломаными линиями графики результатов, а именно о них сейчас все мысли учёного.

Эксперимент, трижды повторённый, закончился неудачей, природа выскользнула из расставленных ей капканов. И если в начале его Скутаревский казался Жене «командармом электронов», то после полного провала он виделся ей «одиноким сгорбленным человеком, который посреди страшной ночи держит на ладони светляка с мучительным бессилием разгадать, почему он светится». Тайна свечения даже этого маленького червячка так и остаётся загадкой для учёного, казалось бы постигшего, вырвавшего у природы и куда более оберегаемые ею секреты. И пусть сам Скутаревский объясняет неудачу эксперимента «негодностью ионизаторов, чьей мощности не хватило, чтобы порвать крепкие сцепляющие резинки в атоме». Автор, снова используя техническую метафору, даёт читателю понять однозначно, что на сей раз наука в поединке с природой потерпела поражение. Перспектива, не очень радужная для её жрецов и поклонников, и таков именно метафизический подтекст сюжета второго производственного романа Леонова. Но есть и другой – онтологический. Ведь характеризуя своего героя в начале сюжета, автор сообщает о признаках старения интеллекта у Скутаревского. Он «продолжал действовать как проржавевший механизм... электрохимический процесс замедляется в этой прославленной человеческой реторте... Из тела пропадала злая моторная неукротимость, за которую в самом начале карьеры приятели назвали его кометой» [5, с. 7–8]. Так специфической терминологией обозначена, пока только обозначена, индивидуальная трагедия всякого подлинного учёного. А в третьем производственном романе Леонова она будет отчеканена почти в афоризм с техническим подтекстом: «Мир – это двигатель, работающий на молодости».

В романе «Скутаревский» у главного персонажа есть антипод – инженер Петрыгин, бывший друг-однокурсник, хорошо устроившийся сначала у тестя на фабрике, став её совладельцем, а после революции – на союзной командной высоте в «Главторфе». Он, только сбросив студенческую тужурку, «сразу же ввинтился в житейскую машину, точно для полной исправности только не хватало ей этого новёхонького с крупной нарезкой шурупа» [5, с. 33]. При сопоставлении двух характеристик-метафор «взлохмаченная комета» и «шуруп с крупной нарезкой» сколько сразу открывается смыслов помимо прямого житейского – настолько многозначны эти иносказания! Скутаревский работает на новую власть потому, что она дала ему возможность реализовать на практике дерзкую идею, Петрыгин – лишь потому, что большевики хорошо платили за знания, что обеспечивали ему «привычный уровень жизни».

На правах родственника (его сестра замужем за Скутаревским) он считает себя вправе учить непрактичного в быту профессора житейской мудрости шурупа. И делал это достаточно тактично, «никогда не перегревал ненадёжного человеческого котла», но все равно Скутаревского коробила, доводила до ярости подобная бесцеремонность. Взаимную неприязнь автор передаёт своеобразной «техно-

метафорой», описывая телефонный разговор родственников. «Слова его, разбрасываемые с торопливой и подозрительной щедростью, засорили весь провод; Сергею Андреевичу некуда было вставить даже восклицания». Но вот «чрезвычайная по напряжённости наступила тишина. Провод был чист, и, представлялось, неисчислимые электронные орды на нём ждут лишь сигнала, чтобы ринуться криком или бранью в ту или иную сторону». Но беседуют ведь интеллигентные люди. «Так вот, – без прежней благозвучности заскрипел петрыгинский голос. И если бы на амперы и омы перевести его (Скутаревского. – *В.З.*) ярость, провод докрасна нагрелся бы от перегрузки» [5, с. 216].

Приведём ещё пару примеров успешного художественного освоения технической терминологии в романе. Вот авторское описание работы виртуоза-стеклодува, который «ловко метался между чугунной формовкой и круглым оконцем печи; под сквозной майкой размеренно двигались рычаги и шестерни этого осатанелого механизма» [5, с. 81]. Какой убедительный и потрясающий образ труда, доведенного до автоматизма, образ человека, превратившегося в механизм, сколько и восхищения и сострадания одновременно вызывает он у читателя!

Один из персонажей романа весьма оригинальное и в то же время очень понятное для читателя даёт определение: «Великий человек – это тот, шестерни которого совпадают с шестернями века» [5, с. 185]. Ставший уже почти привычным фразеологизм «жернова истории» здесь переосмыслен в позитивной коннотации. А именно, когда шестерни входят в сцепление, происходит передача энергии вращения – вот долженствующий принцип взаимодействия хода истории и её как рядовых, так и выдающихся участников, и новое видение роли выдающейся личности в истории. Таким вот образом писатель выразил ещё и собственное неприятие «теории винтика в большой государственной машине» как удела простого человека, как функции совершенно антигуманной для социалистического общества, поставившего целью воспитание нового человека.

Роман «Скутаревский» читается как самый технически «насыщенный», что и понятно: почти все персонажи здесь – инженеры, техники, рабочие, потому и специфичен их лексикон. И требуется великое чувство слова, чтобы не буквально, а художественно его усвоить и воспроизводить. Что и продемонстрировал автор; но однажды в увлечении своём Леонов, на наш взгляд, «перебрал». Когда младший брат Скутаревского, художник Фёдор так объясняет своё «опустошение души», творческое молчание в атмосфере созидательной ярости соотечественников: «Может быть в стали при последней закалке выгорел весь углерод, и воспоминания – вот пузырчатый, негодный шлак их» [5, с. 177]. Если бы это прозвучало в авторской характеристике персонажа – то было бы в русле его тогдашнего увлечения техникой; но чтобы так выражался живописец, никак не причастный к технологическим процессам в металлургии, – трудно поверить. Хотя по первому прочтению и восхищаешься таким сравнением.

Впрочем, может и сам Леонов почувствовал перенасыщенность своей поэтики технической терминологией. И в третьем производственном романе «Дорога на океан» редка техническая метафора, но она либо отчеканена до афоризма, либо принадлежит персонажу. Во всяком случае ей веришь безусловно, её воспринимаешь на разных уровнях прочтения без тени сомнения. Секретарь Курилова роль своих коллег и свою вот как определяет: «Как правило, секретари... всегда – волноломы перед гаванью, о которые обрушивается жизнь» [6, с. 100]. Что здесь от автора, а что от персонажа – можно и порассуждать, но в художественно-эстетическом аспекте творческого акта оценка этого почти афоризма однозначна. Как однозначна для читателя и картина испытания паровоза после ремонта: «Машина исходила паром, и было что-то колдовское в том, как гремучий кипяток из брандспойта бился в стальные мышцы» [6, с. 310]. Это взгляд технаря, не совсем лишённого романтического восприятия своей профессии, это начальник депо инженер Протоклитов так видит технологическую операцию, а не автор. Но и ему, автору, отказать в таком восприятии тоже нельзя. А это и есть высший пилотаж в художественном освоении нового лексического пласта в языке.

Искусство художественного освоения новых специфических знаний и, соответственно, терминологии пригодится писателю ещё раз позже, когда будет создавать героическую сагу об одном эпизоде Великой Отечественной – повесть «Взятие Великошумска», персонажами которой выступают в равной степени машина и её экипаж. Когда потребовалось разобраться и в искусстве танковых сражений, и в работе всех механизмов танка и членов его экипажа. Они слиты нерасторжимо и действуют как единая воля. Но повесть эта – за пределами очерченных временных границ нашего исследования, и останавливаться на её анализе в русле заданной темы мы не станем. Напомним лишь о любопытном факте, с ней связанном. Одна из первых, говоря по-современному, авторских презентаций повести – её чтение Леоновым в Главном

бронетанковом управлении Красной Армии. По окончании которого заместитель командующего бронетанковыми войсками страны сделал очень лестное для писателя предложение: «Угодно ли вам немедленно получить звание инженер-майора бронетанковых войск?» [1, с. 359]. Не берёмся утверждать, что военный человек постиг до конца всю эпическую глубину и мощь повести. Придирчивый слух профессионала скорее поражён был безукоризненной точностью и достоверностью авторского текста даже в мельчайших деталях, фактографической точностью, скрупулёзным до мелочей знанием инженерно-технической составляющей и тактики танковых боёв в художественном повествовании. Подобное искусство Леонов постигал, создавая в тридцатые годы свои, условно говоря, производственные романы.

Заключение. Феномен их зарождения и бурного развития в русской литературе 1920–1930-х гг. и далее годов двадцатого века остаётся до сих пор почти не изученным. А ведь именно с его страниц в общественное и читательское сознание входил, именно на его страницах писатели художественно осваивали сравнительно новый тогда речевой пласт – техническую лексику и терминологию. И наиболее успешно подобное освоение демонстрировал Л. Леонов: в его романах рядовой читатель воочию постигал, из какого «технического сора» рождается поэтический образ, какие новые смыслы и подтексты извлекает автор из не слишком активного в речевой коммуникации лексического слоя языка.

Он стал для писателя ещё одним, наряду со стихией русского разговорного языка, арсеналом, где из узко специфической терминологии рождалось оригинальное художественное иносказание – безукоризненной адекватности метафора или сравнение. В производственных романах Л. Леонова обилие техницизмов в языке и персонажей и автора – в какой-то мере, конечно, дань атмосфере времени «муравейного энтузиазма». Но в большей мере это оригинальное по тем временам средство художественного изображения реальности и характеров, страстей и психологических состояний его персонажей. Образность, метафоризация, иносказательность, основанные на технической лексике и терминологии, таят в себе большую вариативность истолкования без риска превратиться в банальность.

Леоновские «производственные» романы стали классикой, вышли за рамки отведенной им названием тематики, интересны современному читателю. И отнюдь не обилием техницизмов и на их основе созданных приёмов поэтического изображения, потерявших, естественно, статус экзотических на рубеже веков двадцатого и двадцать первого. Леонов, конечно, был наэлектризован своей эпохой, её созидательной энергией. Но главная причина в том, на наш взгляд, что он, художественно отображая великие дела современников, всегда закладывает в бытийно-философский подтекст своих романов (от «Вора» до «Дороги на океан») человеческую трагедию чаще всего социально-психологического характера (звучания).

Эстетика современного постмодернизма, ратуя за максимальную информативность современного искусства, в частности литературы, спровоцировала на книжных страницах информационную лавину: и авторы и их персонажи демонстрируют свою осведомлённость в самых экзотических областях знания, не говоря уже об истории и мифологии, обильно используя специальную терминологию. Только вот зачем? Ответа, как правило, нет. Будучи не в силах «переварить» её эстетически в творческом замысле, постмодернист скрывает банальность или отсутствие в нём мысли за пёстрыми лексическими одеждами, за внешней экзотичностью текста.

Литература

1. Прилепин, З. Его игра была огромна / З. Прилепин. – М., 2012.
2. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. / М. Горький. – Т. 30.
3. Леонов, Л.М. Вор / Л.М. Леонов // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1982. – Т. 3.
4. Леонов, Л.М. Соть / Л.М. Леонов // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1982. – Т. 4.
5. Леонов, Л.М. Скутаревский / Л.М. Леонов // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1983. – Т. 5.
6. Леонов, Л.М. Дорога на океан / Л.М. Леонов // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1983. – Т. 6.

Поступила в редакцию 28.04.2016 г.

УДК 821.161.3’0.09:316.752

Этычныя каштоўнасці ў творах даўняй беларускай літаратуры

Бароўка В.Ю.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле даследуюцца этычныя каштоўнасці, рэпрэзентаваныя ў творах пісьменнікаў XII–XVII стагоддзяў.

Мэта дадзенай работы – выявіць этычныя аксіялагічныя прыярытэты аўтараў даўняй беларускай літаратуры і ахарактарызаваць дынаміку аксіялагічных прыярытэтаў ад часоў узнікнення першых пісьмовых помнікаў да канца XVII стагоддзя.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам для даследавання сталі пісьмовыя помнікі XII–XVII стагоддзяў. Асноўныя метады – канкрэтна-гістарычны, тыпалагічны, дэскрыптыўны з элементамі фенаменалагічнага аналізу.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Вылучаюцца этычныя аксіялагічныя прыярытэты ў творах аўтараў перыяду Кіеўскай Русі, часоў станаўлення ўласна беларускай літаратуры, а таксама XVI і XVII стагоддзяў. Прасочваецца дынаміка этычных каштоўнасных прыярытэтаў і ўстанаўліваюцца дамінантныя этычныя каштоўнасці на кожным этапе развіцця літаратуры: у перыяд Кіеўскай Русі – любоў да Бога, абавязак перад Богам, роднымі і роднай зямлёй, вернасць, любоў да бліжняга, павага да святароў як настаўнікаў; на пачатку станаўлення ўласнабеларускай літаратуры – любоў да Бога і вернасць Божым запаветам, любоў да роднай зямлі, вернасць слову, справядлівасць; у XVI стагоддзі – выкананне Божых запаветаў, талерантнасць, патрыятызм, мудрасць, міралюбства; у XVII стагоддзі – любоў да Бога, чысціня душы, асвечанасць, здаровы сэнс, вернасць сваім звычаям.*

Заключэнне. *У літаратурных творах выяўляюцца ў вобразнай форме этычныя каштоўнасці пэўнага часу. Дынаміка эстэтычнага ўвасаблення этычных каштоўнасцей – паказчык маральнага развіцця грамадства ў храналагічнай перспектыве. Аксіялагічныя этычныя прыярытэты аўтараў даўняй беларускай літаратуры залежалі ад зменлівага гістарычнага кантэксту. Стрыжнёвымі этычнымі каштоўнасцямі даўняй беларускай літаратуры на ўсім працягу яе развіцця былі хрысціянскія каштоўнасці, а пачынаючы з эпохі Адраджэння ў творах узмацнілася артыкуляцыя патрыятызму і асабістай адказнасці чалавека за свае паводзіны і за лёс роднай зямлі.*

Ключавыя словы: *беларуская літаратура, змястоўны патэнцыял твора, маральныя каштоўнасці, мастацкая інтэрпрэтацыя, апавядальніцкая стратэгія.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 169–176)

Ethical Values in the Works of Ancient Belarusian Literature

Barouka V.Yu.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The article investigates the ethical values presented in the works of writers of ancient Belarusian literature.

The aim of the research is to identify ethical axiological priorities in the works of Belarusian literature authors from the first written monuments of the XIIth to the late XVIIth centuries.

Material and methods. *The material for the study was written monuments of the XII–XVII centuries. The basic methods of the research are concrete-historical, typological, descriptive with elements of a phenomenological analysis.*

Findings and their discussion. *Ethical axiological priorities in the works of the authors of the period of Kievan Rus, the time of formation, of the Belarusian literature itself, as well the XVI and XVII centuries are identified. Dynamics of ethical value priorities is traced; dominant ethical values at each stage of the development of literature: during the period Kievan Rus, are identified, – the love of God, duty to God, family and native land, loyalty kindness to people, respect for priests as teachers; at the beginning of the emergence of Belarusian literature – love of God, performing God commandments, loyalty and honesty; in the 16th century – Christian commandments, tolerance, patriotism, wisdom, peace, initiative; in 17th century – love of God, purity of the soul, education, common sense, loyalty to the tradition of their ancestors.*

Conclusion. *In literary works ethical values of a certain time are reflected. The dynamics of aesthetic assimilation of ethical values is an indicator of social and moral development in chronological perspective. Axiological ethical priorities of the ancient Belarusian authors were dependent on the volatile historical and social context. Basic ethnical values of ancient Belarusian literature throughout the centuries were Christian moral values. Since the Renaissance articulation of patriotism and personal human responsibility for the behavior and for the fate of the nature land strengthened.*

Key words: *ancient Belarusian literature, content potential of the work, moral values, artistic interpretation, narrative strategy.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 169–176)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: <dvkessibar@mail.ru – **В.Ю. Бароўка**

Літаратура любога часу экспліцытна ці імпліцытна выяўляе каштоўнасныя арыенціры і яе стваральнікаў, і грамадства пэўнага часу. Даўняя беларуская літаратура была пісьменствам сярэднявечнага тыпу. Яе пісьмовыя помнікі выконвалі не толькі мастацкую, але і пазамастацкую функцыю. Яна падзялялася на літаратуру рэлігійную і свецкую. Свецкі пачатак у ёй няўхільна ўмацоўваўся разам з далейшым развіццём грамадства і пісьменства.

Мэта дадзенай работы заключаецца ў выяўленні этычных аксіялагічных прыярытэтаў аўтараў даўняй літаратуры і характарыстыцы дынамікі каштоўнасных прыярытэтаў ад часоў узнікнення першых пісьмовых помнікаў да канца XVII стагоддзя.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу абраны творы XII–XVII стагоддзяў. Асноўныя метады – канкрэтна-гістарычны, тыпалагічны, дэскрыптыўны з элементамі фенаменалагічнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аўтарытэтны даследчык-медыявіст Д.С. Ліхачоў слушна адзначаў: “Кожная літаратура стварае свой свет, які ўзнаўляе свет уяўленняў сучаснага ёй грамадства” [1, с. 109]. Асаблівасці гістарычнага шляху пэўнай літаратуры, уяўленні пра яе людзей канкрэтнага часу ў многім тлумачаць праблематыку мастацкіх твораў, каштоўнасныя прыярытэты аўтараў. Адметнасцю развіцця даўняй беларускай літаратуры, як і іншых усходнеславянскіх літаратур, была мабільнасць яе творцаў, частая змена імі месца жыхарства. Акрамя таго, асабліва ў перыяд ранняга Сярэднявечча, многія аўтары, што пераважна былі вучонымі манахамі, галоўным чынам лічылі сябе Божымі дзецьмі, а не насельнікамі пэўнай тэрыторыі. Усё ж пра прыналежнасць таго ці іншага аўтара да пэўнай літаратуры можна гаварыць на падставе яго асноўнага месца жыхарства, а таксама на падставе праблематыкі твораў і выяўлення пэўных этнічных асаблівасцей.

Фундаментам для беларускай літаратуры стала літаратура Кіеўскай Русі, раннімі помнікамі пісьменства якой былі граматы, дамовы, летапісы, перакладзеныя на царкоўнаславянскую мову Біблія, жыціі і інш. На першы план у гэтых пісьмовых помніках выходзілі пытанні маралі, вернасці хрысціянскім запаветам. Летапісная “Аповесць мінулых гадоў”, завершаная Нестарам у пачатку XII стагоддзя, знаёміла з гісторыяй усходніх славян і іх непасрэднага атачэння ў кантэксце гісторыі сусветнай. У ёй праз рознага кшталту гістарычныя факты акцэнтавалася выратавальная сіла хрысціянскай веры і ў маральным плане асуджаліся язычнікі. У прыватнасці ў “Аповесці мінулых гадоў” у маральных адносінах прыўзносіліся паляне, а астатнія плямёны ім проціпастаўляліся: “Поляне имели обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносит за нее что дают. А древляне жили зверинским обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкивали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски, и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон” [2, с. 20–21].

Старадаўняе пісьменства адгукалася на актуальныя праблемы свайго часу. Яно імкнулася паяднаць вечнае і часовае, падкрэсліць іх сувязь. Так, у беларускім аналагу апокрыфа “Хаджэнне Багародзіцы па пакутах” апокрыфе “Аб дванаццаці пакутах” артыкуляваўся заклік выконваць Боскія запаведзі, бо парушэнне іх караецца незалежна ад статусу таго, хто запаведзь парушыў: у пекле апынуліся жорсткія правіцелі, сквапныя багацеі, крывадушныя святары, людзі простага звання. Усе яны паддаліся розным спакусам і не прытрымліваліся хрысціянскіх запаведзей. Да ліку найбольш заганных рыс чалавека ў апокрыфе адносіліся плятканства і крывадушнасць. Размова ў гэтым апокрыфе адначасова ішла пра вечнае, уласцівае чалавечаму жыццю ўвогуле, і пра тое, што было менавіта звязана з існаваннем чалавека эпохі феадалізму: феадал прадставаў таксама грахоўнай асобай.

Дыдактычны элемент – адзін з асноўных складнікаў пісьменства таго часу. Акадэмік Д.С. Ліхачоў доказна падкрэсліваў, што на ўсходнеславянскіх землях у перыяд Сярэднявечча ўсе мастацтвы, у тым ліку і літаратура, мелі прыкладны характар [1, с. 136]. Важнай функцыяй літаратуры была выхаваўчая: помнік пісьменства павінен быў даваць прыклад паводзінаў сапраўднага хрысціяніна. Гэта функцыя рэалізава-

лася ва ўсіх жанрах, але найбольш рэпрэзентатыўнымі былі жанры “слова”, прытчы і жыція.

На перыяд станаўлення даўняй беларускай літаратуры прыпадае дзейнасць Кірылы Тураўскага (каля 1130 – пасля 1182) – знакамітага ўсходнеславянскага прапаведніка, бліскучага прамоўцы, высокаадукаванага чалавека. Яго мастацкая спадчына была ўгрунтавана на артыкуляцыі хрысціянскіх дабрачыннасцей. Заслугоўвае ўвагі яго “Слова, каб не забывалі настаўнікаў сваіх”. Па сваёй накіраванасці гэта найперш павучанне, сэнс якога заключаецца ў тым, што чалавек не павінен забываць дабро, яму зробленае, што чалавек абавязаны адказваць дабром на дабро. Кірыла Тураўскі даводзіў, што настаўнік-прапаведнік вучыць грамаце і веры, за гэта трэба быць яму ўдзячным. Няўдзячны ж вучань, няўдзячны чалавек, паводле аўтара “Слова, каб не забывалі настаўнікаў сваіх”, падобны да згаладалага і прамерзлага сабакі. Знакаміты красамоўца з асуджэннем ставіўся да таго, што афіцыйнае хрысціянства называла “ерасямі”. Сведчанне таму – “Слова на сабор 318 святых айцоў”, дзе ўхваляўся Нікейскі сабор, удзельнікі якога асудзілі Арыя і яго вучняў за гардыню і вальнадумства. Кірыла Тураўскі прыўзносіў святых айцоў Нікейскага сабора як мужных воінаў Божых, а Арыя называў ваўком у авечай скуры, што асмеліўся аспрэчваць Святую Тройцу. На пачатку “Прытчы пра сляпога і бязногага” Кірыла Тураўскі даводзіў, што навука – шлях да славы, што ў кнігах – скарб вечнага жыцця, што Бог не любіць ганарлівых. Зместам жа прытчы пра гаспадара і вартаўнікоў вінаграднага саду сляпога і бязногага, якую нібыта расказаў Госпад, Кірыла Тураўскі акцэнтаваў, што душа і цела – адно цэлае. Перадаючы змест Божай прытчы, Кірыла Тураўскі прасіў прабачэння за тое, што не можа належным чынам разважаць пра духоўныя рэчы, а фактычна ён пераконваў чытача ў шматзначнасці гісторыі вартаўнікоў вінаграднага саду. У “Слове на першую нядзелю пасля Вялікадня” даводзіў, што Царква мае патрэбу ў вялікім настаўніку і мудрым прамоўцу дзеля ўпрыгожання свята, што звычайныя людзі бедныя на словы, з памутнелым розумам не маюць агню Святога Духа, каб складаць карысныя для душы словы. Аднак значнасць падзеі – уваскрэсенне Хрыста – натхняе нават шараговага чалавека на ўзнёслыя словы. Высокаморальнай асобай Кірылу Тураўскаму бачыўся чалавек, які не парушае хрысціянскіх запаведзей.

Пісьмовыя помнікі на пачатку ствараліся вучонымі манахамі, якія спрабавалі аб’яднаць хрысціянскія маральныя імператывы з паўсядзённымі праблемамі людзей Сярэднявечча. Паказальныя ў гэтым плане “Жыціе Еўфрасінні Полацкай” і пасланне Клімента Смаляціча (дата нараджэння невядомая – пасля 1164) прэсвітару Фаме. У “Жыціі Еўфрасінні Полацкай” узнаўляўся яе шлях да Бога і служэнне Богу, паэтызавалася імкненне асобы духоўна самаўдасканальвацца, служыць не толькі Богу, але і людзям. Палеміка Клімента Смаляціча з прэсвітарам Фамой цікавая стаўленнем тагачасных людзей да антычнай спадчыны. Фама абвінавачваў Клімента ў тым, што той дзеля большай вучонай славы абапіраўся ў сваіх выказваннях не на айцоў царквы, а на Гамера, Платона, Арыстоцеля. У пасланні Клімента Смаляціча акцэнтавалася неабходнасць для служкі хрысціянскай царквы і для чалавека ўвогуле шырокага кругагляду; розум абвяшчаўся сродкам, што дазваляе чалавеку спасцігнуць Божую мудрасць і ісціну. Клімент Смаляціч рашуча адмяжоўваўся ад абвінавачванняў у славалюбстве і пераконваў свайго апанента, што духоўная асоба ў спрэчках адносна веры не павінна спасылацца на язычніцкіх аўтараў, а ў прыватных размовах і ліставанні гэта не забараняецца.

“Слова аб палку Ігаравым” (канец XII стагоддзя – не пазней XIII стагоддзя) стала яскравым увасабленнем уяўленняў аб чалавеку Сярэднявечча і яго ролі ў грамадстве паводле вызначанай яму Богам ролі: князь павінен быць патрыётам, абаронцам роднай зямлі, дружыннік – абаронцам радзімы і верным слугою князя. Аўтар падаў кодэкс вайсковага гонару, нагадаў князям, што ўсе яны браты і ўсе роўныя перад абавязкам абараняць родную зямлю. Па меркаваннях Рыкарда Пікіа, у “Слове аб палку Ігаравым” асуджаецца адступленне князя Ігара ад свайго патрыятычнага абавязку. Доказам таго, што гісторыя князя Ноўгарад-Северскага ў “Слове” бачыцца як грахоўны і таму адмоўны “прыклад неабмежаванай гардыні, з’яўляецца цытата з Бібліі, па-майстэрску ўстаўленая ў тэкст адразу ж пасля рыторыка-паэтычнага ўступу, які мы разглядалі ў самым пачатку аповеду, – “по былям нашего времени почнем же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, **иже истягну умъ** крѣпостию **своею и поостри сердца своего мужествомъ**...” [3, с. 95]. Аўтар “Слова аб палку Ігаравым”, на думку Пікіа, ужывае цытату з Другазаконня Старога Запавету, у якой асуджаўся грэх гардыні цара Сігона Ясягонскага, і тым самым дае празрыстую ацэнку ўладалюбівым памкненням князя Ігара.

У ранні перыяд развіцця даўняй літаратуры, такім чынам, у помніках пісьменства сцвяржаліся хрысціянскія каштоўнас-

ці, абавязкі чалавека перад Богам і роднай зямлёй.

Станаўленне ўласна беларускай літаратуры адбывалася ў XIV–XV стагоддзях, асноўнымі жанрамі яе сталі летапісы, жыціі, хаджэнні, пахвалы, дзе этычнае таксама ўваходзіла ў рамкі хрысціянскай маралі. Цікавае ў змястоўным плане "Хаджэнне ў Царград і Іерусалім Ігнація Смаляніна" (канец XIV стагоддзя) – твор, у якім увасоблены не толькі рэлігійныя, але і свецкія матывы. Паломнік Ігнацій Смалянін апавядаў пра барацьбу за ўладу ў Царградзе, расказваў пра ўзыходжанне на трон новага цара. Правіцеляў апавядальнік не асуджаў, бо яны на сацыяльнай лесвіцы стаяць вышэй за яго, але і яны не вышэй за хрысціянскую мараль. Чытачу ненавязліва тлумачылася, што чалавек павінен кіравацца абавязкам перад Богам, а правіцель – перад Богам і народам. У беларускіх летапісах змяшчалася ацэнка падзей і асоб, выказваліся пэўныя палітычныя сімпатыі і антыпатыі, ствараліся палітычныя легенды і паданні, у прыватнасці, легенда пра паходжанне шляхты ВКЛ ад рымскага арыстакрата Палямона. Асвятленне падзей нярэдка спалучалася з займальным аповедам пра моманты палітычнага жыцця, як у "Летапісцы вялікіх князёў літоўскіх". Вялікай каштоўнасцю грамадскага жыцця правазвяшчаліся, напрыклад, у "Летапісцы вялікіх князёў літоўскіх", "Беларуска-літоўскім летапісе 1446 года", "Хроніцы Быхаўца" мір і згода паміж князямі, вернасць слову і прысязе. У XV стагоддзі з Сербіі на Беларусь прыйшло "Сказанне пра віленскіх пакутнікаў". Размова там ішла пра братоў Іаана, Антонія і Яўстафія, асуджаных язычніцкім князем Альгердам на смерць за тое, што выконвалі хрысціянскія абрады. Падзвіжніцтва ў імя веры трактавалася як норма паводзінаў сапраўднага хрысціяніна.

Пэўнае пашырэнне меў у літаратуры XV – пачатку XVI стагоддзя панегірычны жанр пахвалы, у якім аўтары выказвалі сваё разуменне добрага і дрэннага ў жыцці, але найперш давалі грамадзянству ўзор паводзінаў праз ухваленне пэўнай асобы высокага становішча. "Пахвала Вітаўту" была напісана каля 1430 года, відаць, спецыяльна перад маючым адбыцца каранаваннем князя ВКЛ. У ёй вялікі літоўскі князь паказваўся як надзвычай уплывовая палітычная і дзяржаўная асоба ва ўсім свеце, як мудры правіцель, што клапоціцца пра гонар і росквіт сваёй зямлі, а таму пашырае яе межы і карыстаецца павагай з боку іншых правіцеляў. "Пахвала гетману Канстанціну Астрожскаму" рэпрэзентавала князя Астрожскага мужным і таленавітым палкаводцам, адданым Вялікаму княству Літоўскаму. Тут аўтар твора сцвярджаў ідэал ратнага служэння Радзіме з пазіцыі агульнадзяржаўных інтарэсаў.

Беларускае пісьменства Сярэднявечча было полілінгвальным, шэраг твораў таго перыяду напісаны на латыні, у тым ліку творы Яна Вісліцкага (1490–1520) і Міколы Гусоўскага (1470–1533). Ян Вісліцкі на лацінскай мове ў паэме "Пруская вайна" апаэтызаваў мужнае змаганне нашых продкаў супраць тэўтонаў і ў мастацкай форме кананізаваў дынастыю Ягелонаў. Найвышэйшай маральнай якасцю асобы ў паэме абвяшчалася пачуццё гонару за продкаў і вернасць ім. Згодна Я. Вісліцкаму, Ягайла і яго паслядоўнікі працягваюць справы легендарнага Крака, аднаго з заснавальнікаў польскай дзяржавы. Яны сапраўдныя кіраўнікі дзяржавы, бо наследуюць мудрыя дзяянні папярэднікаў.

Таленавітым паэтам эпохі Адраджэння быў Мікола Гусоўскі, які ў мастацкай форме падаў свае каштоўнасныя арыенціры. Самы знакаміты твор Гусоўскага – паэма "Песня пра зубра". У ёй М. Гусоўскі як бы паміж іншым зазначыў, што кнігі – захавальнікі памяці пра мінулае, аднак звесткі там могуць быць няпоўнымі, а таму лепш звяртацца да відавочцаў. Сам ён відавочца і ў творы будзе апавядаць пра ўбачанае і перажытае. Абавязкам творцы Гусоўскі лічыў абарону міру і згоды. Мір – надзвычайная каштоўнасць грамадскага быцця:

Спынім забойствы! Сумленне, і розум, і гонар
Ўладна загадваюць кніжніку: як са званіцы,
Бі ў сваё звонкае слова, узбройвай народы
Супраць разбою! Бясконца купае і губіць
Марс збраяносны людзей у крывавых купальнях [4, с. 99].

Як чалавек Рэнесансу Гусоўскі верыў у Бога і ў вялікія магчымасці чалавека. Ён апяваў мужнага, разумнага і ініцыятыўнага чалавека. Зубр у яго паэме заваёўвае права быць на чале статку ў барацьбе з сапернікамі. Ідэалам дзяржаўнага дзеяча выступае ў паэме князь Вітаўт, які, паводле аўтара, ацэньваў людзей па іх асабістых якасцях, а не па паходжанні, які сваёй мудрай знешняй і ўнутранай палітыкай высока ўзняў уласны аўтарытэт і аўтарытэт дзяржавы:

Факельшчык войнаў са слабым, а з дужым анёл-міратворац
Ставіў аголены меч свой, як слуп пагранічны,
Перад нашэсцямі ворагаў з поўдня і ўсходу [4, с. 88].

Нельга не пагадзіцца з меркаваннем У.А. Калесніка, што "Гусоўскі цераз вобраз Вітаўта аднаўляе паслабленыя ў яго час гераічныя ідэалы даўняй патрыярхальнай дружыннай этыкі, супрацьпастаўляе іх сфармалізаванай лесвіцы феадальнага падпарадкавання па знатнасці, а не па здольнасцях і заслугах" [5, с. 172]. У паэме "Новая і славутая перамога над туркамі ў ліпені месяцы", прысвечанай перамозе народнага апалчэння пад Трамбоўлем, аўтар прыўзносіў народную згоду ў імя вялікай справы. Паэма "Жыццё і подзвігі святога Гіяцынта" – мастацкае сцвярджэнне асобы ініцыятыўнага хрысціяніна, духоўнага падзвіжніцтва ў імя Бога і чалавека.

Выдатны дзеяч эпохі Адраджэння Францыск Скарына (1490–1551) – перакладчык і інтэрпрэтатар Бібліі – свае погляды на грамадства і яго ўладкаванне, на месца чалавека ў свеце, на ролю кнігі і асветы выказаў у прадмовах і пасляслоўях да кніг Святога Пісьма. Мэта выдання Бібліі пазначалася наступным чынам: "Бивлия руска, выложена доктором Францыском Скориною из славного града Полоцька, Богу ко чти и людем посполитым к доброму научению". Біблія для Скарыны – крыніца ведаў і выхавання чалавека. У прадмове да "Псалтыра" падкрэслівалася: "Детем малым початок всякое доброе наукы, дорослым помножение в науке, мужем моцное утверждение". Неабходнасць служэння чалавека грамадству пазіцыянавалася Скарынам у прадмове да кнігі "Эсфір", ідэяй патрыятызму была прасякнута прадмова да кнігі "Юдзіф". Беларускі першадрукар лічыў, што чалавек павінен пастаянна самаўдасканальвацца, што грамадства павінна ўладкоўвацца на пачатках розуму і справядлівасці. У прадмове да кнігі "Левіт" зазначалася, што чалавек адказны за свае справы, што грахі не выкупляюцца "кровию тельцев и козлов". Дзеячаў эпохі Адраджэння хвалявала праблема правіцеля, кіраўніка дзяржавы. У якасці пацвярджэння можна спаслацца на трактат Дантэ "Пра правіцеля". Свой ідэал узорнага кіраўніка дзяржавы Францыск Скарына ўзяў з Бібліі ў асобе мудрага і справядлівага цара Саламона.

Этычныя каштоўнасці перадавых людзей эпохі рэлігійнай рэфармацыі выказваў Сымон Будны (1530–1593). Дзеля памнажэння і развіцця асветы ў 1562 годзе ён выдаў на беларускай мове "Катэхізіс" у Нясвіжскай друкарні. У панегірычным прысвячэнні князям Радзівілам Сымон Будны пісаў пра абавязак чалавека працягваць традыцыі продкаў, працаваць на карысць роднага краю. Будны хацеў бачыць святароў, духоўных настаўнікаў людзьмі высокамаральнымі і адукаванымі. У прадмове да "Катэхізіса" ён параўноўваў духоўных настаўнікаў з соллю: "Кали учитель накозанием, поучением и напоминанием не заховуеть людей от духовное гнили, то повелеватъ Г(оспо)дь вон его выкинути и потоптати яко соль, естли бы одурела, або силу свою утратила" [3, с. 402]. Пытанні маралі і веры былі цесна пераплецены ў свядомасці Сымона Буднага. Да ліку першачарговых грамадскіх маральных каштоўнасцей ён, як сведчыць трактат "Пра свецкую ўладу" (1583), адносіў рэлігійную талерантнасць, непрыманне ўціску іншаверцаў. Своеасаблівы працяг ідэй, выказаных Будным адносна ролі асветы, – гэта прадмова да выдадзенага "Евангелля" (1570-я гады) Васіля Цяпінскага (1540–1603). Яна грунтавалася на ідэі неабходнасці высокай адукаванасці, на думцы пра запатрабаванасць адкрыцця школ для народа, на перакананні, што паны і духавенства павінны клапаціцца пра пашырэнне асветы, і акцэнтаванні таго, што для сапраўднага грамадзяніна агульнанародныя інтарэсы вышэй за прыватныя і рэлігійныя.

XVI – першая палова XVII ст. пазначаны з'яўленнем грамадзянскай па сваёй сутнасці паэзіі Андрэя Рымшы (1550–1599) і Яна Казіміра Пашкевіча (гады жыцця невядомыя). У "эпікграмах" (старажытныя грэкі першапачаткова называлі эпіграмамі надпісы, якія тлумачылі прызначэнне нечага. – *В.Б.*) Андрэя Рымшы на гербы Льва Сапегі і Фёдара Скуміна патрыятызм, мудрасць і справядлівасць адносіліся аўтарам да важных уласцівасцей магнатаў. Так, у эпікграме на герб Фёдара Скуміна Рымша паэтызаваў носьбіта герба як абаронцу роднай зямлі, а ў эпікграме на герб Сапегі носьбіты герба атэстуюцца людзьмі мудрымі і справядлівымі. Апалагетычная паэма "Дэкатэрос Азероама, або Дзясяцігадовая аповесць пра ваенныя справы Крыштофа Радзівіла" (1585) – твор, у якім магнат Радзівіл прадставаў у абліччы смелага і рашучага воіна-хрысціяніна. Ян Казімір Пашкевіч у адзіным вершы, які дайшоў да нашага часу і датаваны 1621 годам, артыкуляваў значнасць і ідэнтыфікацыйны характар этнічна-моўнай асновы дзяржавы і краю: "Полска квитнет лациною, // Литва квитнет русчизною" [6, с. 95]. Яго знакаміты верш заканчваўся аптымістычнымі радкамі: "Весели ж се ты, Русине, // Тва слава никгды не згіне!" [6, с. 95].

Грамадскі ідэал чалавека-патрыёта недвухсэнсоўна выяўляўся ў гістарычна-дакументальным творы "Дзённік Люблінскага сейма 1569 г." і ў "Допісах" Філона Кміты-Чарнабыльскага (1530–1587). "Дзённік Люблінскага сейма 1569 г." – узнаўленне сітуацыі, звязанай з утварэннем Рэчы Паспалітай. Гетман Ян Хадкевіч, што стаяў

на чале вялікакняскіх паслоў, прадстаўлены ў творы шчырым патрыётам ВКЛ. Яго прамова на сейме, дзе прынялі рашэнне пра аб'яднанне Княства і Кароны, была прасякнута клопатам пра лёс роднага краю, заклікам да польскіх арыстакратаў шанаваць гонар Вялікага княства Літоўскага, аб'яднаць дзве дзяржавы на ўмовах справядлівасці і роўнасці. "Допісы" (1573–1574) Філона Кміты-Чарнабыльскага па змесце ўяўлялі сабой асвятленне памежнага жыцця ВКЛ і Вялікага Маскоўскага княства, уключалі звесткі пра намеры і ваенныя справы Івана Жахлівага, пра ўнутраную сітуацыю ў Рэчы Паспалітай. Кміта-Чарнабыльскі выказваў захапленне хітрасцю і палітычнай знаходлівасцю рускага цара, выступаў супраць шляхецкай фанабэрлівасці. Згадваючы ўцёкі французскага арыстакрата Генрыха Валуа з Рэчы Паспалітай пасля непрацяглага знаходжання на польскім троне, выказваў меркаванне, што ў аб'яднанай дзяржаве варта выбіраць правіцелем не чужаземца, а каго-небудзь з уплывовых сваіх арыстакратаў.

Уяўленні звычайнага чалавека пра светаўладкаванне, пра гарманічнае суіснаванне ў грамадстве розных сацыяльных пластоў занатавалі дзённікі людзей таго часу: "Дыярыуш" Фёдара Еўлашэўскага (1546–1604), "Дыярыуш" Яна Цадроўскага (1617–1682), а таксама "Баркулабаўскі летапіс". Ф. Еўлашоўскі без прыхарошвання падаў многія адмоўныя грамадскія з'явы свайго часу, у прыватнасці, шляхецкія бойкі, расказаў пра свавольствы магнатаў. Яго ідэал сапраўднага шляхціца – верны слуга магнату, верны муж і клапатлівы бацька дзецям, а ідэал шляхцянкі – верная жонка і клапатлівая маці. "Баркулабаўскі летапіс" праз замалёўкі сялянскага і шляхецкага побыту, праз згадванне пра казацкія паўстанцкія атрады акцэнтаваў думку, што ідэальнае жыццё павінна быць сытым і мірным.

Напярэдадні, падчас і пасля Брэсцкай царкоўнай уніі 1596 года разгарнулася палеміка паміж праціўнікамі і прыхільнікамі ўніі. Гэта была не спрэчка наватараў і традыцыяналістаў у грамадскім жыцці; размова фактычна ішла пра шляхі, якія б дазволілі пазбегнуць грамадзянскай вайны. Праціўнікі ўніі лічылі яе прыняцце шляхам да далейшай паланізацыі і акаталічвання беларускага насельніцтва, да страты ім сваёй рэлігійнай і этнічнай ідэнтычнасці, шляхам да росту варожасці і супрацьстаяння ў грамадстве. Прыхільнікі ўніі зыходзілі з таго, што царкоўнае аб'яднанне дасць магчымасць пазбегнуць варожасці паміж праваслаўнымі і каталікамі і стане адмысловай рэлігійнай прыкметай насельніцтва былога ВКЛ. Такім чынам, палемічная літаратура была заснавана не толькі на рэлігійных, але і на свецкіх ідэях. Яна патрыятычная ў сваёй аснове, але крыніцы патрыятызму былі рознымі, як розным было разуменне перспектыў развіцця роднай зямлі. Праваслаўны іерарх Іпацій Пацей (1541–1613) апраўдваў унію і заклікаў да адзінства хрысціян. На яго думку, незайздроснае становішча праваслаўнай царквы, неадпаведнасць святароў свайму прызначэнню абумовілі заключэнне ўніі як выратавальнага кроку дзеля захавання хрысціянскай веры. Стэфан Зізаній (гады жыцця невядомыя) лічыў, што ўнія – гэта справа рук карыслівага каталіцкага духавенства, якое кіруецца сваімі вузкімі канфесійнымі інтарэсамі. "Апокрысіс" Хрыстафора Філалета стаў эмацыянальным і рэзкім выступленнем супраць каталіцызму, маральнай недасканаласці каталіцкага духавенства і яго вышэйшага кіраўніцтва. Пытанні маралі, дзяржаўнасці і веры цесна былі звязаны ў пісьменнікаўпалемістаў. Яркім і арыгінальным пісьмовым помнікам, накіраваным супраць Брэсцкай уніі, быў "Фрынас, або Плач усходняй царквы" Мялеція Сматрыцкага (1547–1633). У гэтым высокамастацкім творы праваслаўная царква пададзена ў вобразе няшчаснай маці, якой выракліся родныя дзеці. Афанасій Філіповіч (1597–1648) падкрэсліваў, што царкоўная ўнія – шлях да канчатковага паняволення народа, што Рэч Паспалітая – дзяржава "своволнага панства", дзе вышэйшыя праваслаўныя іерархі не праявілі сябе патрыётамі роднай зямлі.

Сацыякультурныя абставіны абумовілі феномен палітычнай сатыры XVII стагоддзя, засяроджанай найперш на пытаннях свецкага грамадскага жыцця. "Прамова Мялешкі" – таленавітая стылізацыя пад сеймавыя прамовы ў Рэчы Паспалітай. Аўтар твора прапаноўваў прагнаць караля Жыгімонта II Аўгуста, каралям Жыгімонтам II і III ён процістаўляў Жыгімонта I Старога, які "Литву и Русь нашу любительна миловал". Аўтара абурала засілле іншаземцаў на беларускіх землях і пакорлівасць суайчыннікаў. Ганарлівая і амаральная польская шляхта і яе "падгалоскі" з асяроддзя землякоў аўтара процістаўляліся патрыятычна настроенай старой беларускай шляхце. Аўтар "Прамовы Мялешкі" ўжываў этнаграфічна-бытавы матэрыял у якасці аргументацыі сваіх вывадаў пра маральную сапсаванасць тагачаснага грамадства. Апавядальнік, у прыватнасці, процістаўляў старыя і новыя стравы: "И то велми страшная шкода – гологуздые кури ховати и инные пташки смажити. Торты тые цинамоном, микгдалами цукровати. А на моей памети присмаков тых не бывало. Добрая была гуска з грибъками, качка з перчиком, печон-

ка з цыбулею или чосныком. А коли на перепышные достатки – каша рижовая з шафраном. Вина венгерского не заживали перед тым. Малмазию скромно пивали, медок и горилочку дюбали, але гроши под достатком мевали" [7, с. 422]. "Ліст да Абуховіча" быў накіраваны супраць дзяржаўнай здрады высокапастаўленых асоб. Ідэал аўтара – военачальнік, што кіруецца інтарэсамі Айчыны, а не ўласнай выгадай. Звяртаючыся да Піліпа Абуховіча, які нібыта за вялікі хабар здаў Смаленск ворагам, апавядальнік з'едліва канстатаваў: "Увалявся есь у великую славу, як свиня у грась, горш то ся стало, коли хто упадзе у новом кожусе у густое болото, у злом розуменю, у обмовах людзких и у срамоти седзиць, як дзяцел у дупли" [7, с. 424].

У сярэдзіне XVII стагоддзя працягвае развівацца паэзія, пашыраецца яе жанравы і тэматычны дыяпазон. Пэўны час ў паэзіі дамінуе жанр дэкламацыі, прадстаўлены панегірычнымі творамі для публічнага чытання адной або некалькімі асобамі. Іх аўтары – Філафей Утчыцкі (гады жыцця невядомыя), Ігнат Іяўлевіч (1616–1686), Сімяон Полацкі (1629–1680). Манах Філафей Утчыцкі падкрэсліваў важнасць наяўнасці веры ў чалавека. Ігнат Іяўлевіч шмат разважаў над гісторыяй славян і ўхваляў іх мову. Паэт Фама Іяўлевіч (гады жыцця невядомыя) у польскамоўнай паэме "Лабірынт" акцэнтаваў думку пра неабходнасць адзінства і дружбы славянскіх народаў, пра вялікія магчымасці чалавечага розуму і яго ролю ў стасунках паміж людзьмі.

XVII стагоддзе – час, калі літаратура ўсё больш і больш становіцца свецкай. Прыкметнай з'явай таго часу стала творчасць Сімяона Полацкага. У многім дзякуючы яго творчасці пачалося "сацыяльнае пашырэнне" (тэрмін Д.С. Ліхачова) літаратуры. Літаратура "адваёўвае незалежнае месца ў культурным жыцці грамадства. Яна атрымлівае свабоду ад абраду, укладу, ад дзелавых функцый і тым самым становіцца вольнай выконваць сваю грамадскую функцыю нечасткова, не ў сувязі з тым ці іншым прызначэннем жанру, а таксама непасрэдна, але непасрэдна па-мастацку і на больш свабодным ад дзелавых функцый узроўні" [1, с. 168]. На пачатку творчай дзейнасці Сімяон Полацкі часта выкарыстоўваў такія жанры, як эпітафія і элегія, сюжэтны верш. Іх ён напаўняў філасофскім сэнсам і філасофскімі сентэнцыямі ("Поверь же, что не может угодить всем // Тот, кому выпало на свет родиться" [8, с. 90]; "на небе занять первые места // Добродетель позволит, а не дворянские привилегии" [8, с. 92]; "В ежедневной работе, как муравей, пребывай" [8, с. 98] і г.д.). Сімяон Полацкі марыў пра асвечанага манарха, які ў сваёй дзейнасці кіруецца хрысціянскім маральным кодэксам і заклапочаны пашырэннем асветы і ведаў. Асветніцкі, дыдактычны і філасофскі пачаткі па-майстэрску спалучаліся ў творах пісьменніка. У польскамоўным вершы "Эпітафія" гаварылася, што цела смяротнае, але душа ідзе да Божай славы, таму клапаціцца найперш трэба пра чысціню душы. Гэта ж думка вар'іруецца і ў творы "Gloria incognants est (Слава зменлівая)": усё зменлівае (чалавечае жыццё, існаванне дзяржаў), усё смяротнае, таму чалавек павінен дбаць пра вечнае, розумам звяртацца да Неба. Антычныя, біблейскія, гістарычныя і бытавыя сюжэты станавіліся сродкам сцвярджэння хрысціянскага маральнага кодэкса. У польскамоўным вершы "Пяшчота да дзяцей" згадваецца пра малпу, якая, песцячы, задавіла сваё дзіця. Паводле Сімяона Полацкага, некаторыя маці прыводзяць да смерці сваіх дзетак праз празмернае пеставанне. Ідэал сапраўднай прыгажосці для хрысціяніна, як даводзіць аўтар у польскамоўным вершы "Прыпадабненне", – Дзева Марыя: калі мы прыпадабняемся да яе, то прыпадабняемся да Бога. У зборніку "Вертаград шматкаляровы" (1680) паэт падсумоўваў свае роздумы над жыццёвымі праблемамі, над хрысціянскім пастулатамі, над нормамі паводзінаў чалавека і пераконваў у неабходнасці чалавеку заставацца чалавекам. Так, у вершы "Дабро за зло" пісьменнік прыгадаў, што Філіп Македонскі, калі пачуў, што "муж некий гаждаше, // хулы яве и отай о нем глаголаше" [8, с. 354], загадаў "много число златниц ему даше". Чалавек той пасля "уже во хвалителя его преложися". Мараль гісторыі Сімяон Полацкі сфармуляваў радкамі:

О дивны победы! не злым зло воздает,
но благостыне си злобу побеждает.
Христианску доброту в себе проявил есть
прежде неже Христос-Бог сему мир учил есть" [8, с. 354].

Паэт заклікаў ва ўзаемаадносінах з людзьмі прытрымлівацца хрысціянскага маральнага кодэкса і здаровага сэнсу. Напрыклад, у вершы "Маўчанне" ён спачатку згадаў пра Піфагора, які прасіў вучняў пяць гадоў захоўваць маўчанне, каб чаму-небудзь навучыцца, а потым фармуляваў мараль са сказанага:

Кто не умеет временно молчати,
не научится добре глаголати [8, с. 371].

У парабалічным вершы "Ненасытство" нагадваў:

Птица Феникс ветви многи собирает,
на них же сам огнем возлег согорает:

тако ненасытнии много пищъ съедают
и питий пиют, от них же умирают [8, с. 372].

Апошні верш у “Вертаградзе шматкаляровым” “Яма” складаўся з двух радкоў і ўтрымліваў ў сабе перасцярогу:

Иже подругом си яму копает,
сам многократне в ону въпадает [8, с. 382].

Этычныя імператывы, заснаваныя на хрысціянскай маралі, гуманістычным стаўленні да чалавека і ідэі ўдасканалення грамадства і чалавека з дапамогай асветы, – характэрная рыса творчасці беларуска-рускага пісьменніка Сімяона Полацкага і яго наступнікаў у літаратуры пазнейшага часу.

Заключэнне. Літаратура ёсць аксіялагічны эпіфеномен. У ёй знаходзяць прамое ці ўскоснае выяўленне этычныя каштоўнасці пэўнага храналагічнага перыяду. Аксіялагічны этычны дыяпазон літаратуры залежыць ад гістарычнага часу. Стрыжнёвымі этычнымі каштоўнасцямі даўняй беларускай літаратуры на ўсім працягу яе развіцця былі хрысціянскія каштоўнасці, а пачынаючы з эпохі Адраджэння ў ёй узмацнілася артыкуляцыя патрыятызму і асабістай адказнасці чалавека за свае паводзіны і за лёс роднай зямлі.

Літаратура

1. Лихачев, Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высш. шк., 1989. – 208 с.
2. Пиккио, Р. История древнерусской литературы / Р. Пиккио. – М.: Кругъ, 2002. – 350 с.
3. Повесть временных лет / пер. Д.С. Лихачева. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 188 с.
4. Слова пра паход Ігаравы: паэма. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: паэма. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 188 с.
5. Калеснік, У.А. Тварэнне легенды: літ. партрэты і нарысы / У.А. Калеснік. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 413 с.
6. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII ст. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – 1016 с.
7. Старажытная беларуская літаратура: зб. / уклад.: Л.С. Курбека, У.А. Марук. – Мінск: Юнацтва, 2002. – 509 с.
8. Полоцкий, Симеон. Вирши / Симеон Полоцкий. – Минск: Маст. літ., 1990. – 447 с.

Паступіў у рэдакцыю 25.10.2016 г.

УДК 908(476.5)“18”:398(=161.3)

Асветніцкая дзейнасць і лінгвістычныя назіранні Максіміліяна Восіпавіча Маркса (1816–1893)

Гарнак В.У.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Максіміліян Восіпавіч Маркс нарадзіўся 19(7) кастрычніка 1816 года ў Віцебску. Царскім урадам у 1866 годзе за актыўны ўдзел у рэвалюцыйнай арганізацыі сасланы ў Сібір на пажыццёвае пасяленне. У 1887–1888 гг. М. Маркс напісаў успаміны “Запіскі старога” (“Записки старика”), а таксама некалькі артыкулаў мемуарнага характару.

Мэта даследавання – вывучэнне асветніцкай дзейнасці і лінгвістычных назіранняў М.В. Маркса.

***Матэрыял і метады.** Матэрыялам паслужылі ўспаміны Максіміліяна Восіпавіча Маркса. У працы выкарастаны апісальны і параўнальна-супастаўляльны метады.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** У артыкуле аналізуюцца асаблівасці маўлення жыхароў Віцебска ў першай палове XIX стагоддзя, узгадваюцца віцебскія (Э. Плятэр, Т. Лада-Заблоцкі, А. Зброжак, С. Маркіянавіч) і віленскія (А. Міцкевіч, Я. Чачот, В. Дунін-Марцінкевіч, К. Каліноўскі) прыхільнікі беларушчыны. У Маскве 1860-х гадоў М. Маркс – арганізатар і адзін з кіраўнікоў зямляцтва студэнтаў, выхадцаў з Беларусі і Літвы. Максіміліян Восіпавіч Маркс быў прыхільнікам абуджэння і разняволення тагачаснага грамадства.*

***Заключэнне.** Асабліва вялікая заслуга М.В. Маркса ў тым, што ён адзін з першых на Віцебшчыне, хто звярнуўся да вывучэння вуснай паэтычнай творчасці мясцовых жыхароў. Асветніцкая дзейнасць і цікавыя назіранні М.В. Маркса, безумоўна, сёння неабходныя лінгвістам, літаратуразнаўцам, этнографам і фальклярыстам.*

***Ключавыя словы:** Максіміліян Маркс, Віцебск, мемуары, беларушчына, вымаўленне, XIX стагоддзе.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 177–179)

Educational Activity and Linguistic Ideas of Maksimilian Osipovich Marks (1816–1893)

Gornak V.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Maksimilian Osipovich Marks was born on October 19 (7), 1816 in Vitebsk. In 1866 in accordance with the Tsar Decree he was sentenced to life exile in Siberia for active participation in a revolutionary organization. In 1887–1888 M. Marks wrote memoirs “Old Man’s Notes” as well as some articles of memoir character.

The purpose of the research is to study educational activity and linguistic ideas of M.O. Marks.

***Material and methods.** The material is M. Marks’s memoirs. The descriptive and the comparative methods are used in the research.*

***Findings and their discussion.** Features of speech of Vitebsk dwellers in the first half of the XIX century are analyzed in the article; Vitebsk (E. Pliater, T. Lada-Zablotski, A. Zbrozhak, S. Markiyanavich) and Vilnia (A. Mitskevich, Ya. Chachot, V. Dunin-Martsinkevich, K. Kalinovski) Belarusian language adherents are represented. In Moscow in the 1860-ies M. Marks was the organizer and one of the leaders of Belarusian and Lithuanian Student Union. Maksimilian Osipovich Marks was the supporter of awakening and liberation of the society.*

***Conclusion.** M.O. Marks’s special contribution was the fact that he was one of the first in Vitebsk Region who turned to studying oral poetic work of local dwellers. M. Marks’s educational activity and interesting ideas are certainly necessary for contemporary linguists, literary critics, ethnographers and folklorists.*

***Key words:** Maksimilian Marks, Vitebsk, memoirs, Belarusian language and culture, speaking, XIX century.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 177–179)

Максіміліян Восіпавіч Маркс нарадзіўся 19(7) кастрычніка 1816 года ў Віцебску. Пасля заканчэння Віцебскай гімназіі (1834) вучыўся ў Маскоўскім універсітэце. Потым вярнуўся ў родны горад над Дзвіной. У 1850–1860-я гг. настаўнічаў у Смаленску, выкладаў у 4-й гімназіі Масквы. У 1866 годзе па справе Д.У. Каракозава (замах на цара Аляксандра II) і за актыўны ўдзел у польскай рэвалюцыйнай арганізацыі сасланы ў Сібір на пажыццёвае пасяленне. Там Максіміліян Маркс захапіўся вывучэннем прыроды і клімату Сібіры. За сваю навуковую дзейнасць Максіміліян Восіпавіч у 1878 годзе атрымаў Залаты медаль Рускага геаграфічнага таварыства. Доўгі

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: hornak@tut.by – **В.У. Гарнак**

час наш зямляк жыў у Енісейску, дзе і памёр у 1893 годзе.

У 1887–1888 гг. М. Маркс напісаў успаміны "Запіскі старога" ("Записки старика") [1; 2], а таксама некалькі артыкулаў мемуарнага характару [3; 4].

Мэта даследавання – вывучэнне асветніцкай дзейнасці і лінгвістычных назіранняў М.В. Маркса.

Матэрыял і метады. Матэрыялам паслужылі мемуары Максіміліяна Восіпавіча Маркса [1–4]. У працы выкарастаны апісальны і параўнальна-супастаўляльны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У "Запісках старога" Максіміліян Восіпавіч сведчыць, што на вуліцах Віцебска ў пачатку XIX стагоддзя можна было лёгка пачуць беларускую, польскую, рускую і яўрэйскую мовы. Але царская ўлада мэтанакіравана разбурала гэта даволі мірнае суіснаванне культур і ў выніку зрабіла так, што недзе ў 1840-я гады ўжо *не было такога багацця народнасцяў, саслоўяў, касцюмаў, гутарковай мовы – усё гэта цяпер змылась, згладзілась і сцёрлась у нейкую аднастайнасць* [1, 1995, с. 74].

Найвышэйшыя чыноўнікі горада (губернатар, віцэ-губернатар, паліцмайстар, паштмайстар, дырэктар гімназіі, розныя дарадцы і г.д.) былі рускія, размаўлялі, натуральна, на сваёй роднай мове.

Дваранства, у першую чаргу памешчыкі, складалася з двух секцый: польскай (пераважна каталіцкай) і рускай (у асноўным праваслаўнай). Да першай групы, якая была даволі значнай, належалі землеўладальнікі з польскімі прозвішчамі. Усе яны, як заўважае мемуарыст, былі ў асноўным выпускнікамі Віленскага ўніверсітэта, прыхільнікамі апошняга караля Рэчы Паспалітай. Руская секцыя складалася з уласнікаў, якія атрымалі маёмасць пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай. Такім чынам, буйныя і сярэднія землеўладальнікі карысталіся звычайна альбо польскай, альбо рускай мовай [1, 1995, с.75].

Дробная шляхта і чыншавікі паміж сабой размаўлялі звычайна па-беларуску, але ім хацелася больш ужываць польскую мову. У прыватнасці, М. Маркс піша: *Яны думалі, што беларускае слова, вымаўленае "ў нос" з прыбаўкай гука "ж" пасля "р" зробіцца польскім, і таму pies siedzi na progu вымаўлялі: "Пенс сендзі на пржогу"* [1, 1996, с. 97]. У выніку, як сведчыць мемуарыст, атрымлівалася своеасаблівая беларуска-польская "трасянка".

У "Запісках старога", на жаль, маецца толькі адзін прыклад беларускага маўлення. Гэта галашэнне вясковай жанчыны (Эміліі Плятэр. – *В.Г.*) [5, с. 85]. Вось як гэты маленькі ўрывак занатаваў мемуарыст:

"Авой, авой, дзяцюк ты мой!
Не на радосць, не к счасцью ты родзився!" [4, 1997, с. 138].

Як піша Маркс, маўленню віцяблян было характэрна тое, што яны канцавы t (т) у дзеясловах змякчалі на Č(ц'). Але не маглі змякчыць [р]. Напрыклад: *пішуць, будуць* замест *пішут, будут; зара, рад* замест *заря, ряд*. Адзначае мемуарыст і такую асаблівасць беларускай мовы, як наяўнасць [ў]. Віцяблянін пазначае гэты гук *и (v)* [4, с. 153]. Такім чынам, для вымаўлення жыхароў Віцебска першай паловы XIX стагоддзя ў галіне зычных, паводле М.В. Маркса, характэрна:

1) афрыката [дз'] мяккая і вымаўляецца як адзін гук;

2) наяўнасць мяккай афрыкаты [ц'];

3) гук [р] заўсёды цвёрды;

4) наяўнасць губна-губнога [ў].

Мемуарыст прыгадвае, што ў Віцебску таго часу было шмат аматараў беларушчыны. І сам малады Максіміліян уваходзіў у гурток прыхільнікаў беларускай мовы і культуры. Каштоўнымі і цікавымі з'яўляюцца артыкулы М. Маркса, якія апісаў і часткова надрукаваў прафесар Львоўскага ўніверсітэта Вільгельм Брухнальскі (1859–1938), "Emilia Platerówna jako folklorystka" [3], "Z pamiętnika M. Marksa Witebszczanina" [4].

Аўтар успамінаў з душэўнай цеплынёй піша пра сваіх землякоў – віцебскіх аматараў беларушчыны. Сярод самых адметных прадстаўнікоў фальклярыстыкі мемуарыст узгадвае Э. Плятэр (1806–1831) [3; 4, с. 147], таленавітага паэта Тадэвуша Ладу-Заблоцкага (1811–1847) [4, с. 147]. Сярод названых Марксам пачынальнікаў фальклярыстыкі на Віцебшчыне – Цвяцінскі, Аляксандр Зброжак (Зброжка), Станіслаў Маркіянавіч [4, с. 147]. Звестак пра іх, на жаль, вельмі мала. Ёсць інфармацыя аб тым, што Аляксандр Зброжак родам з Віцебшчыны, а Станіслаў Маркіянавіч – выпускнік віцебскай гімназіі. Абодва падазраваліся ва ўдзеле ў паўстанні 1831 года [2, с. 421, 431], а унтэр-афіцэр Аляксандр Зброжка, у прыватнасці, быў у паўстанцкім атрадзе Эміліі Плятэр [6, с. 237].

Мемуарыст расказаў пра Піліпа Смурага і Уласа – вядомых у 30–40-я гады XIX стагоддзя гутарніках. Запісаў наш зямляк і ўнікальны "Rodowod Bialoruski". Максіміліян Восіпавіч сабраў цікавы матэрыял пра адзенне віцебскіх мяшчан (беларусаў, яўрэяў), забавы і танцы простых гараджан. З успамінаў Маркса можна даведацца пра папулярнасць у Віцебску "Энеіды навыварат". Ва ўспамінах прысутнічае і тэкст ананімнага верша "Худа жыць на свеце стала". Значную частку прыкладаў мемуарыст запісаў лацінкай па-бе-

ларуску [4, с. 139–144]. Распавёў М. Маркс і пра цікаўнасць да беларускай народнай паэзіі сярод славянафілаў, а таксама паміж студэнтаў Маскоўскага ўніверсітэта ў 30-я гады XIX стагоддзя [4, с. 152–153]. Даволі значная частка ўспамінаў прысвечана віленскім аматарам беларускай народнай культуры. Сярод іх узгадваюцца імёны А. Міцкевіча, Я. Чачота, В. Дуніна-Марцінкевіча. З асаблівай цеплынёй мемуарыст піша пра Кастуся Каліноўскага, называючы яго *вялікім рупліўцам і працаўніком мовы беларускай* [4, с. 151].

Хаця Максіміліян вучыўся ў Маскве, але мемуарыст з дабрынёй піша і пра Віленскі ўніверсітэт пачатку XIX стагоддзя. Гэта вышэйшая навучальная ўстанова, на думку мемуарыста, садзейнічала развіццю творчых здольнасцяў студэнцтва, умацоўвала маральныя якасці моладзі. На думку аўтара ўспамінаў, менавіта так неабходна вырашаць, у прыватнасці, і нацыянальнае пытанне: мірнае, натуральнае збліжэнне і сяброўства народаў, а не гвалтоўная асіміляцыя культур.

Асабліва ўзрасло значэнне Віленскага ўніверсітэта ў пачатку XIX стагоддзя, калі ён стаў цэнтрам Віленскай навучальнай акругі, якая ахоплівала амаль усю тэрыторыю сучасных Беларусі і Літвы, а таксама частку Украіны. Закрыццё ўніверсітэта (1832), дзе канцэнтраваліся інтэлектуальныя сілы Беларусі, як гэта разумеў М. Маркс, значна ўскладніла шлях мясцовай моладзі да прыстойнай будучыні. Мемуарыст падкрэслівае: *Цяжка ўявіць наколькі кепскі быў узровень ведаў у выпускнікоў гімназій Літвы і Беларусі* (па-першае, у валоданні рускай мовай. – *В.Г.*). *Слухаць прафесарскія лекцыі ў Маскве, альбо, напрыклад, у Пецярбургу было немагчыма* [2, с. 162]. Хаця, зразумела, неабходнасць у набыцці вышэйшай адукацыі *ўзмацнялася з дня на дзень і адчувалася ў жыцці ўсё больш настойліва і настойліва* [2, с. 162].

У III главе ўспамінаў "Запіскі старога" пад назвай "Масква 1861–1864 гг." мемуарыст адзначае, што ў Расійскай імперыі таго часу значна ажывіўся нацыянальна-вызваленчы рух, актыўная роля ў якім належала польскай студэнцкай моладзі (Ogol studentow Polakow w Moskwie). У 1861 годзе польскі студэнцкі "Огул" яднаў каля 400 удзельнікаў [7, с. 194]. Як падкрэслівае М. Маркс, значная частка чальцоў "Огула" была моладзь, якая прыехала вучыцца ў Маскву *з велізарнай прасторы ад Заходняй Дзвіны і Дняпра да межаў імперыі з Прусіяй і Аўстрыяй* [2, с. 160]. У пачатку 60-х гадоў XIX стагоддзя кватэра Максіміліяна Восіпавіча была своеасаблівым польскім студэнцкім клубам. Мемуарыст заўважае: *Знаёмых у Маскве мы сустрэлі шмат. Прыйшла і ўніверсітэцкая моладзь, спачатку з віцебскіх і смаленскіх, а следам і з іншых мясцовасцяў. <...> Студэнцкі польскі гурток быў арганізаваны выдатна і ў маральных, і ў эканамічных адносінах* [2, с. 158–164].

Заключэнне. Максіміліян Восіпавіч Маркс – гэта не толькі змагар з царызмам, але і прыхільнік абуджэння і разняволення тагачаснага грамадства. Асабліва вялікая заслуга М.В. Маркса ў тым, што ён адзін з першых на Віцебшчыне, хто звярнуўся і стаў вывучаць вусную народную творчасць. Максіміліян Восіпавіч добра ведаў і шанаваў беларускую мову. Асветніцкая дзейнасць і цікавыя назіранні М.В. Маркса, безумоўна, сёння неабходныя лінгвістам, літаратуразнаўцам, этнографам і фальклярыстам.

Літаратура

1. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс // Віцебскі сшытак. – 1995. – № 1. – С. 74–77; 1996. – № 2. – С. 87–102; 1997. – № 3. – С. 137–147.
2. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс // Исследования по истории польского общественного движения XIX–XX в.: сб. ст. / под ред. В.А. Дьякова [и др.]. – М., 1971. – С. 154–196.
3. Bruchnalski, W. Emilia Platerówna jako folklorystka / W. Bruchnalski // Lud. – 1906. – T. XII. – S. 183–197.
4. Bruchnalski, W. Z pamiętnika M. Marksa Witebszczanina / W. Bruchnalski // Lud. – 1922. – T. XXI. – S. 136–153.
5. Мальдзіс, А.І. Таямніцы старажытных сховішчаў. Да гісторыі беларускай літаратуры XVII–XIX стагоддзяў / А.І. Мальдзіс. – Мінск, 1974. – 176 с.
6. Кісялёў, Г.В. Радаводнае дрэва: Каліноўскі – эпоха – настаўнікі / Г.В. Кісялёў. – Мінск, 1994. – 303 с.
7. Федосова, Т.Ф. Воспоминания Максимилиана Маркса «Записки старика» / Т.Ф. Федосова // Исследования по истории польского общественного движения XIX–XX вв.: сб. ст. / под ред. В.А. Дьякова [и др.]. – М., 1971. – С. 148–154.

Паступіў у рэдакцыю 06.07.2016 г.

УДК 821.161.3.09“19”-1

Увасабленне сусветнага літаратурнага вопыту ў творчасці Ніны Мацяш

Шматкова І.І.

Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт”, Мінск

Ніна Мацяш (1943–2008) – выбітная беларуская паэтэса, яе творчасць стала адметнай з’явай у гісторыі беларускай літаратуры другой паловы XX ст. – пачатку XXI ст. Лаўрэат Літаратурнай прэміі імя А. Куляшова, заслужаны дзеяч мастацтваў Беларусі сваім паэтычным словам аказала значны ўплыў на развіццё літаратурнага працэсу, узбагаціўшы айчыннае прыгожае пісьменства новым зместам і формай.

Мэта артыкула – выяўленне і апісанне дынамічных працэсаў увасаблення сусветнага літаратурнага вопыту ў творчасці Ніны Мацяш.

***Матэрыял і метады.** Метадалагічную базу работы складае паэтычная спадчына беларускай паэтэсы другой паловы XX ст. – пачатку XXI ст. Ніны Мацяш, а таксама творы замежных паэтэс: Ліны Кастэнка (Украіна), Віславы Шымборскай (Польшча), Крысціны Лавант (Аўстрыя). Метады даследавання – параўнальны аналіз літаратурных твораў, біяграфічны.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Вынікам паэтычнага наследавання творчасці Л. Кастэнка, В. Шымборскай, К. Лавант у паэзіі Н. Мацяш стала яе схільнасць да інтэлектуалізацыі, сацыяльна-філасофскай і канцэптуальна-этычнай заглыбленасці яе ўласнага радка. З цягам часу ў яе творчасці ўзмацнілася драматызацыя рэчаіснасці, абвастрыліся рэлігійна-хрысціянскія матывы; жанрава-стылёвая сістэма яе паэзіі эвалюцыяніравала ў бок разнастайнасці – ад класічнага вянка санетаў да вольнага вершаскладання.*

***Заключэнне.** Арыгінальны паэтычны талент, нацыянальная традыцыя і сусветны мастацкі вопыт арганічна сужыліся ў адной асобе – Ніне Мацяш, творчасць якой, і паэтычная, і перакладчыцкая, – адлюстраванне яе фенаменальнага духоўнага шляху.*

***Ключавыя словы:** паэзія, Ніна Мацяш, сусветны літаратурны вопыт, Ліна Кастэнка, Віслава Шымборска, Крысціна Лавант, ідэйна-эстэтычныя асновы, жанрава-стылёвая сістэма.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 180–184)

The Incarnation of the World Literary Experience in the Works of Nina Matyas

Shmatkova I.I.

Educational Establishment “Belarusian State Economic University”, Minsk

Nina Mátyásh (1943–2008) – the outstanding Belarusian poet, her work has become distinctive phenomenon in the history of Belarusian literature of the second half of the twentieth century – Early in the twenty-first. The winner of the Literary Prize named after A. Kuleshov, Honored Artist of Belarus, its poetic word has had a significant impact on the development of the literary process, enriching domestic belles lettres with new content and form.

The purpose of the article – the identification and description of the dynamic processes of the world literary incarnation experience in the work of Nina Matyas.

***Material and methods.** The methodological basis of the work of the Belarusian poetess poetic heritage of the second half of the twentieth century – Early in the twenty-first. Nina Matyash, as well as works by foreign poet: Lina Kostenko (Ukraine), Wislawa Szymborska (Poland), Christine Lavant (Austria). Methods of the study – a comparative analysis of litarturnyh works, biographical.*

***Findings and their discussion.** The result of the poetic art of imitation L. Kostenko, W. Szymborska, K. Lavant poetry N. Matyash was its tendency to intellectualization, social, philosophical and conceptual and ethical zaglyblenastsi its own line. With increased dramatyzatsyya fact, exacerbated religious and Christian motifs in her work over time; genre and stylistic system of its poetry evolved toward diversity – from the classic wreath of sonnets to free poetry.*

***Conclusion.** The original poetic talent, national tradition and international artistic experience organically suzhylisya in one person – Nina Matyash whose work and poetry and translation – a reflection of its phenomenal spiritual path.*

***Key words:** poetry, Nina Matyash, world literary experience, Lina Kostenko, Wislawa Szymborska, Christine Lavant, ideological and aesthetic framework, genre and stylistic system.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 180–184)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: i.shmatkova@gmail.com – **І.І. Шматкова**

Ніна Мацяш (1943–2008) – выбітная беларуская паэтэса, яе творчасць стала адметнай з'явай у гісторыі беларускай літаратуры другой паловы XX ст. – пачатку XXI ст. Лаўрэат Літаратурнай прэміі імя А. Куляшова, заслужаны дзеяч мастацтваў Беларусі, аўтар шматлікіх зборнікаў вершаў – "Агонь" (1970), "Удзячнасць" (1973), "Ралля суровая" (1976), "Прыручэнне вясны" (1979), "Поўны келіх" (1982), "Жнівень" (1985), "Паварот на лета" (выбранае, 1986), "Шчаслівай долю назаві" (1990), "Паміж усмешкай і слязой" (выбранае, 1993), "Палёт над жытам" (выбранае, 1997), "Я вас люблю" (вершы-прысвячэнні, 1998), "Душою з небам гаварыць" (выбранае, 1999), "Богава дрэва" (2004), "У прыгаршчах ветру" (пасмяротны зборнік вершаў, перакладаў, эсэ, 2009) – аказала значны ўплыў на развіццё літаратурнага працэсу, узбагаціўшы айчыннае прыгожае пісьменства новым зместам і формай.

Мэта артыкула – выяўленне і апісанне дынамічных працэсаў увасаблення сусветнага літаратурнага вопыту ў творчасці Ніны Мацяш.

Матэрыял і метады. Метадалагічную базу работы складае паэтычная спадчына беларускай паэтэсы другой паловы XX ст. – пачатку XXI ст. Ніны Мацяш, а таксама творы замежных паэтэс: Ліны Кастэнка (Украіна), Віславы Шымборскай (Польшча), Крысціны Лавант (Аўстрыя). Метады даследавання – параўнальны аналіз літаратурных твораў, біяграфічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Лірычнае слова Н. Мацяш прыцягвае чытача сваёй экзістэнцыяльнай заглыбленасцю, непасрэднай шчырасцю, смеласцю, адкрытасцю грамадзянскай пазіцыі і адначасова лірычнасцю. Яе вершаваны радок адметны знешняй выштукаванасцю вобразна-выяўленчых сродкаў, павышанай экспрэсіўнасцю паэтычнага сінтаксісу.

Ніна Мацяш належыць да пакалення інтэлігенцыі, так званага "філалагічнага" пакалення, якое ў беларускай паэзіі "ішло" пад сцягам павышэння майстэрства, дамагалася большага права на свабоду творчасці, разнастайнасці індывідуальных манер і сродкаў самавыяўлення – шырокае ўжыванне верлібра, асацыятыўнасці, сутыкненняў паэзіі з прозай і немастацкімі сродкамі выяўлення.

Значную ролю ў фарміраванні адметнага светапогляду паэтэсы з інтэлігентна-вытанчанай культурай лірычнага радка адыграў сусветны мастацкі вопыт, з якім яна была непарыўна звязана яшчэ з часоў вучобы ў Мінскім дзяржаўным педагагічным інстытуце замежных моў. Дасканала авалодаўшы некалькімі замежнымі мовамі (французскай, нямецкай, польскай і інш.), паэтэса поруч з паэтычным майстэрствам адточвала майстэрства перакладчыка. У яе перастварэнні (так яна сама называла сваю перакладчыцкую працу [1, с. 402]) выйшлі кнігі Ж. Аліўе "У краіне індзейцаў" (1973), А. Гаўрылюка "Песня з Бярозы" (1979), Ж. Сімянона "Першая справа Мегрэ" (1982), А. дэ Сэнт-Экзюперы "Планета людзей" (1984) і "Маленькі прынц" (1989), навелы Г. дэ Мапасана (1987), паэма "Маруся Чурай" Л. Кастэнка (1989), Ф. Жакмэна "Поры года" (2003). На жаль, многае з перакладзенага Н. Мацяш не было надрукавана пры яе жыцці, аб чым яна ўспамінала з вялікім шкадаваннем [1, с. 402]. Так, не былі выдадзены яе кніга перакладаў французскай лірыкі XVI стагоддзя "Багаславі сустрэчу мне" і зборнік перакладаў замежнай паэзіі "Адна – а з табою", падрыхтаваныя яшчэ ў 1995 г.

Пераклад для Ніны Мацяш – гэта сатворчасць, глыбокае крытычнае пранікненне ў сутнасць радкоў калег па пяры, абмен ідэямі і творчым вопытам. Дзякуючы яе высокаму прафесійнаму майстэрству здабыткам беларускага чытача сталі паэзія немца Фрыдрыха Шылера, любоўная лірыка "вялікіх" і "малых" паэтаў французскай "Плеяды" – П'ера дэ Рансара, Жаашэна дзю Бэле, Жана Антуана дэ Баіфа, Жака Грэвена і інш.; творы П'ера Жана Беранжэ, а таксама рускага класіка М. Лермантава, украінскіх Т. Шаўчэнкі, Л. Украінкі, палякаў Ю. Славацкага, М. Канапніцкай, М. Паўлюкоўскай-Яснажэўскай, балгараў Весяліна Ханчава і Божыдара Божылава, сербскахарвацкіх паэтаў Мамчыла Джэркавіча, Владэта Вукавіча і інш.

Ніна Мацяш заўсёды не адхілялася ад прынцыпу "перакладаць толькі блізкае па духу і творчай манеры" [1, с. 483], "усё тое, што блізка майму светапогляду, майму спавяданню гармоніі, святла, любові. І што не проста сведчыць пра мае маральныя, эстэтычныя схільнасці, а і выразна выяўляе мяне самую, нявыяўленую ва ўласных творчых матывах і радках" [1, с. 402]. Сваімі "духоўнымі сёстрамі" Н. Мацяш лічыла Крысціну Лавант, Віславу Шымборску і Ліну Кастэнка: *"Ці ж тое магчыма: ў абліччы адзіным – // І полька Віслава, і ўкраінка Ліна, // І немка Крысціна, і ўсе яны – Ніна?!"* [1, с. 402].

Так, як і Ніна Мацяш, "царыца ўкраінскай паэзіі" Ліна Кастэнка (нар. у 1930 г.) не прымае прыстасаванства ў любых формах: *"Крушы, ламай, касуй стэрэатыпы!// Яны крычаць, працівяцца, – ламай! // Хоць тая звычка з профілем Ксантыпы // і просіць, і галосіць: "Не чапай!"* [2, с. 128]. Ніна Мацяш перасцерагае свайго чытача ад "душэўнай нематы", "здранцвення": *"Пакуль глядзіш на белы свет вачыма, // павер сабе: ўсё адалець магчыма, // Але, як вока, беражы святло..."* [1, с. 190].

Лучаць паэтэс і вельмі выразныя і непрыхаваныя грамадзянскія пазіцыі: *“Не баязліўцы, не дэбілы, // Але чаму так душы спяць? // Тады авацыі грымелі // Цяпер авацыі грымяць”* (радкі Л. Кастэнка) [2, с. 121] і вершы “Сузямельцы”, “Набалелае”, “Лаўцам чорнага ката ў чорным пакоі”, “Пяць галасоў” і інш. Н. Мацяш. Вядома, што Ліна Кастэнка, лаўрэат Дзяржаўнай літаратурнай прэміі імя Т. Шаўчэнкі, адмовілася ад звання Героя Украіны са словамі: “Палітычнай біжутэрыі не нашу” [3]. Ніна Мацяш таксама не прымала бясчынства бюракратаў, засілля чыноўнікаў, нагадвала, што *“Не народ слуга ў чыноўніка, чыноўнік // Служка люду паспалітага свайго!”* [1, с. 190]. Верш Н. Мацяш “Сузямельцы” – зварот да беларусаў з мэтай абуджэння грамадскай актыўнасці: *“Мае добрыя людзі, // Суайчыннікі, // Сузямельцы... / Вы і цяпер, як некалі, // Не так Бога баіцеся, // Як начальніка! // Пазавуголлю толькі // Прынцыповасць сваю выяўляеце, // бы хвігу ў кішэні. // Цела недасканалае ваша ў руках // Невукаў дыпламаваных...”* [1, с. 188].

Творчасць полькі Віславы Шымборскай (1915–1973) прывабіла Ніну Мацяш прастатой аповеду, будзённай гутарковасцю, неардынарнасцю аўтарскага роздуму пра чалавека як пра відавую, біялагічную і грамадска-сацыяльную істоту: *“Мы адышлі ад жывёл. // Хто адыдзе ад нас. // Праз якое падабенства. // Чаго з чым параўнанне”* (верш “Нататка”) [2, с. 99]. Віслава Шымборская стала Нобелеўскай лаўрэаткай у 1996 г. “за паэзію, якая з граніч-най дакладнасцю апісвае гістарычныя і біялагічныя з’явы ў кантэксце чалавечай рэальнасці” [4], яе творы насычаны філасофскай і маральна-этычнай праблематыкай, раскрываюць сувязь паміж вечным і імгненным, вершаваны радок мае рацыянальную канструкцыю, характарызуецца лаканічнасцю метафар, яму ўласціва паэтыка споведзі.

Н. Мацяш, асэнсоўваючы праблему матэрыяльнага і духоўнага ў грамадстве, ролю мастацтва ў вырашэнні гэтай праблемы, у адным са сваіх інтэрв’ю зазначыла: “Я не ведаю ніводнага, колішняга ці сучаснага, грамадства, у якім бы духоўнае пераможна панавала над матэрыяльным. Паўсюль «душа йшчэ з дзерава не злезла» (Л. Кастэнка). Яна і ў XXI стагоддзі ўсё ў тым жа першабытна-калматым лямцу бязглуздай агрэсіі ды культу грубай сілы, падмацаванай фінансамі ці ўладай. Адсюль – бясконцыя крывавыя войны-разборкі, нахабны дыктат волі аднаго ці малалікай групоўкі над мноствам. Адсюль – фетышызацыя маёнткаў і пагарджэнне скарбамі нацыянальнай ды агульначалавечай культуры. Мастацтва ж, як праява духоўнасці, цягам усяго шматвяковага развіцця чалавечай цывілізацыі ўпарта, бесперапынна, усімі даступнымі яму сродкамі, у тым ліку й літаратурай, нагадвае людзям пра іншыя вымеры жыцця. Пра сапраўды нятленныя каштоўнасці, такія, як любоў, праўда, чалавечнасць, сумленне. Пра ўсё тое, без чаго чалавек на зямлі так і застаецца драпежным зверам ці вартай жалю кормнай жывёлінай” [5, с. 134].

Н. Мацяш разважае аб прызначэнні паэта на зямлі ў вершы “Ці скажу” – галоўнае для яго – быць “голасам” іншых людзей, выяўляць “іх радасці й скрухі”, і тады *“Узыходзіць, як каліва, слова. // Не згубіцца яму ў шматгалоссі”* [6, с. 140]. Выказвае паэтэса думкі аб хуткаплыннасці жыцця, аб тым, што пражыць яго трэба адпаведна: *“Каб напрыканцы не шкадаваць, // Што не ўсё, чым доля нас віта-ла, // З годнасцю мы ўмелі адвітаць”* [6, с. 157]. У Н. Мацяш ёсць вершы з красамоўнымі назвамі: “Паглядвайма ў неба” і “Зазірні ў сябе”. Гэтыя назвы-заклікі – выражэнне аўтарскага ідэалу. Паэтэса жадае перасцерагчы людзей, каб іх душы не апынуліся ў змроку. Святло падае на чалавека з нябёсаў, свет можа разліцца ў чалавеку сонцам. Толькі зазірні, чалавек, туды, *“...дзе пануе неасяжны // Шчасцямоўны мір. // Выпадковае, не мае // Там прытулку зло: // Толькі радасць, толькі воля, // І святло, святло...”* [6, с. 216]. Святло і змрок, нябеснае і жыццёва-зямное – вось тая сэнсаўтваральная ідэя-антыномія, якая па-філасофску асэнсоўваецца паэтэсай. У гэтай сувязі дарэчы будзе прывесці словы В. Каваленкі: “Адкрываючы свет, абжываючы яго <...>, чалавек заўсёды меў шмат турбот з пазнаннем самога сябе” [7, с. 29].

Адметным фактам з’яўляецца тое, што менавіта творчасць Віславы Шымборскай аказала ўплыў на эвалюцыю творчай манеры пісьма Ніны Мацяш, на яе адыход ад кананічна строгіх форм з адпаведна арганізаванымі стопамі, строфамі, рыфмамі, бо “пані Віслава паўстае неймаверна разняволенай у карыстанні мастакоўскім «струмантам»” [2, с. 100]. Напэўна, дзякуючы Віславе Шымборскай у Ніны Мацяш нараджаюцца радкі-верлібры, накшталт “позняга” верша “Прыгожая доля”: *“Рабіць добра сваё // і не лезці ў чужое. // Не пераймацца намовамі, // трымацца развагі. // Не самавялічыцца // і не прыніжацца. // Разумець мову каменя, мову агню // і даць мову эмалі...”* [2, с. 52].

Творчасць аўстрыйскай паэтэсы Крысціны Лавант (1915–1973) таксама захапляла Ніну Мацяш. Так, як і Ніна Мацяш, хворая ад нараджэння, яна ўсё сваё жыццё прысвяціла літаратуры. Лаўрэат прэмій Георга Тракля і Антона Вільганса, Вялікай дзяржаўнай прэміі Аўстрыі па літаратуры (1970), яна аўтар эмацыянальна стрыманых, глыбока рэ-

лігійных вершаў. У гонар гэтай неардынарнай паэтэсы ў 1995 г. у Аўстрыі была заснавана літаратурная прэмія імя Крысціны Лавант. Паэтычны радок Крысціны Лавант стаў блізкім Ніне Мацяш не толькі з-за адсутнасці строгіх форм, але і матываў самотнага, "адзінокага" кахання: *"Ты ўсю мясцовасць між намі зыначыў. // Для кожнага з нас між аблокамі і каранямі зло паўстала. // Пародненыя, ужо не кладземся спаць вобак, // і мост даверу знік з нашых вачэй"* [1, с. 353].

Асаблівасцю паэзіі кахання Н. Мацяш з'яўляецца тое, што яе лірычнае "я" найвыразней раскрываецца ў імкненні да духоўнага ідэалу. Як слушна заўважыла Л. Тарасюк, "рамантычны прарыў у сферу ідэальных з пункту гледжання жыццёвага практыцызму духоўных адносін вельмі характэрны для паэзіі Н. Мацяш" [6, с. 29]. Складаныя выпрабаванні выпалі на жыццёвую долю Н. Мацяш, яе каханню, як і каханню К. Лавант, перашкодзіла цяжкая хвароба. На пытанне Т. Падаляк у інтэрв'ю, надрукаваным у газеце "Звязда" ў 1999 годзе, "Колькі разоў вы кахалі?" Ніна Мацяш адказала: "Ой, не ведаю! Я і зараз магу закахацца, закахаюся – і ўсміхнуся, што сустрэўся такі прыгожы чалавек. Але да кахання я заўсёды ставілася так, што гэта – не для мяне. Як ні банальна, я з вясковым выхаваннем, з вясковай этыкай: калі кахаць – значыць быць разам назаўсёды. Вось такое ідэальнае каханне было ў маім уяўленні (можа таму, што бацькі пражылі сваё жыццё вельмі хораша). А калі я захварэла, ну якая можа быць сям'я? Адразу вырашыла, што гэта ўжо не маё. Таму забараняла сабе нават закахацца глыбока. Хаця першае маё каханне ледзь не завяршылася шлюбам – ён прасіў рукі, а бацькі напачатку адмовілі" [8, с. 3].

Але ўсё ж было каханне ў жыцці паэтэсы, і гэтае пачуццё, як ні дзіўна, вызначальнае ў яе светабачанні і творчасці. У творчасці Н. Мацяш шмат вершаў пра каханне. Вершы "Амаль казка", "Жар-птушка", "Ці скажу" прасякнуты смуткам лірычнай гераіні ад немагчымасці жаночага шчасця. І ўсё ж яна імкнецца сілай волі перамагчы боль і роспач ("На быстрыні", "Не аддавай сябе самоце"), у яе шмат філасофскіх разважанняў пра гэтае пачуццё, шмат пераасэнсаванняў, яе ўспрыманне кахання надзвычай драматычнае і балючае. У адным з інтэрв'ю Н. Мацяш, усведамляючы экзістэнцыяльную танальнасць свайго светаўспрымання, зазначае: "Лёс. Варункі, у якіх мушу жыць: хвароба і спавяданая ёю адзінота" [9, с. 3].

"Кахаю. І чакаю" – гэтымі словамі з верша "Запозненаю дзікаю ажынай..." можна вызначыць дамінанту інтымна-псіхалагічнага свету Н. Мацяш. Каханне для лірычнай гераіні Н. Мацяш – гэта ісціна, якую, адпаведна з сэнсам старажытнага выслоўя, можна выказаць наступным чынам: *"Я кахаю, значыць, – існую..."* [6, с. 72]. Сутнасць кахання дакладна вызначаецца ў вершы *"Amo te, ama me, fides immortales": "Люблю цябе, любі мяне, вернасць бессмяротная"* [10, с. 85] – такі надпіс змяшчаўся на заручальных пярсцёнках у нашых продкаў. У вершы "Я вас люблю" Н. Мацяш раздзяляе паняцці "кахаю" і "люблю". Слова "люблю" мае больш шырокае значэнне, кахаць можна мужчыну, а любіць – бацькоў, дзяцей, радзіму, жыццё. Таму замяняючы назву свайго стаўлення з "кахаю" на "люблю", паэтэса ўзвышае сваё пачуццё і яго аб'ект. Нават "ты" сказаць у адрас дарагога чалавека яна не можа*: "На Ваша «ты» сказаць Вам «ты» не смею, // І калі позірк позіркам злаўлю, // Як птушанё, спалохана нямею. // Я не кахаю Вас. Я Вас люблю"* [10, с. 49]. Лірыка кахання Ніны Мацяш – спавядальная, напоўнена пяшчотай, дабрынёй. Жаночая душа ўражлівая, далікатная, нярэдка з яе выліваецца шчымлівая, даверлівая мелодыя: *"Калі чым насцярожыла – забудзь. // На незалежнасць я не пасягаю. // Мне б толькі твае вочы прысягалі, // А будзь такі, як ёсць. Ты толькі будзь!"* [11, с. 58].

Творы Н. Мацяш не адасоблены ад часу – у іх выяўляецца ўнутраны свет сучасніцы, чалавека глыбокага і дапытнага, пазбаўленага эгаістычнай абмежаванасці ў справах, думках, учынках. У лірычнай творчасці Ніны Мацяш створаны новы зборны вобраз беларускай жанчыны – гэта ўжо не сялянка (як у літаратуры першай паловы XX стагоддзя), а высокаадукаваная, інтэлігентная, культурная жанчына, здольная смела выказваць свае пачуцці, мець уласны погляд на ўсе з'явы рэчаіснасці.

Заключэнне. Вынікам паэтычнага наследавання творчасці Л. Кастэнка, В. Шымборскай, К. Лавант у паэзіі Н. Мацяш стала яе схільнасць да інтэлектуалізацыі, сацыяльна-філасофскай і канцэптуальна-этычнай заглыбленасці яе ўласнага радка. З цягам часу ў яе творчасці ўзмацнілася драматызацыя рэчаіснасці, абвастрыліся рэлігійна-хрысціянскія матывы; жанрава-стылёвая сістэма яе паэзіі эвалюцыяніравала ў бок разнастайнасці – ад класічнага вянка санетаў да вольнага вершаскладання.

Нягледзячы на магутны ўплыў на паэзію Н. Мацяш замежных аўтараў, яе творчасць захавала нацыянальны дух дзякуючы цеснай сувязі з фальклорам. Для паэтэсы характэрны зварот да народнай традыцыі праз кніжную традыцыю, ёй уласцівы вытанчанасць, духоўнасць, высокая філалагічная культура, якая пераўтварае, надае высокі кніжны стыль фальклорным вобразам і матывам

(вершы “Вярба”, “Песня” і многія іншыя). Канцэптуальнасць фальклорна-эстэтычнага светаасэнсавання ў паэзіі Н. Мацяш заключаецца ў арыентацыі на традыцыйныя народныя каштоўнасці. Напрыклад, асаблівую духоўную значнасць яна надае святу Купалля, якое здаўна ўспрымалася як сімвал гармоніі (верш “Купальскае”). У міфалагічным вобразе Купалкі паэтэсе ўяўляецца шчырая, светлая, спагадлівая да чужога гора натура. На рамантычны лад пераасэнсоўваецца народная купальская легенда. Паэтэса верыць-спадзяецца, што любоў і дабрыня выратуюць свет ад раз’яднанасці, варагавання, і тады запануюць гармонія, чалавечае шчасце*: “Яна ж некалі спраўдзіцца, // Казка пра папараць-кветку. // Абавязана спраўдзіцца”* [6, с. 229].

Арыгінальны паэтычны талент, нацыянальная традыцыя і сусветны мастацкі вопыт арганічна сужыліся ў адной асобе – Ніне Мацяш, творчасць якой, і паэтычная, і перакладчыцкая, – адлюстраванне яе фенаменальнага духоўнага шляху.

Літаратура

1. Мацяш, Н. Выбраныя творы / Н. Мацяш. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 604 с.
2. Мацяш, Н. У прыгаршчах ветру: вершы, пераклады, эсэ / Н. Мацяш. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2009. – 144 с.
3. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki / Костенко,_Лина_Васильевна. – Дата доступа: 14.10.2016.
4. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шимборская,_Вислава. – Дата доступа: 14.10.2016.
5. Шматкова, І. Наталіцца роднасці святлом...: Агульнае і адметнае ў творчасці Е. Лось, Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай / І.І. Шматкова; навук. рэд. А.І. Бельскі. – Мінск: Ковчег, 2011. – 148 с.
6. Мацяш, Н. Паміж усмешкай і слязой: вершы і паэмы (1962–1992) / Н. Мацяш. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 301 с.
7. Каваленка, В.А. Веліч праўды: выбранае / В.А. Каваленка. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 559 с.
8. Падаляк, Т. “Хай жураўлём абернецца сініца...” [аб кн. паэзіі Н. Мацяш “Палёт над жытам”] / Т. Падаляк // Звязда. – 1999. – 21 жн. – С. 3.
9. Мацяш, Н. Мая тэма – чалавек: [гутарка з беларус. паэткай Н. Мацяш / Запісаў М. Ваўранюк] / Н. Мацяш // Ніва. – 1992. – Май (№ 20). – С. 3.
10. Мацяш, Н. Паварот на лета: Вершы. Паэмы / Н. Мацяш. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 158 с.
11. Мацяш, Н. Прыручэнне вясны: лірыка / Н. Мацяш. – Мінск: Маст. літ., 1979. – 79 с.

Паступіў у рэдакцыю 14.11.2016 г.

УДК 070:004.738.5(476)

Коммуникативные стратегии районных газет в контексте дигитализации медиасистемы

Градюшко А.А.
Белорусский государственный университет, Минск

Региональное медиапространство существенно трансформируется под влиянием ряда факторов, среди которых можно выделить, прежде всего, технологический. Дигитализация меняет систему производства, упаковки и доставки контента аудитории, что влияет на медиапотребление и приводит к эволюции коммуникативных стратегий районных газет.

Цель статьи – обозначить современное состояние региональной медиасферы Республики Беларусь в период перехода к цифровому формату и разработать ряд возможных сценариев ее будущего развития на основании анализа эффективности сайтов региональных СМИ.

Материал и методы. *Практическим материалом исследования послужили сайты 24 региональных государственных газет Витебской области, а также их сообщества в социальных сетях.*

Методологическую основу составили работы отечественных и зарубежных ученых в сфере интернет-журналистики. При этом были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. *Рассматриваются перспективы развития районных газет Витебской области в условиях сосуществования печатной и цифровой (онлайновой) платформ. Подчеркиваются кризис печатных СМИ и постоянный рост новых, цифровых медиа. На примере нескольких сайтов выясняется, что одним из важнейших факторов развития журналистики в интернете стала визуализация. Изучаются позиции газет в социальных сетях как фактор оценки их влияния на аудиторию. Анализируется влияние мобильных технологий на творческую деятельность журналиста. Рассматривается создание контента для мобильных устройств как особого вида творческой деятельности. В связи с трансформацией СМИ делается вывод о необходимости разработки объективных и независимых параметров оценки эффективности медиа в цифровой среде.*

Заключение. *Дигитализация медиасферы способствует возникновению новых форматов журналистики. Интернет открывает для редакций многочисленные возможности. Рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что районные газеты должны постоянно эволюционировать, чтобы выжить в цифровом мире.*

Ключевые слова: *районная газета, цифровые технологии, дигитализация, коммуникация, журналистские материалы, визуальный контент, инфографика, медиатекст, мобильные медиа, социальные медиа.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 185–190)

Communicative Strategies of Local Newspapers in the Context of Digitalization of Media System

Hradziushka A.A.
Belarusian State University, Minsk

Regional media space is greatly transforming under the influence of a number of factors, among which technological one is the main. Digitization is changing production systems, packaging and delivery of content to the audience, which influences the media consumption and leads to the evolution of the communication strategies of regional newspapers.

The purpose of the research is to indicate the current state of regional media sphere of the Republic of Belarus during the transition to a digital format and to develop a number of possible scenarios for its future development based on the analysis of the effectiveness of regional media sites.

Material and methods. *The practical material of the study is based on the sites of 24 regional state newspapers of Vitebsk Region and also their communities in social networks.*

The methodological basis of the research includes the works of domestic and foreign scientists in the field of online journalism. In the process of work we used descriptive, comparative and analytical methods.

Findings and their discussion. *The article is devoted to the perspectives of development of local newspapers of Vitebsk Region in the situation of coexistence of print and digital (online) platforms. The study registers a crisis in the state of the traditional print form and a continuous growth of a new, digital one. The study of several sites reveals that one of the most important factors in the development of journalism on the Internet has become visualization. The article analyses the state of the newspapers in social networks as a factor of estimation of their influence on the audience. The analysis of the influence of digital technologies on journalists' creativity is given. The creation of content for mobile devices is considered as a special kind of creative activity of journalists in multimedia. The study claims the necessity of developing objective and independent parameters of estimation of the online newspapers position in connection with transformation of media.*

Адрес для корреспонденции: ул. Восточная, д. 64, кв. 187, г. Минск, 220113, Республика Беларусь – **А.А. Градюшко**

Conclusion. *Digitization of media sphere contributes to the emergence of new journalism formats. The Internet opens up numerous opportunities for editorial offices. These examples suggest that regional newspapers must continually evolve in order to survive in the digital world.*

Key words: *local newspaper, digital technologies, digitalization, communication, journalistic materials, visual content, infographics, media texts, mobile media, social media.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 185–190)

Дигитализация, или перевод содержания СМИ в цифровой формат, приводит к значительным изменениям медиасистемы, «подстегивается общей дигитализацией экономики, а также развитием технологий передачи информации» [1, с. 130]. Журналистское творчество трансформируется под влиянием ряда факторов. Редакции используют новые мобильные и визуальные форматы. Меняются формы работы с контентом и способы его упаковки. Важнейшим направлением работы современных СМИ становится продвижение в социальных сетях. В новой технологической среде печатные издания ощущают серьезное давление со стороны аудитории, «все более массово экипированной новейшими девайсами для получения новых пакетов информации» [2, с. 23].

В Республике Беларусь зарегистрировано 136 государственных печатных СМИ, учредителями которых выступают областные, городские и районные органы власти. Всего в стране районных газет – 119, областных – 8, городских – 9. Процесс трансформации медиасистемы затрагивает и Витебскую область, где выходит 24 издания (1 областная газета, 2 городские, 21 районная). В ситуации, когда среднегодовое снижение тиражей белорусских печатных СМИ составляет 5–10%, первостепенное значение приобретает развитие веб-ресурсов [3, с. 25]. Подробному рассмотрению коммуникативных стратегий районных газет в интернете на примере СМИ Витебской области и посвящено настоящее исследование.

Проблемы трансформации традиционных СМИ под влиянием цифровых технологий рассмотрены в работах ученых С.С. Бодруновой, Е.Л. Вартановой, М.В. Загидуллиной, Н.Г. Лосевой, А.В. Пустовалова, Л.Г. Свитич, С.И. Симаковой, В.В. Тулупова, М.В. Шкондина. Выявлены основные черты интернет-СМИ, определена типология, описана специфика контента. К числу нерешенных ранее вопросов можно отнести то, как развиваются рынки онлайновых новостей в конкретных регионах, какие стратегии творческой деятельности в интернете выбирают региональные газеты. Почти неисследованными остаются также принципы интеграции сайтов газет и социальных сетей, особенности визуализации контента в онлайн-среде, специфика влияния мобильных технологий на региональное медиапространство.

Цель статьи – обозначить современное состояние региональной медиасферы Республики Беларусь в период перехода к цифровому формату и разработать ряд возможных сценариев ее будущего развития на основании анализа эффективности сайтов региональных СМИ.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили сайты 24 региональных государственных газет Витебской области, а также их сообщества в социальных сетях. Методологическую основу составили работы отечественных и зарубежных ученых в сфере интернет-журналистики. При этом были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. При рассмотрении эффективности коммуникативных стратегий районных газет в интернете мы будем ориентироваться на такие показатели, как количество уникальных посетителей сайта в сутки; структура трафика из различных источников; использование мультимедийных материалов (фото, видео, инфографика); видимость в поисковых системах по ключевым запросам; наличие аккаунтов в социальных сетях; удобство просмотра на мобильных устройствах.

Проанализируем посещаемость сайтов государственных газет Витебской области (один из главных параметров, сравнимых с общей цифрой тиража). При ее определении мы использовали статистику сервисов «Яндекс. Метрика», «Акавита», LiveInternet, Mail.ru. Самый посещаемый сайт имеет городская газета «Віцьбічы» (около 1400 уникальных посетителей в сутки). Областное издание «Витебские вести» находится на втором месте (более 730 посетителей). Среди районных СМИ наиболее успешна «Аршанская газета» (около 570 человек в сутки). Значительную аудиторию собирают сайты газет «Браслаўская звязда», «Наша Талачыншчына», «Кліч Радзімы» (от 360 до 440 человек). Самая низкая посещаемость у интернет-версий газет «Лепельскі край», «Патрыёт» (менее 100 уникальных посетителей в сутки). Подробнее см. табл.

Представляет интерес также соотношение числа уникальных посетителей с населением того или иного региона. В этом плане лидируют «Кліч Радзімы» (2,38%), «Дняпроўская праўда» (2,35%), «Наша Талачыншчына» (1,91%). Сайты этих газет играют серьезную

Таблица

Многофакторный анализ государственных региональных СМИ Витебской области онлайн (данные за ноябрь 2016 г.)

Газета, сайт	Посещаемость в сутки	Численность населения региона	Процентное соотношение	Общая аудитория соцсетей	Оптимизация под мобильные устройства
«Аршанская газета» orshanka.by	574	158.290	0,36%	4550	есть
«Браслаўская звязда» braslav-star.by	440	26.324	1,67%	3100	нет
«Веснік Глыбоччыны» vg-gazeta.by	151	37.712	0,40%	1600	есть
«Витебские вести» vitvesti.by	739	1.193.587	0,06%	2470	есть
«Віцьбічы» vitbichi.by	1418	368.574	0,38%	2950	есть
«Гарадоцкі веснік» garadvest.by	155	23.330	0,66%	150	нет
«Герой працы» shumilino.by	186	18.263	1,01%	1360	нет
«Голас Расоншчыны» rossonka.by	131	9517	1,37%	1280	есть
«Голас Сенненшчыны» senno.by	231	22.065	1,04%	1460	нет
«Дзвінская праўда» d-p.by	122	21.876	0,55%	нет	нет
«Дняпроўская праўда» dubrovno.by	344	14.637	2,35%	2700	нет
«Жыццё Прыдзвіння» pridvinje.by	222	37.303	0,59%	520	нет
«Зара» gztzara.by	105	15.914	0,65%	420	нет
«Кліч Радзімы» klich.by	368	15.423	2,38%	540	нет
«Лепельскі край» lepel-kraj.by	61	33.150	0,18%	500	есть
«Міёрскія навіны» mijory.by	175	20.737	0,84%	1600	есть
«Наша Талачыншчына» natal.by	485	25.288	1,91%	5760	нет
«Новополоцк сегодня» novaya.by	245	108.296	0,22%	920	нет
«Пастаўскі край» postawy.by	242	36.442	0,66%	1300	нет
«Патрыёт» belpatriot.by	98	13.805	0,70%	920	нет
«Полацкі веснік» pvestnik.by	156	108.389	0,14%	1780	есть
«Родныя вытокі» dokshitsy.by	256	23.500	1,12%	4760	нет
«Сцяг Перамогі» lioznonews.by	191	15.734	1,21	1370	нет
«Чырвоны Прамень» chyrvonka.by	54	31.335	0,17%	190	нет

роль в информационном пространстве своих городов. Последние места в рейтинге занимают «Новополоцк сегодня» (0,22%), «Лепельскі край» (0,18%), «Чырвоны прамень» (0,17%), «Полацкі веснік» (0,14%). Причины низкой популярности сайтов – дублирование в интернете содержания газет, недостаточная визуализация контента, слабая интеграция с социальными сетями. С нашей точки зрения, наиболее успешной коммуникативной стратегией сайта районной газеты может стать его трансформация в региональный портал с различными дополнительными сервисами (вакансии, частные объявления, афиша, расписание транспорта и др.).

Продолжая разговор об особенностях трансформации региональной медиасистемы на современном этапе, выделим две ключевые стратегии развития сайтов. В первом случае электронная версия представляет собой всего лишь цифровой аналог печатного издания, несколько расширенный вариант, просто существующий в иной форме. Для таких СМИ главным показателем успеха является тираж. Посещаемость этих сайтов, как правило, невысока. Во втором случае сайт развивается до уровня самостоятельного интернет-СМИ, которое предлагает оригинальный, отличный от базового издания контент. Это могут быть как тексты, написанные специально для сайта, так и мультимедийные материалы. Кроме того, на сайте размещаются комментарии читателей, различные дополнительные сервисы, спецпроекты.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в основе успеха сайта любого сайта регионального СМИ в первую очередь лежит его контент-модель. Содержательно-тематическая концепция сайта должна формироваться с учетом реальных проблем города и жизни его населения. Для современного пользователя характерно клиповое восприятие. Поэтому особые требования предъявляются к заголовку: в интернете он не образный, а констатирующий, включает в себя глагол, ключевые слова и название местности. Пример: «Из Минска в Пекин. Оршанка рассказывает о жизни и учебе в Китае (+фото)». В самом тексте также важна расстановка «зацепок», чтобы увлечь пользователей. С помощью инструментов интернет-статистики можно легко выявить читательские предпочтения. Как показывает практика, наибольший отклик у читателей вызывают ДТП, криминал, конфликты.

В качестве наиболее удачного примера того, как влияет дигитализация на медиасреду Витебской области, мы можем привести сайт «Аршанскай газеты» orshanka.by. Это издание не дублирует на сайте материалы газеты. Сайт обновляется каждый день, кроме выходных. Веб-ресурс сегодня представляет собой локальный информационный портал. На сайте размещается мультимедийный контент (фото- и видеоматериалы). Заголовки и тексты адаптируются для размещения в интернете. Показательно, что в структуре трафика в ноябре 2016 г. 70% занимали переходы из поисковых систем, 20% – прямой трафик, 7% – переходы из социальных сетей, 0,7% – переходы по ссылкам с других сайтов и всего. Глубина просмотра составила 1,69 страницы, среднее время пребывания на сайте – 1:38 мин. Самым популярным разделом стал «Вакансии» (более 7500 просмотров в месяц).

Приведенные выше цифры демонстрируют, в частности, следующую тенденцию: сегодня главная страница перестала быть точкой входа для читателя. Раньше аудитория попадала на главную страницу СМИ, а с нее растекалась по публикациям («газетная» схема потребления). Сегодня большая доля читателей идет прямиком на страницу материала, через выдачу поисковика или по ссылке в социальной сети, минуя главную страницу. Предпочтение отдается «рекомендуемому» контенту (через ленты друзей в соцсетях). Смещение внимания пользователя с рубрикатора и главной страницы меняет многое. Читатель становится требовательнее к предлагаемому контенту. Важно сопроводить новость фотографиями, видео, придать материалу наглядность и сюжетность, что увеличит вовлечение аудитории.

Проблема в том, что многие тексты, размещенные в интернет-СМИ, молодая аудитория вообще не читает, а те, которые начинает читать, – не дочитывает. В качестве одного из современных трендов развития медиасферы мы отмечаем значительное увеличение фотографий, видеосюжетов, инфографики, потокового мультимедиа. Пользователи интернета «сканируют» взглядом веб-страницу, обращая внимание на визуальные ориентиры. Клиповое мышление требует новых форм представления контента. Мир переживает настоящий бум визуальной информации. Это «системная трансформация всех видов и типов средств массовой информации и коммуникации» [4, с. 213]. В целом становится все более очевидным тот факт, что аудитория привыкает к визуальным форматам.

Потенциал визуализации используется рядом региональных СМИ Витебской области. Так, на сайте «Аршанскай газеты» каждые 2–3 абзаца в тексте разбиваются фотографиями. В самих заголовках часто используются слова «фоторепортаж», «фотофакт» и др. Кроме фотографий, снятых журналистами газеты, на сайте размещаются также фото

из приложения Instagram. Ни одно из государственных изданий области не имеет своего канала на YouTube. Кроме того, не получила значительного развития на сайтах и инфографика. Процессы дигитализации неравномерно развиваются в газетах разных городов, что зависит от финансового положения редакций, кадрового потенциала, в том числе уровня освоения сотрудниками редакций цифровых технологий [5, с. 226].

Дизайн ряда сайтов также ориентирован на быструю передачу целевой аудитории больших объемов информации путем ее наглядного представления. Эта задача является одной из основных при рыночной конкуренции СМИ и борьбе за внимание читателя. В 2016 г. сайты газеты «Віцьбічы», «Лепельскі край», «Аршанская газета» провели редизайн и сейчас имеют на главных страницах крупные визуальные блоки, посвященные самым важным материалам. Эти блоки находятся в поле зрения пользователей на так называемом «первом экране». Кроме того, в основу нового дизайна заложен насыщенный визуальный ряд самих публикаций. Фотографии на сайтах сейчас размещаются на всю ширину колонки, что позволяет рассмотреть их в высоком качестве. В материалах также используется чередование текста и фото. При каждом скролле на экране вслед за текстом появляется фотография.

В современной медийной практике востребован и такой способ продвижения сайтов региональных СМИ, как поисковая оптимизация [6, с. 34]. Ранее уже указывалось, что значительную долю в структуре трафика занимают переходы с поисковых систем Google и Яндекс. В ряде случаев этот показатель достигает 70–80%. Место сайта в поисковой выдаче может определяться по поисковым запросам «[название города]» и «новости [название города]». Если сайт занимает первые несколько позиций в выдаче, это обеспечит ему значительное количество из поисковых систем. Когда же позиция сайта гораздо ниже, пользователь предпочтет другие сайты, ссылки на которые показываются раньше, а значит, свое мнение о событиях он будет формировать на основе информации других ресурсов, чаще всего негосударственных.

Так, в Лепеле еще в 2007 г. был создан частный портал города и зарегистрировано доменное имя lepel.by. Сегодня этот сайт занимает первое место в поисковой выдаче по запросу «Лепель в Google и Яндекс». Посещаемость сайта составляет около 3250 уникальных посетителей в сутки, что очень много для Лепельского района с численностью населения 33.150 человек. По сути дела, ежедневно на этот сайт заходит каждый десятый житель района. Такой успех сайта обеспечивается не только наполнением разнообразного контента (лента новостей, фото- и видеоматериалы, частные объявления и др.), но и грамотным продвижением в поисковых системах. Этого не скажешь о сайте газеты «Лепельскі край» lepel-kraj.by, аудитория которого не превышает 60 уникальных посетителей в сутки. В целом же можно отметить, что большинство остальных исследованных сайтов Витебской области демонстрируют сильные позиции в поисковых системах.

При рассмотрении коммуникативных стратегий районных газет необходимо иметь в виду также такой важнейший показатель, как их присутствие в социальных сетях. В малых и средних городах наиболее популярны «ВКонтакте» и «Одноклассники». Из 24 региональных газет Витебской области лишь 7 представлены в Facebook. Социальная сеть Twitter также не вызывает интереса в регионах. Если говорить об общей аудитории газет в соцсетях, то в лидерах находятся «Наша Талачыншчына» (5760 друзей), «Родныя вытокі» (4760) и «Аршанская газета» (4550). Практически не работают с соцсетями «Чырвоны Прамень» (190 друзей) и «Гарадоцкі веснік» (150 друзей), а «Дзвінская праўда» вообще не имеет собственных аккаунтов ни в одной из социальных сетей. В целом же ситуация такова, что аудитория использует социальные медиа, не переходя по ссылкам за их пределы. Социальные сети стремятся создать для пользователей замкнутый мир, из которого не нужно выходить, чтобы прочитать новости, пообщаться с друзьями и т.п.

Профессиональная журналистика испытывает серьезное давление со стороны новых медиа. Далеко не случайно в 2014 году глава Facebook Марк Цукерберг говорил, что он стремится превратить ленту новостей в «идеальную персонализированную новостную газету для каждого пользователя в мире». Публикации в социальных сетях «отличаются лаконичностью и преобладанием визуальной составляющей по сравнению с вербальной» [7, с. 41]. Более того, сильную конкуренцию сайтам региональных СМИ составляют публичные сообщества в социальных сетях, посвященные новостям того или иного города. Крупные сообщества имеют собственную редакционную политику, постоянство обновления контента, систему жанров и форматов, модель монетизации. Это позволяет некоторым исследователям утверждать, что данные сообщества обладают характеристиками СМИ как социального института [8, с. 86].

Приведем несколько примеров из других областей Беларуси. В Гомеле ведущим новостным пабликом во «ВКонтакте» являют-

ся «Сильные Новости» (более 90 тыс. подписчиков). В Барановичах наибольшую аудиторию в социальной сети собирает сообщество «Подслушано Барановичи» (свыше 40 тыс. подписчиков). В Витебской области наибольший охват аудитории во «ВКонтакте» имеют «Полоцк и Новополоцк» (44.750 участников), «Подслушано Орша» (11.500 подписчиков), «Подслушано Поставы» (11.100 подписчиков), «Подслушано Лепель» (7630 подписчиков). Наряду с развлекательным контентом в этих сообществах размещаются новости того или иного региона. Таким образом, привычки аудитории меняются, «определяющим в современной медиакультуре становится нечто эфемерное: разговоры, слухи, неформальное общение и т.п.» [9, с. 151].

Доля мобильного трафика тем временем продолжает расти. Проникновение мобильной связи в Республике Беларусь в 2016 г. достигло 120% (более 11,5 млн активных пользователей). Причем более 7 млн пользуются мобильным интернетом. В 2016 г. Google впервые включил Беларусь в список исследуемых стран по теме «Особенности поведения интернет-пользователя». Как показало исследование, сегодня 59% белорусов являются пользователями смартфонов [10]. Среди молодых людей в возрасте до 35 лет эта цифра достигает 89%. Еженедельно жители страны используют смартфоны для поиска информации – 58%, общения в соцсетях – 53%, просмотра онлайн-видео – 43%.

Дизайн, адаптированный для просмотра с мобильных устройств, в Витебской области сегодня имеют 8 изданий из 24. Для адаптивного дизайна характерны размер текста, удобный для чтения без масштабирования, отсутствие горизонтальной прокрутки (необходимости двигать контент вправо-влево), крупные кнопки, ссылки, удобные для нажатия пальцем. Достаточно сказать, что, например, согласно «Яндекс. Метрике», доля трафика со смартфонов на сайт «Аршанскай газеты» в ноябре 2016 г. составила 40,4%. На мобильную составляющую других сайтов также приходится минимум третья часть аудитории. Смартфоны стали ключевой точкой входа в сеть, белорусская статистика подтверждает этот факт, новый тренд уверенно набирает силу, в том числе в регионах.

Заключение. Проведенное исследование показало, что влияние дигитализации на региональную медиасистему весьма значительно. Интернет открывает для редакций многочисленные возможности. В ходе исследования были определены коммуникативные стратегии районных газет Витебской области в условиях сосуществования печатной и цифровой (онлайновой) платформ. На примере нескольких сайтов мы выяснили, что одним из важнейших факторов развития журналистики в интернете стала визуализация. Важным условием эффективной деятельности в онлайн-среде становится также продвижение в поисковых системах. К числу самых актуальных направлений деятельности можно отнести привлечение новой аудитории в социальных сетях. Дигитализация способствует также возникновению новых мобильных форматов журналистики.

Пока еще не все региональные издания в полной мере используют коммуникативные возможности интернет-СМИ. Безусловно, на темпы внедрения новых технологий в практику творческой деятельности влияют также экономическое положение редакций, динамика рынка интернет-рекламы, эффективность медиаменеджмента, кадровая ситуация и др. В любом случае очевидно, что онлайн-медиа Беларуси должны непрерывно эволюционировать, чтобы выжить в цифровом мире.

Литература

1. Бодрунова, С.С. Медиарынок Великобритании и газетный кризис: стратегии выживания газет в период дигитализации медиапроизводства / С.С. Бодрунова // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 4(38). – С. 129–142.
2. Загидуллина, М.В. Журнализм и вызовы современных технологий: Net-мышление как новый виток развития человеческих способностей / М.В. Загидуллина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 5(360). – С. 20–25.
3. Справочно-аналитическая информация о деятельности отрасли СМИ и печати в 2015 году / отв. за вып. Е.С. Павлова. – Минск, 2016. – 127 с.
4. Симакова, С.И. Тенденции визуализации журналистского контента в современных СМИ / С.И. Симакова // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та имени Коста Левановича Хетагурова. – 2015. – № 3. – С. 213–218.
5. Свитич, Л.Г. Газеты средних и малых городов России. Социологическое исследование: опрос редакторов и журналистов / Л.Г. Свитич, О.В. Смирнова, А.А. Ширяева, М.В. Шкондин. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. – 237 с.
6. Градюшко, А.А. Интернет-версия районной газеты в условиях конвергенции медиапространства / А.А. Градюшко // Весн. Грод. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2015. – № 1(190). – С. 33–39.
7. Балахонская, Л.В. Специфика PR-текстов в сети Интернет: коммуникативно-прагматический аспект / Л.В. Балахонская, И.А. Быков // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер., Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2014. – № 2(22). – С. 41–59.
8. Степанов, В.А. Сообщества социальной сети «Вконтакте» как СМИ: особенности типологии и перспективы развития / В.А. Степанов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2015. – № 2. – С. 86–90.
9. Тулупов, В.В. СМИ в эпоху постгутенберговской реальности / В.В. Тулупов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 5-1. – С. 151–153.
10. Connected Consumer Survey 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://goo.gl/9QaYnK/. – Дата доступа: 15.11.2016.

Поступила в редакцию 09.12.2016 г.

УДК [(811.111+811.161.3)’42](043)

Специфика взаимодействия культурно-тематических доминант современного англо- и белорусскоязычного поэтического дискурса

Метлушко И.В.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

Поэтический дискурс, представляя собой персональный тип дискурса, отражающий авторское видение мира с четко расставленными смысловыми акцентами, выражает «Я-интенции автора». Посредством актуализации авторской картины мира производитель текста транслирует не только индивидуально значимый экстралингвистический контекст, но стремится сделать его доступным для адресата, тем самым отражая в тексте как универсальную, так и значимую лингвоспецифичную информацию.

Цель статьи – раскрыть специфику взаимодействия культурно-тематических доминант современного поэтического дискурса на английском и белорусском языках.

***Материал и методы.** Материалом для исследования послужили по 300 стихотворений, отобранных методом сплошной выборки из наиболее авторитетных периодических изданий Великобритании («The Best British Poetry») и Беларуси («Полымя», «Маладосць») за 2010–2014 гг. Методологическую основу составили контекстуальный, дефиниционный, сопоставительный и количественный анализ.*

***Результаты и их обсуждение.** В поэтическом дискурсе двух лингвокультур выделяются культурно-тематические доминанты с наибольшим количеством совместных реализаций – стержневые доминанты. К таковым в англоязычном поэтическом дискурсе относится триада природа, любовь, вера. В белорусскоязычном поэтическом дискурсе представлена триада природа, любовь, родина. Сходства в перечне стержневых доминант (природа, любовь) двух лингвокультур свидетельствуют о наличии общих корреляций и некоторых предпочтений в ценностных ориентирах у представителей двух этносов.*

***Заключение.** Установлено, что взаимодействие доминант, являясь избирательным с точки зрения авторов текстов, приобретает устойчивый характер в рамках дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации, а также специфику трансляции значимой для представителей двух лингвокультур информации.*

***Ключевые слова:** поэтический дискурс, культурно-тематическая доминанта, стержневая триада доминант, сопоставительное исследование.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 22. – С. 191–195)

Combinatorial Characteristics of Cultural and Thematic Dominants of Modern British and Belarusian Poetic Discourse

Metlushko I.V.

Minsk State Linguistic University, Minsk

Poetic discourse, being a personal type of discourse, presents author’s vision of the world and their personal intentions. Through actualization of the author’s worldview the text producer implies not only individually significant extralinguistic context but also tries to make it accessible for the addressee thus reflecting in the text both universal and significant linguistically specific information. The need in revealing the laws of representation of information, which is significant for the representatives of some linguistic culture, insufficient study of the interaction of cultural and thematic dominants in the poetic discourse in the comparative aspect on the basis of languages with different structure defines the topicality of the research.

The aim of the research is to reveal the combinatory characteristic the cultural and thematic dominants of modern poetic subtypes of belles-lettres discourse in the English and Belarusian languages.

***Material and methods.** The data was collected in 300 poems from most recognized modern (2010–2014) British and Belarusian editions («The Best British Poetry», «Polymya», «Maladosts»). The methods of the research include the methods of contextual and definitional analyses, comparative and quantitative analyses.*

***Findings and their discussion.** Some cultural and thematic dominants with the most frequent and stable mutual realization within discourse are known as essential dominants. The triad of essential dominants nature – love – faith is verbalized in British poetic discourse, the triad of nature – love – motherland – in the Belarusian one. The revealed similarities of essential triads of*

Адрес для корреспонденции: e-mail: metluschko@mail.ru – **И.В. Метлушко**

dominants (nature and love) in two linguocultures indicate some common correlations and preferences in value orientations among the representatives of both nations.

Conclusion. *The cooperation of the dominants within a single text depends on the author's choice, at the same time such cooperation within the discourse reveal consistent thematic patterns; discloses important lingiuocultural information and the ways of its linguistic presentation.*

Key words: *poetic discourse, cultural and thematic dominant, essential triad of dominants, comparative analysis.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 191–195)

Поэтический дискурс представляет собой «гетерогенное единство, реализующееся как результат социального, исторического, культурологического процессов в виде поэтических текстов, созданных группой субъектов или отдельными субъектами, наделенными способностью эстетически преобразовывать действительность сквозь призму внутреннего состояния и авторского мастерства в художественно законченное целое» [1, с. 25]. При этом поэтический текст находится в отношении инклюзивности по отношению к дискурсу, что тем самым дает возможность определять совокупность текстов как некоторый тип/подтип дискурса с опорой на многообразие входящих в него типов текстов [2]. Тексты, образующие в своей совокупности поэтический дискурс, сохраняют исторически сложившийся тип репрезентации информации, то есть специфичные черты, присущие текстам некоторого типа [3, с. 36].

Являясь полифункциональным по своей природе, поэтический дискурс выполняет коммуникативную, информационную, воздействующую, эстетическую и поэтическую функции. Реализация поэтической функции в каждом тексте сводится к акцентированию внимания на «форме сообщения, усиливает осязаемость знаков, углубляет фундаментальную дихотомию между знаками и предметами» [4, с. 324]. Авторы намеренно используют многообразие языка для демонстрации творческого потенциала последнего. При этом стиховая композиция и ритмическая организация влияют на значение слова в поэтическом тексте, обеспечивают «переосмысливание первично заданного смыслового материала» [5, с. 12].

Не вызывает сомнения тот факт, что поэтический дискурс – персональный тип дискурса, отражающий авторское видение мира с четко расставленными смысловыми акцентами, выражающий «Я-интенции автора» [6, с. 66]. Поддержание интереса к изложенной информации у адресата обеспечивается антропоцентризмом языковых конструкций поэтического дискурса [7], эксплицирующих Я-интенции автора и гарантирующих восприятие и интерпретацию художественной коммуникации как релевантной для адресата [8; 9]. Более того, посредством актуализации авторской картины мира производитель текста транслирует не только индивидуально значимый экстралингвистический контекст, но стремится сделать его доступным для адресата, тем самым отражая в тексте как универсальную, так и значимую лингвоспецифичную информацию. Следовательно, как невозможно функционирование текста вне системы текстов, вне экстралингвистического контекста, так и невозможна лингвокультурологическая изоляция автора, поэтому поэтический дискурс являет собой «творческое осмысление мира, вписанное в контекст культуры, сохраняющее особенности идиостиля автора» [6, с. 8]. Таким образом, в поэзии реализуются сложные отношения мира, человека и языка, для выражения которых задействовано множество языковых средств.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления закономерностей репрезентации значимой для представителей той или иной лингвокультуры информации, недостаточной изученностью взаимодействия культурно-тематических доминант в поэтическом дискурсе в сопоставительном аспекте на материале разноструктурных языков.

Цель – раскрыть специфику взаимодействия культурно-тематических доминант современного поэтического дискурса на английском и белорусском языках.

Материал и методы. Предположив, что все тематическое многообразие поэтического дискурса может быть представлено в виде конечного списка культурно-тематических доминант (далее также доминант) – наиболее устойчивых, регулярно воспроизводимых тем, способных организовывать вокруг себя информационное пространство дискурса и транслировать значимую лингвокультурную информацию, нами было проведено сопоставительное исследование современного поэтического дискурса Великобритании и Беларуси. Материалом для этого послужили по 300 стихотворений, отобранных методом сплошной выборки из наиболее авторитетных периодических изданий Великобритании («The Best British Poetry») и Беларуси («Полымя», «Маладосць») за 2010–2014 гг.

Культурно-тематические доминанты устанавливаются на основе последовательного анализа тематического наполнения частного порядка (тема предложения – тема сверхфразового единства – тема текста) к более общему – устойчивой вербализации темы в дискурсе. Обобщение тематического многообра-

зия поэтического дискурса в виде доминант основано на соответствии каждой из выявленных тем комплексу семантических (обязательное функционирование в составе главной темы и подтем текстов, воплощение в произведениях разных авторов, реализация в разных текстах) и количественных критериев (суммарное количество всех языковых воплощений) [10].

Результаты и их обсуждение. В итоге проведенного сопоставительного анализа установлено, что в англо- и белорусскоязычном поэтическом дискурсе реализованы как общие для двух лингвокультур доминанты *природа, любовь, вера, семья, история страны, дом, время, смерть, жизнь, город* и *родина*, так и уникальная для белорусскоязычной поэзии доминанта *судьба*.

В соответствии с количественными показателями по каждому из перечисленных выше семантических и количественных критериев, на основании проведенной интегральной оценки и кластерного анализа [10] культурно-тематические доминанты поэтического дискурса на английском и белорусском языках подразделяются на *ядерные*, *пограничные* и *периферийные* (табл.).

К наиболее значимым (частотно вербализуемым) доминантам поэтического дискурса относятся ядерные доминанты и рекуррентные пограничные. Общими значимыми доминантами в поэтическом дискурсе на двух языках выступают ядерная доминанта *природа* и пограничная доминанта *вера*, что в первом случае обусловлено универсальностью окружающей человека действительности, в которой природе всегда отводилось особое место, во втором – общностью экзистенционального поиска лирического героя. Различным является принадлежность значимой доминанты *любовь* к ядерным в англоязычном поэтическом дискурсе и к пограничным – в белорусскоязычном.

Решая задачу настоящего исследования, – раскрыть специфику взаимодействия культурно-тематических доминант в поэтическом дискурсе на английском и белорусском языках, – было установлено, что взаимодействие доминант, являясь избирательным с точки зрения авторов текстов, приобретает устойчивый характер в рамках дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации.

Сочетаемость культурно-тематических доминант в дискурсе определяется их принадлежностью к одному из трех кластеров (*ядерный, пограничный* и *периферийный*). Доминанты ядерного кластера взаимодействуют с большинством доминант поэтического дискурса (доминанта *природа* сочетается с 90% доминант англо- и 100% доминант белорусскоязычного поэтического дискурса). Комбинаторные способности доминант пограничного кластера уменьшаются по мере удаления от ядерной доминанты в перечне. Например, белорусскоязычная пограничная доминанта *вера*, находясь на третьем месте в ранжированном перечне доминант, образует максимум связей с ядерной доминантой *природа*, минимум – с периферийной доминантой *время* (занимающей пятое место в перечне). Периферийные доминанты отличаются избирательной комбинаторикой (доминанта *история страны* взаимодействует лишь с доминантой *город* в англоязычной поэзии).

Более того, установленные культурно-тематические доминанты поэтического дискурса Великобритании и Беларуси способны функционировать как в моно-, так и политематичных текстах. Политематичный текст «предполагает сосуществование двух и более подтем на протяжении одного фрагмента текста» [11, с. 119], которые способны сообщать дополнительную информацию о персонажах, событиях, обстоятельствах, окружающей действительности, реализуя тем самым

Таблица

Наименование кластера					
Ядерный		**Пограничный**		**Периферийный**	
Англ. яз.	Бел. яз.	Англ. яз.	Бел. яз.	Англ. яз.	Бел. яз.
Природа	Природа	Вера	Любовь	Дом	Родина
Любовь		Семья	Вера	Время	История страны
				Смерть	Жизнь
				Жизнь	Смерть
				Родина	Семья
				История страны	Время
				Город	Судьба
					Дом
					Город

своеобразную дополнительную содержательную линию. Однако все подтемы подчинены главной теме текста, прямо или косвенно участвуют в ее формировании, детализации и насыщении.

Например, количество монотематичных текстов, репрезентирующих общую ядерную для поэтического дискурса двух лингвокультур доминанту *природа,* в англоязычной поэзии (11,6%) примерно вдвое меньше аналогичного показателя для поэзии на белорусском языке (20,5%). Отмеченные количественные различия связаны с более частотным персонифицированием природных объектов и использованием их в качестве главных персонажей белорусскоязычных, нежели англоязычных, текстов. Так, посредством персонифицирования вода и ветер становятся свидетелями ссоры растений (*вярба, чарот*) в стихотворении: ***З вярбою сварыцца чарот***, / *І моршчыцца вада сярдзіта*, / *І ветру скардзіцца нібыта*, / *І гоніць друз на дальні брод* (Ф. Баторын).

Взаимодействие доминант в рамках политематичных текстов характеризуется определенной избирательностью, что связано с различиями в национальных и художественных картинах мира, создаваемых представителями двух лингвокультур (рис. 1, 2). Так, общая ядерная доминанта *природа* наиболее часто в англоязычной поэзии взаимодействует с доминантами *любовь*, *вера*, *смерть*, *семья*; в белорусскоязычной – с доминантами *любовь*, *родина*, *вера*, *жизнь*, *семья, время*. Например, совместная реализация доминант *природа* и *любовь* приводит к созданию романтичного настроения в англоязычном тексте: ***The night*** *is still.* ***The stars*** *are fixed. /* ***You*** *are the moon,* ***your*** *silver dress, /* ***your*** *disappearing constancy. /* ***The night is still.*** ***The stars are fixed****...* ‘Ночь тиха. Звезды неподвижны. / Ты – луна, твое серебряное платье / твое исчезающее постоянство. / Ночь тиха. Звезды неподвижны... (J. Polley). В белорусскоязычном политематичном тексте доминанта *природа* взаимодействует с пограничной доминантой *любовь* и с периферийной доминантой *время*, отражая видение любви вне временного континуума: *Цвітуць сады, ідуць гады, / І незваротна* ***дні мінаюць****. / А белы колер, як тады, / Сваёй пяшчотай абдымае. / Тады, калі на ўсёй зямлі / Адно было такое ранне... /* ***Сады цвілі****, і мы ішлі, / Нібыта ў вечнасць,* ***у каханне*** (А. Салтук).

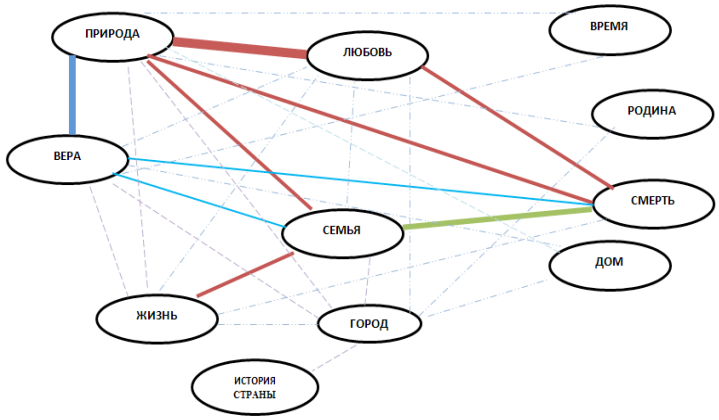

Рис. 1. **Дискурсивная тематическая схема культурно-тематических доминант англоязычного поэтического дискурса.**

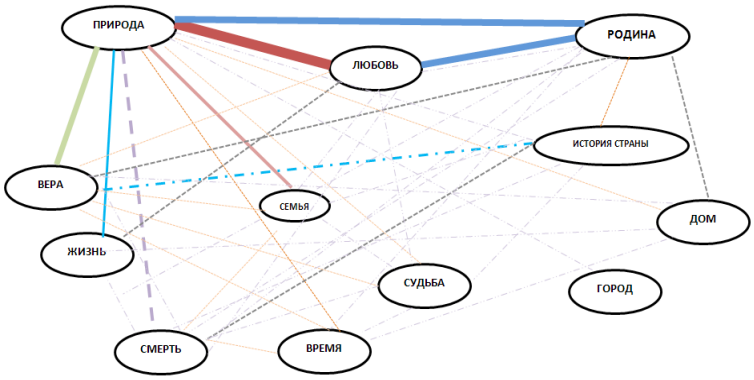

Рис. 2. **Дискурсивная тематическая схема культурно-тематических доминант белорусскоязычного поэтического дискурса.**

Вместе с тем периферийная доминанта *история страны* в англоязычной поэзии реализована совместно лишь с периферийной доминантой *город*, в то время как в белорусскоязычном дискурсе для нее характерна более развитая комбинаторика – реализована совместно с ядерной доминантой *природа*, пограничной доминантой *вера*, периферийными доминантами *родина*, *судьба* и др. Данная особенность воплощения доминанты *история страны* в двух лингвокультурах связана с ретроспективной репрезентацией истории в англоязычном дискурсе и проспективной – в белорусскоязычном [12].

Немаловажным является и тот факт, что в поэтическом дискурсе двух лингвокультур выделяются культурно-тематические доминанты с наибольшим количеством совместных реализаций – *стержневые доминанты*. К таковым в англоязычном поэтическом дискурсе относится триада *природа*, *любовь*, *вера*. В белорусскоязычном поэтическом дискурсе представлена триада *природа, любовь, родина*. Сходства в перечне стержневых доминант (*природа*, *любовь*), реализуемых в поэтическом дискурсе двух лингвокультур, свидетельствуют о наличии общих корреляций и некоторых предпочтений в ценностных ориентирах у представителей двух этносов. В то же время выявленные различия во вхождении доминанты *вера* в перечень стержневых в британской поэзии отражает частотное обращение к сакральной стороне жизни человека, тем самым лирический герой пытается определить, обосновать свое собственное отношение к вопросам веры. Например, ***He's suffering Karmic punishment*** */ for keeping hands from work in real life* 'Он переживает кармическое наказание / за безделие в реальной жизни' (I. Duhig).

Реализация доминанты *родина* в перечне стержневых в белорусскоязычной поэзии связана с многогранностью авторского толкования данного понятия. Так, для авторов понятия «родина» и «малая родина», «отчий дом», «природное наследие Беларуси» неразрывно связаны. Например, ***Цябе я*** *змалку* ***палюбіў*** */ За трапяткое сэрца лета, / За спелых каласоў разліў, / За водар восеньскіх ранетаў* (М. Страчанка).

Изучение комбинаторных способностей доминант позволило построить дискурсивные тематические схемы, отражающие как наиболее, так и наименее типичные, устойчивые связи между всеми выявленными доминантами проанализированного поэтического дискурса на двух языках (рис. 1, 2).

Представленные дискурсивные схемы культурно-тематических доминант указывают на количественные показатели реализаций доминант в поэтическом дискурсе англо- и белорусскоязычной лингвокультур (уменьшение толщины линии демонстрирует снижение количества связей, возникающих между доминантами).

Заключение. Взаимодействие доминант в поэтическом дискурсе обнаруживает закономерности его тематической организации. Так, принадлежность доминанты к ядерному, пограничному или периферийному кластеру свидетельствует не только о комбинаторных способностях доминанты, но и указывает на наиболее значимые, часто вербализуемые явления в жизни двух этносов. Выявленные стержневые триады доминант отражает как общность, так и уникальность художественных картин мира двух лингвокультур.

Литература

1. Монгилева, Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Монгилева. – Челябинск, 2004. – 168 л.
2. Шейгал, Е.И. Многоликий нарратив / Е.И. Шейгал // Полит. лингвистика. – 2007. – № 22. – С. 86–93.
3. Тюпа, В.И. Жанр и дискурс / В.И. Тюпа // Критика и семиотика / Ин-т филологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, Новосиб. гос. ун-т, Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Новосибирск–М., 2011. – Вып. 15. – С. 31–42.
4. Якобсон, Р. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р. Якобсон // Работы по поэтике / Р. Якобсон; вступ. ст. В.В. Иванова; сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. – М., 1987. – С. 324–338.
5. Виноградова, С.Г. Категориальные и субкатегориальные значения английских экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.Г. Виноградов; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2002. – 25 с.
6. Сырица, Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном тексте: лингвопоэтический аспект / Г.С. Сырица. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 156 с.
7. Чурилина, Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л.Н. Чурилина. – СПб., 2002. – 513 л.
8. Скнар, Г.Д. Тема как конституирующий компонент художественного текста: прагматический и когнитивный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Д. Скнар. – Ростов н/Д, 2014. – 371 л.
9. Фесенко, О.П. Эпистолярий: жанр, стиль, дискурс [Электронный ресурс] / О.П. Фесенко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – Вып. 24, № 23: Филология. Искусствоведение. – Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/vch/124/020.pdf. – Дата доступа: 06.04.2013.
10. Метлушко, И.В. Критерии выявления культурно-тематических доминант в поэтическом дискурсе / И.В. Метлушко // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. – № 4. – С. 73–82.
11. Дымарский, М.Я. Фрагмент характеристики смысловой структуры текста / М.Я. Дымарский // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т; редкол.: М.П. Котюрова (гл. ред.) [и др.]. – Пермь, 2001. – С. 95–111.
12. Мятлушка, І.У. Культурна-тэматычная дамінанта *гісторыя краіны*: Рэпрэзентацыя ў сучасным наратыўным дыскурсе / І.У. Мятлушка // Род. слова. – 2016. – С. 38–41.

Поступила в редакцию 12.12.2016 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
   - индекс УДК;
   - название статьи;
   - фамилия и инициалы автора (авторов);
   - организация, которую он (они) представляет (-ют);
   - введение;
   - раздел «Материал и методы»;
   - раздел «Результаты и их обсуждение»;
   - заключение;
   - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи.

Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):

- реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
- домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
- экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications "Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»" is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
   - UDK index;
   - title of the article;
   - name and initial of the author (authors);
   - institution he (she) represents;
   - introduction;
   - "Material and methods" section;
   - "Findings and their discussion" section;
   - conclusion;
   - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. "Material and methods" section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author's (authors') research.
6. "Findings and their discussion" section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn't include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author's certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic

version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).

13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:

- summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
- title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
- author's home address, telephone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
- expert conclusion on the feasibility of the publication.

14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.

15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 22

Компьютерный дизайн В.В. Бельчикова
Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 30.12.2016. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 100 экз. Заказ 187.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.